

БИБЛИОТЕКА
АВАНТЮРНОГО И
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
РОМАНА

Люси
романа
об отравителях

БИБЛИОТЕКА АВАНТЮРНОГО И
ФАНТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА.

БИБЛИОТЕКА
АВАНТЮРНОГО И ФАНТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА
об отравителях

Выпуск третий

«Библиотека «Звезды»
Санкт-Петербург
1992

ББК 84.7. /Англ./

Редактор Владимир Кавторин

Художник Нина Рассадина

Технический редактор Вера Молоткова

Корректор Нина Биноградова

Верстка макета Александр Ульянов

Два романа об отравителях.

Санкт-Петербург, "Библиотека "Звезды", 1992.

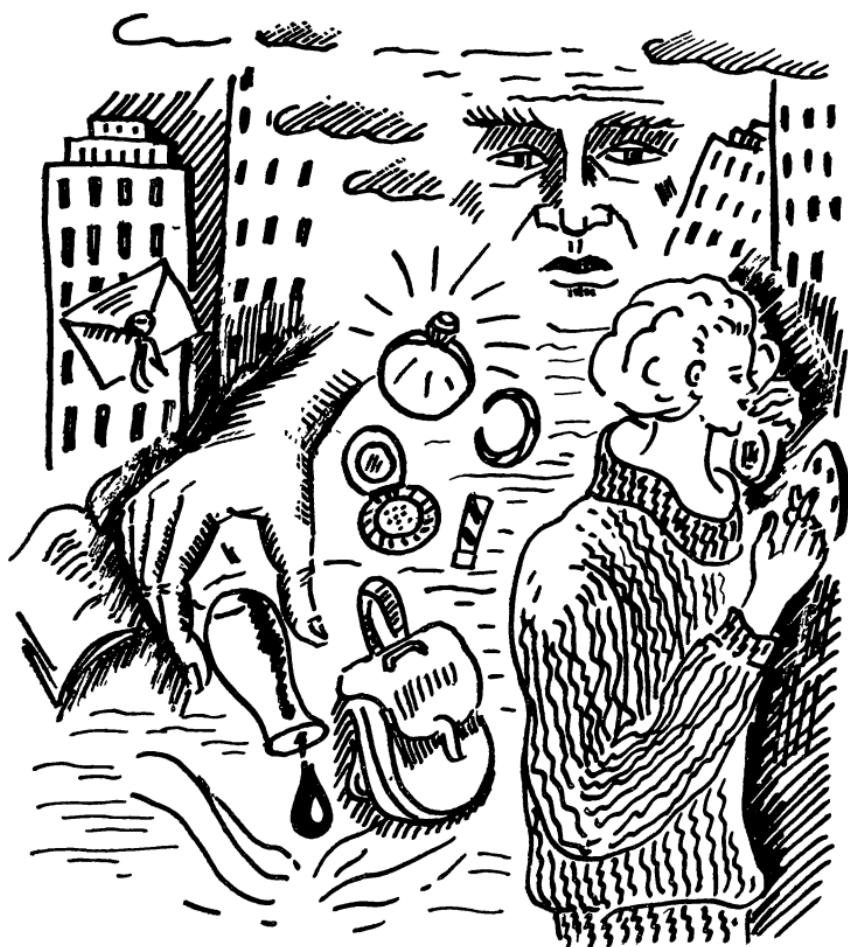
Третий выпуск книжной серии "Библиотека авантюрного и приключенческого романа", выпускаемой издательством "Библиотека "Звезды", включает в себя два романа об отравителях всемирно известных авторов - "Жиккори-Диккори - смерть!" Агата Кристи и "Темные очки" Джона Карра.

- © Состав и оформление - "Библиотека "Звезды" - 1992.
- © Агата Кристи - 1955.
- © Джон Кэрр - 1949.
- © Перевод Д. Зиловянского - 1992.
- © Перевод Г. Надеждина - 1992.

ISBN 5-7183-0040-2

АГАТА КРИСТИ

ХИККОРИ-ДИККОРИ СМЕРТЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эркюль Пуаро - прославленный сыщик. Удивительные происшествия, случившиеся в студенческом общежитии, вызвали его интерес, а убийства, случившиеся там же, этот интерес поддержали.

Мисс Фелисити Лемон - превосходная секретарша месье Пуаро, которая никогда не делала ошибок - до одного утра.

Миссис Хаббард - сестра мисс Лемон, заведующая хозяйством в общежитии; поведение ее подопечных совершенно неожиданно взволновало ее и привело в недоумение.

Лен Бэйтсон - студент-медик, человек очень добрый и великодушный; его единственный недостаток - неуправляемая вспыльчивость.

Найджел Чепмен - студент Лондонского университета, изучающий историю средних веков; его многие не любят за насмешливость и злой язык.

Валери Хобхауз - красивая брюнетка, хладнокровная и элегантная, занимается разными "коммерческими делами".

Миссис Николетис - пышная, темноволосая, все еще красивая хозяйка общежития. Полиция повергла ее в возмущение и отчаяние, раскрыв одну маленькую тайну.

Элизабет Джонстон - невозмутимая студентка из Ямайки, блестящая умом, честолюбием и наполеоновским характером.

Салли Финч - красивая рыженькая американка, приехавшая учиться по фулбрайтонской стипендии, собирается выехать из общежития из-за таинственных происшествий, которые ей не нравятся.

Патрисия Лейн - изучает археологию, носит очки, влюблена в Найджела Чепмана и не скрывает этого.

Селия Остин - своеобразная Золушка, работающая в аптеке клиники Св. Кэтрин, имеет наклонность к kleptomanии.

Колин Мак Набб - красивый молодой психиатр; Селия вызывает у него как профессиональный интерес, так и более глубокие чувства.

Мистер Акибомбо - студент из Северной Африки, таинственно улыбается при всех и всяческих обстоятельствах.

Инспектор Шарп - скрывает под учтивым обращением острый ум и неотступную решимость раскрыть тайну преступлений.

Глава 1

Эркюль Пуаро нахмурился.

- Мисс Лемон! - сказал он.

- Да, месье Пуаро?

- Вы сделали три ошибки в этом письме!

Судя по голосу, он сам себе не верил. Ибо мисс Лемон, уродливая и очень толковая женщина, никогда не делала ошибок. Она никогда не болела, никогда не уставала, никогда не нервничала, никогда не опаздывала. В общем, если смотреть на нее с деловой точки зрения, она вовсе не была женщиной. Она была образцовой секретаршей. Она знала все иправлялась со всем. Она заведовала жизнью Пуаро, и поэтому жизнь его тоже уподобилась машине. С очень давних пор лозунгом Эркюля Пуаро стали два слова - порядок и методичность. Благодаря Джорджу, образцовому слуге, мисс Лемон, образцовой секретарше, в его жизни господствовали порядок и методичность. Теперь, когда пышки стали выпекать не круглыми, а квадратными, ему уже не на что было жаловаться.

И тем не менее в это утро мисс Лемон, печатая простейшее письмо, сделала три ошибки и, более того, даже не замечала этих ошибок. Звезды замерзли на небосклоне!

Эркюль Пуаро протянул ей обличительный документ. Он не был раздражен, он был только изумлен. Ведь такого просто не могло случиться - однако случилось!

Мисс Лемон взяла письмо. Просмотрела его. Впервые в жизни Пуаро увидел, как она краснеет: лицо ее залил некрасивый, багровый румянец до самых корней густых, седеющих волос.

- Ах ты, Боже мой! - сказала она. - Не понимаю, как я могла - впрочем, понимаю. Это из-за моей сестры.

- Из-за вашей сестры?

Новое потрясение. Пуаро никогда не представлял себе, что у мисс Лемон может быть сестра. Или, скажем, отец, мать или даже дедушка с бабушкой. Мисс Лемон была настолько машиной - так сказать, прибором исключительно высокой

точности, - что казалось просто нелепым представить себе, будто у нее могут быть привязанности, тревоги или семейные неприятности. К тому же было известно, что мисс Лемон в те часы, когда она не работала, была душой и сердцем предана усовершенствованию картотеки нового образца, которую она рассчитывала в дальнейшем запатентовать под своим именем.

- Ваша сестра? - повторил поэтому Эркюль Пуаро, с некоторой недоверчивости в голосе.

Мисс Лемон энергично кивнула.

- Да, - сказала она, - я, вероятно, никогда вам о ней не говорила. Она чуть ли не всю жизнь провела в Сингапуре. У ее мужа там было предприятие по переработке каучука.

Эркюль Пуаро кивнул в знак понимания. Ему казалось, что Сингапур - самое подходящее место для того, чтобы сестра мисс Лемон провела там большую часть своей жизни. Для того и существуют такие места, как Сингапур. Сестры таких женщин, как мисс Лемон, выходят замуж за мужчин, имеющих какие-то предприятия в Сингапуре, чтобы все на свете мисс Лемон могли отдаваться с машиноподобной производительностью делам своих нанимателей (и, разумеется, изобретению новых типов картотек в свободное от работы время).

- Я понимаю, - сказал он. - Продолжайте.

Мисс Лемон продолжала:

- Четыре года тому назад она овдовела. Детей у нее не было. Мне удалось снять для нее премилую квартиру, к тому же за весьма разумную цену...

(Конечно, мисс Лемон это непременно должно было удастся, хотя было делом почти невозможным.)

- Она прилично обеспечена - разумеется, это уже не те деньги, что прежде, но она человек нетребовательный и может отлично прожить на свои средства, если, конечно, тратить их осторожно.

Мисс Лемон помолчала, потом продолжила свой рассказ.

- Но все-таки она чувствовала себя, по правде говоря, одинокой. В Англии она совсем не жила, и у нее здесь не было старых друзей или близких знакомых, и ее, конечно, тяготило свободное время, которое некуда девать. Словом, полгода тому назад она сказала мне, что подумывает об этой работе.

- Какой работе?

- Да вот, ей предложили место директрисы, так, кажется, это называется, или попросту заведующей студенческим общежитием. А принадлежит это общежитие одной женщине,

полутречанке; вот она-то и искала кого-нибудь, кто мог бы им управлять, вести там хозяйство, присматривать, чтобы все шло как надо. Это старинный просторный дом на Хиккори-Роуд, если знаете. - Пуаро не знал. - Когда-то этот район считался весьма приличным и все дома там очень хороши. Мой сестре предложили вполне удобное жилье: спальня, гостиная, маленькая кухня и ванна, лично для нее.

Мисс Лемон приостановилась. Пуаро издал звук, означающий, что он ждет продолжения. Пока что в этом рассказе ничего катастрофического не намечалось.

- Я-то не очень была уверена, что стоит ей соглашаться, но ее доводы убедили меня. Она никогда не любила сидеть целый день сложа руки и, кроме того, она ведь очень способная женщина, может хорошо управляться с любым делом - ну, и при этом, вовсе не собирается вкладывать туда деньги или что-нибудь в этом роде. Это работа по найму - с не очень высокой оплатой, но она ведь в этом и не нуждается, к тому же никакого тяжелого физического труда. Молодежь она всегда любила и ладила с ней, и к тому же, столько лет прожив на Востоке, она прекрасно понимает все, что связано с расовыми различиями и сложностями в этом вопросе. А ведь в общежитии находятся студенты всевозможных национальностей; большинство из них англичане, но есть и черные, насколько мне известно.

- Естественно, - сказал Эркюль Пуаро.

- В наших больницах, например, половина сиделок - черные, - произнесла мисс Лемон с некоторым сомнением в голосе, - и по-моему, они гораздо внимательней и приветливей относятся к больным, чем англичанки. Но это я так, между прочим. Словом, мы с сестрой все обговорили, и в итоге она переехала в общежитие. Правда, нам обеим не очень-то нравилась хозяйка, миссис Николетис, очень уж неустойчивый у нее характер, то она чрезвычайно приятно держится, а то, должна сказать, совсем наоборот, и одновременно прижимиста и практична. Разумеется, будь она более умелой женщиной, ей бы не понадобилась помощница. Но моя сестра не из тех, кого пугают чьи-то капризы и причуды. Она всегда сумеет постоять за себя и быстро пресечет любые нелепые выходки.

Пуаро кивнул. Этот портрет сестры мисс Лемон показался ему похожим на саму мисс Лемон, несколько смягченную браком и сингапурским климатом, но обладающую таким же четким пониманием действительности.

- Значит, ваша сестра поступила на работу? - спросил он.

- Да, полгода тому назад она переехала на Хиккори-Роуд, дом 26. В общем-то работа ей пришла по вкусу и ей было там интересно.

Эркюль Пуаро внимательно слушал. Пока что приключения сестры мисс Лемон были удручающе безобидными.

- Но вот последнее время кое-что стало беспокоить ее. Очень, очень беспокоить.

- Что именно?

- Видите ли, месье Пуаро, не нравится ей то, что там творится.

- Там живут студенты обоего пола? - осторожно спросил Пуаро.

- Что вы, месье Пуаро, я вовсе не это имела в виду! К таким сложностям всегда надо быть готовым, их просто ждешь! Нет, понимаете, там стали пропадать вещи.

- Пропадать?

- Да... И вещи-то все какие-то странные... Да и случилось это все тоже очень странным образом...

- Вы говорите, что пропадали какие-то вещи - это были кражи, так ведь?

- Да.

- А в полицию дали знать?

- Нет, пока что. Сестра думает, авось все обойдется. Она любит эту молодежь - я хочу сказать некоторых из них, и хотела бы сама уладить дело, без посторонних.

- Да, - задумчиво сказал Пуаро, - это я понимаю. Но зато мне остается непонятным ваше собственное, так сказать, беспокойство, вызванное беспокойством вашей сестры.

- Мне не нравится то, что там происходит, месье Пуаро. Очень не нравится. Я чувствую, происходит что-то вовсе не понятное. К этим делам не подходит ни одно обычное объяснение - а другого я даже вообразить не могу.

Пуаро задумчиво кивнул.

Дело в том, что воображение было ахиллесовой пятой мисс Лемон. Воображение у нее начисто отсутствовало. Когда речь шла о реальных фактах - ей цены не было. Когда же от нее требовалось предположение, догадка - она терялась. Бесполезно было спрашивать ее, о чем думали спутники Кортеса на Дарийском пике.

- Может быть, простейшие мелкие хищения? Случай клептомании?

- Не думаю. Я кое-что прочитала на эту тему в Британской энциклопедии и в одной научной статье по вопросам медицины, - ответила добросовестная мисс Лемон. - Но это меня ни в чем не убедило.

Эркюль Пуаро помолчал полторы минуты. Появилось ли у него желание вмешаться в сложные дела сестры мисс Лемон, разобраться в страстиах и неприятностях многоязычного общежития? До чего же неудобно и досадно, если мисс Лемон станет и впредь делать ошибки, печатая его письма! Он убеждал себя, что если уж он вмешается в это дело, то только по данной причине. Он даже себе не хотел признаться, что последнее время ему жилось скучновато и что его привлекала именно кажущаяся обыденность этой истории.

- Стебелек петрушки, утонувший жарким днем в подтаявшем масле, - пробормотал он про себя.

- Петрушка? Масло? - мисс Лемон не скрывала изумления.

- Цитата из вашего классика, - ответил он. - Вам несомненно знакомы приключения, а тем более великие подвиги Шерлока Холмса?

- Вы имеете в виду эти общества на Беккер-Стрит и все такое? - сказала мисс Лемон. - Взрослые люди, а занимаются такими пустяками! Но вообще-то это свойственно мужчинам. Точно так же, как их вечное увлечение игрушечными железными дорогами. Должна сознаться, что у меня никогда не было времени на чтение этих рассказиков. А уж если я выкрою время на чтение, то выберу какую-нибудь полезную книгу.

Эркюль Пуаро приветливо кивнул.

- Как вы думаете, мисс Лемон, не пригласить ли нам сюда вашу сестру, скажем, на чашечку чая? Может, я сумел бы ей чем-то помочь?

- Вы очень добры, месье Пуаро. Право, очень добры.

Вследствие чего верному Джорджу было поручено приготовить квадратные, хорошо промасленные пышки, симметрично уложенные сандвичи и все прочее, что подается к английскому столу для пятичасового чая.

Глава 2

Сестра мисс Лемон, по имени миссис Хаббард, была очень похожа на свою сестру. Чуточку полней, немного желтей, с чуть более кокетливой прической, но с таким же круглым и добродушным лицом, и хоть держалась она не столь уверенно,

но, глаза были точь-в-точь такими же проницательными, как и те, что прятались за пенсне мисс Лемон.

- Это очень, очень любезно с вашей стороны, месье Пуаро, - сказала она. - Очень любезно. И такой чудесный чай! Я, наверно, съела больше, чем следует... ну, разве еще один сандвич? Чай? Ну, полчашечки, не больше.

- Сперва, - сказал Пуаро, - завершим чаепитие - после перейдем к делам.

Он приветливо улыбнулся, покрутил усы, а миссис Хаббард сказала:

- Знаете, вы именно такой, каким я вас себе представляла по описанию Фелисити.

До Пуаро не сразу дошло, что имя Фелисити принадлежит суровой мисс Лемон, но он тотчас же ответил, что ничего другого и не ожидал, зная точность, свойственную мисс Лемон.

- Все дело в том, - сказала миссис Хаббард, в рассеянности берясь за второй сандвич, - что меня, в отличие от Фелисити, очень интересуют люди. Вот почему я так беспокоюсь.

- А вы могли бы точно сообщить мне, что именно вас беспокоит?

- Да, могу. Было бы вполне естественно, если бы кто-то воровал деньги - по мелочи: то тут, то там. И даже, скажем, драгоценности, это тоже было бы правильно - да нет, что я говорю "правильно", совсем наоборот, но я хочу сказать - это можно было бы объяснить, kleptomania там или воровские наклонности. Но вот я вам сейчас прочитаю список пропавших вещей, я их записала.

Миссис Хаббард открыла сумочку и вынула оттуда записную книжку.

Вечерняя туфелька (от совершенно новой пары).

Браслет (дешевая бижутерия).

Бриллиантовое кольцо (найдено потом в суповой тарелке):

Компактная пудра.

Губная помада.

Стетоскоп.

Серьги.

Старые шерстяные брюки.

Электрические лампочки.

Коробка шоколадных конфет.

Шелковый шарф (найден разрезанным на кусочки).

Рюкзак (то же самое).

Порошки борной кислоты.

Соли для ванны.

Поваренная книга.

Эркюль Пуаро сделал глубокий вздох.

- Поразительно, - сказал он, - и очень, очень завлекательно.

Он был в восхищении. Он переводил взгляд с сурового, недовольного лица мисс Лемон на доброе, расстроенное лицо миссис Хаббард.

- Поздравляю вас, - горячо сказал он ей.

Она удивилась.

- С чем же, месье Пуаро?

- Я поздравил вас с тем, что на вашу долю выпала такая исключительная, такая великолепная задача.

- Ну, может быть, вы в ней видите какой-то смысл, но...

- Никакого смысла. Больше всего мне это напоминает одну игру, в которой меня уговорили участвовать мои молодые друзья, однажды, на рождественских праздниках. Называлась эта игра, как будто, Трехрогая Дама. Каждый участник игры, по очереди, произносил такие слова: "Я поехал в Париж и купил..." и затем добавлял название какой-нибудь вещи. Следующий повторял это слово и добавлял к нему свое, а задача заключалась в том, чтобы запомнить перечисленные предметы в том порядке, как их называли, причем многие из них были совсем дикими и ни с чем несообразными. Были среди них, как я помню, кусок мыла, белый слон, столик с откидной крышкой и мускусная утка. Разумеется, трудность заключается в том, что предметы не имеют друг с другом ничего общего - последовательность, так сказать, полностью исключена. Точь-в-точь как в том списке, что вы мне прочитали. Если названы, скажем, двенадцать предметов, становится совершенно невозможным перечислить их в том порядке, в каком они появлялись. Тот, кто терпел неудачу, продолжал игру, добавляя следующие слова: "Я, однорогая дама, поехала в Париж..." и т.д. После того, как участник доходил до трех рогов, он выбывал из игры, а побеждал тот, кто остался последним.

- Я уверена, что победителем оказались вы, месье Пуаро, - сказала мисс Лемон, верная своему нанимателю.

Пуаро просиял.

- Действительно, так оно и было, - сказал он. - Можно внести порядок даже в самое невероятное сочетание предметов, а при некоторой сообразительности - расположить их в известной последовательности. Например, вы запоминаете таким образом: с помощью куска мыла я смыл грязь с боль-

шого белого мраморного слона, который стоял на столике с откидной дощечкой, - и так далее.

Миссис Хаббард почтительно заметила:

- Может быть, вы сумели бы сделать то же самое с моим списком?

- Несомненно сумел бы! Дама надела на правую ногу туфельку, а на левую руку - браслет. Потом напудрилась и накрасила помадой губы, пошла обедать и уронила кольцо в суп - и так далее; я безусловно могу прочесть ваш список на память, но ведь нам-то не это нужно. Почему такой случайный подбор вещей? Кроется ли за этим все-таки какая-то система? Какая-то навязчивая идея? Здесь требуется анализ, поэтому надо очень тщательно изучить список.

Все трое замолчали, и Пуаро погрузился в изучение списка. Миссис Хаббард смотрела на него, не отрывая глаз, как смотрит мальчик на фокусника, надеясь, что он вот-вот вытащит из шляпы кролика или хотя бы пучок ярких лент. Что касается мисс Лемон - она пребывала, как всегда, в несокрушимом спокойствии и очевидно размышляла о тонкостях новой картотеки.

Миссис Хаббард подскочила от неожиданности, когда Пуаро заговорил.

- Прежде всего меня поражает следующее, - сказал он. - Большая часть похищенных предметов почти ничего не стоит, за исключением двух - стетоскопа и брильянтового кольца. Отложим на время стетоскоп и сосредоточим внимание на кольце. Вы считаете, что оно стоит дорого - сколько приблизительно?

- Ну, точно сказать не могу, месье Пуаро. Это брильянт-солитер, окруженный мелкими брильянтиками. Насколько мне известно, оно было подарено матери мисс Лейн при ее помолвке. Она была очень огорчена пропажей, и мы все страшно обрадовались, когда оно, в тот же вечер, оказалось в суповой тарелке мисс Хобхауз. Мы решили, что это чья-то злая шутка.

- Могло быть и так. Но я склонен считать, что его похищение и возврат имеют какой-то особый смысл. Если пропадает губная помада, или пудра, или книга - это не повод для обращения к полиции. Совсем другое дело - ценное брильянтовое кольцо. Были все основания полагать, что полиция займется этим. Поэтому его вернули.

- Но зачем было брать, если тут же решили вернуть? - спросила мисс Лемон, хмуря брови.

- Действительно - зачем? - сказал Пуаро. - Но пока что отложим в сторону вопросы. Сейчас я занимаюсь классификацией пропаж и начинаю с кольца. Кто такая эта мисс Лайн, у которой его украли?

- Патрисия Лайн? Очень славная девушка. Готовит свою, как там ее, дипломную работу по истории или археологии, что-то вроде этого.

- Она богата?

- О, нет. Денег у нее очень мало, и она очень осторожна с расходами. Кольцо, как я вам уже сказала, принадлежало ее матери. У нее еще есть кое-какие драгоценности, но она очень редко покупает новые платья или что-нибудь в этом роде, и даже курить недавно бросила.

- А как она выглядит? Попробуйте ее описать, по-своему.

- Ну, она вроде какая-то бесцветная, ни то ни се, такая незаметная. Спокойная, хорошо воспитанная, но живости ей очень не хватает, веселости. В общем, серьезная девушка, так бы я сказала.

- А кольцо, значит, оказалось в суповой тарелке мисс Хобхауз. Кто такая мисс Хобхауз?

- Валери Хобхауз? Умная брюнетка и такая, знаете, острая на язык. Она работает в косметическом кабинете фирмы "Сабрина Фейр", вы, верно, слышали о такой.

- А эти девушки дружат между собой?

Миссис Хаббард задумалась.

- Да, можно сказать, что дружат. Правда, общего-то между ними мало. Патрисия со всеми в хороших отношениях, хотя общей любимицей ее не назовешь. А Валери Хобхауз многие недолюбливают за злой язычок - но своя компания у нее есть, уж не знаю, понятно ли я все это говорю.

- Вполне понятно, - сказал Пуаро. - Стало быть, Патрисия Лайн милая девушка, но зануда, а Валери Хобхауз - особа со своеобразным характером.

Он вернулся к изучаемому списку.

- Очень любопытным мне представляется разнообразие этих предметов. Среди них - пустячки, которыми может соблазниться девушка, любящая покрасоваться, но не имеющая на это средств - губная помада, бижутерия, компактная пудра, соли для ванны, - может быть, сюда же относится коробка шоколаду. Но затем идет стетоскоп - вещь, которую скорее украл бы мужчина, знающий, где его можно продать или заложить. Чей это стетоскоп?

- Мистера Бэйтсона - такой громоздкий из себя, приветливый молодой человек.

- Студент-медик?

- Да.

- Он очень был рассержен пропажей?

- Он просто позеленел от злости, месье Пуаро. Он вообще-то страшно вспыльчивый - тут он может что угодно наговорить, - но быстро отходит. Но он не из тех, кто спокойно относится ко всем этим пропажам.

- А кто-нибудь спокойно относится?

- Вот, например, мистер Гопал Рэм, один из наших студентов-индусов. Он только отмахивается и говорит, что материальные блага не имеют никакого значения...

- У него что-нибудь украли?

- Нет.

- А чьи же это шерстяные брюки?

- Мистера Мак Набба. Брюки-то очень старые, любой другой давно бы их выбросил, но мистер Мак Набб очень любит свое старье и ничего не выбрасывает.

- Таким образом, мы сейчас перешли к вещам, которые, казалось бы, нет смысла воровать - старые брюки, электрические лампочки, порошки борной кислоты, соли для ванны, поваренная книга. Может быть, они имеют какое-то значение, но скорее всего - нет. Борную кислоту взяли, наверное, по ошибке, у кого-то перегорела лампочка, ее вынули, а заменить забыли, поваренную книгу взяли на время и забыли вернуть. Какая-нибудь уборщица, возможно, выбросила брюки.

- У нас работают две очень надежные уборщицы, и я уверена, что ни одна из них ничего не выбросит без спросу.

- Наверное, вы правы. Затем вечерняя туфелька, к тому же, от новой пары? Чьи это туфли?

- Садли Финч. Она американка, учится здесь по фулбрайтонской стипендии.

- Вы уверены, что она ее куда-нибудь не сунула по расせянности? Я не могу себе представить, кому может понадобиться одна туфелька.

- Нет, месье Пуаро. Мы все искали ее до изнеможения. Понимаете, мисс Финч шла на вечеринку, одетая по всем правилам, как она говорит, то есть, по-нашему, в вечернем туалете, и туфли эти были ей просто необходимы - это у нее единственная вечерняя пара.

- Значит, все это поставило ее в трудное положение и расстроило... да, да... интересно... Может быть, в этом что-то есть...

Он помолчал, потом занялся дальнейшим разбором списка:

- Еще два предмета - рюкзак и шелковый шарф, оба изрезанные на кусочки. Тут уж не желание покрасоваться и не корысть - это явная злонамеренность. Кому принадлежал рюкзак?

- Да почти у всех студентов они есть - студенты, знаете, много путешествуют автостопом. И большинство рюкзаков одинаковые, их покупают в одном и том же магазине, так что не отличишь один от другого. Но все-таки можно как будто с уверенностью сказать, что это был рюкзак либо Леонарда Бэйтсона, либо Колина Мак Набба.

- А разрезанный шелковый шарф - он чей?

- Валери Хобхауз. Ей подарили его на Рождество - изумрудно-зеленый шарфик, очень хорошего качества.

- Мисс Хобхауз... так-так...

Пуаро прикрыл глаза. Умственным взором он созерцал подлинный калейдоскоп. Обрезки шарфов и рюкзаков, поваренные книги, тюбики губной помады, соли для ванн, имена и наброски характеров несхожих друг с другом студентов. Никаких разумных связей или сочетаний. Разрозненные проишествия и люди кружились перед ним в пространстве. Но Пуаро твердо знал, что где-то, каким-то образом, все это должно сложиться в четкий рисунок. Может быть даже несколько таких рисунков. Может быть, каждый раз, когда встряхнешь калейдоскоп, получишь новый рисунок... И один из них будет единственным нужным... Дело только в том, с чего начать.

Он открыл глаза.

- Над этим делом надо еще поразмыслить. Как следует поразмыслить.

- О, я в этом уверена, месье Пуаро, - с жаром согласилась миссис Хаббард. - Поверьте, я не хотела вас этим беспокоить...

- Никакого беспокойства. Я заинтригован. Но пока я буду размышлять, можно для начала предпринять кое-какие практические шаги... Для начала... Туфелька, вечерняя туфелька... да, с этого можно начать. Мисс Лемон...

- Да, месье Пуаро? - откликнулась мисс Лемон; отбросив мысли о картотеке, она выпрямилась и машинально взялась за блокнот и карандаш.

- Миссис Хаббард предоставит вам, возможно, оставшуюся туфельку. Тогда вы пойдете в стол находок на Беккер-Стрит. Пропажа случилась - когда?

Миссис Хаббард задумалась.

- Ну, сейчас я вам точно сказать не могу, месье Пуаро. Может быть, месяца два тому назад, точнее не вспомню. Но я ведь могу спросить Салли Финч, какого числа была вечеринка.

- Да. Так вот. - Он опять повернулся к мисс Лемон. - Вы можете разговаривать там довольно туманно. Скажем, забыла туфлю в поезде, на Внутреннем Кольце - это наиболее правдоподобно - ну, или в каком-нибудь другом поезде. Или, допустим, в автобусе. Сколько автобусных маршрутов проходят в районе Хиккори-Роуд?

- Только два, месье Пуаро.

- Хорошо. Если Беккер-Стрит ничего не даст, обратитесь в Скотланд-Ярд, скажете, что забыли ее в такси.

- В районе Лэмбет, - деловито сказала мисс Лемон.

Пуаро отмахнулся.

- Вы все всегда отлично знаете.

- Но почему вы думаете... - начала миссис Хаббард.

Пуаро прервал ее:

- Сперва посмотрим, что это нам даст. Потом, в зависимости от результатов, положительных или отрицательных, мы с вами, миссис Хаббард, посовещаемся еще разок. Тогда вы мне скажете все то, что мне необходимо знать.

- Я думала, что я вам рассказала все что могу.

- Нет, нет. Вы не правы. У вас там живет молодежь, в тесном контакте друг с другом, молодежь разнополая и разнохарактерная. А. любит Б., но Б. любит В., а Г. и Д. на ножах друг с другом, может быть, из-за А. Вот все это мне знать необходимо. Переплетение человеческих чувств. Ссоры, ревность, дружба, недоброжелательство и неприязнь.

- Но я уверена, - смущенно сказала миссис Хаббард, - что ничего такого не знаю. Я ведь не вмешиваюсь в их дела. Я всего только заведую этим общежитием, стараюсь как могу, чтобы все шло там хорошо.

- Но люди вас всегда интересовали. Вы сами это сказали мне. Вы любите молодежь. Вы согласились на эту работу не из денежных соображений, а только потому, что вы, таким образом, соприкасаетесь с жизнью других людей. Наверно, среди этих студентов есть такие, что вам очень нравятся, и такие, что не очень нравятся, а может быть, и вовсе не нравятся. И вы скажете мне об этом! Да, скажете, потому что все это вас тревожит - и тревожат вас не эти пропажи - с ними вы ведь могли обратиться в полицию...

- Миссис Николетис ни за что бы не согласилась на вмешательство полиции, уверяю вас.

Пуаро продолжал, не обратив внимания на эти слова.

- Нет, вас тревожит мысль о ком-то из них, о ком-то, кто, по-вашему, виноват в этих событиях или хотя бы замешан в них. И этот кто-то вам нравится.

- Но право же, месье Пуаро...

- Да, это обстоит именно так. И я думаю, что у вас есть все основания для тревоги. И разрезанный рюкзак - это тоже неприятно. Остальное похоже на детские выходки... и в то же время... не уверен. Нет, совсем не уверен.

Глава 3

Миссис Хаббард поднялась по ступенькам торопливей обычного и вставила ключ в замок двери дома 26 по Хиккори-Роуд. В это же время ее догнал, взбежав за ней по ступенькам, высокий парень с огненно-рыжими волосами.

- Привет, матушка, - так всегда называл ее Лен Бэйтсон. Он был на редкость добродушен, говорил с сильным акцентом кокни и был, к счастью, полностью лишен комплекса неполноценности.

- С кем это вы так загуляли?

- Я была приглашена на чашечку чая, мистер Бэйтсон. Прошу вас, не задерживайте меня, я и так вернулась с опозданием.

- Ух, какой хорошенъкий трупик я сегодня резал! - сказал Лен. - Потрясный!

- Не смейте говорить такие гадости, скверный мальчишка. Тоже мне, хорошенъкий! Надо же! У меня даже мураски по спине забегали.

Лен Бэйтсон рассмеялся, и эхо разнесло по холлу громогласное: ха-ха!

- Куда вам до Селии, - сказал он. - Захожу к ней в аптеку, говорю: "Пришел рассказать тебе про труп". Смотрю - побледнела, как полотно, ну, думаю, сейчас грохнется в обморок. Что скажете, матушка Хаббард?

- И не удивительно, - ответила миссис Хаббард. - Надо же! Селия, наверное, решила, что вы говорите о настоящем трупе.

- То есть как это - о настоящем? Вы что же думаете - у нас трупы синтетические?

Из комнаты справа вышел молодой человек с длинными, неряшливыми волосами и ядовито заметил:

- А, это всего-навсего ты, а я то думал, что сюда ворвалась целая шайка горластых мужиков. Разговаривает один, а шуму как от десятерых.

- Надеюсь, это тебе не очень подпортило нервы?

- Не больше, чем всегда, - ответил Найджел Чепмен и ушел к себе.

- Наш нежный цветочек, - произнес Лен.

- Когда вы перестанете цапаться? - спросила миссис Хаббард. - Я люблю людей приветливых и чтобы дружно жили.

Высокий парень ласково улыбнулся ей.

- Ну, я не враг нашему Найджелу, матушка, - заверил он ее.

Девушка, спускавшаяся в это время по лестнице, окликнула миссис Хаббард.

- Миссис Николетис просила вам передать, миссис Хаббард, чтобы вы зашли к ней, как только вернетесь, она сейчас дома.

Миссис Хаббард вздохнула и направилась вверх по лестнице. Высокая, темноволосая девушка, передавшая ей поручение, посторонилась, чтобы дать ей пройти. Лен Бэйтсон, снимая плащ, вскользь заметил:

- Что стряслось, Валери? По-видимому, имеются жалобы на наше поведение и миссис Хаббард будет поручено нас с ними ознакомить?

Девушка пожала худенькими, изящными плечами, спустилась вниз и прошла через холл.

- Это общежитие с каждым днем все больше напоминает сумасшедший дом, - бросила она через плечо и с этими словами вышла в дверь с правой стороны холла. Она двигалась с дерзкой, небрежной грацией, свойственной бывшим манекенщицам.

Дом 26 по Хиккори-Роуд представлял собой по-настоящему два дома, 24 и 26, частично соединенных друг с другом. Общим для обоих был, например, первый этаж, где располагались гостиная для всех живущих в доме и обширная столовая, а также две прихожие и, в самой глубине, маленькая контора. Две лестницы вели наверх, не соединяясь между собой. Девушки занимали спальни с правой стороны дома, мужчины - с левой, то есть в бывшем доме 24.

Поднимаясь по лестнице, миссис Хаббард расстегнула воротник пальто и глубоко вздохнула, поворачивая в сторону комнаты миссис Николетис.

- Опять какие-нибудь причуды, надо полагать, - пробормотала она, постучалась и вошла.

У миссис Николетис было очень жарко. Большой электропекарен был полностью включен, а окно плотно закрыто. Миссис Николетис курила, сидя на диване, среди множества довольно грязных шелковых и бархатных подушек. Это была крупная брюнетка со следами былой красоты, сердито надутыми губами и огромными карими глазами.

- Ага, явились наконец! - это звучало, как обвинение.

Миссис Хаббард, как было свойственно всему ее семейству, сохраняла полное хладнокровие.

- Да, я пришла, - коротко сказала она. - Мне передали, что вы хотите меня видеть.

- Еще бы! Конечно, хочу! Это чудовищно, иначе не скажешь, просто чудовищно!

- Что именно?

- Эти счета! И ваши отчеты! - миссис Николетис вытащила из-под подушки кипу бумаг, наподобие ловкому фокуснику.

- Чем же это мы кормим этих нищих студентов? Французским паштетом и устрицами? Это что, по-вашему, отель Ритц? Да кто они такие, студенты эти?

- Молодежь со здоровым аппетитом, - ответила миссис Хаббард. - Они получают сытный завтрак утром и приличный обед вечером, простую, но питательную еду. И все это рассчитано весьма экономно.

- Экономно? Экономно? И вы смеете мне это говорить? Да вы меня разоряете!

- Вы получаете немалую прибыль, миссис Николетис. Студенты вносят за свое место в общежитии довольно крупные суммы.

- Да, но тем не менее у меня их всегда полно, разве не так? Разве на освободившееся место не претендуют сразу трое? Разве не посылают мне студентов то из Британского Совета, то из квартирного бюро Лондонского университета, то из посольств, то из французских лицеев? Я вам говорю - по три человека на место!

- Это именно потому, что мы кормим студентов вкусно и сытно. Молодых людей необходимо хорошо кормить.

- Да ну вас! Уходят безобразные суммы! Это все кухарка-итальянка и ее муженек. Они вас надувают.

- О нет, этого не может быть, миссис Николетис. Уверяю вас, меня ни один иностранец не обойдет, можете поверить.

- Значит это вы - вы сами грабите меня!

Миссис Хаббард была по-прежнему невозмутима.

- Я не могу позволить вам такое говорить, - сказала она тем голосом, каким в старину няньшки говорили с особо строптивыми питомцами. - Так вести себя некорошо, в один прекрасный день вы можете из-за этого попасть в беду.

- Ах! - миссис Николетис театральным жестом подбросила в воздух пачку счетов, и они рассыпались по всей комнате. Миссис Хаббард нагнулась, поджав губы, и собрала их.

- Вы выводите меня из терпения! - заорала ее хозяйка.

- Должна заметить, - сказала миссис Хаббард, - что вам очень вредно так себя взвинчивать. При подобном состоянии давление может подскочить.

- Но вы согласны со мной, что эти суммы превышают те, что были на прошлой неделе?

- Разумеется! К Лемпсону поступил очень хороший товар по сниженным ценам. Я купила в запас. На будущей неделе итог будет гораздо меньшим.

Миссис Николетис мрачно смотрела исподлобья.

- У вас все так убедительно получается.

- Ну вот, - миссис Хаббард положила счета на стол аккуратной кучкой. - Что-нибудь еще?

- Эта американка, Салли Финч, поговаривает об уходе от нас - я не могу этого допустить. Она фулбрайтонская стипендиатка. За ней вслед сюда могут приехать другие фулбрайтонцы. Она обязательно должна у нас остаться.

- А почему она хочет съехать отсюда?

Миссис Николетис пожала мощными плечами.

- Откуда мне помнить? Какое-то вранье. Это уж я сразу поняла. Я все всегда понимаю.

Миссис Хаббард задумчиво кивнула. Тут она была склонна поверить миссис Николетис.

- Мне Салли ничего не говорила, - сказала она.

- Но вы побеседуете с ней?

- Да, конечно.

- А если это из-за этих цветных студентов, из-за этих индусов, негритянок - пусть они сами все убираются отсюда, понятно? Для американцев цвет кожи решает все, для меня же решающим является присутствие американцев, а что касается этих цветных - к черту!

Она трагическим жестом вскинула руку.

- Пока я здесь, этого не произойдет, - холодно сказала миссис Хаббард. - И вообще вы ошибаетесь. Никаких подобных взглядов среди наших студентов нет, а Салли вовсе не такая. Она часто ходит завтракать в кафе с мистером Акибомбо, а уж чернее его не найдешь.

- Значит, это из-за коммунистов - вы ведь знаете, как американцы смотрят на коммунистов. А Найджел Чепмен - он наверняка коммунист.

- Сомневаюсь.

- Да, да! Вы бы послушали, что он тут на днях говорил.

- Найджел скажет что угодно, лишь бы подразнить людей. Это у него очень неприятная привычка.

- Вы так хорошо всех их знаете! Дорогая моя миссис Хаббард, вы просто чудо! Я то и дело повторяю - ну что бы я делала без миссис Хаббард? Я полностью на вас полагаюсь. Вы просто изумительная, изумительная женщина.

- После кнута - пряник, - сказала миссис Хаббард.

- Что вы сказали?

- Не беспокойтесь. Я сделаю, что смогу.

Она вышла из комнаты, положив этим конец бурному потоку благодарностей. Бормоча про себя: "Только время зря отняла... какая невыносимая женщина!" - она торопливо шла по коридору в свою комнату. Но и тут ей не суждено было найти покой. Войдя к себе, она увидела высокую девушку, ожидавшую ее прихода.

- Я хотела бы посоветоваться с вами, - сказала она.

- Конечно, Элизабет.

Миссис Хаббард была несколько удивлена этим визитом. Элизабет Джонстон приехала из Вест-Индии и училась на юридическом. Занималась она весьма усердно, была честолюбивой и очень замкнутой, казалась уравновешенной и толковой, и миссис Хаббард всегда считала ее одной из самых симпатичных студенток в общежитии.

Сейчас она отлично держала себя в руках, но миссис Хаббард слышала, как вздрагивает ее голос, хотя черное лицо ее оставалось невозмутимым.

- Что-нибудь случилось?

- Да. Прошу вас, зайдите в мою комнату.

- Одну минуту. - Миссис Хаббард сняла пальто и перчатки и последовала за девушкой вверх по лестнице. У той была комната на самом верху. Она открыла дверь и подошла к столу у окна.

- Вот моя работа, на этих листах, - сказала она. - Это итог нескольких месяцев напряженного труда. Видите, что с ней сделали?

У миссис Хаббард перехватило дыхание. Стол был залит чернилами. Листы были насквозь пропитаны ими. Миссис Хаббард дотронулась до них пальцем - бумага была еще

влажной. Она спросила, хотя понимала, что задает глупый вопрос:

- Вы, случайно, не сами пролили чернила?
- Нет. Это сделали, когда меня здесь не было.
- Может быть, миссис Биггс...

Миссис Биггс была уборщицей, которая прибирала в спальнях верхнего этажа.

- Нет, это не миссис Биггс. Это даже и не мои чернила. Вот моя чернильница, на полке у кровати. К ней даже не притронулись. Кто-то принес сюда чернила и сделал это нарочно.

Миссис Хаббард была потрясена.

- Какой скверный... какой жестокий поступок.
- Да, очень плохой поступок.

Девушка говорила очень спокойно, но миссис Хаббард чувствовала, как она взъярвана.

- Ну, Элизабет, я прямо не знаю, что сказать. Я поражена, просто поражена и сделаю все, что смогу, чтобы узнать, кто виновник этой гнусной, злобной проделки. Вы не представляете, кто бы это мог быть?

Девушка ответила тотчас же:

- Вы видите, это зеленые чернила.
- Да, я заметила.
- Зелеными мало кто пользуется. Здесь только у одного человека есть такие. У Найджела Чепмена.
- У Найджела? Вы думаете, Найджел способен на такую выходку?

- Я бы никогда этого не подумала - нет, никогда. Но он все пишет зелеными чернилами - и письма, и конспекты.

- Придется всех расспросить. Мне страшно жаль, Элизабет, что такое могло случиться у нас в доме, и могу только заверить вас, что я сделаю все возможное, чтобы дознаться до правды.

- Спасибо, миссис Хаббард. Тут ведь уже... кое-что слу-
чалось, так ведь?

- Да, гм... да, так.

Миссис Хаббард вышла из комнаты и направилась к лестнице, но вдруг остановилась, а затем повернула по коридору, подошла к последней двери и постучалась. Голос мисс Салли Финч сказал: "Войдите".

Комната выглядела очень мило, и сама Салли Финч, рыженькая и веселая, производила впечатление очень милой девушки. Она сидела и писала, подняла голову, держа что-то за щекой, и протянула миссис Хаббард открытую коробку с

конфетами, неразборчиво пробормотав: "Из дому прислали. Попробуйте".

- Спасибо, Салли. Потом. Я несколько взголована. - Она помолчала. - Вы слышали, что случилось у Элизабет Джонстон?

- Нет, что случилось с Черной Бесс?

Это было ласковым прозвищем, и сама Элизабет его приняла как таковое.

Миссис Хаббард все рассказала. Салли была полна сочувствия и злости.

- Вот подлая выходка, скажу вам. Я просто не представлю, кто бы мог так поступить с нашей Бесс. Тут все ее любят. Она всегда такая спокойная, ровная, ни с кем особенно не водится, ни в какие компании не входит, но я уверена, что к ней все очень хорошо относятся.

- Вот и я так тоже считаю.

- Ну... Это все одно к одному, правда? С остальными делами. Вот почему...

- Вот почему - что? - спросила миссис Хаббард, когда девушка не договорила фразу.

Салли медленно ответила:

- Вот почему я хочу выехать отсюда. Миссис Ник сказала вам?

- Да. Ее это очень расстроило. Она думает, что вы скрыли от нее истинную причину.

- Да, так оно и есть. Она бы сразу взорвалась, а это ни к чему. Вы же знаете, какая она. Но все дело именно в этих странных штуках. Не нравится мне то, что тут творится. Странно, что пропала моя туфля, потом кто-то разрезал шарфик Валери... и рюкзак Лена... дело не в том, что кто-то ворует... в конце концов, такое всегда может случиться, это, конечно, неприятно, но в общем-то нормально, - а вот все, что случилось, ненормально.

Она на минутку замолчала, потом широко улыбнулась.

- Акибомбо перепуган, - сказала она. - Он всегда свысока относится к предрассудкам, он такой насквозь цивилизованный - но добная старая африканская вера в магические чудеса не так уж глубоко в нем затаилась.

- Тыфу! - сердито сказала миссис Хаббард. - Не терплю я этого суеверного вздора. Просто какой-то обыкновеннейший человек мешает жить другим. Ничего другого и быть не может.

Салли широко улыбнулась и стала похожа на кошку.

- Вы делаете ударение на слове "обыкновеннейший". А мне кажется, что в этом доме имеется некто, далеко не обыкновенный.

Миссис Хаббард спустилась вниз по лестнице и зашла в общую гостиную на первом этаже. Там находились четверо обитателей общежития: Валери Хобхауз полулежала на диване, перебросив через подлокотник свои изящные, стройные ноги; Найджел Чепмен сидел у стола, и перед ним лежал толстый раскрытый том; Патрисия Лайн стояла, прислонившись к камину; четвертой была девушка в плаще, которая только что вошла с улицы и сейчас снимала вязаную шапочку. Девушка эта была довольно полной, белокурой, с широко расставленными карими глазами; рот ее всегда был чуть открыт, что придавало ей удивленный вид.

Валери отставила в сторону руку, державшую сигарету, и спросила, лениво и небрежно растягивая слова:

- Ну как, матушка, успокоили ваши сладкие речи эту старую чертовку, нашу почтенную хозяйку?

Патрисия Лайн, в свою очередь, задала вопрос:

- Что, она опять вышла на тропу войны?

- Еще как! - засмеялась Валери.

- Произошла неприятная история, - сказала миссис Хаббард. - Найджел, я прошу вас помочь мне.

- Меня, мэм? - Найджел взглянул на нее и захлопнул книгу. Его тонкое лукавое лицо внезапно осветилось озорной, но удивительно милой улыбкой. - Что я такое натворил?

- Надеюсь, что ничего, - ответила миссис Хаббард. - Но кто-то нарочно, по злобе, залил все конспекты Элизабет Джонстон зелеными чернилами. А вы, Найджел, как раз пишете зелеными.

Улыбка сошла с его лица, и он изумленно уставился на миссис Хаббард.

- Да, зелеными.

- Противная штука - зеленые чернила, - заметила Патрисия. - Бросил бы ты ими пользоваться, Найджел. Я сто раз тебе говорила, что это ужасно претенциозно.

- А мне нравится слыть претенциозным, - сказал Найджел. - Пожалуй, фиолетовые чернила еще эффектней зеленых, надо будет попробовать. Нет, вы это серьезно, матушка? Про эту диверсию?

- Совершенно серьезно. Неужели это вы сделали, Найджел?

- Конечно, нет. Я люблю дразнить людей, как вы знаете, но на такую мерзость я не способен, а уж тем более по отношению к Черной Бесс, которая никогда не лезет в чужие дела, не то что некоторые, имен не называю. Где мои чернила? Я как раз вчера наполнил ручку. Обычно они стоят вон там, на полке.

Он вскочил и подошел к стене.

- Вот они, мои чернила. - Он взял в руки бутылочку и свистнул: - Вы совершенно правы! Чернил тут почти не осталось. А бутылка была чуть ли не полной.

Девушка в плащике тихо ахнула.

- Боже ты мой! - сказала она. - Боже ты мой, как это неприятно...

Найджел с грозным видом повернулся к ней.

- У тебя есть алиби, Селия? - спросил он тоном обвинителя.

Девушка чуть не задохнулась.

- Это не я. Честное слово, не я. И вообще, я же весь день была в клинике, я не могла бы...

- Послушайте, Найджел, - сказала миссис Хаббард. - Не дразните Селию.

Патрисия Лайн сердито вмешалась в разговор:

- Я не понимаю, почему надо подозревать Найджела. Только потому, что кто-то взял его чернила?..

Валери насмешливо вставила:

- Правильно, дорогуша, защищай детеныша.

- Просто это так несправедливо...

- Но ведь я действительно здесь ни при чем, - с серьезным лицом настаивала Селия.

- О тебе никто и не говорит, младенец, - нетерпеливо прервала ее Валери. - Но все-таки, знаете ли, - она переглянулась с миссис Хаббард, - все эти шуточки слишком далеко зашли. Надо бы что-то наконец предпринять.

- Да, предпринять что-то необходимо, и я этим займусь, - сурохо сказала миссис Хаббард.

Глава 4

- Вот, пожалуйста, месье Пуаро.

Мисс Лемон положила перед Пуаро небольшой пакет в коричневой бумаге. Он развернул его и с довольным видом посмотрел на изящную серебряную вечернюю туфельку.

- Как вы и говорили, она оказалась на Беккер-Стрит.

- Одной заботой меньше, - сказал Пуаро. - К тому же это подтверждает мое предположение.

- Безусловно, - подтвердила мисс Лемон, по природе своей начисто лишенная любопытства. Зато семейные привязанности были в ней сильны, поэтому она продолжила: - Простите за беспокойство, месье Пуаро, но я получила письмо от сестры. Там произошли новые события.

- Разрешите прочитать?

Она передала ему письмо, и Пуаро, прочитав его, попросил мисс Лемон соединить его с сестрой по телефону. Сделав это, мисс Лемон протянула ему трубку.

- Мисс Хаббард? - спросил он.

- Да, месье Пуаро. Как любезно с вашей стороны так скоро мне позвонить. Я, право, очень...

Пуаро прервал ее:

- Откуда вы говорите?

- Как откуда? Из дома 26 по Хиккори-Роуд, конечно. Ах, понимаю. Я у себя в гостиной.

- А параллельный аппарат существует?

- Это он и есть; главный телефон внизу, в холле.

- Кто-нибудь может нас сейчас подслушать?

- В этот час никого из студентов нет дома. Кухарка ушла за покупками, а Джеронимо, ее муж, плохо понимает по-английски. Есть еще уборщица, но она тута на ухо и вообще не стала бы подслушивать.

- Хорошо, значит, я могу говорить свободно. У вас бывают по вечерам какие-нибудь лекции или показ фильмов? В общем, какие-нибудь развлечения?

- Да, лекции иногда бывают. Недавно к нам приходила мисс Болтраут, путешественница, показывала свои цветные слайды. Потом еще к нам приходили из Дальневосточной миссии, но, по-моему, почти все студенты в тот вечер разошлись.

- Ага. Итак, вы уговорили месье Пуаро, у которого работает ваша сестра, прийти сегодня вечером и рассказать вашим студентам о самых интересных своих расследованиях.

- Это было бы очень приятно, но неужели вы думаете...

- Тут думать нечего, я просто уверен.

Таким образом, студенты, прийдя вечером в общую гостиную, увидели на доске возле двери объявление:

"Знаменитый частный сыщик месье Эркюль Пуаро любезно согласился провести сегодня вечером беседу на тему о теории и практике успешного расследования преступлений, с примерами из наиболее нашумевших дел".

По мере того как студенты входили в гостиную, раздавались всевозможные высказывания на этот счет.

- Что это еще за частный легавый? Никогда о таком не слышал. - А я слышал. Одного человека приговорили к смертной казни за убийство уборщицы, и этот сыщик спас его в последнюю минуту, отыскав настоящего убийцу. - На мой взгляд, все это чушь. - А по-моему, любопытно! - Колину это будет по вкусу, он помешан на психологии правонарушителей. - Я бы не согласился, пожалуй, с такой формулировкой, но должен сказать, что интересно поговорить с человеком, близко сталкившимся с преступниками.

Обед был назначен на половину восьмого, и большинство студентов уже сидели за столом, когда миссис Хаббард вышла из своей гостиной (где угостила почетного гостя стаканчиком шерри), а вслед за ней появился низкорослый пожилой человек с подозрительно черными волосами и огромными усами, которые он то и дело подкручивал с очень самодовольным видом.

- Вот это мои студенты, месье Пуаро. А это месье Эркюль Пуаро, который любезно согласился побеседовать с нами.

После обмена поклонами Пуаро уселся рядом с миссис Хаббард и, тщательно оберегая усы, отдал должное вкусному minestrone¹, поданному в большой миске итальянским поваром. За этим блюдом последовали пышущие жаром спагетти с мясными тефтелями, и вот тогда-то девушка, сидевшая справа от месье Пуаро, застенчиво обратилась к нему:

- Это правда, что сестра миссис Хаббард у вас работает?

Пуаро повернулся к ней.

- Конечно. Мисс Лемон уже много лет работает у меня секретаршей. Она самая работоспособная женщина на свете. Я даже иногда побаиваюсь ее.

- О, понимаю. Я просто подумала...

- Что же именно вы подумали, мадемуазель?

Он отечески ласково улыбнулся ей, мысленно отметив при этом:

"Хорошенькая, озабоченная, не слишком сообразительная, чем-то напугана..."

- Можно спросить ваше имя и что изучаете?

- Селия Остин. Я не студентка. Я фармацевт в аптеке клиники Святой Кэтрин.

- Интересная работа?

1

Minestrone - итальянский мясной суп с вермишелью (ит.).

- Ну, не знаю... Может быть... - Голос ее звучал неуверенно.

- А остальные? Могли бы вы мне о них что-нибудь рассказать? Как я понимаю, это общежитие для иностранных студентов, но, по-моему, здесь большинство - англичане.

- Некоторые иностранцы сегодня не пришли к обеду. Например, мистер Чандра Лал и мистер Гопал Рэм, они оба индусы, и мисс Рейнджер, голландка, и мистер Ахмед Али, он египтянин и вечно занят политикой.

- Ну, а те кто сейчас сидят за столом? Расскажите-ка про них.

- Вот слева от миссис Хаббард сидит Найджел Чепмен. Он изучает историю средних веков и итальянский язык в Лондонском университете. Рядом с ним, в очках, Патрисия Лайн. Она пишет дипломную работу по археологии. Высокий ряжий - Лен Бэйтсон, студент-медик, а брюнетка - Валери Хобхауз, она работает в косметической фирме. Около нее - Колин Мак Набб, он психиатр, заканчивает аспирантуру.

Когда она заговорила о Колине, голос ее чуть-чуть изменился. Пуаро бросил на нее быстрый, внимательный взгляд и увидел, что она побледнела. Он подумал: "Так, так... Влюблена и не может это скрыть".

Он заметил, что молодой Мак Набб ни разу не взглянул на нее через стол, занятый беседой со своей соседкой, веселой рыженькой девушки.

- Это Салли Финч. Она американка, учится здесь по фулбрайтонской. А это Женевьева Морико, она изучает английский, как и Рене Алль, рядом с ней. А маленькая блондинка - Джин Томлинсон, она физиотерапевт, тоже в клинике Святой Кэтрин. Черного парня зовут Акибомбо, он очень славный, приехал из Западной Африки. Дальше сидит Элизабет Джонстон, с Ямайки, учится на юридическом. Около нас, справа, двое турок - они только на прошлой неделе приехали, по-английски еле-еле говорят.

- Спасибо. Ну и как, ладите вы все между собой? Или бывают ссоры?

Он спросил это как бы шутя, чтобы слова его не были приняты слишком всерьез. Селия ответила:

- Видите ли, мы все слишком заняты, чтобы ссориться, но все-таки...

- Все-таки что, мисс Остин?

- Вот - Найджел, который рядом с миссис Хаббард. Он любит дразнить людей, выводить их из терпения. А Лен Бэйтсон очень вспыльчивый. Он прямо взбеситься может от злости. Но все равно очень славный.

- А Колин Мак Набб - он тоже раздражителен?

- О, нет. Колин только поднимает брови, ему все это забавно.

- Понимаю. А вы, девушки, не ссоритесь между собой?

- Нет, что вы, мы очень дружно живем. Женевьева иногда обижается. Французы, по-моему, вообще очень обидчивы - ох, прости, я не то хотела...

Селия смущалась до слез.

- Я же бельгиец, - торжественно произнес Пуаро и быстро продолжал, не дав ей опомниться: - Что вы имели в виду, мисс Остин, когда в начале нашего разговора сказали... "я просто подумала...". Что вы тогда подумали?

Она нервно крошила хлеб.

- Да нет... ничего... ничего особенного... просто кто-то устраивает последнее время глупые розыгрыши... вот я и подумала, что миссис Хаббард - да нет, я ничего такого не хотела сказать...

Пуаро не стал настаивать, повернулся к миссис Хаббард и затянул разговор с ней и Найджелом Чепменом, который высказал парадоксальную мысль, будто преступление - своего рода творчество, а подлинными правонарушителями в обществе являются на самом деле полицейские, потому что они занимаются своей профессией из скрытого садизма. Пуаро забавляло, что молодая женщина в очках, сидевшая рядом с ним, очень волновалась и отчаянно пыталась найти благое объяснение всем замечаниям Найджела, едва он успевал произнести их. Что касается Найджела, то он просто не замечал ее.

Миссис Хаббард ласково улыбалась.

- Все вы, молодые, только и думаете, что о политике и психологии, - сказала она. - Когда я была молоденькой, мы были гораздо легкомысленней. И мы танцевали. Если бы вы закатали ковер в общей гостиной, вы бы увидели, какой там хороший паркет, и могли бы потанцевать под радио, но вы ведь ни за что не станете.

Селия засмеялась и лукаво сказала:

- А ты ведь раньше танцевал, Найджел. Я сама однажды с тобой танцевала, только ты, наверно, забыл.

- Ты танцевала со мной? - недоверчиво спросил Найджел. - Где же?

- В Кембридже - на майской неделе.

- О, майская неделя! - Найджел отмахнулся от безумств далекой юности. - Мы все проходим через эту подростковую фазу. К счастью, она быстро кончается.

Найджелу сейчас было никак не больше двадцати пяти. Пуаро улыбнулся в усы.

Патрисия Лейн сказала очень серьезно:

- Видите ли, миссис Хаббард, у нас очень много времени уходит на учебные занятия. Когда ходишь на лекции, а дома пишешь конспекты, времени остается так мало, что его просто нельзя тратить на пустяки.

- Ну, дорогая моя, молодыми-то бываем только однажды, - ответила миссис Хаббард.

За спагетти последовал шоколадный пудинг, а затем все проследовали в гостиную и принялись разливать по чашечкам кофе из стоявшего на столе кофейника. Затем Пуаро предложили начать свое сообщение. Оба турка вежливо просяли их извинить и ушли. Остальные расселись кто куда, в ожидании его речи.

Пуаро, стоя, заговорил с обычной своей уверенностью. Ему всегда доставлял удовольствие звук собственного голоса, и он проговорил три четверти часа, очень остроумно и занимательно, вспоминая разные случаи из своей практики, преувеличивая их по своему вкусу. Если он и задумал показаться в какой-то степени болтливым шарлатаном, он это делал не слишком явно.

- Итак, как видите, - сказал он в заключение, - я сказал этому джентльмену из Сити, что мне почему-то вспомнился некий фабрикант мыла из Льежа, который отравил жену, чтобы жениться на красивой белокурой секретарше. Я упомянул это вскользь, но реакция была немедленной... Он заставил меня забрать украденные у него деньги, которые вернулись к нему благодаря мне, побледнел и со страхом посмотрел на меня. "Я отдам эти деньги благотворительному обществу", - сказал я. "Делайте с ними, что хотите", - ответил он. И тогда я сказал ему, подчеркивая каждое слово: "Советую вам, месье, быть очень, очень осторожным".

Он кивнул, так как не мог произнести ни звука, и я, уходя, видел, как он вытирает пот со лба. Он испытал сильный испуг - а я спас ему жизнь. Потому что, как ни влюблен он был в белокурую секретаршу, он больше уже не захотел бы думать о том, как отравить глупую противную жену. Профилактика всегда лучше, чем лечение. Мы стараемся предупреждать убийство, а не ждать, пока оно совершится.

Он поклонился и развел руками.

- Ну вот, вы, наверно, устали от моих рассказов.

Студенты дружно захлопали. Пуаро поклонился. И когда он собрался было сесть на место, Колин Мак Набб вынул трубку изо рта и спросил:

- А теперь, может быть, вы поговорите о том, ради чего вы в самом деле сюда пришли.

На минуту наступила тишина, потом Патрисия сказала с укором в голосе: "Колин!"

- Ну, мы ведь все догадались, правда? - Он окинул всех сердитым взглядом.

- Месье Пуаро рассказал нам множество забавных вещей, но пришел-то он сюда вовсе не для этого. Неужели вы думали, месье Пуаро, что мы этого не сообразим?

- Говори за себя, Колин, - сказала Салли.

- Но ведь я прав, верно? - спросил Колин.

Пуаро опять изящно развел руками, как бы признавая его правоту.

- Признаю, - сказал он, - наша милая хозяйка рассказала мне о событиях, которые причинили ей... э-э... беспокойство.

Лен Бэйтсон встал, лицо его набрякло и потемнело.

- Слушайте, вы, - сказал он, - что все это значит? Выходит, нас обманули?

- А до тебя только сейчас это дошло, Бэйтсон? - ласково сказал Найджел.

Селия испуганно ахнула и сказала:

- Значит, я была права.

Миссис Хаббард властно вмешалась в разговор.

- Я попросила месье Пуаро прочитать у нас здесь лекцию, но я также хотела получить от него совет по поводу разных неприятностей, которые у нас случились в последнее время. Что-то предпринять необходимо, и мне кажется, что другим решением может быть только обращение в полицию.

Сразу же разгорелся очень шумный спор. Начала Женевьеве, горячо заговорив по-французски:

- Это ствратительно, постыдно, этого еще не хватало - обратиться к полиции! - Остальные тотчас же включились, кто за, кто против.

Когда спор немного поутих, раздался громкий решительный голос Лена Бэйтсона:

- Послушаем-ка, что скажет месье Пуаро по поводу наших неприятностей.

Миссис Хаббард сказала:

- Я сообщила месье Пуаро все факты и уверена, что никто не станет возражать, если он захочет задать какие-нибудь вопросы.

Пуаро поклонился ей и произнес: "Благодарю".

Затем, подобно фокуснику, вытащил из пакета пару вечерних туфель и протянул их Салли Финч.

- Ваши туфли, мадемузель?

- Как? Да! И обе! Откуда же взялась пропавшая?

- Из стола находок на Беккер-Стрит.

- Но как вам пришло в голову, что она может там оказаться, месье Пуаро?

- Простейший дедуктивный процесс. Кто-то взял туфельку из вашей комнаты. Зачем? Нельзя ни носить, ни продать. А поскольку ясно, что все будут ее искать и обшарят дом сверху донизу, ее надо либо унести, либо уничтожить. Самое простое - завернуть в пакет и уронить под сиденье в автобусе или поезде в час пик. Это было моей первой догадкой, она оказалась верной - и тут я понял, что пошел по правильному пути: туфельку взяли, говоря словами вашего поэта, "чтоб подразнить и разозлить вконец".

Валери коротко рассмеялась.

- Указующий перст направлен прямо на тебя, душа моя Найджел.

Найджел ответил, ухмыляясь:

- Как говорится, "если обувь по ноге - тебе и носить ее".

- Глупости, - возразила Салли. - Найджел не брал моей туфли.

- Конечно, не брал, - сердито вмешалась Патрисия, - нелепо даже подумать об этом.

- Уж не знаю, нелепо или нет, - сказал Найджел, - только я ничего подобного не делал и уверен, что все со мной согласятся.

Пуаро словно ждал именно этих слов, как актер ждет реплики партнера. Он раздумчиво остановил взгляд на раскрасневшемся лице Лена Бэйтсона, затем медленно, вопросительно посмотрел по очереди на остальных и сказал, нарочито, на иностранный манер разведя руками:

- Я нахожусь в довольно сложном положении. Я здесь в гостях. Миссис Хаббард предложила мне провести приятный вечер - вот и все, зачем я пришел. Ну и конечно, еще затем, чтобы вернуть мадемузель прелестную пару вечерних туфелек. Что касается всего остального... - Он приостановился. - Месье... Бэйтсон? Да, правильно, Бэйтсон - спросил меня, что я думаю по поводу этих... неприятностей. Но, как мне кажется,

ся, с моей стороны будет невежливо высказать свое мнение по просьбе только одного, а не всех присутствующих.

Мистер Акибомбо несколько раз энергично кивнул кудрявой черной головой.

- Совершенно правильная процедура, да, - сказал он. Бесспорно демократично - поставить вопрос на голосование всех присутствующих.

Салли Финч нетерпеливо воскликнула:

- Вот еще чушь! У нас своего рода вечеринка, мы здесь все друзья. Послушаем, что посоветует месье Пуаро, и хватит спорить.

- В этом я с тобой согласен на все сто, Салли, - сказал Найджел.

Пуаро склонил голову.

- Хорошо, - сказал он. - Раз вы все задаете мне этот вопрос, я дам вам простейший совет. Миссис Хаббард - или, скорее, миссис Николетис - должна немедленно вызвать полицию. Времени терять нельзя.

Глава 5

Эти слова Пуаро оказались неожиданными для всех. Они не вызвали ни возражений, ни замечаний, просто наступила внезапная неловкая тишина.

Миссис Хаббард воспользовалась этой мгновенной паузой, чтобы увести Пуаро в свою гостиную, и он только успел, коротко и вежливо, пожелать всем спокойной ночи.

Миссис Хаббард включила свет, закрыла дверь и предложила месье Пуаро сесть в кресло у камина. Ее добродушное лицо сморщилось от сомнений и тревоги. Она хотела угостить месье Пуаро сигаретой, он вежливо отказался, объяснив, что курит только свои, и в свою очередь протянул ей пачку, но она рассеянно ответила:

- Я не курю, месье Пуаро.

Затем она уселась напротив него и сказала после недолгого колебания:

- Должно быть, вы правы, месье Пуаро. Может быть, нам и впрямь следует обратиться в полицию - тем более после этой неприятной истории с чернилами. Но я жалею, что вы так прямо им об этом сказали.

- Вот оно что! - сказал Пуаро, закуривая одну из своих маленьких сигареток и следя за дымом, поднявшимся к потолку. - Вы полагаете, мне следовало скрыть свою мысль?

- Ну, я думаю, что очень хорошо так вот прямо и откровенно говорить обо всем, - и все-таки мне кажется, что лучше было бы промолчать и просто пригласить сюда полицейского и все ему лично объяснить. Я хочу сказать, что тот, кто прощал все эти штуки, - он ведь теперь как бы предупрежден.

- Да, возможно, это так.

- Даже наверняка, - довольно резко сказала миссис Хаббард. - Тут нечего говорить "возможно". Даже если это кто-то из слуг или тех студентов, кого сегодня не было, до него это дойдет. Так уж всегда бывает.

- Вы совершенно правы. Так всегда бывает.

- Да вдобавок ко всему - миссис Николетис. Я ведь не знаю, как она себя поведет. С ней ничего нельзя сказать наперед.

- Будет интересно узнать...

- Конечно, мы не сможем позвать полицию без ее согласия. Ох, кто это еще там?

В дверь кто-то резко, решительно постучал, и, еще не успела миссис Хаббард договорить "войдите", дверь открылась и на пороге появился Колин Мак Набб с зажатой в зубах трубкой и нахмуренным лбом.

Он вынул трубку изо рта, закрыл за собой дверь и сказал:

- Прошу извинить меня, но мне необходимо поговорить - вот, с месье Пуаро.

- Со мной? - Пуаро повернулся к нему с невинным изумлением на лице.

- Именно с вами, - мрачно ответил Колин.

Он подтащил к камину довольно неудобный стул и прочно уселся на него лицом к Эркюлю Пуаро.

- Вы сегодня рассказали нам немало забавных историй, - произнес он снисходительно. - Не спорю, у вас за плечами обширный и длительный опыт, но, прошу извинить, ваши методы расследования и все ваши рассуждения безнадежно устарели.

- Ну, право же, Колин, - покраснев, вмешалась миссис Хаббард. - Это очень грубо.

- Я не хотел вас обидеть, я просто намерен внести ясность в это дело. Преступление и наказание, месье Пуаро, - вот границы ваших взглядов.

- Мне кажется, что эта последовательность вполне естественна, - сказал Пуаро.

- Вы смотрите на правосудие с чрезвычайно узкой точки зрения, и более того - берете от правосудия все, что в нем безнадежно устарело. В наши дни даже правосудие должно считаться с новейшими, наименее современными теориями, касающимися причин преступлений. Важны именно причины, месье Пуаро.

Пуаро воскликнул:

- Выражаясь вашим современным языком - в этом я с вами согласен на все сто!

- Значит, вам следует вникнуть в причину того, что происходит в этом доме, вы должны разобраться, почему были совершены эти поступки.

- Я опять-таки полностью с вами согласен - да, это чрезвычайно важно.

- Ведь на все всегда есть причина, и возможно, что для человека, который так поступает, - причина вполне убедительная.

Тут миссис Хаббард уже совсем не могла справиться с собой и резко заявила:

- Чепуха.

- Ошибаетесь, - повернулся к ней Колин, - непременно надо принимать во внимание психологические побуждения.

- Психологическая чушь, - сказала миссис Хаббард. - Терпения не хватает выслушивать весь этот вздор.

- Именно потому, что вам эта область совершенно неизвестна, - ответил Колин с суровым упреком в голосе и опять повернулся к Пуаро. - Эта тема меня живейшим образом интересует. Я сейчас, после окончания института, как раз занимаюсь психиатрией и психологией. Мы сталкиваемся с самыми сложными, поразительными случаями, и вот я хочу сказать вам, месье Пуаро, что нельзя так просто сбросить преступника со счетов, объясняя все теорией первородного греха или нежеланием соблюдать законы страны. Следует доискаться до первопричины, породившей болезнь, а потом уже браться за лечение юного правонарушителя. Конечно, в ваше время всего этого не знали и не думали об этом, и я не сомневаюсь, что вам трудно согласиться...

- Воровство есть воровство, - упрямо сказала миссис Хаббард.

Колин раздраженно нахмурился.

Пуаро кротко ответил:

- Мои представления безусловно устарели, но я готов с интересом вас выслушать, мистер Мак Набб.

Колин был удивлен и обрадован.

- Очень хорошо сказано, месье Пуаро. Я попытаюсь изложить вам это дело возможно понятнее, не прибегая к сложной терминологии.

- Благодарю вас, - все так же кротко произнес Пуаро.

- Удобнее всего будет начать с пары туфель, которую вы сегодня принесли и вернули Салли Финч. Если помните, одна на туфля была украдена. Только одна.

- Да, вспоминаю, меня это поразило, - сказал Пуаро.

Колин Мак Набб наклонился вперед, и его суровое красивое лицо засияло готовностью поделиться знаниями.

- Да, но вы не поняли тогда, что это означает. Это один из идеальных, убедительнейших примеров определенного явления, лучшего примера не встретишь. Это, вне сомнений, комплекс Золушки. Возможно, вам знакома сказка о Золушке.

- Французская сказка, - *mais oui*¹.

- Золушка, бедная труженица, сидит у огня и смотрит, как ее разряженные сестрицы готовятся к балу у принца. С помощью феи-крестной Золушка оказывается на этом же балу. Бьет полночь, ее наряд превращается в прежние лохмотья, но она успевает убежать и по дороге теряет туфельку. Таким образом, мы имеем дело с человеком, который сравнивает себя с Золушкой (конечно, не сознавая этого). Мы здесь столкнулись с подавленными желаниями, с завистью, с чувством неполноценности. Девушка украла туфельку. Почему?

- Девушка?

- Разумеется, девушка. По-моему, это уж доступно самому слабому рассудку.

- Ну, право же, Колин! - воскликнула миссис Хаббард.

- Продолжайте, прошу вас, - учтиво сказал Пуаро.

- Скорее всего, она и сама не знает, зачем это делает, но скрытое желание ясно: она хочет стать принцессой, хочет, чтобы принц ее узнал и призвал к себе. Другой многозначительный факт - туфелька украдена у привлекательной девушки, собирающейся на бал.

Трубка Колина давно угасла. Он взмахнул ею с нарастающим восторгом.

- А теперь рассмотрим кое-что из остальных происшествий. Похищение красивых безделушек - так ворует сорока - и ведь все эти вещицы связаны с женской привлекательностью. Пудра, губная помада, серьги, браслет, кольцо - мы видим здесь двойственную значимость. Девушка хочет быть заме-

¹ *Mais oui* - да, конечно (фр.).

ченной. И более того - она хочет быть наказанной, как это часто бывает среди очень молодых правонарушителей. Ни один из этих поступков нельзя назвать обычным преступным воровством. Здесь никакого значения не имеет ценность предмета. Именно таким образом состоятельные женщины воруют в магазинах вещи, за которые они вполне могли бы заплатить.

- Глупости, - воинственно заявила миссис Хаббард. - Просто-напросто существуют на свете нечестные люди, и все тут.

- Однако среди украденных вещей было кольцо с брильянтом, - сказал Пуаро, не обращая внимания на вмешательство миссис Хаббард.

- Его же вернули.

- И конечно, мистер Мак Набб, вы не станете утверждать, что стетоскоп - это милый женский пустячок?

- Здесь скрыто более глубокое значение. Женщины, которые чувствуют, что им недостает женской привлекательности, могут сублимироваться, делая карьеру.

- А поваренная книга?

- Символ домашнего очага, мужа, семьи.

- А борная кислота в порошке?

Колин раздраженно возразил:

- Дорогой месье Пуаро, никто не станет красть борную кислоту. Кому она нужна?

- Вот этот вопрос я тоже себе задавал. Должен признать, мистер Мак Набб, у вас на все есть ответ. В таком случае объясните мне, что означает пропажа старых шерстяных брюк - кстати, ваших, насколько мне известно.

Колин в первый раз проявил некоторое смущение, покраснел, откашлялся.

- Я и это мог бы объяснить - но это довольно сложно и... об этом неудобно говорить...

- Ах так, вы щадите мою скромность!

Пуаро внезапно наклонился вперед и похлопал молодого человека по колену.

- А чернила, пролитые на заметки другой студентки, а шелковый шарф, разрезанный на куски, - это у вас не вызывает беспокойства?

Снисходительность и высокомерие Колина внезапно исчезли, как будто их и вовсе не бывало.

- Еще как! - сказал он. - Поверьте, это как раз очень меня тревожит. Ею надо заняться как можно скорей. Но заняться ею должен врач, вот в чем дело. Это совершенно не касается

полиции. Бедняжка даже не знает, что тут к чему. Ей сейчас очень трудно приходится. Если бы я...

Пуаро перебил его:

- Значит, вы знаете, кто она?

- Ну, скажем так, имею сильные основания подозревать.

Пуаро пробормотал, словно бы перечисляя на память:

- Девушка, не имеющая никакого успеха у мужчин. За-стенчивая девушка. Добросердечная девушка. Девушка с не-сколько замедленными реакциями. Девушка, чувствующая себя обойденной и одинокой. Девушка...

В дверь тихо постучали. Пуаро замолчал. Стук раздался снова.

- Войдите, - сказала миссис Хаббард.

Дверь открылась, и вошла Селия Остин.

- Ага, - сказал Пуаро, кивнув головой. - Вот именно. Мисс Селия Остин.

Селия смотрела на Колина с отчаянием в глазах.

- Я не знала, что вы здесь, - сказала она, задыхаясь от волнения. - Я ведь пришла... я пришла...

Она с трудом перевела дыхание и бросилась к миссис Хаббард.

- Пожалуйста, пожалуйста, не надо полиции. Это все я. Я брала эти вещи. Не знаю почему, не представляю себе. Я не хотела. Просто... просто что-то нашло на меня.

Она резко повернулась к Колину:

- Теперь вы знаете, какая я... и вы, наверно, никогда не станете больше говорить со мной... Я знаю, я ужасная...

- Да ничего подобного! - сказал Колин. Его звучный голос стал теплым и дружелюбным. - Вы просто немного запутались, вот и все. Это своего рода болезнь, и все оттого, что вы не сумели правильно посмотреть на многое. Если вы мне доверитесь, Селия, у вас очень скоро все наладится, с моей помощью.

- О, Колин, правда?

Селия смотрела на него с нескрываемым обожанием.

- Я так волновалась.

Он ласково, несколько по-отечески, прикоснулся к ее руке.

- Ну вот, больше вам не придется волноваться.

Он встал, взял Селию под руку и сурово посмотрел на миссис Хаббард.

- Надеюсь, - сказал он, - что теперь прекратятся нелепые разговоры о вызове полиции. Ничего ценного взято не было, к тому же Селия вернет то, что взяла.

- Я только не могу вернуть браслет и пудреницу, - взволнованно перебила его Селия. - Я их сбросила в открытый люк. Но я куплю другие.

- А стетоскоп? - спросил Пуаро. - Его-то вы куда дели? Селия покраснела.

- Не брала я никакого стетоскопа. На что мне какой-то дурацкий стетоскоп?

Лицо ее вспыхнуло еще ярче.

- И чернила на работу Элизабет пролила не я. Я бы никогда не сделала такую... такую гадость.

- Однако вы разрезали на кусочки шарф мисс Хобхауз, мадемуазель.

Селия смущалась и неуверенно произнесла:

- Это совсем другое дело. Я хочу сказать - Валери это было все равно.

- А рюкзак?

- Нет, я его не трогала. Это глупость. Просто от вспыльчивости.

Пуаро вытащил список, который он переписал из блокнота миссис Хаббард.

- Скажите мне, - обратился он к Селии, - на этот раз полную правду. За какие из этих проделок вы отвечаете?

Селия посмотрела на список и тотчас же сказала:

- Я ничего не знаю про рюкзак, и про лампочки, и про борную, и про соли для ванны, а с кольцом просто вышла ошибка. Когда я узнала, что оно такое ценное, я постаралась сразу вернуть его.

- Понятно.

- Потому что я совсем не хотела сделать что-то нечестное. Это было только...

- Только - что?

Взгляд Селии стал чуть настороженным.

- Не знаю... право, не знаю. У меня все смешалось.

Колин решительно прервал этот разговор:

- Надеюсь, больше вопросов не будет. Обещаю вам, что все это не повторится. С этой минуты я беру на себя ответственность за нее.

- О, Колин, вы так добры ко мне.

- Я хочу, чтобы вы как можно больше рассказали мне о себе, Селия. О вашем детстве в семье, например. Как ваши родители - ладили друг с другом?

- О, нет, дома все было ужасно.

- Ясно. А скажите...

Миссис Хаббард вмешалась в разговор и властно заявила:

- Ну вот что, хватит. Это я говорю вам обоим. Я очень рада, Селия, что вы пришли и во всем признались. Вы причинили немало тревог и волнений, и вам, конечно, должно быть стыдно. Но я вот что скажу: я верю вам на слово, что вы не залили чернилами заметки Элизабет Джонстон. Не думаю, чтобы вы были способны на такое. А теперь идите-ка отсюда, и вы, и Колин. Довольно с меня вашего общества на сегодня.

Когда дверь за ними закрылась, миссис Хаббард облегченно вздохнула.

- Ну, - сказала она, - что вы на все это скажете?

У Эркюля Пуаро весело блеснули глаза.

- По-моему, перед нами разыгралась любовная сцена - в современном духе.

Миссис Хаббард неодобрительно хмыкнула.

- *Autres temps, autres moeurs*¹, - тихо сказал Пуаро. - Во времена моей молодости молодые люди приносили девушкам труды по теософии или обсуждали с ними "Синюю Птицу" Метерлинка. На первом месте были чувствительность и высокие идеалы. Сейчас парень и девушка сближаются на основе неудачно сложившейся жизни и всяких комплексов.

- И все это чушь, - сказала миссис Хаббард.

- Нет, не все это чушь. В основе лежит достаточно разумный принцип - но такой серьезный молодой исследователь, как Колин, не видит ничего, кроме комплексов и неудавшейся семейной жизни.

- Отец Селии умер, когда ей было всего четыре года, - сказала миссис Хаббард. - И у нее было очень хорошее детство с милой, но глупой матерью.

- Ага, но у нее все же хватает ума на то, чтобы не рассказывать этого молодому Мак Наббу! Она говорит только то, что он хочет услышать. Она очень влюблена в него.

- Вы верите в весь этот вздор, месье Пуаро?

- Я не верю в то, что у Селии комплекс Золушки или что она воровала вещи, не понимая, что делает. Я думаю, что она пошла на такой риск - таскать пустяковые предметы, - чтобы привлечь внимание серьезного Колина Мак Набба - и этой цели она достигла. Если бы она оставалась обычной хорошенечкой, застенчивой девушкой, он никогда бы и не взглянул на нее. По-моему, - добавил Пуаро, - девушка имеет право прибегать к отчаянным мерам, чтобы завоевать своего избранника.

1

Autres temps, autres moeurs - другие времена, другие нравы (фр.).

- Никогда бы не подумала, что у нее хватит ума до этого додуматься, - сказала миссис Хаббард.

Пуаро не ответил и нахмурил брови. Миссис Хаббард продолжала:

- Значит, все это было чистейшей липой. Я должна извиниться перед вами, месье Пуаро, за то, что отняла у вас время из-за такой ерунды. Как бы то ни было, все хорошо, что хорошо кончается.

- Нет, нет, - покачал головой Пуаро. - Это еще не конец. Мы, так сказать, вынесли за скобки довольно банальный вздор, который находился на переднем плане. Но есть еще многое, чему пока что нет объяснения, и мне кажется, что это очень серьезное дело - очень, очень серьезное.

Лицо миссис Хаббард опять омрачилось.

- О, месье Пуаро, неужели вы так считаете?

- Да, такое у меня впечатление... Скажите, мадам, мог бы я побеседовать с мисс Патрисией Лейн? Я бы хотел посмотреть на это кольцо, которое было у нее украдено.

- Ну, конечно, месье Пуаро. Я сейчас спущусь вниз и пришлю ее сюда к вам. Мне еще надо кое о чем поговорить с Леном Бэйтсоном.

Вскоре пришла Патрисия Лейн, на лице ее было удивленное, вопросительное выражение.

- Простите, что побеспокоил вас, мисс Лейн.

- О, ничего, я ничем не была занята. Миссис Хаббард сказала, что вы хотите посмотреть мое кольцо.

Она сняла его с пальца и протянула Пуаро.

- Брильянт, действительно, крупный, но оправа очень старомодная. Моя мать получила его в подарок к помолвке.

Пуаро кивнул, рассматривая кольцо.

- Ваша матушка жива?

- Нет. Мои родители умерли, оба.

- Как печально.

- Да. Они были очень славные люди, но я как-то никогда не была к ним так близка, как следовало бы. Мама хотела иметь легкомысленную красивую дочку, которая любила бы платья и светские развлечения. Она была очень огорчена, когда я занялась археологией.

- А вы всегда были настроены на серьезный лад?

- Пожалуй, да. Знаете, если подумать, жизнь так коротка, что хочется совершить что-то действительно стоящее.

Пуаро задумчиво смотрел на нее.

Патрисии Лейн, по его догадке, было немного за тридцать. На лице ее не было никакой косметики, только губы были тщательно подкрашены. Милые голубые глаза в очках серьезно смотрели на него.

"Никакого шика, bon Dieu¹,-сердито сказал про себя Пуаро. - А платье-то! Как это говорится. Будто надела задом наперед! Ma foi², другого не скажешь".

Она ему не нравилась. Ее интеллигентная, бесстрастная манера говорить претила его слуху.

"Она умна и культурна, эта девица, - думал он, - но, увы, с каждым годом будет все большей занудой. А уж когда со-старится... - На мгновение в памяти его возник образ графини Веры Росаковой. - Какой экзотичный блеск, даже в глубокой старости! А эти нынешние девицы... Нет, это потому, что я сам старею, - признался себе Пуаро. - Даже сия достойная девица может какому-нибудь мужчине показаться настоящей Венерой". Но в глубине души он в этом сомневался.

А Патрисия все говорила:

- Я под большим впечатлением того, что случилось с Бесс - с мисс Джонстон. На мой взгляд, зеленые чернила были нарочно использованы, чтобы навести на мысль, что это дело рук Найджела. Но уверяю вас, месье Пуаро, что Найджел никогда бы этого не сделал.

- Да? - Пуаро с некоторым интересом взглянул на нее. Она раскраснелась и видимо стремилась к продолжению разговора.

- Найджела нелегко понять, - сказала она серьезно. - Видите ли, у него было очень трудное детство.

- Mon Dieu³, еще один!

- Простите?

- Нет, ничего. Так вы говорили...

- О Найджеле. О том, какой он сложный человек. Ему всегда хотелось идти наперекор любому авторитету. Он очень умен - у него просто блестящий ум, - но иногда, должна признать, он ведет себя очень неприятно. Просто глумится над людьми. И ни за что не станет объясняться или оправдываться. Даже если все здесь будут считать, что это его проделка с чернилами, он ни за что не станет доказывать, что он ни при чем. Он просто скажет - пусть думают, если им так хочется. И конечно, это очень глупо с его стороны.

- Да, это может быть превратно понято.

- Я думаю, что это своего рода гордость. Из-за того, что его всегда неверно понимали.

¹ Bon Dieu - ей-Богу. (фр.)

² Ma foi - право слово. (фр.)

³ Mon Dieu - Боже мой. (фр.)

- Вы с ним много лет знакомы?

- Нет, всего около года. Мы познакомились в туристской поездке к замкам на Луаре. Он заболел гриппом, который перешел в пневмонию, и я ухаживала за ним. У него очень слабое здоровье, и он совершенно о себе не думает. В общем-то, хоть он и держится весьма независимо, за ним надо присматривать, как за малым ребенком. Ему нужен кто-то, кто будет о нем заботиться.

Пуаро вздохнул. Он внезапно почувствовал, что любовь ему наскучила. Сперва Селия и ее преданные собачьи глаза; теперь вот Патрисия, такая серьезная мадонна. Да, допустим, молодежь должна встречаться и влюбляться, но, слава Богу, что у него-то, у Пуаро, все это уже в далеком прошлом. Он поднялся с кресла.

- Разрешите, мадемуазель, ненадолго взять у вас это кольцо? Завтра я вам его непременно верну.

- Конечно, если вам это нужно, - ответила Патрисия с некоторым удивлением.

- Вы очень любезны. И пожалуйста, мадемуазель, будьте осторожны.

- Осторожна? В каком смысле?

- Если бы я знал! - озабоченно сказал Пуаро.

Глава 6

Следующий день вполне мог довести миссис Хаббард до белого каления. А ведь проснулась она с чувством большого облегчения. Все неприятные сомнения относительно недавних происшествий наконец рассеялись. Во всем повинна дура девчонка с ее новомодными фокусами (которых миссис Хаббард терпеть не могла). Теперь все войдет в норму.

С этой приятной уверенностью в душе миссис Хаббард спустилась к завтраку и тотчас же поняла, что ее долгожданному покою опять грозит беда. Студенты как нарочно выбрали именно это утро, чтобы раздражать ее, каждый по-своему.

Мистер Чандра Лал, до которого дошло сообщение о "надругательстве" над конспектами Элизабет, страшно волновался и стал безмерно красноречив.

- Угнетение, - лопотал он бессвязно, - сознательное угнетение лиц туземного происхождения. Презрение и предвзятость, предвзятость во взглядах на цветное население. Вот вам вполне убедительный пример.

- Послушайте, мистер Чандра Лал, - резко вмешалась миссис Хаббард. - Вы просто не имеете права так говорить. Никто ведь еще не знает, кто это сделал и почему.

- Как же, миссис Хаббард, а я-то думала, что Селия сама пришла к вам с повинной, - сказала Джин Томлинсон. - Я и решила, что она просто замечательно поступила. Мы все должны быть к ней очень, очень добры.

- Ну почему ты такая ужасная ханжа, Джин? - сердито спросила Валери Хобхауз.

- А ты очень недобрая, если так говоришь со мной.

- С повинной, - вставил Найджел, весь передернувшись. - Какое мерзкое слово.

- Не вижу ничего мерзкого. В Оксфорде этим термином широко пользуются и...

- О господи, нам только не хватало Оксфорда к завтраку!

- А в чем, собственно, дело, матушка? Вы говорите, Селия сламзила все эти вещички? Поэтому она и не пришла завтракать?

Никто не пояснил ему. Каждому хотелось поскорее вставить свое слово.

- Несчастная девчонка, - продолжал Лен Бэйтсон. - Ей, может, жить не на что?

- А меня это не так уж удивляет, знаете ли, - медленно проговорила Салли, - мне уже давно казалось, что...

- Вы говорите, что это Селия залила мою работу чернилами? - Элизабет Джонстон недоверчиво взглянула на миссис Хаббард. - Невероятно, поверить не могу.

- Нет, Селия не залила вашу работу чернилами, - ответила миссис Хаббард. - И я бы попросила всех вас оставить эту тему. Я собиралась спокойно вам все рассказать несколько позже, но...

- Но Джин подслушивала вчера под дверью, - подхватила Валери.

- Вовсе я не подслушивала, случайно проходила...

- Да полно же, Бесс, - вступил в разговор Найджел. - Ты отлично знаешь, кто пролил чернила. "Я убил реполова, я, сказал воробей", я, вредный Найджел, из бутылки своей...

- Неправда! Он наговорил на себя. Ох, Найджел, ну почему ты так глупо ведешь себя?

- Я просто из благородства прикрываю тебя, Пэт. Кто вчера утром брал мои чернила? Ты!

- Пожалуйста, не понимаю, - сказал мистер Акибомбо.

- И не надо вам понимать, - обратилась к нему Салли. - Я бы на вашем месте держалась от всего этого подальше.

Мистер Чандра Лал встал из-за стола.

- Спросите, в чем причина May-May? Спросите, почему Египет недоволен Суэцким каналом?

- О, черт! - яростно вскричал Найджел, стукнув чашкой о блюдце. - Начали с Оксфорда, пришли к политике. И все за завтраком! Я ухожу.

Он резко отодвинул стул и вышел из комнаты.

- Сегодня холодный ветер, надень пальто! - Патрисия бросилась вслед за ним.

- Вот наседка-то! - недоброжелательно заметила Валерия. - Того и гляди, обрастет перьями и захлопает крыльями.

Женевьеве, француженка, еще недостаточно владевшая английским, чтобы следить за этим быстрым обменом репликами, вслушивалась в перевод, который нашептывал ей на ухо Рене, после чего затараторила по-французски, чуть ли не переходя на крик:

Comment donc? C'est cette petite qui m'a volé mon compact? Ah, par exemple! J'irais à la police. Je ne supporterai pas une pareille...¹

Колин Мак Набб уже давно пытался вставить слово, но его низкий голос и манера надменно растягивать слова тонули в громких криках остальных участников спора. Наконец, отбросив высокомерие, он стукнул кулаком по столу с такой силой, что все тотчас умолкли, а вазочка с джемом скатилась со стола и разбилась.

- Придержите языки и дайте мне сказать. Никогда я не имел дела с таким темным невежеством и такой злобой. Нет, ужели никто из вас не имеет хотя бы малейшего представления о психологии? Так вот, я скажу вам: эту девушки совершенно не за что винить. Она переживает тяжелейший эмоциональный кризис и нуждается во всеобщем сочувствии и заботе - иначе ей грозит пожизненная нестабильность. Запомните! Максимальная доброжелательность - вот что ей нужно.

- Но в конце-то концов, - вставила Джин своим высоким самоуверенным голосом, - хоть я и совершенно согласна на счет доброжелательности, но не можем же мы поощрять такие поступки? Я хочу сказать - воровство.

- Воровство! - отозвался Колин. - Это не воровство. Ох, до чего же тошнит меня от всех вас!

¹ Как? Значит, эта девчонка стащила мою пудру? Ну и ну! Я пойду в полицию. Я не допущу подобного... (фр.)

- Интересная пациентка, верно, Колин? - ухмыльнулась Валери.

- Конечно, если интересуешься работой человеческого мозга.

- У меня она, разумеется, ничего не взяла, - снова заговорила Джин, - но я думаю...

- Нет, у тебя она ничего не взяла, - нахмурясь, повернулся к ней Колин. - И если бы ты могла разобраться в том, что именно это означает, ты бы не обрадовалась.

- Право, не понимаю...

- Ох, хватит, Джин, - сказал Лен Бэйтсон. - Сколько можно трепаться на эту тему! Я вот-вот опоздаю, и ты тоже.

Они вышли вместе.

- Скажите Селии, чтоб держалась молодцом! - бросил он через плечо.

- Я бы желал выразить официальный протест, - сказал мистер Чандра Лал. - Порошок борной кислоты, очень необходимый для моих глаз, воспаленных научными трудами, был удален со своего места.

- Вы тоже опаздываете, мистер Чандра Лал, - твердо сказала миссис Хаббард.

- Мой профессор часто приходит неточно, - мрачно возразил мистер Чандра Лал, направляясь, однако, к выходу. - Так же он часто бывает раздражен и неразумен, когда я спрашиваю много вопросов исследовательского характера...

- *Mais il faut qu'elle me le rende, ce compris¹*, - сказала Женевьеве.

- Вы должны говорить по-английски, Женевьеве, вы ведь никогда не научитесь языку, если будете переходить на французский, как только что-то вас взволнует. К тому же замечу, что на этой неделе вы обедали в воскресенье, а еще не заплатили мне.

- Ах, у меня сейчас нет с собой сумочки. *Viens, Rene', nous serons en retard²*.

- Пожалуйста, - сказал мистер Акибомбо, умоляюще переводя глаза с одного на другого, - я не понял.

- Пошли, Акибомбо, - сказала Салли. - Я вам все объясню по дороге в институт.

Она ободряющие кивнула миссис Хаббард и увела из комнаты обалдевшего Акибомбо.

¹ Но она должна вернуть мне пудреницу (*фр.*).

² Идем, Рене, а то опоздаем (*фр.*).

- Ах ты, Боже мой, - тяжело вздохнула миссис Хаббард. - И зачем я только взялась за эту работу!

Валери, оставшаяся теперь с ней вдвоем, дружелюбно улыбнулась.

- Не надо беспокоиться, матушка, - сказала она, - очень хорошо, что все наконец вышло наружу. А то все издергались.

- Должна сказать, что меня это весьма удивило.

- Что виновной оказалась Селия?

- Именно. А вас разве не удивило?

Валери ответила с каким-то отсутствующим видом:

- Нет, все это мне казалось достаточно очевидным.

- Значит, вы все время догадывались, что это ее рук дело?

- Да, кое-что, разок-другой, наводило меня на эту мысль.

Как бы то ни было, с Колином она своего добилась.

- Не могу сказать, чтобы все это было мне по душе.

- Насильно мил не будешь, - засмеялась Валери. - А вот с помощью клептомании милого можно завоевать. Не тревожьтесь, матушка. И, ради Бога, заставьте Селию вернуть Женевьеве ее компактную пудру, а то нам всем за столом житья не будет.

Миссис Хаббард опять вздохнула.

- Найджел так стукнул по блюдцу, что оно треснуло, а вазочка с джемом разбилась.

- Чертовски неприятное утро, верно? - сказала Валери и вышла. Через минуту миссис Хаббард услышала, как она в холле говорит веселым голосом: "Доброе утро, Селия. Путь свободен. Все стало известно и за все будет даровано прощение, стараниями нашей Джин-Ханжи. Что касается Колина, он дрался за тебя, как лев".

Селия вошла в столовую. Глаза ее покраснели от слез.

- О, миссис Хаббард!

- Опоздали к завтраку, Селия. Кофе остыл и еды почти не осталось.

- Я не хотела никого видеть.

- Я это так и поняла. Но ведь рано или поздно вам с ними придется увидеться.

- Да, я знаю. Но я подумала... вечером... это будет как-то легче. И конечно, я здесь не останусь, съеду в конце недели.

Миссис Хаббард нахмурилась.

- По-моему, в этом нет никакой необходимости. Конечно, вы будете некоторое время чувствовать известную неприязнь с их стороны - и это ведь по заслугам, но в целом-то вся эта молодежь - очень великодушный народ. Разумеется, вам следуют вернуть все что возможно.

Селия поспешила перебила ее:

- Ну конечно! Вот у меня тут с собой чековая книжка. Об этом я тоже хотела с вами поговорить. - Она бросила взгляд на чековую книжку и конверт, который держала в руке. - Я написала вам записочку, на тот случай, если вас здесь не застану, чтобы еще раз попросить у вас прощения, и хотела вложить туда же чек, чтобы вы за меня уладили это со всеми, - только у меня в ручке не оказалось чернил.

- Надо будет составить список.

- Я уже составила, как могла. Но я не знала, что лучше - попробовать купить новые вещи вместо тех или просто отдать деньгами.

- Я подумаю над этим. Так, сразу, трудно сообразить.

- О, позвольте мне выписать вам чек сейчас же, мне станет настолько легче.

Миссис Хаббард чуть было не сказала сгоряча: "Вот как? А с какой, собственно, стати вам сразу должно стать легче?" - но тут же подумала, что студентам вечно не хватает денег и все это дело можно гораздо легче уладить именно таким образом. К тому же и Женевьевы наконец-то уймется, не то она способна наделать уйму неприятностей с помощью миссис Николетис (хотя неприятностей и без того хватит).

- Хорошо, - сказала она и пробежала глазами список. - Конечно, трудно вот так, сразу, сказать, сколько...

Селия торопливо прервала ее:

- Позвольте мне выписать вам чек на сумму, которую вы, примерно, считаете достаточной, а потом вы спросите у них у всех, а я тогда уж прибавлю или отбавлю, как надо будет.

- Ну, хорошо, - миссис Хаббард наудачу называла сумму, которая более или менее соответствовала, и Селия тотчас же с ней согласилась и раскрыла чековую книжку.

- Ах, досада какая, чернил-то в ручке нет! - Она подошла к полке, где студенты держали всякую мелочь. - Никаких чернил тут нет, кроме ужасных Найджеловых зеленых... Ну, ладно, возьму их. Найджел не рассердится. Надо будет только не забыть купить другие, как только выйду из дома.

Она наполнила ручку, подошла к столу, выписала чек, отдала его миссис Хаббард и взглянула на часы.

- Как бы не опоздать. Пожалуй, уйду без завтрака.

- Нет, надо что-то поесть, Селия, - хоть хлеба с маслом, вредно выходить на пустой желудок. Да, Джеронимо, в чем дело?

Джеронимо, слуга-итальянец, вошел в комнату, делая руками какие-то выразительные знаки, а на его сморщенном обезьяньем личике одна гримаса сменяла другую.

- Наша padrona¹ только что пришла. Хочет вас видеть. - С последней гримасой он добавил: - Бешеная совсем.

- Сейчас иду.

Миссис Хаббард вышла, а Селия торопливо отрезала себе кусок хлеба.

Миссис Николетис ходила взад-вперед по своей комнате, что придавало ей весьма близкое сходство с тигрицей в зоопарке перед кормлением.

- Что мне сказали? - взорвалась она сразу. - Вы послали за полицией? Не сказав мне ни слова? Да за кого вы себя принимаете? Бог ты мой, что эта женщина о себе мнит!

- Я не посыпала за полицией.

- Врете вы все.

- Послушайте, миссис Николетис, вы не можете так со мной разговаривать.

- Не могу! О, конечно, не могу! Конечно, ведь это я проницлась, а не вы! Всегда я! А вы всегда правы! Полиция в моем респектабельном общежитии!

- Это было бы не в первый раз, кстати, - заметила миссис Хаббард, припомнив несколько неприятных происшествий. - Был ведь этот студент из Вест-Индии, которого разыскивала полиция, потому что он жил на нечестные заработки, и еще этот молодой агитатор-коммунист, который поселился здесь под чужим именем, и еще...

- Ах так! Этим вы вздумали меня попрекать? Я, значит, виновата, если люди обманывают и живут по подложным документам и полиция их разыскивает как свидетелей преступлений? И вы еще меня попрекаете за все, что я выстрадала!

- Ничего подобного. Я только объясняю, что появление здесь полиции вовсе не было бы такой уж новостью. Я хочу сказать, это неизбежно при таком составе студентов. Но дело в том, что никто не "звал полицию". Вчера вечером у меня был гость к обеду - очень известный частный детектив. Он прочитал студентам интереснейшую лекцию по криминологии.

- Как будто нашим студентам нужны такие лекции! Они и без этого достаточно знают. Достаточно, чтобы воровать, портить, безобразничать, как им угодно! И ведь ничего не делается, чтобы это прекратить, ничего!

- Я кое-что сделала.

- Да, конечно, вы рассказали этому своему приятелю о наших самых сокровенных делах. Это грубейшее злоупотребление доверием.

1

Padrona - хозяйка (ит.).

- Ничего подобного. Я отвечаю за порядок в общежитии. Очень рада, что могу сообщить вам о том, что все уладилось. Одна из студенток созналась, что в большинстве пропаж виновата она.

- Вот поганая тварь, - сказала миссис Николетис. - Вышвырните ее на улицу.

- Она сама хочет выехать отсюда и готова всем возместить ущерб.

- Какой в этом толк? Мой чудесный студенческий дом приобретет теперь дурную славу. Никто не захочет жить здесь.

Миссис Николетис уселась на диван и залилась слезами.

- Никто со мной не считается! - рыдала она. - Ужас, ужас, как ко мне здесь относятся! Меня и знать не хотят! Никому до меня нет дела! Умри я завтра - кто заплачет?

Благоразумно избежав ответа на такой вопрос, миссис Хаббард вышла из комнаты.

"Пошли мне, Бог, терпение!" - сказала она про себя и спустилась на кухню, чтобы расспросить Марию. Но Мария была мрачна и молчала. Слово "полиция" не было произнесено, но витало в воздухе.

- Все свалят, конечно, на меня. На меня и на Джеронимо *povelo*¹. Разве добьешься справедливости в чужой стране? Нет, я не смогу сварить ризotto, как вы заказали, мне прислали не тот сорт риса. Я лучше сделаю спагетти.

- Спагетти были вчера.

- Ну и что такого? У нас в стране спагетти едят каждый день - каждый божий день. Тесто - это всегда идет на пользу.

- Да, но сейчас-то вы в Англии.

- Ну, что же, хорошо, приготовлю тушеное мясо. По-английски. Вам не понравится, но я приготовлю - такое бледное, бледное, лук, вываренный в воде, не жаренный в масле, и бледное такое мясо на жидких костях.

Мария говорила так угрожающе, что миссис Хаббард казалось, будто она слушает отчет об убийстве.

- Да приготовьте вы что хотите, - сердито сказала она и вышла из кухни.

В шесть часов вечера миссис Хаббард была деятельна и энергична, как всегда. Она разнесла записки в комнаты ко всем студентам, с просьбой зайти к ней перед обедом, и, когда они явились, сообщила, что Селия поручила ей уладить все

¹ *Povelo* - бедного (*им.*).

дела. Она нашла, что все они очень хорошо отзывались на это предложение. Даже Женевьеве смягчилась после весьма щедрой оценки ее компактной пудры, весело заявила, что будет *sans rancune*¹, и добавила с видом человека, умудренного опытом:

- Всем известно, что такое эти нервные приступы. Она ведь богата, эта Селия, ей воровать незачем. Нет, это, конечно, нервный сдвиг, месье Мак Набб тут совершенко прав.

Лен Бэйтсон отвел миссис Хаббард в сторонку, когда она спустилась вниз, едва зазвонили к обеду.

- Я подожду Селию в холле, - сказал он, - и войду с ней вместе. Она тогда сразу поймет, что все уложено.

- Это очень хорошо с вашей стороны, Лен.

- Значит, все о'кэй, матушка.

Начался обед и уже стали передавать по столу тарелки с супом, как вдруг в холле загудел громкий голос Лена:

- Идем, идем, Селия. Там все наши друзья.

Найджел ядовито заметил, глядя в тарелку:

- Сделал свое доброе дело за день! - но затем придержал язык и приветливо помахал рукой Селии, когда она вошла вместе с Леном, обхватившим ее плечи своей могучей ручищкой.

Все затеяли шумную, веселую беседу на различные темы, втягивая в нее Селию. Но постепенно, как и следовало ожидать, это проявление общего благодушия закончилось полным молчанием. И тогда мистер Акибомбо повернулся к Селии сияющее лицо и, перегнувшись через стол, сказал ей:

- Мне теперь объяснили хорошо все, чего я не понимать. Вы очень умная красть вещи. Долго время никто не знать. Очень умная!

Салли Финч выдохнула:

- Акибомбо, ты меня уморишь! - и так захлебнулась супом, что ей пришлось выбежать в холл. Все совершенно естественно засмеялись и развеселились.

Колин Мак Набб пришел к столу с опозданием. Он был еще более замкнутым и молчаливым, чем обычно. Когда обед шел к концу, но все еще были за столом, он встал и застенчиво пробормотал:

1

Sans rancune - не будет помнить зла (фр.).

- Должен уйти, повидать нужно кое-кого. Хочу сперва сообщить - мы с Селией надеемся пожениться в будущем году, когда закончу аспирантуру.

Покраснев и стесняясь, он выслушал поздравления и положенные в этих случаях громкие возгласы друзей и наконец убежал, не помня себя от смущения.

- Еще один хороший парень пропал, - вздохнул Лен Бэйтсон.

- Я так рада, Селия, - сказала Патрисия, - надеюсь, что ты будешь очень счастлива.

- Итак, в саду расцвели все цветы, - сказал Найджел. - Завтра принесем бутылочку кьянти и разопьем за твоё здоровье. Что это наша драгоценная Джин так посурковела? Ты отрицательно относишься к браку, Джин?

- Конечно нет, Найджел.

- Я всегда считал, что это гораздо лучше, чем свободная любовь, как ты думаешь? И для детей куда полезней. Как-то красивее выглядит на паспортах.

- Но мать не должна быть чересчур молодой, - заметила Женевьев. - Этому нас учат на занятиях по физиологии.

- Слушай, дорогая, - сказал Найджел, - ты что, хочешь сказать, что Селия еще несовершеннолетняя или что-то в этом роде? Она свободная, белая, и ей двадцать один год.

- Это, - сказал мистер Чандра Лал, - чрезвычайно оскорбительное высказывание.

- Нет, нет, мистер Чандра Лал, - вмешалась Патрисия, - это просто цитата. Это ничего не значит.

- Я не понимаю, - сказал мистер Акибомбо. - Если ничего не значит, зачем говорить?

Элизабет Джонстон внезапно заговорила несколько громче обычного:

- Иногда говорят такое, что как будто ничего не значит, а на самом деле значит очень много. Нет, я не по поводу вашей американской цитаты. Я совсем о другом. - Она окинула взглядом всех, сидевших за столом. - Я говорю о том, что случилось вчера.

Валери резко спросила:

- В чем дело, Бесс?

- О, пожалуйста, не надо, - взмолилась Селия. - Я думаю, я уверена, что завтра все, все выяснится. Я серьезно уверена. Пролитые чернила, и эта глупая история с рюкзаком. И если... если тот человек признается, как сделала я, все уладится окончательно.

Она говорила очень серьезно, щеки ее горели, и кое-кто из сидящих за столом с любопытством поглядывал на нее.

Валери коротко засмеялась и сказала:

- И все мы будем жить долго и счастливо.

Затем все встали и перешли в общую гостиную. Даже немного поспорили, кто нальет Селии кофе. Включили радио, а потом все потихоньку разошлись, кто по делам, кто к себе, чтобы заниматься, и в конце концов все жильцы домов 24 и 26 по Хиккори-Роуд улеглись спать. Мисс Хаббард легла в постель и со счастливым вздохом подумала - какой был длинный, утомительный день.

"Но, слава Богу, - добавила она про себя, - наконец-то это уже позади".

Глава 7

Мисс Лемон редко опаздывала - да вряд ли ей и когда-либо вообще случалось опаздывать. Туман, буря, эпидемия гриппа, транспортная задержка - ничто, по-видимому, не действовало на эту удивительную женщину. Но в данное утро мисс Лемон явилась, задыхаясь от быстрой ходьбы, не в десять часов ровно, а в пять минут одиннадцатого. Она многословно извинялась за опоздание и казалась, по-своему, очень взволнованной.

- Мне очень неприятно, месье Пуаро, поверьте, чрезвычайно неприятно. Я как раз выходила из дома, когда позвонила моя сестра.

- Надеюсь, она в добром здравии и хорошем настроении?

- Откровенно говоря, вовсе нет.

Пуаро вопросительно взглянул на нее.

- Напротив, она чрезвычайно расстроена. Одна из студенток покончила с собой.

Пуаро что-то в изумлении пробормотал про себя.

- Простите, месье Пуаро?

- Как зовут эту студентку?

- Это девушка по имени Селия Остин.

- Как покончила?

- Полагают, что с помощью морфия.

- Это не могло быть случайностью?

- О, нет. Она, кажется, оставила записку.

Пуаро тихо сказал:

- А я ведь не этого ждал, нет, не этого... и все же, я действительно чего-то ждал...

Он поднял глаза на мисс Лемон и увидел, что она уже сидит в полной готовности, с карандашом и блокнотом в руке. Он вздохнул и покачал головой.

- Нет, я только передам вам утреннюю почту. Прочитайте, пожалуйста, письма и ответьте сами, на какие сможете. Что касается меня, я отправляюсь на Хиккори-Роуд.

Джеронимо открыл дверь и, сразу узнав в Пуаро позавчерашнего почетного гостя, затараторил свистящим шепотом, как заговорщик.

- Ах, синьор, это вы. А у нас здесь беда - большая беда. Эта маленькая синьорина, она сегодня утром умерла в своей постели. Сперва доктор приходит, качает голова. Потом приходит инспектор полиции. Он наверху с синьориной и с падроной. Зачем ей хотеть умирать, *poverina*?¹ Если вчера она такая веселая и у нее помолвка?

- Помолвка?

- *Si, si*², с мистер Колин, знаете - большой такой, темные волосы, всегда курит трубку.

- Да, знаю.

Джеронимо открыл дверь гостиной и ввел туда Пуаро, удвоив свои заговорщицкие приемы:

- Будете здесь, да? Скоро, когда полиция уже нет, скажу синьоре, вы тут. Так хорошо, да?

Пуаро подтвердил, что так хорошо, и Джеронимо удалился.

Оставшись один, Пуаро, ничуть не стесняясь, внимательно осмотрел комнату и в особенности вещи, принадлежащие студентам. Но старания его были напрасными. Большую часть вещей и бумаг студенты держали у себя в комнатах.

Миссис Хаббард сидела наверху перед инспектором Шарпом, который задавал ей вопросы кратко, как бы извиняясь. Этот крупный вежливый человек держался весьма доброжелательно, с какой-то обманчивой мягкостью.

- Я знаю, что вам все это ужасно неприятно, и понимаю, как вы расстроены, - ласково говорил он. - Но, видите ли, доктор Коулс уже сказал вам, что предстоит расследование, и нам необходимо, так сказать, получить точное представление об этом происшествии. Значит, вы говорите, девушка эта была на днях чем-то очень огорчена, что-то переживала?

- Да.

¹ *Poverina* - бедняжка (*им.*).

² *Si, si* - да, да (*им.*).

- Неудачная любовь?
- Не совсем, - нерешительно ответила миссис Хаббард.
- Лучше будет, если вы все мне расскажете, как есть, - убедительно сказал инспектор Шарп. - Как я уже говорил, вся картина должна быть нам ясна. У нее была причина, чтобы покончить с собой, или, по крайней мере, она полагала, что имеется таковая? Возможно, она была беременна?
- Нет, ничего подобного. Я просто была в нерешительности, инспектор Шарп, потому что девчонка наделала глупостей, а я надеялась, что не будет необходимости вытаскивать их на всеобщее обозрение.

Инспектор Шарп откашлялся:

- Мы умеем молчать, когда надо, а наш коронер¹ - человек с обширным опытом. Но знать обо всем нам необходимо.
- Да, конечно. Это было глупо с моей стороны. Дело в том, что в течение некоторого времени, трех месяцев или даже больше, у нас здесь пропадали кое-какие вещи - мелочи, собственно говоря, ничего крупного.
- Вы имеете в виду какие-нибудь побрякушки, нейлоновые чулки и все такое? А деньги?
- Нет, насколько мне известно.
- Ага. И виновницей оказалась эта девушка?
- Да.
- Ее поймали с поличным?
- Не совсем так. Дело в том, что позавчера вечером сюда к обеду пришел один мой знакомый. Некий месье Эркюль Пуаро - может быть, вы о нем слышали?

Инспектор Шарп оторвался от своих записей и широко раскрыл глаза. Да, это имя было ему известно.

- Месье Эркюль Пуаро? - сказал он. - Вот как? Ну, это чрезвычайно интересно.
- Он прочитал нам после обеда небольшую лекцию, и тут зашла речь об этих кражах. Он посоветовал мне, при всех, обратиться в полицию.
- Неужели?
- А после этого Селия пришла ко мне в комнату и во всем призналась. Она была страшно расстроена.
- А был разговор о привлечении ее к ответственности?
- Нет. Она предложила возместить всем ущерб, и они отнеслись к этому с пониманием.
- Ей трудно жилось?

¹ Коронер - следователь, ведущий дело о насильственной смерти.

- Нет. У нее был очень приличный заработка в клинике Св. Кэтрин, где она работала фармацевтом, и, кроме того, у нее еще были деньги, насколько мне известно. Пожалуй, она была состоятельней, чем большинство наших студентов.

- Значит, у нее не было повода воровать, но она воровала, - сказал инспектор, записывая.

- Вероятно, случай клептомании, - молвила миссис Хаббард.

- Да, этот ярлычок обычно применяют к людям, у которых нет необходимости брать чужое, однако они все же берут.

- Мне кажется, вы к ней немножко не справедливы. Видите ли, тут замешан молодой человек.

- Он разругал ее за это?

- О нет, как раз наоборот. Он очень горячо выступил на ее защиту и, более того, вчера вечером, после ужина, сообщил о помолвке с ней.

Инспектор Шарп в изумлении высоко поднял брови.

- И после этого она ложится спать и принимает морфий? Несколько неожиданно, правда?

На лице миссис Хаббард отразились растерянность и отчаяние.

- И все же факты говорят за себя. - Шарп кивком указал на маленький обрывок бумаги, лежавший между ними на столе. "Дорогая миссис Хаббард, - было там написано, - я очень, очень раскаиваюсь, и, по-моему, это - лучшее, что я могу сделать".

- Подпись нет, но вы уверены, что это ее почерк?

- Да.

Все же уверенности в голосе миссис Хаббард не было, и она хмурилась, глядя на обрывок бумаги. Почему-то ее не оставляла мысль, что тут что-то неладно.

- На нем один четкий отпечаток ее пальца, - сказал инспектор. - Морфий был в маленькой бутылочке с надписью "Клиника Св. Кэтрин". У нее, конечно, были ключи от шкафа с ядами, и, по всей вероятности, она это там и взяла. Очевидно, она принесла его вчера, уже задумав самоубийство.

- Не могу поверить. Что-то тут не сходится. Она была так счастлива вчера вечером.

- Значит, следует предположить, что наступила реакция, когда она легла. Может быть, в ее прошлом было многое, чего вы не знаете. Может быть, она испугалась, что это выплынет наружу. Вы думаете, она очень была влюблена в этого молодого человека - как его имя, кстати?

- Колин Мак Набб. Он занимается в аспирантуре при клинике Св. Кэтрин.

- Врач? Гм! И тоже в клинике Св. Кэтрин?

- Селия была очень влюблена в него, больше, как мне кажется, чем он в нее. Этот молодой человек весьма сосредоточен на самом себе.

- Вот тут, возможно, и кроется объяснение. Она чувствовала, что недостойна его, или же не сказала ему того, что должна была сказать. Она ведь была очень молода?

- Двадцать один год.

- Они в этом возрасте такие идеалисты и так всерьез принимают любовь. Да, так оно, очевидно, и есть. Жаль.

Он поднялся.

- Боюсь, что некоторые факты придется обнародовать, но мы сделаем все возможное, чтобы их смягчить. Благодарю вас, миссис Хаббард. Теперь у меня есть вся необходимая информация. Ее мать умерла два года тому назад, единственной известной нам родственницей является пожилая тетка в Йоркшире - мы сообщим ей.

Он взял обрывок бумаги с неровным почерком Селии.

- Нет, что-то здесь не так, - внезапно сказала миссис Хаббард.

- Не так? В каком смысле?

- Не знаю - и в то же время чувствую, что должна бы знать.

О, Господи!

- Но вы совершенно уверены, что это ее почерк?

- Да. Но не в этом дело.

Миссис Хаббард на мгновение крепко прижала пальцы к глазам.

- Какой-то ужасной дурой я чувствую себя сегодня, - сказала она, как бы оправдываясь.

- Все это трудно далось вам, я понимаю, - с добродушным сочувствием сказал инспектор. - Пожалуй, мы пока что больше не будем вас беспокоить, миссис Хаббард.

Инспектор Шарп открыл дверь и прямо налетел на Джеронимо, который стоял с той стороны, прижавшись к двери.

- Привет! - весело сказал инспектор Шарп. - Подслушиваем, да?

- Нет, нет! - тотчас же ответил Джеронимо с благородным негодованием. - Я не подслушиваю, никогда, никогда! Я пришел с поручением.

- Понятно. Что за поручение?

Джеронимо угрюмо произнес:

- Внизу джентльмен к синьоре Хаббард.

- Отлично. Идите к ней, дружище, и сообщите.

Он прошел в коридор мимо Джеронимо, а затем повернулся и, точь-в-точь как это сделал итальянец, бесшумно подошел вплотную к двери. Совсем не мешает узнать, правду ли сказал этот субъект с обезьяньей мордочкой.

Он услышал голос Джеронимо:

- Джентльмен-усы, который тот вечер ужинал, ждет вас внизу.

- А? Что? - миссис Хаббард было явно не до того.

- Ах, понимаю, спасибо, Джеронимо. Я спущусь через минутку.

"Джентльмен-усы, вон что! - ухмыльнулся Шарп. - Держу пари, что я его знаю".

Он спустился с лестницы и вошел в гостиную.

- Хэлло, месье Пуаро, - сказал он, - давно мы с вами не виделись!

Пуаро без всякого смущения поднялся с колен - в этом положении он осматривал нижнюю полку возле камина.

- Ага! - сказал он. - Не может быть - инспектор Шарп? По-моему, вы раньше в этом отделении не работали?

- Перевели два года назад. Помните дело на Крейс-Хилл?

- Да-да. Немало времени прошло. А вы все также молоды, инспектор...

- Старею, старею...

- А я, увы, уже состарился! - Пуаро вздохнул.

- Но все также активны, правда, месье Пуаро? Активны в определенном смысле.

- Что вы имеете в виду?

- А то, что мне хотелось бы знать, зачем это вы явились сюда позавчера вечером с какой-то лекцией по криминологии для студентов!

Пуаро улыбнулся.

- Ну, это очень просто объясняется. Эта миссис Хаббард - родная сестра моей бесценной секретарши, мисс Лемон. Поэтому, когда она меня пригласила...

- Когда она вас пригласила, чтобы вы разобрались, что тут такое происходит, вы и пришли. Верно?

- Совершенно верно.

- Но почему? Вот что мне хотелось бы знать. Что тут было интересного для вас?

- То есть, что именно могло меня заинтересовать?

- Вот именно. Глупая девчонка воровала какие-то мелочи то у одного, то у другого. Самая обычная история. Мелковато для вас, месье Пуаро, верно?

Пуаро покачал головой.

- Нет? Почему же? Что тут, по-вашему, не просто?

- Именно так: все это совсем не просто.

Пуаро уселся и, слегка нахмурившись, стряхнул пыль с колен.

- Если б я знал! - сказал он искренне.

Шарп сдвинул брови.

- Не понимаю, - произнес он.

- Да, вот и я не понимаю. То, что было украдено, - Пуаро покачал головой, - не укладывается ни в какую схему. Не имеет никакого смысла. Все равно что цепочка следов, а следы оказываются, оставили разные люди. Совершенно ясны следы той, что вы назвали "глупой девчонкой", - но это далеко не все. Есть многое другое, что должно бы было войти в схему Селии Остин - да вот неходит. Совершенно бессмысленные, бесцельные поступки. И кроме того, кое-что говорит о злобном намерении. А Селия злобной не была.

- А была ли она kleptomanкой?

- Сильно сомневаюсь.

- Просто воровочка по мелочам, так, что ли?

- Нет, не так. На мой взгляд, все эти пустячные кражи были затеяны с целью привлечь внимание некоего молодого человека?

- Это Колин Мак Набб?

- Да. Она была безнадежно влюблена в него, а он ее даже не замечал. И вот вместо того, чтобы оставаться милой, хорошенькой, воспитанной девицей, она изобразила из себя этакую интересную юную правонарушительницу. Этот ход оказался удачным. Колин Мак Набб немедленно заинтересовался ею, как говорится, по большому счету.

- Стало быть, он круглый дурак.

- Ничуть. Он психолог, увлеченный своей профессией.

- О! - простонал инспектор Шарп. - Он, значит, из таких!

Теперь все понятно! - Он слегка ухмыльнулся. - Умно поступила девушка!

- На удивление умно.

И Пуаро задумчиво повторил: "На удивление умно".

Инспектор Шарп навострил уши:

- Что вы хотите этим сказать, месье Пуаро?

- Я тогда подумал - да и сейчас думаю - уж не подал ли ей кто-нибудь эту мысль?

- По какой причине?

- Откуда я знаю? Из альтруизма? Или был более серьезный повод? Тут все неясно.

- А есть хоть какое-то предположение, кто именно мог это ей посоветовать?

- Нет - разве только - нет...

- И все-таки? - размышлял вслух инспектор Шарп. - Я не очень понимаю. Если она действительно прикинулась клептоманкой и этим достигла цели - за каким же чертом ей самоубийство?

- Ответ может быть один: это не самоубийство.

Они посмотрели друг на друга. Пуаро тихо сказал:

- Вы совершенно уверены, что она покончила с собой?

- Ясно как день, месье Пуаро. Нет никаких оснований думать иначе и...

Дверь распахнулась, и вошла миссис Хаббард. Лицо ее было красным и торжествующим, подбородок воинственно выдался вперед.

- Сообразила, - победоносно сообщила она. - Доброе утро, месье Пуаро. Я все сообразила, инспектор Шарп. Меня внезапно осенило. Почему-то мне все время казалось, что в этой предсмертной записке что-то не то. Селия просто никак не могла ее написать.

- Почему, миссис Хаббард?

- Потому что она написана простыми черными чернилами; Селия же наполнила ручку зелеными, вон они там стоят на полке, - показала миссис Хаббард, - вчера утром, после завтрака.

Совсем другим был инспектор Шарп, когда вернулся в комнату, из которой он поспешно выбежал после сообщения миссис Хаббард.

- Правильно, - сказал он, - я проверил. Единственная ручка в комнате девушки, возле кровати, наполнена зелеными чернилами. А эти чернила...

Миссис Хаббард подала ему почти пустую бутылочку. Затем она, коротко и четко, передала ему разговор с Селией в столовой утром после завтрака.

- Я уверена, - сказала она в заключение, - что этот клочок бумаги оторван от письма, которое она мне вчера написала и которое мне не досталось.

- А что она с ним сделала? Можете вспомнить?

Миссис Хаббард покачала головой.

- Я ее оставила здесь одну и пошла по моим хозяйственным делам. Она, должно быть, оставила его где-то здесь и забыла.

- А кто-то нашел... и вскрыл... кто-то....

Он замолчал.

- Вы понимаете,- сказал он,- что все это значит? Мне тоже все время покоя не давал этот обрывок бумаги. У нее в комнате лежала целая стопка для записей - куда естественней было написать предсмертную записку на таком листке. Это значит, что кто-то счел возможным воспользоваться первой фразой письма к вам - чтобы выдать ее за нечто совсем другое! Чтобы навести на мысль о самоубийстве... - Он замолчал опять, а потом медленно произнес:

- Из этого следует, что это...

- Убийство,- сказал Эркюль Пуаро.

Глава 8

Несмотря на свою неприязнь к английскому пятичасовому чаю, мешающему отдать должное главной трапезе суток - обеду, Пуаро все же привык к нему.

В этот день великий умелец Джордж подал к столу две большие чашки, чайник с крепчайшим настоем индийского чая, горячие, промасленные, квадратные пышки, а к ним - хлеб, варенье и большой, квадратный сливовый пирог.

И все это - на радость инспектору Шарпу, который блаженно откинулся на спинку кресла, прихлебывая третью чашку чая.

- Вы не сердитесь, что я так запросто явился к вам, месье Пуаро? У меня выдался свободный часок, до возвращения студентов в общежитие. Я собираюсь порасспрашивать их и скажу вам откровенно: никакого удовольствия эта перспектива мне не доставляет. Вы на днях там были и застали кое-кого из них и, может быть, подскажете мне что-нибудь полезное - хотя бы об иностранных студентах.

- Вы думаете, я хорошо разбираюсь в иностранцах? Но среди них не было бельгийцев.

- Бельгииец.. О, понимаю! Вы хотите сказать, что, поскольку вы бельгиец, они для вас такие же иностранцы, как и для меня. Но я думаю, что вы лучше, чем я, понимаете жителей континента - об индийцах и африканцах я не говорю.

- Лучше всего вам поможет миссис Хаббард. Она уже несколько месяцев находится в тесном общении с этой молодежью и к тому же хорошо разбирается в людях.

- Да, весьма толковая женщина. Я вполне могу положиться на нее. Мне еще надо будет повидать хозяйку этого общежития. Утром ее там не было. Как я понимаю, она владелица нескольких подобных общежитий и вдобавок еще нескольких студенческих клубов. Но, кажется мне, ее там недолюбливают.

Пуаро молчал минуту-другую, потом спросил:

- Вы были в клинике Св. Кэтрин?

- Да. Старший фармацевт очень хорошо меня принял. Он весьма расстроен этим печальным событием.

- А что он говорит о девушке?

- Она проработала там как раз год, и все хорошо относились к ней. Он говорит, что она была не очень-то сообразительной, но зато очень добросовестной. - Он замолчал, потом добавил:- А морфий-то, действительно, оттуда.

- Вот как? Интересно - и не очень понятно.

- Это был тартрат морфия. Хранился в аптеке в специальном шкафу для ядовитых веществ. На верхней полке, среди лекарств, которые редко могут понадобиться. Больше всего, конечно, используется морфий для инъекций, а гидрохлорид морфия, оказывается, применяют чаще, чем тартрат. Видимо, своего рода мода, что ли, как и во всем. Врачи тоже, видимо, подчиняются стадному чувству, когда прописывают то или другое лекарство. Он, конечно, этого не говорил, это я так думаю. На верхней полке, в этом шкафу, хранятся лекарства, которые когда-то были в ходу, а теперь давным-давно не применяются.

- И, таким образом, исчезновение какой-то запыленной бутылочки не было бы сразу замечено?

- В том-то и дело. Инвентаризация производится через определенные промежутки времени. Рецепта на тартрат морфия давным давно не выписывали. Значит, отсутствие его было бы замечено только в том случае, если бы он вдруг понадобился - или же при инвентаризации. У всех трех фармацевтов есть ключи от этого шкафа, а так как шкафом пользуются в течение дня постоянно, его отпирают утром и он всегда остается незапертым.

- Кто же имел к нему доступ кроме Селии?

- Две остальные женщины-провизоры, но они не имеют никакого отношения к Хиккори-Роуд. Одна работает уже четыре года, другая поступила только пару недель назад, рабо-

тала в больнице в Девоне. У обеих хорошие характеристики. Кроме того, имеются три старших фармацевта, которые много лет работают в клинике Св. Кэтрин. Вот все эти люди имеют полное законное право пользоваться этим шкафом. Еще есть женщина, которая моет полы. Она приходит между девятью и десятью часами утра и, конечно, могла бы стащить бутылочку из шкафа, пока девушки обслуживаются амбулаторных больных или отправляют лекарства в палаты клиники, но она много лет там работает и непохоже, чтобы она могла такое проделать. Лаборант приносит туда аптечную посуду и тоже, при случае, мог бы прибрать к рукам бутылочку-другую, но все это весьма маловероятно.

- А кто из посторонних имеет доступ в аптеку?

- Да многие, под теми или иными предлогами. Например, надо пройти через аптеку, чтобы попасть в кабинет главного фармацевта, или, скажем, представители оптовых фармакологических предприятий тоже проходят через нее в отдел, где изготавливаются лекарственные препараты. Ну, разумеется, к кому-нибудь из провизоров приходят друзья или знакомые - не так уж часто, но случается.

- Это уже интересно. Кто же в последнее время приходил к Селии Остин?

Шарп заглянул в свой блокнот.

- Девушка по имени Патрисия Лейн приходила в прошлый вторник. Они договорились пойти в кино после конца рабочего дня в аптеке.

- Патрисия Лейн, - задумчиво повторил Пуаро.

- Она пробыла там минут пять и не подходила к тому шкафу, а разговаривала с Селией и другой девушкой через окошко, куда амбулаторные больные подают рецепты на заказ лекарств. Еще они вспомнили, что недели две тому назад приходила цветная девушка - очень высокомерная, как они говорят. Ее интересовала работа в аптеке, она задавала множество вопросов и записывала ответы. Отлично говорит по-английски.

- Это, должно быть, Элизабет Джонстон. Значит, интересовалась работой аптеки?

- Это был день бесплатного приема больных. Ее как раз интересовало, как организуется подобное мероприятие, а также, что именно прописывают в случаях детской диареи и кожных заболеваний.

Пуаро кивнул.

- Еще кто-нибудь?

- Нет, больше никого не припоминали.

- А врачи заходят в аптеку?

Шарп ухмыльнулся.

- Постоянно. Официально и неофициально. Иногда, чтобы проверить какое-нибудь предписание или посмотреть, что там хранится в запасах.

- Что хранится в запасах?

- Да, я над этим думал. Иногда они спрашивают совета - например, чем заменить препарат, который вызывает у больного кожное раздражение или нежелательные желудочные расстройства. Иногда врач заходит просто так, поболтать в свободную минутку. Кое-кто из молодых забегает за таблеткой веганина или аспирина, если ему плохо с похмелья, - ну, а подчас просто чтобы пофлиртовать с кем-нибудь из девушек, если представится такая возможность. Человек остается человеком, ничего не поделаешь. Словом, видите, как все обстоит. Довольно безнадежно.

Пуаро сказал:

- Насколько я помню, кое-кто из студентов, живущих на Хиккори-Роуд, связан с клиникой Св. Кэтрин - крупный такой, рыжий парень - Бэйтс? Бэйтман? - Леонард Бэйтсон. Правильно. И Колин Мак Набб там занимается в аспирантуре. И еще одна девушка, Джин Томлинсон, работает в физиотерапевтическом отделении.

- И все они, должно быть, частенько забегают в аптеку.

- Да, и, что еще хуже, никто не помнит, когда они приходили, оттого что привыкли к ним и знают их в лицо. Джин Томлинсон, кстати, дружит с главным фармацевтом.

- Нелегкая задача, - сказал Пуаро.

- Еще бы! Понимаете, ведь любой из работающих в аптеке может взглянуть на шкаф с ядами и сказать: "На что вам столько мышьяка?" или: "Вот не знал, что это сейчас еще применяют!" - И никто об этом потом и не вспомнит.

После недолгого молчания Шарп сказал:

- Мы можем предположить, что кто-то отравил Селию Остин морфием, а потом оставил в ее комнате пустую бутылочку из-под морфия и клочок письма, чтобы это выглядело как самоубийство. Но почему, месье Пуаро, почему?

Пуаро покачал головой. Шарп продолжал:

- Сегодня утром вы намекнули, что кто-то мог подать Селии Остин мысль прикинуться kleptomankой.

Пуаро поерзal в кресле.

- Это был мой смутный домысел. Просто мне показалось сомнительным, чтобы у нее хватило ума самой до этого додуматься.

- Но кто же?

- Насколько я знаю, только трем из этих студентов могла прийти в голову такая мысль. Леонард Бэйтсон обладает необходимыми для этого знаниями. Ему известен горячий интерес Колина к "неуравновешенным личностям". Он мог подсказать Селии что-нибудь в этом роде и даже научить ее, как себя вести. Но я не могу себе представить, чтобы он месяц за месяцем потворствовал развитию этой затеи - разве что у него была какая-то веская причина для этого или же он совсем не такой человек, каким кажется (а такое всегда возможно, и это надо принимать во внимание).

У Найджела Чепмена лукавый и часто недобрый ход мыслей. Он бы счел такую затею забавной, и, как мне кажется, совесть его бы совершенно не мучила. Он, знаете ли, своего рода взрослый *enfant terrible*¹.

Третий, кого я имею в виду, - молодая женщина по имени Валери Хобхауз. Она умна, современных взглядов, образованна и, вероятно, достаточно начитана по психологии, чтобы иметь возможность предположить, какова будет реакция Колина. А если она и любила Селию, она бы тем более считала, что может, по праву, посмеяться над одуроченным Колином.

- Леонард Бэйтсон, Найджел Чепмен, Валери Хобхауз, - сказал Шарп, записывая имена. - Спасибо за подсказку. Я это буду держать в памяти, когда буду задавать им вопросы. А как насчет индусов? Один из них тоже студент-медик.

- Его голова целиком занята политикой и манией преследования, - ответил Пуаро. - Не думаю, чтобы ему было интересно подсказать Селии Остин эту затею с клиентоманией, и не думаю также, чтобы она прислушалась к его совету.

- И это все, чем вы можете мне помочь, месье Пуаро? - сказал Шарп, вставая и пряча блокнот в карман.

- Боюсь, что так. Но я считаю себя лично заинтересованным участником расследования - если вы не возражаете, друг мой?

- Ничуть. Почему бы я стал возражать?

- Я сделаю что смогу, по-своему, по-любительски. Для меня, как мне кажется, есть только одна возможность действовать.

- А именно?

Пуаро вздохнул:

¹ *Enfant terrible* - ужасный ребенок (фр.).

- Разговаривать, друг мой. Разговаривать и опять разговаривать. Все убийцы, с которыми мне довелось встретиться, с наслаждением разговаривали. Но-моему, сильный молчаливый человек редко совершает преступление, но уж если совершил - это будет преступление простое, отчаянное и совершенно очевидное. А вот умный, тонкий убийца - он так доволен собой, что рано или поздно проговорится и попадется. Побеседуйте с этими людьми, *mon cher*¹, не ограничиваясь простым допросом. Посочувствуйте их взглядам, попросите у них помощи, спросите, есть ли у них какие-то предположения, - но, *mon Dieu*², зачем я вздумал учить вас вашему делу? Я достаточно хорошо знаю, какой вы умелый человек.

Шарп мягко улыбнулся.

- Да, - сказал он. - Я всегда считал, что... ну, скажем... дружелюбие - это очень помогает в работе.

Оба улыбнулись друг другу.

Шарп собрался уходить.

- Я полагаю, любой из них может оказаться убийцей, - медленно произнес он.

- Пожалуй, вы правы, - небрежно бросил Пуаро. - Леонард Бэйтсон, к примеру, страшно вспыльчив. Он может потерять контроль над собой. Валери Хобхауз очень умна и способна на хитроумные замыслы. Найджел Чепмен - взрослый ребенок, неспособный оценивать собственные поступки. Есть там еще молодая француженка, которая вполне может убить, если дело касается денег. Патрисия Лайн полна материнских чувств, такие обычно способны на все. Американка, Салли Финч, живая и веселая девушка, но может лучше других сыграть взятую на себя роль. Джин Томлинсон - воплощение добродетели и справедливости, но все мы знаем убийц, которые с подлинной набожностью посещали воскресную школу. Элизабет Джонстон из Вест-Индии, наверно, умнее всех в этом общежитии. Она подчинила все свои чувства власти рассудка - это опасно. Есть там еще очаровательный молодой американец, у которого, возможно, имеется такой повод для убийства, какой нам никогда и в голову не придет. Есть еще там Колин Мак Набб, психолог. А ведь сколько мы знаем психологов, к которым применимы слова: "Врач, исцелись сам!".

¹ *Mon cher* - дорогой мой (фр.).

² *Mon Dieu* - господи! (фр.)

- Побойтесь Бога, Пуаро, у меня голова кругом пошла. По-вашему - не существует человека, неспособного убить?
- Это мне часто приходило в голову, - ответил Пуаро.

Глава 9

Инспектор Шарп вздохнул, откинулся на спинку стула и старательно вытер лоб платком. Только что он беседовал с негодящей, чуть не плачущей молодой француженкой, высокомерным и замкнутым молодым французом, упрямым и полным подозрений голландцем, болтливым и агрессивным египтянином. Он также обменялся короткими замечаниями с двумя нервными молодыми турецкими студентами, которые не понимали, что он говорит, и то же самое имело место с прелестной студенткой из Ирака. Шарп был совершенно уверен, что все они не причем в убийстве Селии Остин, и точно также был уверен, что никакой помощи ждать от них не приходится. Он постарался успокоить каждого из них парой приветливых слов, отпустил их и теперь готовился к встрече с мистером Акибомбо.

Молодой африканец смотрел на него жалобными, детскими глазами, в то же время сверкая белозубой улыбкой.

- Я очень хочу помочь, да, пожалуйста, - говорил он. - Она добрая, эта мисс Селия, она мне один раз дала коробку конфет "Эдинбург", очень вкусно, не знал прежде. Очень грустно, что убили. Кровная месть, нет? Или приехали убить отцы, или дяди узнали неправду, что она делала некорошо?

Инспектор Шарп заверил его, что все эти предположения не имеют под собой никакой почвы. Молодой человек опечаленно покачал головой.

- Тогда не знаю, почему случилось, - сказал он. - Не знаю, кто здесь мог хотеть зла ей. Но вы дайте мне ее волос и обрезки ногтей, - добавил он, - и я поищу старинным способом. Не наука, несовременно, но очень принято, откуда я приехал.

- Что ж, большое спасибо, мистер Акибомбо, но не думаю, что это нам понадобится. Мы... мmm... здесь этого не делаем.

- Нет, сэр, я очень понимаю. Несовременно. Не атомный век. У нас теперь тоже нет - только старики из леса. Я верю, новые методы гораздо выше, и надеюсь, желаю полный успех.

Мистер Акибомбо вежливо поклонился и вышел. Инспектор Шарп пробормотал:

- Я тоже желаю и надеюсь на успех - хотя бы ради того, чтобы нас все еще уважали.

Следующим был Найджел Чепмен, который сразу же вознамерился захватить инициативу в разговоре.

- Поразительная история, вы не находите? - спросил он. - Заметьте, я сразу почувствовал, что вы дали маху, когда уверяли, что это самоубийство. Должен сказать, мне особенно интересен тот факт, что все держится на моих зеленых чернилах, которыми она наполнила ручку. Ведь это единственное, чего убийца не мог предусмотреть. Я полагаю, у вас уже есть предположения, что именно могло явиться поводом для убийства?

- Здесь вопросы задаю я, мистер Чепмен, - сухо произнес инспектор Шарп.

- О, разумеется, разумеется, - подхватил Найджел, беспечно взмахнув рукой. - Я просто забежал вперед. Видимо, надо соблюсти обычную скучную процедуру. Имя - Найджел Чепмен. Возраст - двадцать пять лет. Родился, кажется, в Нагасаки - дурацкое место, правда? Не представляю, что там делали мои родители в это время. Наверно, туристская поездка. Однако из этого вовсе не следует, что я японец. Студент Лондонского университета, изучаю бронзовый век и историю средних веков. Что еще вы хотели бы знать?

- Ваш домашний адрес, мистер Чепмен.

- Дорогой сэр, нет у меня домашнего адреса. Дело в том, что у меня имеется папаша, с которым я повздорил, и его адрес - уже не мой. Таким образом, меня всегда можно найти по адресу Хиккори-Роуд, 26 или же через отделение банка Коуттса на Лиденхолл-Стрит, как обычно сообщают случайным знакомым, надеясь с ними больше никогда не встретиться.

Инспектор Шарп никак не реагировал на легкомысленно-нахальный тон Найджела. Таких Найджелов он встречал немало и имел основания подозревать, что за этим нахальством скрывается вполне естественное волнение при расспросах полиции по делу об убийстве.

- Вы хорошо знали Селию Остин? - спросил он.

- Вот это довольно трудный вопрос. Можно сказать, что хорошо знал, если под этим понимать, что мы виделись каждый день и весело болтали, но в то же время я ее совсем не знал. Меня она вовсе не интересовала, она же меня, скорее всего, недолюбливала.

- Она недолюбливала вас по каким-либо определенным причинам?

- Ну, прежде всего, ей не нравился мой юмор. Я ведь не такой мрачный, грубоватый молодой человек, как Колин Мак Набб. А ведь именно такая грубоватость необычайно привлекательна для женщин.

- Когда вы в последний раз видели Селию Остин?

- Вчера вечером, за обедом. Мы все, кто как мог, старались ее подбодрить. Потом Колин встал, похмыкал-помекал и наконец сообщил о своей помолвке с Селией, совсем застеснявшись и зардевшись. Мы все немножко подразнили его, а больше ничего и не было.

- Это было за обедом или в гостиной?

- За обедом. Потом мы перешли в общую гостиную, а Колин куда-то испарился.

- А вы все, значит, пили кофе в гостиной?

- Да, если называть кофе эту жидкость, которую здесь подают.

- А Селия Остин тоже пила кофе?

- Ну, должно быть, пила. Я как-то не обратил внимания, но по всей вероятности - пила.

- Но вы лично не передавали ей чашку?

- Какой страшный намек! Когда вы задаете такой вопрос, да еще сверлите меня взглядом, я уже готов признать, что именно я-то и подал Селии чашку кофе, предварительно сыпнув туда стрихнию или что-то в этом роде. Это, очевидно, ваше гипнотическое влияние, но тем не менее, мистер Шарп, я к ней и близко-то не подходил, даже не заметил, пьет она кофе или нет, и скажу вам откровенно, хотите верьте, хотите нет, что никогда никакой страсти к Селии не питал и сообщение об ее помолвке с Колином Мак Наббом не вызвало у меня жажды страшной мести.

- Я не думал намекать на что-либо подобное, мистер Чепмен, - кротко заметил Шарп. - Если я не ошибаюсь, тут скорее всего замешана не любовь, а нечто совсем другое - кто-то хотел убрать Селию Остин с дороги. Но почему?

- Просто не могу себе представить, инспектор. Это тем более загадочно, что Селия была, понимаете, безобиднейшим существом. Соображала туговато, была довольно занудливой, но в общем-то славной девчонкой - ну, совсем не из таких, кого убивают.

- Вас удивило, когда выяснилось, что Селия - виновница всех этих краж и пропаж?

- Знаете, дорогой мой, это было прямо как снег на голову! Я сразу подумал: вот уж на кого непохоже!

- А не могло быть так, что вы сами подтолкнули ее на это?

Найджел посмотрел на него с неподдельным, казалось, изумлением.

- Я? Чтобы я подтолкнул ее? Зачем мне это?

- Да в этом-то и вопрос. Но знаете, чувство юмора бывает иногда непредсказуемым.

- Право же, я, должно быть, тугодум, но я не вижу ничего смешного в этих мелких кражах.

- Вам не кажется, что это забавный розыгрыш?

- Мне и в голову не приходило, что это можно посчитать забавным. Я уверен, инспектор, что все эти кражи надо отнести к области психопатологии.

- Значит, вы убеждены, что Селия Остин страдала клептоманией?

- Какое же может быть другое объяснение, инспектор?

- Боюсь, вы не так хорошо разбираетесь в клептоманах, как я, мистер Чепмен.

- Просто не вижу другого объяснения.

- Вы не думаете, что кто-то мог навести мисс Остин на мысль об этих кражах как на способ, ну скажем, заинтересовать мистера Мак Набба?

Это высказывание инспектора, видимо, понравилось Найджелу, в глазах его блеснули озорные искорки.

- Вот это впрямь интереснейшее предположение, инспектор, - сказал он. - Знаете, если подумать, это вполне возможно, и, конечно, старик Колин проглотил бы такую наживку с крючком вместе.

Минуту-другую Найджел с восторгом смаковал эту мысль, потом грустно покачал головой.

- Нет, Селия бы на это не пошла, - сказал он. - Серьезная была девушка. Ни за что не выставила бы Колина на потеху. Она же по уши была влюблена в него!

- А у вас, мистер Чепмен, нет своего взгляда на все, что происходило здесь в доме? К примеру, насчет чернил, пролитых на конспекты мисс Джонстон?

- Если вы думаете, что это сделал я, инспектор Шарп, вы ошибаетесь. Конечно, это вроде бы прямо указывает на меня, из-за зеленых чернил, но если хотите знать мое мнение - это сделано со зла.

- Что именно?

- То, что взяли мои чернила. Кто-то взял их и пролил, чтобы обвинили меня. Тут у нас скопилось, знаете, немало злобы.

Инспектор бросил на него быстрый взгляд.

- Что вы, конкретно, имеете в виду, когда говорите, что скопилось немало злобы?

Но Найджел немедленно спохватился и ушел от прямого ответа.

- Ничего особенного - просто когда много людей живут в тесном общении, они неизбежно начинают раздражать друг друга.

Следующим в списке инспектора Шарпа был Леонард Бэйтсон. Лен Бэйтсон был встревожен не менее Найджела, но у него это иначе проявлялось - он держался недоверчиво и вызывающе.

- Правильно! - крикнул он, когда со стандартными вопросами было покончено. - Да, я налил Селии чашку кофе и передал из рук в руки. Ну и что из этого?

- Вы налили ей послеобеденный кофе - так я вас понял, мистер Бэйтсон?

- Да. В общем, я налил кофе из кофейника в чашку и поставил эту чашку перед ней, и - хотите верьте, хотите нет - не было там никакого морфия.

- Вы видели, как она пила?

- Нет, этого как раз не видел. Мы все ходили туда-сюда по гостиной, и я сразу, как налил кофе, ввязался в какой-то спор и не заметил, пьет она или нет. Там разный народ вился вокруг нее.

- Понятно. Стало быть, вы хотите сказать, что кто угодно мог бросить морфий в ее чашку?

- А вы попробуйте-ка бросить что-нибудь в чью-то чашку. Кто угодно это увидит.

- Не обязательно, - сказал Шарп.

Лен взорвался.

- Какого черта вам взбрело в голову, будто я хотел отравить девчонку? Я ничего против нее не имел.

- Я не сказал, что вы хотели отравить ее.

- Она сама приняла эту штуку. Несомненно, сама. Другого объяснения нет.

- Можно было бы так считать, если бы не поддельная предсмертная записка.

- Чушь собачья! Она же сама писала, верно?

- Это было начало письма, написанного утром.

- Ну и что? Она могла оторвать начало и использовать как предсмертную записку.

- Полноте, мистер Бэйтсон. Если вы захотите написать предсмертную записку, вы ее напишете. Вам и в голову не придет взять письмо, написанное по другому поводу, и аккуратно вырезать из него начало.

- Почему? Может быть, и пришло бы такое в голову. Люди ведут себя по-всякому.

- В таком случае, где же остаток письма?

- А я почем знаю? Вам этим заниматься, не мне.

- Я этим и занимаюсь. И посоветовал бы вам, мистер Бэйтсон, повежливее отвечать мне.

- Ладно, что же вы хотите знать? Я не убивал ее, и никаких оснований для убийства у меня не было.

- Вы хорошо к ней относились?

- Очень хорошо. Славная была девчонка. Глуповатая, но славная.

- Вы поверили ей, когда она созналась в этих кражах, которые всех довольно долго беспокоили?

- Да, конечно, поверил, раз она сама сказала. Но признаюсь, меня это удивило.

- Вы подумали, что это на нее непохоже?

- Вот именно. Непохоже.

Раздражение Лена утихло теперь, когда ему уже не приходилось защищаться, а можно было поразмышлять над интересующей его темой.

- Понимаете ли, не похожа она на обычную kleptomanку, - сказал он. - И на воровку тоже.

- Вам не приходит в голову какая-нибудь причина, толкнувшая ее на такие поступки?

- Причина? А какая тут могла быть причина?

- Ну, возможно, она хотела этим заинтересовать мистера Колина Мак Набба.

- Это вы за уши притянули.

- Но ведь она тем самым действительно заинтересовала его?

- Еще бы! Наш Колин прямо-таки помешан на всяких психологических аномалиях.

- Стало быть, если Селия Остин об этом знала...

Лен покачал головой.

- Тут вы неправы. Она не была способна на такую штуку. Я хочу сказать, не могла она это задумать и выполнить. Для этого нужны знания.

- И у вас они, как раз, имеются.

- То есть как?

- То есть вы могли, чисто по-дружески, научить ее чему-нибудь в этом роде.

Лен коротко рассмеялся.

- Думаете, я бы мог свалить такого дурака? Да вы спятили. Инспектор сменил тему.

- Как вы думаете, это Селия Остин залила чернилами заметки Элизабет Джонстон или кто-то другой сделал?

- Конечно, кто-то другой. Селия сказала, что тут она ни при чем, и я ей верю. Бесс никогда не доставала Селию, не то что других.

- А кого она "доставала" и каким образом?

- Она могла взбесить кого угодно, знаете. - Лен помолчал. - Любой, кто что-то ляпнет, не подумав. Посмотрит этак через стол и так четко отрежет: 'Боюсь, что это не соответствует фактической стороне дела. Статистикой давно установлено, что...' - Вот в этом духе. Как тут не разозлиться, особенно человеку который привык сболтнуть не подумав - как, например, Найджел Чепмен.

- Ах да, Найджел Чепмен.

- К тому же - зеленые чернила.

- Значит, вы думаете, это сделал Найджел?

- Вполне возможно. Он, вообще-то, малый не из добреинских и расовые предрассудки у него тоже, на мой взгляд, имеются. Кстати, только у него одного из всех нас.

- А кого еще мисс Джонстон могла раздражать своей приверженностью к точности и замечаниям?

- Ну, Колин Мак Набб время от времени высказывал недовольство и Джин Томлинсон разок-другой дошла до точки кипения.

Шарп задал еще несколько второстепенных вопросов, но Лену Бэйтсону больше нечего было добавить; инспектор отпустил его и пригласил Валери Хобхауз.

Валери держалась холодно, элегантно и настороженно. Она далеко не так нервничала, как мужчины, допрашиваемые до нее.

Да, она дружила с Селией. Конечно, Селия умом не блестала и была трогательно влюблена в Колина Мак Набба.

- Вы считаете, что она была kleptomankой, мисс Хобхауз?

- Вероятно, была. Но у меня вообще мало сведений относительно kleptomании.

- Вы не думаете, что кто-нибудь подтолкнул ее на все эти поступки?

Валери пожала плечами.

- Чтобы привлечь этого чванного осла Колина?

- Вы быстро уловили мою мысль, мисс Хобхауз. Не вы ли сама, случайно, это ей подсказали?

Валери улыбнулась.

- Вряд ли, вряд ли я пошла бы на это, дорогой инспектор, особенно если учесть, что самый любимый из моих шарфиков был изрезан на кусочки. Не такая уж я альтруистка.

- Но вы допускаете, что кто-то мог ей это посоветовать?

- Не думаю. По-моему, все это было для нее совершенно естественно.

- В каком смысле - естественно?

- Понимаете, я сразу заподозрила Селию, когда началась вся эта суматоха с туфелькой Салли. Селия завидовала Салли Финч. Она здесь у нас самая привлекательная из всех девушки, и Колин ей оказывал всяческое внимание. И вот, значит, в тот вечер, когда Салли надо идти в гости, исчезает туфелька и Салли приходится надеть старое черное платье и черные туфли. А Селия сидит себе спокойно, как кошка, слизнувшая сметану. Но, заметьте, я не подумала на нее ни разу, когда стали пропадать все эти мелочи, браслеты, пудра.

- А кто, вы думали, был в этом повинен?

- Да не знаю, вероятно, кто-то из уборщиц, так я полагала.

- А разрезанный рюкзак?

- Разве был разрезан рюкзак? Я и забыла. Это совсем бессмысленно, по-моему.

- Вы ведь давно здесь живете, мисс Хобхауз?

- Да, я, наверно, самый давний старожил. Это значит, я тут провела вот уже два с половиной года.

- Значит, вы об этом общежитии знаете больше, чем кто-либо?

- Пожалуй, да.

- Есть у вас какие-нибудь предположения относительно смерти Селии Остин? Что, вы думаете, могло быть причиной?

Валери покачала головой. Лицо ее стало серьезным.

- Нет, - сказала она. - Ужасно, что это случилось. Не представляю, чтобы кто-нибудь желал смерти Селии. Она была такой хорошей, безобидной девочкой, и только что состоялась ее помолвка, и вот...

- Да. Что вот? - подхватил инспектор.

- Мне подумалось - не это ли явилось причиной. Именно, когда оказалось, что помолвлена. И будет счастлива. Но ведь это означает, что кто-то... ну, сошел с ума... правда?

Она вздрогнула, произнеся эти слова, и инспектор задумчиво посмотрел на нее.

- Да, - сказал он. - Сумасшествия мы не исключаем. - Он продолжал: - Что вы думаете о порче заметок и конспектов Элизабет Джонстон?

- Не знаю. Глупая выходка. Ни минуты не верила, что Селия могла бы такое сделать.

- А кто мог?

- Да как вам сказать... Ничего разумного в голову не приходит.

- А неразумного?

- Вы же не станете выслушивать бредни, инспектор?

- Нет, я как раз очень хотел бы послушать бредни, я так к ним и отнесусь, и все это останется между нами.

- Так вот, я, вероятно, ошибаюсь, но мне почему-то кажется, что это дело рук Патрисии Лейн.

- Неужели! Тут вы меня удивили, мисс Хобхауз. Вот уж я бы не подумал на Патрисию Лейн. Она кажется такой уравновешенной, приветливой особой.

- Я и не говорю, что она это сделала. Мне просто кажется, что она могла бы это сделать.

- По какой причине?

- Патрисия недолюбливает Черную Бесс. Черная Бесс вечно шпыняет ее обожаемого Найджела, выговаривает ему, если он, по своему обычаю, сморозит какой-нибудь вздор.

- Так вы полагаете, что это скорее могла сделать Патрисия Лейн, чем сам Найджел?

- О, да. Найджелу попросту было бы лень, и уж он, конечно, не стал бы пользоваться собственными чернилами. Для этого он достаточно умен. А Патрисия как раз способна проделать такую глупость и не сообразить, что подозрение может пасть на ее драгоценного Найджела.

- Или же, с другой стороны, это мог сделать кто-то, у кого зуб против Найджела и кто хочет навести подозрение на него?

- Да, это тоже возможно.

- А кто сильно настроен против Найджела?

- Во-первых, Джин Томлинсон. И с Леном Бэйтсоном у них вечные перепалки.

- Скажите, мисс Хобхауз, как вы полагаете, каким образом могли дать морфий Селии Остин?

- Я об этом очень много думала. Конечно, самое простое - в чашке кофе. Мы все толклись в гостиной. Чашка Селии стояла на столике возле нее, а она всегда ждала, пока кофе остывает, пила почти холодный. Я думаю, любой, у кого хватило бы смелости, мог незаметно бросить в чашку таблетку

или что там было, но это, конечно, очень рискованно. Понимаете, кто-нибудь мог и увидеть.

- Морфий, - сказал инспектор Шарп, - был не в таблетках.

- А в чем же? В порошке?

- Да.

Валери нахмурилась.

- Это еще труднее, правда?

- Что-нибудь вам приходит в голову, кроме кофе?

- Она иногда пила горячее молоко перед сном. Но в тот вечер, по-моему, нет.

- Вы могли бы мне точно описать, что в этот вечер происходило в общей гостиной?

- Как я уже говорила, мы все там сидели, болтали, кто-то включил радио. Мужчины в большинстве разошлись. Селия рано ушла спать, Джин Томлинсон тоже. Мы с Салли засиделись допоздна. Я писала письма, Салли возилась с какими-то заметками. По-моему, я ушла последней.

- В общем, обычный вечер?

- Совершенно обычный, инспектор.

- Спасибо, мисс Хобхауз. Пригласите ко мне мисс Лейн, прошу вас.

Патрисия казалась чем-то озабоченной, но не испуганной. Вопросы и ответы не дали ничего нового. На вопрос о том, кто мог испортить конспекты Элизабет Джонстон, Патрисия сказала, что это несомненно сделала Селия.

- Но она очень горячо отрицала это, мисс Лейн.

- Еще бы ей не отрицать, - сказала Патрисия. - Она, наверно, сгорала со стыда. Но ведь это вяжется со всем остальным, не так ли?

- Вы знаете, что я думаю об этом деле, мисс Лейн? По-моему, тут ничто ни с чем не вяжется.

- Наверно, вам кажется, - сказала Патрисия, покраснев, - что это Найджел испортил конспекты Бесс. Вы так думаете из-за чернил. Но это же абсолютная ерунда. То есть, я хочу сказать - Найджел не стал бы пользоваться для этого своими чернилами, если уж он бы такое задумал. Он не такой дурак. Но главное - никогда бы он этого не сделал.

- Он, кажется, не очень-то ладил с мисс Джонстон, так ведь?

- Ах, она была иногда ужасно надоедливой, но он не обращал внимания. - Патрисия Лейн с серьезным выражением лица наклонилась вперед. - Я бы хотела, чтобы вы кое-что поняли, инспектор. По поводу Найджела Чепмена. Видите ли, Найджел, по сути дела, сам себе худший враг. Я первая скажу,

что людям с ним бывает очень трудно и он сам их против себя восстанавливает. Он бывает резким, язвительным, насмешливым - ну, это, разумеется, злит людей и они готовы думать о нем самое худшее. Но на самом-то деле он вовсе не такой. Это один из тех несчастных застенчивых людей, которые и хотели бы всем нравиться, но из какого-то духа отрицания, неожиданно для себя, говорят и делают прямо противоположное своим намерениям.

- Да-с, - сказал инспектор Шарп, - не везет им.

- Конечно, но они ничего с собой поделать не могут, все это идет от несчастного детства. Найджелу очень плохо жилось дома. Отец его был очень суровым и не понимал его. К тому же отец очень плохо обращался с матерью Найджела. Когда та умерла, у Найджела с отцом вышла страшнаяссора, Найджел убежал из дома, и отец сказал, что никогда не даст ему ни гроша и пусть он живет, не надеясь на его помощь. А Найджел сказал, что такая помощь ему и не нужна и что он ничего от отца не возьмет, даже если тот предложит. Немного денег досталось ему от матери, по завещанию, и больше он никогда отца не видел и не писал ему. Конечно, все это достойно сожаления, но я уверена, что отец его очень неприятный человек, и нет ничего удивительного в том, что Найджел ожесточился и ему так трудно ладить с людьми. Ведь со смерти матери у него никого не было, кто мог бы заботиться о нем, присматривать за ним. Здоровье у него неважное, зато ум замечательный. В общем, ему очень не повезло в жизни и он не может показать себя в истинном свете.

Патрисия Лейн наконец замолчала. Она раскраснелась и слегка задыхалась от такой длинной серьезной речи. Шарп задумчиво смотрел на нее. Много таких Патрисий повидал он на своем веку. "Влюблена в парня по уши, - думал он. - А ему, очевидно, ровным счетом наплевать на нее, но он принимает ее заботы как должное. Отец, по всей вероятности, действительно сварливый, несговорчивый старик, а мать была, по-видимому, дурочкой, испортила сына слепым обожанием и отдала его от отца. Много я знаю подобных случаев. - Он еще подумал, не был ли все-таки Найджел неравнодушен к Селии Остин. Это казалось маловероятным и все же могло быть. - А если так было, - думал он, - Патрисии Лейн это было сильно не по душе. Но неужели настолько, чтобы хотеть зла Селии, и настолько, чтобы убить? Конечно, нет. К тому же помолвка Селии с Колином Мак Наббом начисто снимает такой повод к убийству". Он отпустил Патрисию Лейн и вызвал Джин Томлинсон.

Глава 10

Мисс Томлинсон оказалась молодой особой лет двадцати семи, довольно сурового вида, светловолосой, с правильными чертами лица и поджатыми губами. Она уселась и сухо спросила:

- Итак, инспектор, чем я могу быть вам полезной?
- Надеюсь, мисс Томлинсон, что с вашей помощью мне удастся внести ясность в это трагическое дело.
- Это ужасно. Просто ужасно, - сказала Джин. - Уж как было плохо, когда мы думали, что Селия покончила с собой, но теперь, когда предполагают, что это было убийство... - Она замолчала и грустно покачала головой.
- Мы совершенно точно знаем, что она не отравила себя, - сказал Шарп. - Вы знаете, откуда взялся морфий?

Джин кивнула.

- Как я понимаю, из клиники Св. Кэтрин, где она работала. Но ведь это тем более подтверждает самоубийство?
- Так и было задумано убийцей, несомненно, - сказал инспектор.
- Но кто же еще мог взять морфий, если не Селия?
- Очень многие, - ответил инспектор, - стоило только захотеть. Даже вы сами, мисс Томлинсон, могли бы взять его, будь у вас такое желание.
- Этого еще не хватало, инспектор Шарп! - возмущенно воскликнула Джин.
- Ну, вы же довольно часто заходили в эту аптеку, не так ли, мисс Томлинсон?
- Да, заходила повидаться с Мильдред Кэри. Но мне бы никогда не пришло в голову шарить в шкафу с ядами.
- И все же у вас была возможность это сделать?
- Ничего подобного я бы не смогла сделать!
- Полноте, мисс Томлинсон. Скажем, ваша приятельница подбирает лекарства для отправки в палаты, а другая девушка выдает в это время препараты через окончко амбулаторным больным. Ведь часто случается, что в аптечном зале находятся всего двое работников. Вы спокойно могли зайти за полки с бутылками, - они ведь разделяют помещение надвое, - затем могли незаметно взять из шкафа маленький пузырек и сунуть его в карман, и никто из фармацевтов не заметил бы, что вы сделали.
- Мне чрезвычайно неприятно то, что вы говорите, инспектор Шарп. Это... это возмутительное обвинение...

- Да это вовсе не обвинение, мисс Томлинсон. Ничего похожего. Вы меня неправильно поняли. Вы только что сказали, что не могли бы сделать ничего подобного, а я попытался вам доказать, что могли бы. Ни малейшего намека на то, что вы это действительно сделали, в моих словах не было. В конце-то концов, - добавил он, - зачем бы вам это было нужно?

- Вот именно. Вы, инспектор, очевидно, не понимаете - ведь я дружила с Селией.

- Есть немало случаев, когда именно друзья оказываются отравителями. Иногда нам приходится задаваться вопросом - когда же друг перестал быть другом?

- Мы с Селией никогда не ссорились, ничего такого не было и в помине. Я очень ее любила.

- Вы не подозревали, что кражи в общежитии - дело ее рук?

- Конечно, нет. Я была просто поражена. Я всегда считала Селию высоконравственным человеком. Мне бы и в голову не пришло, что она способна на такое.

Внимательно глядя на нее, Шарп сказал:

- Да, но ведь kleptomany не отвечают за свои поступки.

Джин Томлинсон еще сильней поджала губы:

- Не могу согласиться с этим положением, инспектор Шарп. У меня старомодные взгляды, и я считаю, что воровство - это всегда воровство.

- Значит, вы думаете, что Селия воровала все эти вещи, попросту говоря, потому что хотела их заполучить?

- Конечно.

- Воровка и все тут?

- Боюсь, что так.

- Ах! - сказал инспектор Шарп, покачав головой. - Как это печально.

- Да, очень неприятно так разочароваться в человеке.

- Если не ошибаюсь, шла речь о том, чтобы обратиться к нам - к полиции то есть.

- Да. И, на мой взгляд, это было бы самым правильным решением.

- Может быть, вы считаете, что это следовало сделать, как бы ни сложились обстоятельства?

- По-моему, это было необходимо. Я, знаете ли, нахожу, что подобные люди не должны так легко отделяться.

- Иначе говоря, незачем прикидываться kleptomanкой, если ты воровка, так я вас понял?

- Да, более или менее, да... это моя точка зрения.

- А вместо этого - неожиданно счастливый конец, и для мисс Остин впереди - звон свадебных колоколов.

- Конечно, поведение Колина Мак Набба уж никого удивить не может, - злобно сказала Джин Томлинсон. - Я уверена, что он атеист, и вообще такой неприятный молодой человек - ни во что не верит, над всем издается, всем грубит. По-моему, он коммунист.

- Ага! - сказал инспектор Шарп. - Печально, печально. - И опять покачал головой.

- Он и стал-то на сторону Селии, потому что абсолютно не уважает такое понятие, как собственность. Он, по всей вероятности, считает, что каждый может безнаказанно брать, что ему вздумается.

- Все же, как бы там ни было, - сказал инспектор Шарп, - мисс Остин во всем призналась.

- Да, после того как ее разоблачили, - резко возразила Джин.

- Кто разоблачил?

- Да этот мистер, как бишь его... Пуаро, который к нам явился.

- Но почему вы полагаете, что он разоблачил ее, мисс Томлинсон? Он этого не говорил. Он только посоветовал позвать полицию.

- Наверно, он дал ей понять, что ему все известно. Она сообразила, что попалась, и поторопилась сознаться.

- А как насчет чернил, пролитых на конспекты Элизабет Джонстон? В этом она тоже созналась?

- Не знаю, но предполагаю, что так оно и было.

- Напрасно предполагаете, - вставил Шарп, - она решительно отрицала свое участие в этом.

- Ну, может быть и так. Вообще это на нее не очень похоже.

- Вы думаете, что это скорее похоже на Найджела Чепмена?

- Нет, Найджел тоже, по-моему, не стал бы этого делать. Гораздо вероятнее, что это сделал мистер Акибомбо.

- Неужели? Почему именно он?

- Зависть. Все эти цветные страшно завидуют друг другу, и все они истерики.

- Это очень интересно, мисс Томлинсон. А когда вы в последний раз видели Селию Остин?

- В пятницу вечером, после обеда.

- Кто из вас раньше ушел спать, она или вы?

- Я.

- Вы не заходили в ее комнату и не видели ее после того, как она ушла из гостиной?

- Нет.

- И вы не предполагаете, кто мог подсыпать ей в кофе морфий - если вообще морфий оказался именно в кофе?

- Совершенно не представляю себе.

- Вы никогда не видели пузырек с морфием где-нибудь в доме или в чьей-либо комнате?

- Нет, нет, не думаю...

- Не думаете - чего? Что вы имеете в виду, мисс Томлинсон?

- Ну, я просто вспомнила это дурацкое пари, знаете.

- Какое пари?

- Да вот один... нет, двое-трое из парней поспорили...

- О чем?

- Об убийствах и о том, как убивают. В частности об отравлениях.

- Кто же участвовал в споре?

- Кажется, начали Колин и Найджел, а потом включился Лен Бэйтсон, и Патрисия тоже была с ними...

- Вы не могли бы припомнить поточнее, кто что говорил, как шел этот спор?

Джин Томлинсон сказала после недолгого размышления:

- Ну, все началось, по-моему, с разговора об отравлениях, о том, что яд раздобыть очень трудно, что непременно раскроют, как и где убийца купил или достал яд, а Найджел сказал, что это неверно. Он сказал, что берется привести три различных способа, которыми возможно раздобыть яд, и никто этого и знать не будет. Лен Бэйтсон заявил, что это пустая хвастовия. Найджел ответил: ничего подобного, и он может доказать это на деле. Пэт сказала, что Найджел, конечно, прав, что те же Лен или Колин в любое время могут взять любой яд в клинике, да и Селия тоже, кстати. А Найджел ответил, что это как раз неверно, и если бы Селия что-то взяла из аптеки - это было бы замечено: рано или поздно препарат понадобился бы и обнаружили бы пропажу. Но Пэт сказала - вовсе нет, она может взять бутылочку, высыпать содержимое и наполнить ее чем-нибудь другим. Колин тогда засмеялся и сказал, что в таком случае в ближайший день последовала бы жалоба от кого-нибудь из пациентов. Но Найджел заявил, что для этого вовсе не надо там работать, и добавил, что сам, не имея особого доступа к лекарствам, не будучи ни врачом, ни аптекарем, свободно может раздобыть три различных ядовитых вещества тремя разными способами.

Лен Бэйтсон тогда спросил: "Ну ладно, какие там у тебя способы?" А Найджел ответил: "Сейчас не скажу, но готов поспорить, что через три недели принесу сюда три смертоносных препарата". И Лен Бэйтсон поспорил с ним на пять фунтов.

- И что же? - спросил инспектор Шарп, когда Джин замолчала.

- Ну, по-моему, об этом довольно долго больше и речи не было, а потом вдруг, как-то вечером, в общей гостиной, Найджел преподнес: - "Ну, ребята, смотрите-ка - я слово держать умею!" - и выложил на стол три предмета - трубочку с таблетками скополамина, бутылочку настойки дигиталиса и пузырек с тартратом морфия.

- Тартрат морфия? - резко переспросил инспектор. - А какой ярлычок был на пузырьке?

- Там было помечено "Клиника Св. Кэтрин". Я запомнила именно потому, что эта надпись сразу бросилась мнё в глаза.

- А две другие?

- На них я не обратила внимания. По-моему, они были не из больничных аптек.

- Что же было дальше?

- Конечно, тут пошла всякая болтовня и треп, и Лен Бэйтсон сказал: "Слушай, если теперь ты кого-нибудь убьешь, тебя быстренько засекут". А Найджел ответил: "Ничего подобного. Я человек посторонний, не связан ни с клиникой, ни с больницей, поэтому никто меня не заподозрит, а в аптеке я их не покупал". И тут Колин Мак Набб вынул трубку изо рта и сказал: "Уж конечно, купить ты их не мог, ни в одной аптеке тебе эти три штуки без рецепта не продали бы". В общем, спорили-спорили, а потом Лен признал, что проиграл и готов заплатить. "Только не сейчас, - он сказал, - у меня туговато с деньгами, но Найджел выиграл пари, вне всяких сомнений, - и еще добавил: - А что будем делать с этими трофеями?" А Найджел ухмыльнулся и сказал, что надо бы от них поскорей избавиться, пока не стряслась какая-нибудь беда, поэтому они высыпали таблетки из трубочки и бросили их в камин и порошок морфия бросили туда же. А настойку дигиталиса вылили в уборную.

- А бутылочка?

- Не знаю, что стало с бутылочками... Наверно, их выбросили в корзину для мусора.

- Но препараты были уничтожены?

- Да, в этом я уверена. Своими глазами видела.

- И это произошло - когда?

- Примерно недели две тому назад, так мне кажется.

- Понятно. Спасибо, мисс Томлинсон.

Джин не уходила, явно ожидая, что инспектор что-то добавит.

- Вы думаете, это важно, то, что я рассказала?

- Возможно. Пока что трудно сказать.

Инспектор Шарп посидел некоторое время один, погруженный в задумчивость, потом вторично вызвал Найджела Чепмена.

- Я только что выслушал довольно интересные показания мисс Джин Томлинсон, - сказал он.

- Вот как? Кого же на этот раз касались ядовитые речи нашей милой Джин? Уж не меня ли?

- Она действительно говорила о ядах, и притом именно в связи с вами, мистер Чепмен!

- Яд - в связи со мной? Что это значит?

- Вы не станете отрицать, что несколько недель назад поспорили с мистером Бэйтсоном о тайных способах приобретения сильнодействующих средств?

- Ах, вот оно что! - Найджел наконец понял. - Да, конечно! Смешно, я совсем позабыл об этом. Даже не помню, что Джин была там, когда мы спорили. Но вы, надеюсь, не думаете, что все это имеет какое-то особое значение?

- Пока что не знаю. Вы признаете, значит, что это пари имело место?

- Да, конечно! Мы долго спорили на эту тему. Колин и Лен держались ужасно высокомерно и снисходительно, и я им сказал, что любой сообразительный человек может добить известное количество яду - собственно, я даже сказал, что знаю три различных способа, как за это взяться, и докажу это на деле.

- Что вы и сделали?

- Что я и сделал, инспектор.

- И каковы же эти три способа, мистер Чепмен?

Найджел покосился на него.

- Хотите, чтобы я сам на себя наговорил? - спросил он. - Тогда вам следует, как полагается, предостеречь меня¹.

¹ При аресте подозреваемого лица произносится формальное предупреждение о том, что с этой минуты все сказанное им может быть использовано против него в суде.

- До этого дело пока не дошло, мистер Чепмен, но вам совсем не надо "на себя наговаривать", как вы выражились. По сути дела вы имеете полное право отказаться отвечать на мой вопрос.

- Не думаю, что мне хочется отказаться. - Найджел помолчал, слегка улыбаясь.

- Конечно, - добавил он потом, - то, что я сделал, является противозаконным поступком. Вы можете меня за это упечь, стоит вам захотеть. С другой стороны - вы расследуете убийство и, если все это имеет хоть какое-то отношение к смерти бедняжки Селии, я, вероятно, должен все рассказать вам.

- Это будет, безусловно, самым разумным.

- Хорошо, тогда я расскажу.

- Итак, какие же три способа?

- Так вот. - Найджел откинулся на спинку стула. - Мы не раз читали в газетах, что врачи часто теряют опасные препараты, которые взят с собой? Газеты предупреждают об этом своих читателей.

- Да.

- Вот мне и пришел в голову такой простейший способ - поехать за город, проследить за врачом, который объезжает своих больных, и, когда представится случай, - открыть дверцу машины, заглянуть в докторский чемоданчик и вытащить оттуда что хочешь. Понимаете, врачи в этих пригородных местностях далеко не всегда идут к больному с чемоданчиком. Это зависит от того, чем болен пациент.

- И что же?

- Да больше ничего, если говорить о способе номер один. Я высматривал трех врачей, пока не напал на такого разряда. Все оказалось проще простого. Машину он оставил возле фермы, в довольно безлюдном месте. Я открыл дверцу, заглянул в чемоданчик и вытащил трубочку с гидробромидом скополамина - вот и весь фокус.

- Ага! Ну, а способ номер два?

- Тут пришлось чуть-чуть одуречить нашу милую Селию. Она ничего и не заподозрила. Я ведь говорил - глупенькая была девочка, ей и в голову не пришло, что мне от нее нужно. Я просто поболтал с ней о том, какая абракадабра вся эта врачебная лягушка на рецептах, и попросил ее выписать, для примера, хотя бы настойку дигиталиса. Она так и сделала, не задумываясь. А затем мне только и осталось, что полистать справочник с адресами врачей, найти такого, который жил бы в одном из захолустных районов Лондона, и поставить внизу закорючку с неразборчивой подписью. Затем я отнес рецепт

в аптеку в деловом центре Лондона, где, разумеется, подпись этого врача была никому неизвестна, и без малейшего труда получил препарат. Дигиталис врачи часто выписывают сердечным больным, а рецепт, к тому же, был написан на бланке гостиницы.

- Ловко проделано! - сухо сказал инспектор Шарп.

- Подвел я себя! Чувствую по вашему тону.

- А третий способ?

Найджел не сразу ответил. Потом спросил:

- Слушайте, в какую ловушку я себя загнал?

- Присвоение имущества из незапертой машины рассматривается как мелкое хищение, - сказал инспектор Шарп. - А подделка подписи...

Найджел перебил его:

- Все-таки не подделка, верно? Другое дело, если бы я получил по такой подписи деньги! К тому же я не подделывал конкретную подпись какого-то врача. Я хочу сказать, если я пишу рецепт и ставлю на нем "Доктор Г.Р.Джеймс", это ведь не означает, что я подделал подпись какого-то конкретного доктора Джеймса? - он продолжал, криво усмехнувшись: - Понимаете, я ведь сам лезу в петлю. Вздумай вы придать делу скверный оборот - и готово, я влип. С другой стороны...

- Да, мистер Чепмен, с другой стороны?

Найджел вдруг заговорил с неожиданной горячностью:

- Мне ненавистно убийство как таковое. Чертовская гнусность. Бедная малышка Селия - уж она-то вовсе не заслуживала такой смерти. Я хочу вам помочь, но поможет ли то, что я рассказал? Видимо - ничуть. Иначе говоря, зря я вам исповедался в своих грехах.

- Полиция может рассматривать тот или иной проступок в весьма растяжимых пределах, мистер Чепмен. Некоторые случаи вполне можно отнести к разряду безобидных выходок неуравновешенного озорника. Итак, продолжайте, прошу вас, расскажите о вашем третьем способе.

- Ладно, - сказал Найджел, - тут мы подходим к самому щекотливому делу. Это было несколько рискованнее, чем первые два, но зато куда интересней. Видите ли, я разок-другой забегал к Селии в ее аптеку и хорошо знал расположение...

- Так что вполне могли стащить из шкафа пузыrek?

- Нет, это было бы слишком просто. Нечестная игра, с моей точки зрения. Кстати, если бы речь шла о настоящем убийстве, то есть если бы я взял это вещество с целью кого-то убить, наверно, кто-нибудь припомнит бы, что я туда приходил. К тому времени прошло месяцев шесть с моего послед-

него прихода в аптеку Селии. Я знал, что Селия всегда уходит в заднюю комнату ровно в одиннадцать пятнадцать, на "промежуточный" завтрак - кофе с печеньем. Девушки уходили туда по очереди. У них тогда только начала работать новая девушка, и она меня не знала в лицо. Поэтому я проделал следующее: вошел в аптеку, надев белый халат и повесив на шею стетоскоп. В помещении находилась только новенькая девушка, она занималась выдачей лекарств амбулаторным больным. Так вот, я неторопливо вошел, подошел к шкафу с сильнодействующими препаратами, вынул оттуда бутылочку, прошелся до конца перегородки и, выйдя оттуда, спросил девушку: "Какой концентрацией адреналина вы пользуетесь?" - Она ответила, я кивнул, а потом попросил ее дать мне парочку таблеток веганина, очень-де мучаясь с похмелья, проглотил эти таблетки и так же, не спеша, вышел. Она ни на мгновение не усомнилась в том, что я тамошний врач или студент. Проще пареной репы. Селия даже не знала, что я там побывал.

- Стетоскоп, - с интересом заметил инспектор Шарп. - Где вы взяли стетоскоп?

Найджел широко улыбнулся.

- Стащил у Лена Бэйтсона, - объяснил он.

- Из общежития?

- Да.

- Ну, значит, вот чем объясняется пропажа стетоскопа. Селия тут ни при чем.

- Господи, конечно же нет! Не могу себе представить, чтобы клептоман украл стетоскоп!

- Что вы потом с ним сделали?

- Да вот, пришлось его заложить, - сказал Найджел виновато.

- Причинили Бэйтсону маленькую неприятность.

- И даже большую. Но я не мог рассказать ему об этом, не раскрыв мои способы, а я тогда еще не собирался этого делать. К тому же, - весело добавил он, - вскоре после этого я как-то вечерком пригласил его в ресторан и угостил шикарным ужином.

- Вы весьма безответственный молодой человек, - объяснил инспектор Шарп.

- Да вы бы видели их лица, - перебил Найджел, улыбаясь все шире, - когда я выложил перед ними на стол эти три смертоносных препарата и рассказал, как умудрился стянуть их так, что комар носа не подточил!

- Значит, вы утверждаете, - сказал инспектор, - что придумали три способа отравления тремя различного типа препаратами и во всех трех случаях подозрение не могло бы падать на вас.

Найджел кивнул.

- Точно сказано, - согласился он. - И мне довольно неприятно согласиться с такой формулировкой, учитывая все обстоятельства. Но ведь дело в том, что мы с этими препаратами разделались две недели тому назад, а то и больше.

- Это вы так полагаете, мистер Чепмен, но ведь дело могло обстоять совсем иначе.

Найджел изумленно уставился на него.

- Что вы хотите сказать?

- Сколько времени эти предметы хранились у вас?

Найджел подумал.

- Ну, трубочка с таблетками скополамина была у меня, вероятно, дней десять. Тартрат морфия - около четырех дней. А настойку дигиталиса я достал как раз в тот самый день.

- Где же вы держали эти вещества - гидробромид скополамина и тартрат морфия?

- У себя в комоде, в ящике, под кучей носков.

- Кто-нибудь знал, что вы их там держите?

- Нет. Наверняка знаю, что никто.

Инспектор Шарп заметил в его голосе некоторую неуверенность, но решил пока что не останавливаться на этом.

- Вы кому-нибудь рассказали о том, что задумали? О ваших трех способах? О том, как собираетесь достать эти вещества?

- Нет. Разве только... нет, никому.

- Вы сказали "разве только", мистер Чепмен.

- Да нет, никому я ничего не говорил. Собственно, я уже собирался было рассказать Пэт, но подумал, что она не одобрит этого. У нее, у Пэт, очень твердые принципы, так что я решил, что лучше будет, если я ей чего-нибудь навру.

- Значит, вы не рассказали ей, что украли препарат из машины врача, и про рецепты, и про морфий из аптеки?

- Собственно, про дигиталис-то я ей потом рассказал, как я выписал рецепт и получил бутылочку в аптеке, ну, и о том, как в клинике прикинулся врачом. К сожалению, должен сказать, что ее это отнюдь не насмешило. Ну, а насчет того, что я стащил в машине, я и вовсе говорить не стал, боялся, что она вот-вот взорвется.

- Но вы ей сказали, что намерены все это уничтожить, как только выиграете пари?

- Да. Но она была ужасно расстроена и взвинчена. Стала меня уговаривать, чтобы я вернул, что-то в этом роде.

- А вам самому такое не приходило в голову?

- Бог ты мой, конечно, нет! Это было бы просто ужасно, я бы впутался в страшный скандал. Нет, мы попросту швырнули весь этот хлам в огонь, а жидкость вылили в уборную, и делу конец. Никому никакого вреда.

- Это вы так говорите, мистер Чепмен, но ведь вполне возможно, что кому-то вред как раз был причинен.

- Как это могло быть, если мы все выбросили, я же вам сказал?

- А вам не приходило в голову, мистер Чепмен, что кто-то мог видеть, где вы держите эти вещества, или даже нашел их и мог высыпать морфий из пузырька и заменить чем-то другим?

- Боже мой, конечно, нет! - Найджел смотрел прямо ему в глаза. - Мне это и в голову не приходило. Я не могу этого себе представить.

- Такая возможность все же существует, мистер Чепмен.

- Но никто не мог этого знать.

- Я полагаю, - сухо возразил инспектор, - что в этом доме многим становится известно гораздо больше, чем вы считаете возможным.

- Кто-то разнюхивает, вы думаете?

- Да, пожалуй, тут вы правы. Кто из студентов может в любое время заходить в вашу комнату?

- Ну, я ведь живу там вместе с Леном Бэйтсоном. Большинство парней забегают к нам время от времени. Что касается девушек, то считается, что они не должны заходить в спальню в нашем крыле. Соблюдаем приличия. Чистоту нравов.

- Считается, что не должны, но могут и зайти, не так ли?

- Да, конечно, могут, - ответил Найджел. - В дневное время. В середине дня, например.

- А мисс Лейн к вамходит?

- Звучит довольно двусмысленно, но я надеюсь, что вы не это имеете в виду. Да, она иногда ко мне заходит, приносит носки, которые штопала. Ничего более.

- Но вы отдаете себе отчет, мистер Чепмен, что тот, кому легче всего было высыпать яд из пузырька и заменить чем-то другим, - это вы?

Найджел пристально посмотрел на него, и лицо его внезапно осунулось и оцепенело.

- Да, - сказал он. - Я понял это ровно полторы минуты назад. Я действительно имел все возможности так поступить. Но у меня не было никаких оснований расправиться с этой девочкой, инспектор, и я не сделал этого. И все же я понимаю - прекрасно понимаю, что вам остается только поверить мне на слово, ничего более.

Глава 11

Всю историю с пари и последующим уничтожением ядовитых препаратов полностью подтвердили Лен Бэйтсон и Колин Мак Набб. Шарп попросил Колина Мак Набба задержаться после ухода остальных.

- Я не хотел бы тревожить вас после постигшего вас несчастья, - сказал он. - Я понимаю, что вы чувствуете, если вашу невесту отравили в вечер вашей помолвки.

- Нет никакой нужды вдаваться в мои чувства, - ответил Колин Мак Набб с совершенно невозмутимым видом. - Пожалуйста, не беспокойтесь об этом и задавайте мне любые вопросы, которые сочтете нужными.

- Вы совершенно уверены, что поведение Селии Остин имело психологическую основу?

- В этом нет сомнений, - сказал Колин Мак Набб. - Если хотите, я изложу вам теорию...

- Нет, нет, - поспешил прервать его инспектор Шарп. - Мне совершенно достаточно вашего мнения как ученого-психолога.

- У нее было исключительно несчастливое детство. Оно и явилось эмоциональным фактором...

- Конечно, конечно. - Инспектор Шарп изо всех сил старался избежать рассказа об еще одном несчастном детстве. С него было достаточно сообщения Патрисии о детстве Найджела. - Вы, вероятно, уже довольно давно влюбились в нее?

- Нет, не сказал бы, - ответил Колин, стараясь добросовестно вникнуть в заданный вопрос. - Удивительно, как внезапно осознаешь такое чувство. Подсознательно, по всей вероятности, я был влюблен, но не отдавал себе в этом отчета. Поскольку у меня вовсе не было намерения так рано жениться, мое сознание, видимо, оказывало сопротивление чувству.

- Да, да. Понятно. А Селия Остин радовалась вашей помолвке? У нее не было сомнений? Нерешительности? Может быть, ей казалось, что она еще что-то должна вам сказать?

- Она ведь полностью созналась в своих поступках. Ей больше не о чем было беспокоиться.

- И вы собирались пожениться - когда именно?

- Далеко не скоро. В настоящее время у меня нет возможности содержать жену.

- Не было ли у Селии здесь врагов? Скажем, кого-нибудь, кто неприязненно относился к ней?

- Вряд ли. Я ведь на эту тему много размышлял, инспектор. Селию здесь очень любили. Я лично считаю, что причиной ее смерти были вовсе не личные отношения.

- Что вы подразумеваете под личными отношениями?

- Сейчас я не хотел бы уточнять мою мысль. Она мне самому пока что не совсем ясна.

С этой позиции инспектору так и не удалось его сдвинуть.

Оставалось еще допросить Салли Финч и Элизабет Джонстон. Салли инспектор вызвал первой.

Рыженькая Салли с густой копной волос и блестящими умными глазами показалась ему очень привлекательной девушкой. Инспектор задал ей несколько стандартных вопросов, после чего она внезапно взяла инициативу на себя.

- Знаете, что мне хотелось бы, инспектор? Мне хотелось бы сказать вам, что я думаю. Лично я. Так вот: что-то в этом доме очень неладно. Я в этом уверена.

- Потому что отравили Селию Остин?

- Нет. Это было еще раньше. Я это ощущала уже довольно давно. Не нравилось мне все, что тут творилось. И этот изодранный на куски рюкзак, и разрезанный шарфик Валери, и конспекты Бесс, залитые чернилами. Я собиралась съехать отсюда и притом по-быстрому. Что я и сделаю, как только вы нас отпустите.

И Салли энергично тряхнула головой.

- Вы, значит, чего-то боитесь, мисс Финч?

- Да, боюсь. Боюсь чего-то или кого-то, безжалостно жестокого. Весь этот дом, понимаете - не знаю, как выразиться - совсем не тот, каким кажется. Нет, нет, инспектор, я вовсе не коммунистов имею в виду, я чувствую, что вы именно об этом сейчас подумали. Дело вовсе не в коммунистах. И может быть, даже не в преступниках. Не знаю. Но готова спорить на что хотите, что эта страшная старуха отлично знает, в чем тут дело.

- Какая старуха? Миссис Хаббард?

- Нет, конечно, уж не матушка Хаббард, она просто миляга. Я имею в виду эту старую волчицу Николетис.

- Это очень интересно, мисс Финч. Вы не могли бы пояснить вашу мысль относительно миссис Николетис?

Салли покачала головой.

- Нет. Вот этого-то и не могу. Скажу вам только, что меня мороз по коже продирает всякий раз, когда я ее вижу. Что-то очень странное творится здесь, инспектор.

- Я бы очень хотел, чтобы вы сказали нечто более определенное.

- Я бы тоже этого хотела. Вы, наверно, считаете меня пустой фантазеркой. Может быть, так оно и есть, но ведь не я одна это чувствую. Акибомбо тоже напуган. И Черная Бесс тоже, только она ни за что не поддается своим ощущениям. И мне кажется, инспектор, что Селия что-то об этом знала.

- Что-то знала - о чем же?

- Вот в том-то и дело - о чем? Но она ведь что-то такое говорила в свой последний день. О том, что все скоро выяснится. Она призналась во всем, что касалось лично ее, но она вроде бы намекнула, что еще кое-что знает и очень хочет, чтобы все это тоже выяснилось. И вот я думаю, что она действительно что-то знала, инспектор, знала что-то о ком-то. И думаю, что за это ее убили.

- Но если бы это было нечто настолько важное...

Салли перебила его.

- А она, должно быть, сама не знала, насколько это важно. Она ведь, знаете, была не очень-то умна. Попросту сказать, глупа. Что-то до нее дошло, только она не знала, насколько это "что-то" опасно. Как бы то ни было - такое у меня ощущение, верьте - не верьте.

- Понимаю. Благодарю вас... теперь скажите - последний раз вы видели Селию Остин в общей гостиной вчера вечером после обеда, не так ли?

- Правильно. Но я ведь еще раз видела ее, позже.

- Позже? Где? У нее в комнате?

- Нет. Когда я собралась идти спать и вышла из гостиной, я увидела, как она выходит из двери вестибюля.

- Из двери вестибюля? Значит, из дома?

- Да.

- Это новость. Никто мне об этом не говорил.

- По-моему, никто этого не знал. Она всем пожелала спокойной ночи и сказала, что идет спать, и если бы я своими глазами не увидела ее, я тоже считала бы, что она легла спать.

- Значит, она поднялась к себе, но вместо того, чтобы лечь, оделась и вышла из дома, так?

Салли кивнула.

- И я думаю, что она шла, чтобы с кем-то встретиться.

- Понимаю. Встретиться на улице. Может быть, с кем-то из студентов?

- Мне кажется, что это именно так. Видите ли, если она хотела поговорить с кем-то наедине, в доме это сделать фактически невозможно. Вот кто-то посоветовал ей выйти и встретиться вне дома.

- Вы не знаете, когда она вернулась?

- Понятия не имею.

- Может быть, Джеронимо, слуга, знает это?

- Он знал бы только в том случае, если бы она вернулась после одиннадцати, потому что в это время он запирает входную дверь на замок и цепочку. А до того каждый может войти со своим ключом.

- Вы точно знаете, в котором часу вы видели, как она выходит из дома?

- По-моему, было около десяти. Возможно, даже чуть больше десяти, но не намного.

- Понятно. Спасибо, мисс Финч.

Последней, с кем беседовал инспектор, была Элизабет Джонстон. На него сразу произвело впечатление ее спокойное и разумное поведение. Она умно и уверенно отвечала на каждый его вопрос, затем ждала следующего.

- Селия Остин, - сказал он, - самым решительным образом отрицала обвинение в порче ваших конспектов, мисс Джонстон. Вы поверили ей?

- Не думаю, чтобы это сделала Селия. Нет, не думаю.

- А кто, по-вашему, это сделал?

- Все указывает на Найджела Чемпена. Но это слишком нарочито. Найджел - умный человек. Он бы не воспользовался собственными чернилами.

- Тогда кто же, если не он?

- Трудно сказать. Но мне кажется, что Селия знала - кто, или хотя бы догадывалась.

- Она вам так сказала?

- Нет, прямо ничего не было сказано, но она пришла ко мне вчера вечером, перед обедом, чтобы сказать, что признает себя виновной во всех этих кражах, но моей работы она не трогала. Я ответила, что безусловно верю ей, и спросила, знает ли она, кто это сделал?

- И что же она?

- Она сказала... - Элизабет на мгновение умолкла, как бы стараясь подобрать слова для точного ответа, - она сказала мне: "Я еще не уверена, так как не могу понять, почему... Это, может быть, ошибка или несчастная случайность... Но я уверена, что тот, кто это сделал, очень жалеет об этом и хотел бы сознаться". И еще Селия сказала: "А кое-чего я совсем не понимаю, например, что случилось с лампочками в тот день, когда приходила полиция".

Шарп перебил ее:

- Это еще что такое - полиция и лампочки?

- Не знаю. Селия только сказала: "Я их не вынимала". И еще добавила: "Интересно, может быть, это было связано с паспортом?" Я спросила: "Какой паспорт? О чём ты говоришь?" А она ответила: "Я думаю, что у кого-то, возможно, фальшивый паспорт".

Инспектор помолчал минуту-другую. Наконец что-то начинало вырисовываться. Паспорт... Он спросил:

- Что она еще говорила?

- Больше ничего. Она только сказала: "Все равно, завтра я буду знать гораздо больше."

- Она так и сказала: "Завтра я буду знать гораздо больше"? Это очень важное замечание, мисс Джонстон.

- Да.

Инспектор опять задумался.

Стало быть, что-то о паспорте... И о приходе полиции... Перед тем как отправиться на Хиккори-Роуд, инспектор Шарп тщательно изучил все досье, относившиеся к общежитиям иностранных студентов, - за такими общежитиями полиция тщательно присматривала... Дом 26 по Хиккори-Роуд имел хорошую репутацию. Поэтому инспектору удалось собрать весьма незначительные факты. Какого-то студента из Западной Африки разыскивала полиция Шеффильда, так как он жил за счет проститутки; этот студент прожил на Хиккори-Роуд всего несколько дней, вскоре выехал оттуда и был впоследствии арестован и депортирован. В другой раз полиция проверяла все общежития и пансионы в поисках какого-то восточного студента по делу об убийстве жены трактирщика возле Кембриджа. Дело было прекращено, когда этот молодой человек сам явился в полицию Гулля и сознался в совершенном преступлении. Еще было одно полицейское расследование по поводу крамольных листков, которые распространял какой-то студент. Все эти события имели место уже довольно давно, и не просматривалось никакой связи между ними и смертью Селии Остин.

Инспектор вздохнул, поднял глаза и встретился взглядом с сумными темными глазами Элизабет Джонстон, внимательно смотревшей на него. Движимый каким-то внезапным побуждением, он спросил:

- Скажите мне, мисс Джонстон, было ли у вас когда-либо такое чувство, такое ощущение, будто в этом доме что-то неладно?

Она удивилась.

- В каком смысле - неладно?

- Не могу сказать ничего определенного. Просто я подумал о том, что мне говорила мисс Салли Финч.

- О, Салли Финч!

В голосе ее прозвучало что-то, не очень для него ясное. Это заинтересовало его, и он продолжал:

- По-моему, мисс Финч очень наблюдательна, у нее острый и деловой подход ко всему, о чем она говорит. Она настойчиво подчеркнула, что здесь происходит нечто странное - здесь, в этом доме, - хотя и затруднилась определить, что именно.

Элизабет резко прервала его:

- Это просто ее американская манера судить обо всем. Все они одинаковы, эти американцы, нервные, недоверчивые, всегда подозревают какой-то вздор! Вы же знаете, какими глупцами они проявили себя с этими охотами за ведьмами, с этой истеричной шпиономанией, с помешательством на коммунизме. Салли Финч - типичная американка.

Инспектор слушал ее с возрастающим интересом. Стало быть, Элизабет весьма недолюбливает Салли Финч. За что? За то, что та - американка? Или наоборот - Элизабет невзлюбила американцев как раз за то, что Салли Финч американка, а у нее, Элизабет, имеются особые причины для неприязни к этой привлекательной рыженькой девушке? Может быть, просто женская ревность? Он решил использовать прием, не раз приносивший ему удачу, и вкрадчиво произнес:

- Вы безусловно понимаете, мисс Джонстон, во всяком заведении, подобном этому, люди весьма и весьма отличаются друг от друга умственным кругозором. Одних - таких большинство - интересуют только факты. Но когда встречаешь человека высокого интеллектуального уровня... - Он остановился. Намек был лестным - какова будет ее реакция?

Помолчав немного, она ответила:

- Кажется, я понимаю вас, инспектор. Вы правы, интеллектуальный уровень здесь далеко не высок. Найджел Чепмен соображает довольно быстро, но он пустощит. Леонард

Бэйтсон - тупой зубрила, и только. Валери Хобхауз по-настоящему умна, но она смотрит на все с коммерческой точки зрения и слишком ленива, чтобы приложить свои умственные способности к чему-либо, стоящему внимания. А вам нужен человек с независимым научным складом ума.

- Как, например, вы, мисс Джонстон.

Она не отклонила его похвалу, и он с интересом отметил, что за ее скромной, приятной манерой держаться кроется непробиваемая уверенность в собственном превосходстве.

- Я склонен согласиться с оценкой, которую вы дали вашим коллегам-студентам, мисс Джонстон. Чепмен не глуп, но несколько ребячлив. Валери Хобхауз умна, но держится, как пресыщенный жизнью человек. У вас же, как вы сами сказали, научный склад ума. Вот почему я прислушиваюсь к вашему мнению, выработанному мощным независимым интеллектом.

На минуту его испугала мысль, что он перестарался, но страх был совершенно напрасен.

- Ничего неладного в этом доме нет, инспектор. А на слова Салли Финч не надо обращать никакого внимания. Это очень приличное, благоустроенное общежитие, и я уверена, что вы здесь не найдете ни малейших следов какой-либо подрывной деятельности.

Инспектор Шарп был несколько озадачен.

- Я вовсе не думал о подрывной деятельности...

- О, понимаю. - Она чуть-чуть растерялась. - Я связала это с тем, что Селия говорила о паспорте. Но если взглянуть на все беспристрастно и взвесить все обстоятельства, можно с уверенностью сказать, что смерть Селии имеет чисто личные причины - так я бы выразилась; может быть, какие-нибудь сексуальные сложности. Ничего похожего на то, будто в этом общежитии "что-то неладно". Все тут в порядке, я убеждена. Если бы это было не так, я бы сразу заметила, я обладаю исключительно чутким восприятием окружающей среды.

- Понимаю. Что же, спасибо, мисс Джонстон. Вы были очень любезны и чрезвычайно помогли мне.

Элизабет Джонстон вышла, а инспектор Шарп долго сидел неподвижно, уставившись на закрытую дверь, и сержантку Коббу пришлось дважды окликнуть его, пока он наконец опомнился.

- А? Что?

- Я сказал, что больше никого нет, сэр.

- Да, и что же мы в итоге имеем? Очень мало. Но одно я скажу вам, Кобб. Завтра я вернусь сюда с ордером на обыск. Мы с вами сейчас уйдем отсюда, мило беседуя, и все они решат, что неприятности позади. Но что-то тут все-таки не то. Завтра я тут все выверну наизнанку - это не так-то легко, когда сам не знаешь, что ищешь, но все же надеюсь, что найду наконец какую-то исходную точку. Очень, очень интересная девица вышла сейчас отсюда. У нее прямо какой-то комплекс Наполеона, и я сильно подозреваю, что кое-что ей известно.

Глава 12

Эркюль Пуаро, диктовавший текст письма, остановился на середине фразы, и мисс Лемон вопросительно взглянула на него:

- Да, месье Пуаро?

- Я отвлекся. - Пуаро взмахнул рукой. - В конце концов, это письмо не имеет особого значения. Будьте добры, мисс Лемон, соедините меня по телефону с вашей сестрой.

- Хорошо, месье Пуаро.

Спустя мгновение Пуаро подошел к телефону и взял трубку из рук секретарши.

- Алло! - сказал он.

- Да, месье Пуаро?

Голос миссис Хаббард звучал так, будто ей не хватало дыхания.

- Надеюсь, миссис Хаббард, я не помешал вам?

- Мне уже ничто не может помешать, - ответила миссис Хаббард.

- Имеются, очевидно, поводы для беспокойства? - деликатно осведомился Пуаро.

- Вы очень хорошо выразились, месье Пуаро. Безусловно, имеются такие поводы. Дело в том, что инспектор Шарп вчера закончил опрос студентов, а сегодня явился с ордером на обыск, и на меня, разумеется, набросилась миссис Николетис в истерическом припадке.

Пуаро сочувственно пощелкал языком, а затем сказал:

- У меня к вам только один вопросик. Вы мне дали список пропавших вещей и других странных происшествий, и вот я хотел бы знать: вы его составили в хронологическом порядке или нет?

- Как вы сказали?

- Вы записали эти вещи в том порядке, в каком они пропадали?

- Нет, ничуть! Очень жаль, но я записала их так, как они пришли мне на память. Простите, если ввела вас в заблуждение.

- Мне следовало раньше спросить вас об этом, - сказал Пуаро. - Но тогда я не оценил еще важности этого факта. Вот у меня перед глазами ваш список. Читаю: вечерняя туфелька, браслет, пудреница, брильянтовое кольцо, зажигалка, стетоскоп и так далее. Но вы говорите, что записывали не в порядке их исчезновения?

- Нет.

- А вы не могли бы сейчас вспомнить, если это не слишком трудно, в каком примерно порядке они пропадали?

- Ну, я не очень-то уверена, сумею ли, месье Пуаро. Это ведь началось довольно давно. Надо было мне тогда это обдумать. Когда я поговорила с сестрой и узнала о вашем приглашении, я составила этот список и, как я уже сказала, перечисляла в нем вещи по мере того, как вспоминала. Понимаете, туфелька оказалась первой, потому что эта пропажа показалась мне особенно странной, браслет, пудреница, зажигалка и кольцо беспокоили меня как более или менее ценные вещи, и это наводило на мысль, что взял их настоящий вор, ну, а потом я припомнила менее значительные пропажи и добавила их к списку. Это я насчет борной кислоты и лампочек. И рюкзака. Это ведь действительно пустяки, и поэтому они мне последними пришли в голову.

- Понимаю, - сказал Пуаро, - да, понимаю... Теперь вот о чем я попрошу вас, мадам, - если у вас есть время, присядьте и...

- Время у меня будет, когда я дам миссис Николетис снотворное и уложу ее в постель и успокою Джеронимо и Марию. А что вы хотите, чтобы я сделала?

- Я попрошу вас сесть и постараться припомнить, насколько возможно, и записать, в каком порядке происходили все эти события.

- Конечно, месье Пуаро. Рюкзак, пожалуй, был первым, а потом лампочки - но я и не подумала, что это как-то связано с остальными вещами, - а потом браслет и пудра, нет - вечерняя туфелька. Ну, вам совершенно незачем выслушивать мои рассуждения. Я запишу все это возможно точнее.

- Спасибо, мадам. Буду вам чрезвычайно благодарен.

Пуаро повесил трубку.

- Я недоволен собой, - сказал он, обращаясь к мисс Лемон. - Мне следовало исходить из принципа порядка и методичности. Я с самого начала должен был установить точный порядок краж.

- Ах ты, Господи! - машинально откликнулась мисс Лемон. - Вы сейчас закончите диктовку писем, месье Пуаро?

Но Пуаро опять нетерпеливо отмахнулся.

Инспектор Шарп явился в субботу утром на Хиккори-Роуд с ордером на обыск и попросил миссис Николетис принять его - он знал, что та всегда приходит по субботам, чтобы проверять счета вместе с миссис Хаббард. Он объяснил ей, что именно намерен делать. Миссис Николетис бурно запротестовала.

- Да ведь это оскорбительно! Мои студенты выедут отсюда, все выедут. Меня ждет разорение...

- Нет-нет, мадам. Я уверен, что они разумно отнесутся к этому. В конце-то концов, расследуется дело об убийстве...

- Не убийство - самоубийство.

- И я уверен, что, когда я им все объясню, никто не станет возражать.

Миссис Хаббард вставила несколько слов для смягчения обстановки.

- Я уверена, что все отнесутся разумно, за исключением, может быть, - добавила она задумчиво, - мистера Ахмеда Али и мистера Чандра Лала.

- Пхе! - сказала миссис Николетис. - Кто с ними станет считаться?

- Благодарю вас, мадам, - произнес инспектор. - Итак, я начну с этой комнаты, с вашей гостиной.

Это предложение вызвало немедленный яростный протест со стороны миссис Николетис.

- Ищите где хотите, - заявила она, - только не здесь, я отказываюсь.

- Простите, миссис Николетис, но мне необходимо обыскать этот дом сверху донизу.

- Пожалуйста, но не мою комнату. Ко мне законы не относятся.

- Законы относятся ко всем, мадам. Боюсь, что мне придется попросить вас не мешать.

- Это издевательство! - в бешенстве завопила миссис Николетис. - Вы суете свой нос в частную жизнь. Я всем напишу! Я напишу моему депутату парламента! Я напишу в газету!

- Пишите, мадам, кому вам будет угодно, - ответил инспектор Шарп, - а я обыщу эту комнату.

И он начал с письменного стола. Большая коробка почтовой бумаги, огромное количество всевозможных бумаг и разнообразного, но никому не нужного хлама - таков был результат его поисков. Затем он перешел к шкафчику, стоявшему в углу комнаты.

- Он заперт. Будьте любезны дать мне ключ.

- Ни за что! - взвизгнула миссис Николетис. - Никогда, никогда, никогда вам не достанется этот ключ! Скотина вы, полицейская свинья, плевала я на вас! И плюю! И плюю! Плюю! Плюю!

- Тем не менее, прошу вас дать мне ключ, - сказал инспектор Шарп. - В противном случае мне придется просто взломать дверцу.

- Не дам я вам ключа! Вам придется сорвать с меня одежду, пока доберетесь до ключа! А это - это уже будет форменное безобразие!

- Принесите стамеску, Кобб, - спокойно сказал инспектор Шарп.

Миссис Николетис издала пронзительный вопль. Инспектор Шарп остался непреклонным. Принесли стамеску, раздался громкий треск и дверцы шкафа распахнулись. И в тот же миг оттуда вылетели нагроможденные друг на друга пустые бутылки из-под бренди.

- Скотина! Свинья! Дьявол! - орала миссис Николетис.

- Благодарю вас, мадам, - вежливо отозвался инспектор.

Миссис Хаббард незаметно убрала бутылки на прежнее место, пока миссис Николетис билась в истерике.

Наконец-то выяснилась хотя бы одна тайна, тайна непостижимых смен настроения миссис Николетис!

Телефонный звонок Пуаро застал миссис Хаббард как раз в ту минуту, когда она отмеряла хорошую дозу снотворного, хранившегося в личной аптечке. Повесив трубку, она вернулась к миссис Николетис, которая, лежа на диване в своей гостиной, визжала не своим голосом и била каблуками по диванным подушкам.

- Примите-ка вот это, - сказала ей миссис Хаббард. - И вам станет лучше.

- Гестаповцы! - сказала миссис Николетис уже спокойно, но угрюмо.

- Я бы на вашем месте больше об этом не думала, - заметила миссис Хаббард ласково.

- Гестаповцы! - повторила миссис Николетис. - Гестаповцы, вот кто они такие!

- Они, знаете ли, выполняют свой долг, - объяснила миссис Хаббард.

- Разве это их долг - шарить в моих личных вещах? Я им говорю: "Вам тут нечего делать, я запираю этот шкаф". Я ношу ключ на груди. Если бы это было не при свидетеле, если бы вас тут не было, они без всякого стыда сорвали бы с меня платье!

- О нет, не думаю, что они бы так поступили, - возразила миссис Хаббард.

- Это вы так считаете! А они приносят стамеску и ломают дверцу. Наносят ущерб всему дому, и я же буду за это отвечать.

- Но видите ли, раз вы отказались дать им ключ...

- А с какой стати давать им ключ? Это мой ключ! Мой личный ключ! И это - лично моя комната. Лично моя комната, и вот я говорю полиции: "Не смейте", а они посмели.

- В конце концов, миссис Николетис, не забывайте, ведь совершено убийство. И в таком случае приходится мириться с тем, что в обычных обстоятельствах кажется неприятным.

- А мне плевать на убийство! - закричала миссис Николетис. - Эта девчонка Селия, она покончила с собой. У нее была дурацкая любовная неудача, и она отравилась. Такие вещи всегда были и будут. Они такие дуры, эти девчонки, с этой их любовью - как будто любовь что-то значит! Один год, два года - и конец, вот вам и вся великая страсть! Все мужчины одинаковы, что один, что другой. Просто дуры-девчонки этого не знают. Вот и глотают снотворное или что там другое или открывают газ, а потом уже слишком поздно.

- Ну ладно, - сказала миссис Хаббард, возвращаясь к тому, с чего начался разговор, - я бы теперь больше об этом не беспокоилась.

- Вам хорошо говорить. А мне приходится беспокоиться. Я теперь в опасности.

- В опасности? - миссис Хаббард в изумлении взглянула на нее.

- Это был мой личный шкаф, - опять завела миссис Николетис. - Никто не знал, что в моем личном шкафу. Я не хотела, чтобы знали. А теперь они знают. Я очень беспокоюсь. Они еще подумают - что они подумают?

- Кто именно - они?

Миссис Николетис пожала широкими, роскошными плечами и сумрачно посмотрела на миссис Хаббард.

- Вы не понимаете, - сказала она, - но я беспокоюсь. Очень беспокоюсь.

- Может быть, вы мне скажете, в чем дело, - сказала миссис Хаббард. - Возможно, я сумею вам помочь.

- Еще слава Богу, что я здесь не ночую, - продолжала миссис Николетис. - Эти замки в дверях все одинаковы, любой ключ подойдет. Нет, слава Богу, я тут не ночую.

Миссис Хаббард прервала ее:

- Миссис Николетис, если вы чего-то опасаетесь, может быть, лучше сказать мне, в чем дело?

Миссис Николетис на мгновение сверкнула на нее своими темными глазами и снова отвернула их в сторону.

- Вы же сами сказали, - уклончиво заявила она. - Вы сказали, что в этом доме было убийство, как же не беспокоиться? Кто следующий? Ведь неизвестно, кто убийца. Это все потому, что в полиции сидят дураки или же их подкупили.

- Все это вздор, вы сами это понимаете, - ответила миссис Хаббард. - Но все-таки скажите - у вас есть какая-нибудь настоящая причина для беспокойства?

Миссис Николетис, как всегда, неожиданно взорвалась:

- Ага, вы, значит, считаете, что у меня нет такой причины? Вы, конечно, все знаете лучше всех! Вы такая замечательная, вы всем угоджаете, вы обо всем заботитесь, вы сорите деньгами, лишь бы студенты были довольны едой и вас любили, а теперь еще лезете в мои дела! Ну нет уж, извините! Я своими делами сама ведаю, и никто в них не полезет, слышите? И вы не суйтесь в них, миссис Длинный Нос!

- Говорите на здоровье, - сказала миссис Хаббард, выведенная наконец из терпения.

- Вы шпионка, я всегда знала!

- Вот как! За кем же я шпионю?

- То-то и есть, что шпионить здесь не за кем и незачем, - ответила миссис Николетис, - и нечего вынюхивать. А раз вы считаете, что есть - значит, вы сами это и подстроили. Про меня тут ходят разные враки, и я отлично знаю, кому этим обязана.

- Если вы хотите, чтобы я ушла с работы, вам стоит только сказать.

- Нет, вы теперь не уйдете, я запрещаю вам! Не то сейчас время! У меня и так уйма хлопот с полицией, с убийством этим, со всякой всячиной. Я не позволю вам бросить меня теперь.

- Ох, пусть будет по-вашему! - беспомощно вздохнула миссис Хаббард. - Право, бывает очень трудно понять, чего вы хотите. Иногда мне кажется, что вы и сами этого не знаете. Ложитесь-ка лучше на мою кровать да поспите!

Глава 13

Эркюль Пуаро вылез из такси у дома 26 по Хиккори-Роуд.

Дверь ему открыл Джеронимо и приветствовал его как старого друга. В холле стоял констебль, поэтому Джеронимо затащил Пуаро в столовую и прикрыл дверь.

- Ужасно, - прошептал он, помогая Пуаро снять пальто. - Полиция здесь, все время! Спрашивать,ходить туда,ходить сюда,смотреть шкафы,смотреть ящики,идти даже на кухню Марии. Мария очень сердита. Говорит,будет бить полицейского скалкой,но я говорю,не надо. Я говорю,полиция не любит,если бить скалкой,и сделают еще хуже,если Мария будет бить.

- Очень благоразумно, - одобрил Пуаро. - Миссис Хаббард сейчас свободна?

- Я вас провожать наверх.

- Минуточку, - остановил его Пуаро. - Вы помните тот день, когда исчезло несколько электрических лампочек?

- О, да, помню. Но это давно-давно, один, два, три месяца назад.

- А откуда именно были вынуты лампочки?

- Одна - холл и, кажется, одна - гостиная. Кто-то шутить. Вынуть лампочки.

- Точно число не помните?

Джеронимо задумался.

- Не помню, - сказал он. - Кажется, тот день, когда приходит полицейский, наверно, февраль...

- Полицейский? А зачем это приходил сюда полицейский?

- Приходил говорить миссис Николетис про студент. Очень плохой студент, приехал из Африки. Не работать. Ходить биржу труда,ходить помочь безработным,потом иметь женщину,она ходить мужчины для него. Очень плохо. Полиция это не любит. Это было Манчестер или Шеффилд, он оттуда убежать и жить здесь, но полиция искала,пришла сюда говорить миссис Хаббард про него. А она им сказала: он тут мало жить, он ей не нравится и она прогнала.

- Понятно. Они пытались выследить его.

- Scusi?¹

- Они хотели найти его.

1

Scusi? - Простите? (ит.)

- Да, да, правильно. Они найти и посадить тюрьму потому жил деньги женщина, а жить деньги женщина нельзя. Здесь хороший дом. Ничего такого нет.

- И как раз в этот день пропали лампочки?

- Да. Я повернуть выключатель - и ничего. Иду гостиную, и там лампочки нет, смотрю ящик, где запас, и там нет. Тогда иду кухню, спросить Мария, где запас лампочки, - а она сердита, не любить полиция, говорит, запас лампочки не ее дело, тогда я приносить свечи.

Пуаро раздумывал над этим рассказом, следуя за Джеронимо вверх по лестнице, к миссис Хаббард.

Она тепло встретила Пуаро, но выглядела усталой и очень расстроенной. Она сразу же протянула ему листок бумаги.

- Я уж так старалась, месье Пуаро, записать все эти вещи в правильном порядке, но не могу поручиться, что припомнила на сто процентов. Понимаете, очень трудно вспомнить, когда случилось то или другое, если прошло уже несколько месяцев.

- Премного вам благодарен, мадам. А как поживает миссис Николетис?

- Я дала ей снотворное, надеюсь, что она уснула. Она подняла страшный шум из-за ордера на обыск, отказалась открыть свой шкаф, и инспектор взломал его, оттуда вывалилась куча пустых бутылок.

Пуаро тактично произнес:

- О!

- И тут, конечно, многое стало ясно, - сказала миссис Хаббард. - Теперь я даже удивляюсь, как это я раньше не сообразила, я ведь видела в Сингапуре, как люди напиваются. Но это, наверно, вам не интересно.

- Мне все интересно, - сказал Пуаро.

Он уселся и принялся изучать листок, который дала ему миссис Хаббард.

- Ага! - сказал он немного спустя. - Как я вижу, сейчас в начале списка стоит рюкзак.

- Да. Это не имело большого значения, но теперь я точно помню, что это случилось до того, как начали исчезать украшения и все такое. Это как раз совпало с неприятностями, которые у нас были из-за одного цветного студента. Он выехал от нас за день или за два до этого, и я еще подумала, что, может быть, он перед отъездом решил таким образом выместить злобу. С ним вышла... действительно... большая неприятность...

- Да? Джеронимо мне что-то об этом говорил. Если не ошибаюсь, тогда приходила полиция, верно?

- Да. Они получили сообщение из Шеффильда или Бирмингема, что-то в этом роде. Довольно скандальная история. Безнравственным путем наживал деньги. За это впоследствии он и попал под суд. Жил-то он здесь, у нас, всего каких-нибудь три-четыре дня. Мне не нравилось его поведение, вся его манера держаться, и я сказала ему, что комната была сдана раньше и ему придется съехать. И я вовсе не удивилась приходу полиции. Конечно, я не знала, куда он переехал отсюда, но они все-таки нашли его.

- И вот после этого вы обнаружили рюкзак?

- Да, кажется, так, но трудно сказать точно. Понимаете, Лен Бэйтсон собирался в путешествие автостопом и нигде не мог найти свой рюкзак, и он поднял такой шум, все искали рюкзак как могли, и наконец Джеронимо нашел его в котельной, позади котла, исполосованным вдоль и поперек. Странно, не правда ли? Такой нелепый, бессмысленный поступок, месье Пуаро.

- Да, - подтвердил Пуаро, - нелепый и бессмысленный.

Некоторое время он молчал, погрузившись в раздумье.

- И как раз в этот день, в день, когда полиция явилась сюда насчет африканского студента, исчезли какие-то лампочки? Так мне сказал Джеронимо. Это действительно произошло именно тогда?

- Ну, этого я совсем не могу припомнить. Да, да, кажется, вы правы, я сейчас вспоминаю, что я спустилась вниз вместе с инспектором и зашла с ним в гостиную, а там горели свечи. Мы как раз собирались расспросить Акибомбо, не говорил ли ему тот молодой человек, где он рассчитывает поселиться.

- Кто еще был в гостиной?

- Думаю, что большинство студентов к этому часу уже пришли домой. Это было, знаете, под вечер, часов в шесть. Я спросила Джеронимо, почему горят свечи, и он мне сказал, что лампочки кто-то вывернул. Тогда я спросила его, почему он их не заменил, а он ответил, что у нас кончился запас лампочек. Я была очень недовольна, мне это показалось таким дурацким розыгрышем. Понимаете, я считала это розыгрышем, шуткой, не кражей, но меня очень удивило, что нет лампочек в запасе, обычно у нас их хранится довольно много, на всякий случай. Я тогда не приняла этого всерьез, месье Пуаро.

- Лампочки и рюкзак, - задумчиво проговорил Пуаро.

- Но мне все-таки кажется, - продолжала миссис Хаббард, - что это никак не связано с мелкими кражами бедняжки Селии. Помните, она ведь очень настойчиво утверждала, что даже не прикасалась к рюкзаку.

- Да-да, вы правы. А когда, после этого, начались кражи?

- Ох, Боже мой, месье Пуаро, вы не знаете, как трудно все это припомнить. Постойте-ка: дело с рюкзаком было в марте, нет, в феврале - середине февраля. Да-да, Женевьеве сказала, что не может найти свой браслет, примерно неделю спустя. Да, между 20-м и 25-м февраля.

- И после этого пропажи пошли одна за другой?

- Да.

- А рюкзак принадлежал Лену Бэйтсону?

- Да.

- И он очень сердился?

- Ну, это еще ни о чем не говорит, - сказала с улыбкой миссис Хаббард. - Просто Лен такой человек - дружелюбный, щедрый, добрый до глупости, но такой вспыльчивый, такой несдержаный!

- А что за рюкзак у него был - особенный какой-то?

- Да нет, обыкновенный рюкзак.

- Вы могли бы мне показать такой же?

- Да, конечно. У Колина точь-в-точь такой, и у Найджела, да и у самого Лена тоже, потому что ему пришлось пойти и купить другой взамен того. Студенты их обычно покупают в том магазине, что в конце улицы. Там торгуют очень хорошими принадлежностями для туризма и пеших походов - шорты, спальные мешки, все такое. И очень дешево, куда дешевле, чем в больших универмагах.

- Можно мне взглянуть на такой рюкзак, мадам?

Миссис Хаббард услужливо проводила его в комнату Колина Мак Набба, его самого там не было, но миссис Хаббард открыла шкаф, наклонилась и, вынув изнизу рюкзак, подала его Пуаро.

- Вот, месье Пуаро. Точь-в-точь такой, как тот, что мы искали и нашли изрезанным.

- Не так-то легко его разрезать, - заметил Пуаро, ощупывая рюкзак. - Маленькими туалетными ножницами его не возьмешь.

- Конечно, нет, и девушке, например, не под силу с этим справиться. Тут надо приложить немало силы, я бы сказала. Силы, и еще, знаете, - злости.

- Да, знаю. Знаю. Неприятно. Даже думать об этом неприятно.

- Вот поэтому, когда, после, был найден шарф Валери, тоже изрезанный на кусочки, все это выглядело, как бы сказать... ненормально.

- Ну, - сказал Пуаро, - тут вы неправы, мадам. Ничего ненормального я в этом деле не вижу. Наоборот, тут имелась определенная цель, намерение и, я бы сказал, - методичность.

- Вы, разумеется, больше знаете о таких делах, чем я, месье Пуаро, - ответила миссис Хаббард. - Я одно могу сказать - не нравится мне все это. Насколько я могу судить - у нас живут очень славные студенты, и я страшно огорчилась бы, случись так, что кто-нибудь из них окажется - ну, не тем, за кого его или ее принимают.

Пуаро подошел к балконной двери, открыл ее и вышел на старомодный балкон. Комната находилась в тыльной стороне дома. Внизу был маленький грязный палисадник.

- Здесь значительнотише, чем со стороны фасада, верно? - спросил он.

- В какой-то мере. Но Хиккори-Роуд вообще не очень шумная улица. А сюда зато сбегаются по ночам все кошки. Орут и сбрасывают крышки с мусорных баков.

Пуаро поглядел вниз на четыре потрепанных мусорных бака и кучу хлама, сваленного, как всегда, на заднем дворе.

- А где котельная?

- Вон там дверь в нее, рядом со складом угля.

- Вижу.

Он внимательно смотрел вниз.

- Чьи еще комнаты выходят на эту сторону?

- Найджел Чепмен и Лен Бэйтсон живут в комнате рядом с моей.

- А дальше?

- Дальше - это уже соседний дом, там комнаты девушки. В первой жила Селия, дальше идут комнаты Элизабет Джонстон и Патрисии Лейн. А комнаты Валери и Джин Томлинсон находятся со стороны фасада.

Пуаро кивнул и вернулся в комнату.

- Аккуратный молодой человек, - пробормотал он, окинув комнату одобрительным взглядом.

- Да, у Колина всегда хорошо прибрано. А у некоторых ребят страшный беспорядок, - сказала миссис Хаббард. - Вы бы видели комнату Лена Бэйтсона! - и доброжелательно приветствовала: - Но он такой славный парень, месье Пуаро!

- Вы сказали, что эти рюкзаки продаются в конце улицы?

- Да.

- А чей это магазин?

- Право, месье Пуаро, вот не могу сейчас вспомнить. Кажется Мэбберли. Или нет - Кэлсо. Нет, опять-таки не то имя, но что-то вроде этого. Это мне, конечно, пришло сейчас в голову, потому что я когда-то знала семью по фамилии Кэлсо и еще другую - Мэбберли, и эти семьи были ужасно похожи одна на другую.

- Да, - сказал Пуаро, - вот такие ассоциации всегда меня интересовали. Так сказать - невидимое звено.

Он еще раз посмотрел из окна на садик, затем попрощался с миссис Хаббард и вышел из дома.

Он дошел по Хиккори-Роуд до угла и без труда узнал нужный ему магазин по описанию миссис Хаббард. На витрине в изобилии красовались корзинки для пикника, рюкзаки, термосы, всевозможное спортивное снаряжение, шорты, рубашки, тропические шлемы, палатки, купальники, велосипедные лампочки и фонарики - в общем все, что может понадобиться спортивной молодежи. Фамилия владельца оказалась вовсе не Мэбберли и не Кэлсо, а Хикс. Тщательно изучив все товары, выставленные на витрине, Пуаро вошел в магазин и сообщил о своем желании купить рюкзак для вымышленного племянника.

- Он делает *le camping*,¹ - понимаете, - заявил Пуаро, прикидываясь еще большим иностранцем, чем был на деле. - Он ходит с другими студентами на ногах и все, что надо, носит с собой на спине, а машины и грузовики, когда проезжают, берут его с собой.

Хозяин, маленький, любезный человечек с белесыми волосами, тотчас же подхватил:

- Ах, автостоп! - сказал он. - Все они так ездят теперь. Наверное, автобусы и железные дороги немало на этом теряют. Эти молодые люди автостопом колесят по всей Европе. Значит, вам нужен рюкзак, сэр? Обычный рюкзак?

- Я так полагаю. А у вас есть выбор?

- Ну, есть парочка образцов полегче, для дам, но обычно мы торгуем вот этими. Хорошие, прочные, вместительные и очень дешевые, скажу по правде.

Он вытащил грубый брезентовый рюкзак, точно такой, как тот, что Пуаро видел в комнате Колина. Пуаро осмотрел его, задал еще несколько экзотичных и ненужных вопросов и расплатился наличными.

¹ *Le camping* - кемпинг (фр.).

- Эти рюкзаки у нас очень охотно раскупают, - сказал хозяин, заворачивая покупку.

- Кажется, тут вокруг живет немало студентов?

- Да. Это такой студенческий район.

- Я слышал, на Хиккори-Роуд есть общежитие?

- Да. Я несколько рюкзаков продал тамошним молодым людям. И девицам тоже. Они обычно приходят сюда за покупками, когда отправляются в дорогу. У меня цены ниже, чем в универмагах, я им это всегда говорю. Пожалуйста, сэр, вот ваш пакет, и надеюсь, что рюкзак хорошо послужит вашему племяннику.

Пуаро поблагодарил и вышел с пакетом. Он и шага не сделал, как чья-то рука опустилась ему на плечо.

- Как раз тот, кто мне сейчас нужен, - сказал Шарп.

- Вы закончили обыск дома?

- Да, обыскал, но не могу похвастать особыми достижениями. Тут поблизости есть местечко, где подают очень приличные сандвичи и кофе. Если вы не очень заняты, пойдемте со мной, мне хотелось бы потолковать с вами.

В закусочной было почти пусто. Они забрали свои тарелки и чашки и устроились за столиком в углу. Шарп сообщил о результатах опроса студентов.

- Единственный человек, против которого есть хоть какие-то показания, - сказал он, - этот парень Чепмен. И то весьма незначительные. Конечно, через его руки прошли три ядовитых препарата. Но нет никаких оснований думать, будто он таил зло на Селию Остин, и вообще сомневаюсь, рассказывал бы он с такой откровенностью о своих делах, будь он в самом деле виновен.

- Но тут возникают какие-то другие предположения.

- Да, вся эта дрянь валялась кое-как у него в ящике. Глуп парень как осел!

Затем он перешел к Элизабет Джонстон и ее сообщению о том, что ей сказала Селия.

- Это весьма существенно, если это правда.

- Весьма, - согласился Пуаро.

Инспектор процитировал фразу Селии: "Завтра я узнаю об этом больше".

- И "завтра" для бедняжки уже не наступило. А обыск в этом доме что-нибудь дал вам?

- Кое-что оказалось неожиданным.

- Например?

- Элизабет Джонстон - член коммунистической партии.

Мы нашли ее партбилет.

- Да, - задумчиво сказал Пуаро, - интересно.
- Трудно было ожидать такое, - продолжал инспектор Шарп. - Я бы и не подумал до вчерашнего разговора с ней. Яркая индивидуальность у этой девушки.
- Я бы сказал, что она для партии - ценнное приобретение, - подтвердил Эркюль Пуаро. - Редко встретишь такую умную девицу.
- Меня это заинтересовало, - сказал инспектор Шарп, - потому что она никогда не говорила о своих склонностях, помалкивала обо всем этом на Хиккори-Роуд. Не думаю, что это имеет какое-либо значение в связи с делом Селии Остин, но все же забывать об этом не стоит.
- Что вы еще нашли?
- У мисс Патрисии Лейн спрятан в ящике платок, перевощанный зелеными чернилами.
- Пуаро поднял брови.
- Зеленые чернила? Патрисия Лейн? Так, может быть, это она залила чернилами конспекты Элизабет Джонстон, а потом вытерла платком руки. Но уж вряд ли...
- Вряд ли она стала бы делать что-либо, что могло бросить подозрение на ее драгоценного Найджела, - закончил за него Шарп.
- Да, трудно себе представить. Конечно, кто-нибудь мог сунуть платок к ней в ящик.
- Вполне возможно.
- Что-нибудь еще?
- Вот еще что. - Шарп помолчал. - Насколько мне стало известно, отец Леонарда Бэйтсона находится в психиатрической лечебнице в Лонвите, давнишний их пациент. Не думаю, что это сколько-нибудь для нас интересно, но...
- Но отец Лена Бэйтсона - сумасшедший. Интереса, как вы сказали, для нас это никакого не представляет, но запомнить следует. Хорошо бы знать, какая у него форма заболевания.
- Бэйтсон славный парень, - сказал Шарп, - но, конечно, не знает удержу, если вспылит.
- Пуаро кивнул. Внезапно в памяти его отчетливо прозвучали слова Селии Остин: "Конечно, я не стала бы резать рюкзак на куски. Это просто глупость. И, конечно, вспыльчивость..." Откуда она знала, что именно вспыльчивость? Уж не видела ли она, как Лен Бэйтсон расправляетя с рюкзаком?

Шарп, между тем, ухмыляясь, закончил перечисление находок: "...а у мистера Ахмеда Али мы обнаружили немало порнографической литературы и открыток, чем и объясняется его бурное возмущение обыском".

- Вероятно, многие еще возмущались?

- Да, были такие. Студентка-француженка закатила истерику, а индиец, некий мистер Чандра Лал, пригрозил, что создаст из этого международный конфликт. Среди его вещей, кстати, было найдено несолько пропагандистских листовок - обычная бессмыслица, - а у одного из студентов из Западной Африки - страшноватые на вид фетиши и сувениры. Да, ордер на обыск открывает перед вами своеобразные стороны человеческой природы. А вы уже слышали про миссис Николетис и ее заветный шкафчик?

- Да, слышал кое-что.

Инспектор Шарп широко ухмыльнулся.

- Никогда в жизни не видел такого количества пустых бутылок из-под бренди! И до чего же она на нас разозлилась!

Он рассмеялся и потом внезапно помрачнел.

- Но того, что мы искали, - не нашли, - сказал он. - Никаких паспортов, кроме совершенно законных.

- Вряд ли можно ожидать, *mon ami*¹, чтобы такая вещь, как фальшивый паспорт, валялась бы где попало. А вам не случалось уже бывать на Хиккори-Роуд, 26 с официальным визитом по поводу паспорта? Скажем, за последние полгода?

- Нет. Я могу перечислить вам случаи, когда мы приходили в течение упомянутого вами времени.

И он описал эти случаи во всех подробностях. Пуаро слушал, хмуря брови.

- Нет, не вижу смысла, - сказал он и покачал головой. - Конечно, смысл можно уловить только, если все начать с самого начала.

- Что вы называете началом, Пуаро?

- Рюкзак, друг мой, - ласково ответил Пуаро. - Рюкзак, все началось с рюкзака.

¹ *Mon ami* - друг мой (фр.).

Глава 14

Миссис Николетис поднималась к себе после того, как побывала на кухне, где довела до бешенства Джеронимо и вспыльчивую Марию.

- Лжецы и воры, - вещала миссис Николетис громким, торжествующим голосом. - Все итальянцы лжецы и воры.

Миссис Хаббард, спускавшаяся в это же время по лестнице, огорченно вздохнула.

- Как жаль, - сказала она, - что вы их расстроили именно в то время, когда они готовят ужин.

- А мне какое дело? - возразила миссис Николетис. - Меня-то здесь к ужину не будет.

Миссис Хаббард с трудом удержалась от нелестной реплики.

- Я приду в понедельник, как всегда, - сказала миссис Николетис.

- Хорошо, миссис Николетис.

- И пожалуйста, найдите кого-нибудь, кто починит дверцу моего шкафчика, займитесь этим в понедельник, сразу с утра. А счет за ремонт надо послать в полицию, поняли? В полицию!

Лицо миссис Хаббард выразило сомнение.

- И надо вставить новые лампочки, повсюду, в темных коридорах, и чтоб лампочки были посильней. Там повсюду слишком темно.

- Вы же сами говорили, что в коридорах должны гореть слабые лампочки - ради экономии.

- Это было на прошлой неделе, - отрезала миссис Николетис, - сейчас дело другое. Сейчас я оглядываюсь и не знаю - кто там за мной идет?

Миссис Хаббард недоумевала - то ли это очередная театральная поза миссис Николетис, то ли она действительно боится кого-то или чего-то. У миссис Николетис была такая страсть к преувеличениям, что всегда было трудно сообразить - стоит ли принимать всерьез то или иное ее высказывание.

Миссис Хаббард неуверенно сказала:

- Может быть, вам не следует идти одной? Хотите, я вас провожу?

- Я там буду в большей безопасности, чем здесь, уж это точно.

- Но чего вы боитесь? Если бы я знала, может быть, могла бы...

- Не ваше дело! Ничего я вам не скажу. Это нестерпимо, вечные ваши расспросы...

- Простите, я не хотела...

- Ну вот, теперь вы обиделись, - миссис Николетис одарила ее сияющей улыбкой. - Я знаю, я вспыльчивая, я грубая - да. Но у меня столько треволнений! И помните - я вам верю и на вас полагаюсь. Да что бы я без вас делала, миссис Хаббард? Просто не знаю! Посылаю вам воздушный поцелуй, желаю приятно отдохнуть. Спокойной ночи.

Миссис Хаббард смотрела, как та открывает дверь, выходит и захлопывает ее за собой. Облегчив душу коротким "Ну и ну, знаете ли!" - миссис Хаббард отправилась на кухню.

А миссис Николетис спустилась в палисадничек, открыла калитку и повернула налево. Хиккори-Роуд была довольно широкой улицей, и все ее дома отделялись от тротуара палисадниками. В конце улицы, в нескольких минутах ходьбы от дома 26, находился один из главных лондонских перекрестков, по которому непрерывно, с ревом, мчались автобусы. Там же, на углу, стоял светофор, а рядом с ним пивная "Ожерелье королевы". Миссис Николетис шла по улице, держась середины тротуара и время от времени тревожно поглядывая через плечо, но никого поблизости не было. Вообще в этот вечер Хиккори-Роуд была на редкость безлюдной. Приближаясь к "Ожерелью королевы", миссис Николетис ускорила шаг и, еще разок торопливо огляделась по сторонам, нырнула в бар, словно скрываясь от погони.

Но когда ей подали заказ - двойное бренди, - и она отхлебнула глоток-другой, настроение ее поднялось. Она уже не выглядела испуганной или растерянной. Однако ненависть к полиции по-прежнему донимала ее. Она тихо проговорила как бы про себя: "Гестаповцы! Ну, они мне за все заплатят! Я их заставлю!" - с этими словами допила бренди, заказала еще порцию и погрузилась в размышления о недавних событиях. Неприятно, чрезвычайно неприятно, что бестактная полиция открыла на всеобщее обозрение ее тайный склад, и нет никакой надежды, что студенты, да и все остальные, не разболтают эту новость. Может быть, только миссис Хаббард промолчит, а может быть, и нет - разве на кого-то можно положиться? Такие дела всегда всплывают. Джеронимо все известно, он уже, должно быть, рассказал жене, она расскажет уборщице и сплетни разнесутся во все стороны, пока... Тут она вздрогнула, услышав чей-то голос позади себя:

- Неужели это вы, миссис Ник? А я и не знал, что вы здешний завсегдатай!

Она резко обернулась и тут же облегченно вздохнула:

- Ах, это вы! - сказала она. - А я подумала...

- Что же вы подумали? Что это страшный серый волк?
Выпьете еще? Я угощаю.

- Это все от волнения, - с достоинством ответила миссис Николетис. - Эти полицейские обшарили мой дом, всех расстроили. Бедное мое сердце, мне ведь надо его беречь. Вообще-то я не пью, но мне на улице чуть не стало плохо. Вот я и подумала, что глоточек бренди...

- Ничего нет лучше, чем бренди. Ваше здоровье!

Миссис Николетис спустя некоторое время вышла из "Ожерелья королевы", чувствуя себя ожившей и совсем счастливой. Она решила, что не поедет автобусом. Такой чудесный вечер, только полезно подышать воздухом. Да, безусловно, на воздухе ей станет еще лучше. Не то чтоб ее шатало, но все-таки уверенности в ногах не было. Может быть, надо было отказаться от последней порции бренди, но - ничего, на воздухе все пройдет и в голове прояснится. В конце концов, почему дама не может спокойно выпивать, время от времени, в собственной комнате? Что тут плохого? Другое дело, если бы она допустила, чтобы кто-либо увидел ее пьяной. Пьяной? Да никогда она до такого не доходила. А если им это будет не по вкусу, если они только пикнут, она живо такое скажет, что они тут же отлетят! Она-то ведь кое-что знает, верно? Да ей стоит только рот открыть! Миссис Николетис воинственно тряхнула головой и откачнулась в сторону, чтобы не столкнуться со столбом, который вдруг угрожающе на нее надвинулся. Слов нет, голова порядком кружится. Пожалуй, лучше будет ненадолго прислониться к стене... И закрыть глаза, на минутку-другую...

Констебль Ботт величественно шествовал своей дорогой, когда к нему подошел какой-то робкого вида клерк.

- Там какая-то женщина, констебль... Не знаю - она вроде бы заболела или что-то в этом роде. Лежит, знаете, неподвижно.

Констебль Ботт двинулся энергичной походкой в указанную сторону и наклонился над лежащей женщиной. Сильный запах бренди подтвердил его подозрения.

- Сплюну заснула, - сказал он. - Ничего, сэр, не беспокойтесь, мы ею займемся.

Эркюль Пуаро закончил свой воскресный завтрак, тщательно вытер усы, чтобы на них не осталось ни малейшего следа от выпитого шоколада, и прошел в гостиную.

На столе были расставлены в ряд четыре рюкзака, каждый со своим ярлычком, - Джордж выполнил инструкции, полученные им накануне. Пуаро вынул из пакета купленный им рюкзак и присоединил его к остальным. Результат оказался любопытным. Рюкзак, купленный у мистера Хикса, ничем не был хуже тех, что купил Джордж в четырех других магазинах. Но стоил значительно дешевле.

- Интересно, - сказал Эркюль Пуаро. - И уставился на рюкзак.

Затем он принялся подробно рассматривать их, снаружи и внутри, выворачивая наизнанку, прощупывая швы, карманы, ручки. Потом встал, прошел в ванную комнату и вернулся с маленьким острым ножичком для мозолей. Вывернув рюкзак, купленный у мистера Хикса, он взрезал дно. Между подкладкой и дном лежал толстый слой какого-то гофрированного вещества, по виду напоминающего бумагу. Пуаро с большим интересом смотрел на изрезанный рюкзак.

Потом он взялся за остальные и наконец уселся и долго рассматривал плоды своей разрушительной работы. Через какое-то время он придинул к себе телефон, и вскоре ему удалось дозвониться к инспектору Шарпу.

- *Encourez, mon cher*,¹ - сказал он, - мне нужно задать вам два вопроса.

В телефонной трубке раздалось что-то похожее на хохот:

- Вот задам я два вопроса - ты сейчас посмотришь косо,
- Простите? - изумленно произнес Эркюль Пуаро.
- Ничего. Ничего. Просто вспомнил детский стишок. Какие же два вопроса?

- Вчера вы упоминали о полицейских расследованиях на Хиккори-Роуд, имевших место в последние три месяца. Вы могли бы мне назвать, во-первых, числа, когда приходила полиция, и во-вторых, время дня.

- Да, конечно, это несложно. Наверное, все записано в досье. Подождите, я сейчас посмотрю.

Через несколько минут инспектор снова взял трубку:

- Первое расследование касалось индийского студента, распространявшего антиправительственную литературу; полиция приходила 18 декабря прошлого года, днем в 15 часов 30 минут.

- Это было слишком давно.

¹ *Encourez, mon cher* - Послушайте, друг мой (фр.).

- Следующее расследование - по делу Монтэгю Джонса, азиата, разыскивался полицией по обвинению в убийстве миссис Элис Комбо, в Кембридже, 24 февраля, 17 часов 30 минут. И еще расследование по делу Уильяма Робинсона, из Западной Африки, разыскиваемого полицией Шеффилда - 6 марта, 11 часов утра.

- Ага, спасибо.

- Но если вы думаете, что хоть одно из этих дел связано...
Пуаро перебил его:

- Нет, тут нет никакой связи. Меня интересует только время дня, когда приходила полиция.

- Что вы такое затеяли, Пуаро?

- Я режу рюкзаки на кусочки, друг мой. Очень интересное занятие.

И он медленно опустил трубку. Вынув из блокнота вложенный туда листок со списком, который вчера передала ему миссис Хаббард, он еще раз прочитал его. В списке значилось:

Рюкзак (Лена Бэйтсона)

Электрические лампочки

Браслет (мисс Рюсдорф)

Брильянтовое кольцо (Патрисии)

Пудреница (Женевьевы)

Вечерняя туфелька (Салли)

Губная помада (Элизабет Джонстон)

Стетоскоп (Лена Бэйтсона)

Соли для ванны (?)

Шарф, разрезанный на куски (Валери)

Брюки (Колина)

Поваренная книга (?)

Борная кислота (Чандры Лал)

Брошка (Салли)

Чернила, пролитые на конспекты Элизабет

(Вот все, что я могла припомнить более или менее точно.
Л. Хаббард.)

Пуаро долго смотрел на список, потом вздохнул и пробормотал:

- Да, конечно... надо исключить все, что не имеет значения...

Но он не знал, кто бы мог помочь ему в этом деле. Было воскресенье. Большинство студентов, вероятно, дома. Он набрал номер общежития на Хиккори-Роуд и позвал к телефону мисс Валери Хобхауз. Чей-то хриплый гортанный голос отве-

тил, что вряд ли она уже проснулась, но он сейчас посмотрит.
Потом раздался низкий, мягкий голос:

- Валери Хобхауз у телефона.
- Это Эркюль Пуаро. Помните меня?
- Конечно, месье Пуаро. Чем могу быть вам полезна?
- Я бы хотел, если можно, поговорить с вами.
- Конечно.
- Тогда можно мне прийти на Хиккори-Роуд?
- Да, я буду ждать вас, попрошу Джеронимо проводить вас в мою комнату. А то по воскресеньям в здешних гостиных наедине не поговорить.
- Спасибо, мисс Хобхауз. Очень вам признателен.

Джеронимо распахнул дверь перед Пуаро, затем наклонился к нему и сказал со своим обычным заговорщицким видом:

- Я проводить вас к мисс Валери очень тихо. Тише-шиш!

Приложив палец к губам, он повел Пуаро наверх, в просторную комнату, выходившую окнами на Хиккори-Роуд. Это была гостиная-спальня, обставленная с вкусом и даже, в какой-то мере, с роскошью. Диван-кровать был накрыт потертым, но великолепным персидским ковром, а прелестный секретер эпохи королевы Анны вряд ли мог, по мнению Пуаро, являться частью обстановки дома 26 по Хиккори-Роуд.

Валери Хобхауз встала ему навстречу. Она выглядела усталой, и он заметил темные круги у нее под глазами.

- *Mais vous êtes très bien ici!*¹ - сказал Пуаро, здороваясь с ней. - Настоящий *chique*². Элегантно.

Валери улыбнулась.

- Я ведь здесь давно живу, - сказала она. - Два с половиной года, почти что три. Устроилась по-своему, обставила комнату собственными вещами.

- Вы ведь не студентка, мадемуазель?
- Конечно нет, я работаю, занимаюсь коммерцией.
- Если не ошибаюсь, в косметической фирме?
- Да, делаю закупки для "Прекрасной Сабрины" - это косметический салон. Недавно я даже приобрела небольшую долю в этой фирме. Мы ведь торгуем еще другими товарами, помимо косметики - всяческие мелочи, новинки парижской моды. Это и есть мой отдел.

¹ *Mais vous êtes très bien ici!* - Как у вас здесь хорошо! (фр.).

² *Chique* - шик (фр.).

- Значит, вам приходится часто бывать в Париже и вообще на Континенте?

- Да, примерно раз в месяц, а то и чаще.

- Простите, если я проявлю излишнее любопытство... - начал Пуаро.

- Почему бы и нет? - прервала она его извинение. - Мы все оказались в таких обстоятельствах, что вынуждены мириться с проявлениями любопытства. Вчера мне пришлось отвечать на многочисленные вопросы инспектора Шарпа. Мне кажется, месье Пуаро, вам будет удобнее на стуле, чем в мягком кресле.

- Вы очень наблюдательны, мадемуазель, - ответил Пуаро, с удовольствием усаживаясь на стул с высокой спинкой и деревянными подлокотниками.

Валери села на диван, предложила ему сигарету и закурила сама. Он с интересом рассматривал ее. Элегантность Валери, ее нервная манера держаться и осунувшиеся черты лица казались ему гораздо привлекательней, чем привычная, спокойная женская красота. Ему очень хотелось знать, является ли это нервное состояние результатом недавнего допроса или это присущая ей норма поведения. Он вспомнил, что примерно так же думал о ней, увидев ее впервые в тот вечер, когда пришел к ужину.

- Значит, инспектор Шарп вас допрашивал? - спросил он.

- Да.

- И вы сказали ему все, что знаете?

- Разумеется!

- Не уверен, что это так, - заявил Пуаро.

Она бросила на него иронический взгляд.

- Поскольку вы не слышали моих ответов инспектору Шарпу, вы вряд ли можете судить об этом, - сказала она.

- Да нет. Просто такая мыслишка мелькнула. У меня их много, знаете ли, таких мыслишек. Все вот тут сидят. - Он похлопал себя по лбу.

Легко было заметить, что Пуаро сознательно прикидывается этаким шутом, это с ним нередко бывало. Однако Валери не улыбнулась. Она смотрела на него в упор, не отводя глаз, и потом сказала довольно резко:

- Может быть, перейдем к делу, месье Пуаро? Я ведь понятия не имею, на что вы намекаете.

- Конечно, мисс Хобхауз.

Он вынул из кармана маленький пакетик.

- Может быть, вы догадываетесь, что это такое?

- Я не ясновидящая, месье Пуаро. Сквозь бумагу не вижу.

- Здесь у меня, - сказал Пуаро, - кольцо, которое было украдено у мисс Патрисии Лейн.

- Кольцо, подаренное к помолвке? Я хочу сказать - к помолвке ее матери? Но как оно очутилось у вас?

- Я попросил ее дать мне кольцо на денек-другой.

Валери изумленно подняла брови.

- Вот как... - заметила она.

- Меня это кольцо заинтересовало, - продолжал Пуаро. - Его исчезновение, возвращение и кое-что еще. Вот потому-то я и попросил мисс Лейн дать мне его на время. Она сразу же согласилась, а я его отнес к знакомому ювелиру.

- И что же?

- Я попросил его внимательно осмотреть бриллиант в центр кольца - помните, довольно крупный камень, в окружении других, более мелких. Да вы, конечно, помните, мадемузель?

- Как будто так, смутно припоминаю.

- Но ведь вы держали его в руках, кольцо оказалось в вашей тарелке с супом!

- Ах да, его таким образом вернули! Это я помню! Я ведь едва не проглотила его. - Валери коротко рассмеялась.

- Итак, я отнес его знакомому ювелиру и спросил его мнение относительно бриллианта. И знаете, что он мне сказал?

- Как же я могу знать?

- Он сказал, что камень этот вовсе не бриллиант, а просто-напросто циркон. Белый циркон.

- О! - Она удивленно посмотрела на Пуаро, потом сказала с неуверенностью в голосе: - Значит, вы хотите сказать... Патрисия думала, что это бриллиант, а это был всего лишь циркон... или...

Пуаро покачал головой.

- Нет, я совсем не это хочу сказать. Как я понимаю, кольцо было подарено матери Патрисии Лейн к помолвке. Мисс Патрисия Лейн - девушка из хорошей семьи, и я полагаю, что ее родные были людьми состоятельными - по крайней мере до недавнего налогообложения. И в кругу таких людей, мадемузель, на подарок к помолвке принято тратить большие деньги. Такое кольцо должно непременно быть дорогим - с бриллиантом или другим драгоценным камнем. Я абсолютно уверен, что папаша мисс Лейн подарил ее мамаше весьма ценное кольцо.

- Совершенно с вами согласна, - сказала Валери. - Отец Патрисии был владельцем поместья, насколько я знаю.

- Следовательно, - продолжал Пуаро, - все говорит за то, что камень в кольце был когда-то заменен другим.

- Можно предположить, - медленно произнесла Валери, - что Пэт потеряла камень, не могла заменить его бриллиантом и вставила вместо него циркон.

- Вполне возможно, - сказал Эркюль Пуаро, - но не думаю, чтобы случилось именно так.

- Ну, месье Пуаро, раз уж мы строим различные догадки, что же, по-вашему, случилось?

- Я думаю, - сказал Пуаро, - что кольцо похитила мисс Селия, а бриллиант был не потерян, а намеренно вынут из оправы и заменен цирконом, после чего кольцо было возвращено.

Валери выпрямилась.

- Вы думаете, что Селия попросту украла этот бриллиант?

Пуаро покачал головой.

- Нет, - ответил он, - я думаю, мадемуазель, что укради его вы.

У Валери на мгновение перехватило дыханье.

- Ну, знаете ли! - воскликнула она. - Это уж чересчур! Да у вас нет ни малейшего доказательства, что это так!

- Напротив, - сказал Пуаро, - доказательства у меня есть. Кольцо было возвращено в тарелке с супом. А я ведь здесь, у вас, один раз обедал и заметил, как подают к столу суп. Его разливают из суповой миски, которая стоит на отдельном столике. Следовательно, если кто-то нашел кольцо в своей тарелке, его мог туда положить либо тот, кто наливал суп (в данном случае Джеронимо), либо тот, перед кем эта тарелка стояла, - то есть вы! Да, вы, а не Джеронимо! Я думаю, что вы разыграли эту сценку с возвращением кольца в супе потому, что вам это казалось забавным. Если вы мне позволите выступить в роли критика, я скажу вам - у вас слишком обостренное чувство сценического юмора. Вытащить кольцо из тарелки! С громким восклицанием! Я думаю, мадемуазель, что чувство юмора завлекло вас тогда слишком далеко и вы упустили из виду, что таким образом выдали себя.

- Это все? - раздраженно спросила Валери.

- О нет, далеко не все. Понимаете, когда Селия тогда, вечером, созналась в своих кражах, я заметил кое-какие мелочи. Например, о кольце она сказал: "Я же не знала, что оно такое ценное. А как только узнала, постаралась сразу же вернуть его". Откуда она могла узнать, мисс Валери? Кто сказал ей о ценности кольца? А потом, когда зашла речь о разрезанном шарфе, эта мальышка, мисс Селия, сказала, что-то такое: "Это неважно, Валери было все равно..." Почему вам было все равно, что ваш прекрасный шелковый шарф оказался разре-

занным на куски? Именно тогда у меня сразу сложилось впечатление, что вся эта затея с кражей вещей, с притворной kleptomania, с завоеванием таким путем Колина Мак Набба была кем-то подсказана Селии. Кем-то, кто гораздо умнее, чем Селия Остин, и кто отлично знаком с вопросами психологии. Вы сказали ей, что кольцо - очень ценная вещь, вы взяли у нее это кольцо и придумали, как его вернуть. И точно также, по вашей подсказке, она разрезала ваш шарф на куски.

- Это все теории, к тому же притянутые за уши, - сказала Валери. - Инспектор тоже намекал, что я научила Селию всем этим фокусам.

- И что вы ему ответили?
- Ответила, что это чушь, - сказала Валери.
- А мне что вы ответите?

Валери несколько мгновений смотрела на него, не отводя взгляда, потом коротко рассмеялась, потушила в пепельнице недокуренную сигарету и, бросив за спину диванную подушку, откинулась на нее и сказала:

- Вы правы, это я ее подучила!
- Можно спросить - с какой целью?
- Ах, Господи, по глупой своей доброте! Доброжелательное вмешательство в чужие дела. Бедняжка Селия бродила, как потерявшая, тоскуя по Колину, который и смотреть-то на нее не хотел. Все это мне показалось нелепым. Ведь Колин такой самоуверенный парень, он так убежден в своей правоте, помешан на психологии, комплексах, эмоциональных барьерах и всякой чуши в этом роде, и я подумала, как было бы забавно поводить его за нос и оставить в дураках. И потом меня взяла досада на то, что Селия пропадает от тоски, вот я и решила за нее взяться, поговорила с ней по душам, изложила ей всю мою затею и уговорила ее взять на себя выполнение. По-моему, она побаивалась, но в то же время это ее увлекло. Разумеется, первое, что подвернулось этой дурочке, было кольцо, которое Пэт забыла в ванной комнате, - настоящая ценная вещь, вокруг которой неизбежно поднялся бы страшный тарарак, с вмешательством полиции и весьма серьезными последствиями, поэтому я тут же забрала у нее кольцо, обещала придумать, как его вернуть, и посоветовала ей на будущее ограничиться дешевой бижутерией, косметикой и порчей каких-нибудь моих вещей, чтобы не нарваться на неприятность.

Пуаро с шумом перевел дыхание.

- Точь-в-точь как я предполагал, - сказал он.

- Теперь я жалею, что заварила эту кашу, - мрачно сказала Валери. - Но я действительно хотела как лучше. Это ужасное выражение, так обычно говорит Джин Томлинсон, - но так оно и есть.

- А теперь, - сказал Пуаро, - перейдем к кольцу Патрисии. Селия отдала его вам. Вы собирались где-то "найти" его и вернуть Патрисии. Но до того как вы его вернули... - он сделал паузу, - что произошло?

Некоторое время он смотрел, как ее пальцы нервно сплетают и расплетают бахрому шарфа, и наконец сказал:

- Вы были на мели, так ведь?

Она утвердительно кивнула, не поднимая глаз.

- Ладно, признаваться так признаваться, - сказала она с горечью. - Беда моя в том, месье Пуаро, что я игрок. С этим, знаете, рождаешься, тут уж ничего не поделать. Вот я и стала завсегдатаем маленького клуба в Мэйфете - нет, я не скажу вам, где именно, я не хочу, чтобы туда явилась полиция или что-нибудь вроде этого. Примите, просто-напросто, к сведению, что я там играю. Там есть и рулетка, и бакара, и все, что полагается. Я тогда как раз проигралась в пух и прах. У меня в руках было кольцо Пэт, и мне случилось пройти мимо витрины, где было выставлено кольцо с цирконом. Я тогда подумала: если заменить этот бриллиант цирконом, Пэт никогда не догадается. Ведь никто не рассматривает кольцо, которое так хорошо знает. А если даже ей покажется, что бриллиант как-то потускнел, только одно и придет в голову: надо бы его почистить. Словом - это меня подтолкнуло, и я поддалась искушению, оценила бриллиант, продала его, заменила цирконом и в этот же вечер якобы нашла в тарелке с супом. Конечно, это было чертовски глупо, признаю. Но вот! Теперь вы все знаете. Но поверьте, я в мыслях не имела, что в этом могут обвинить Селию.

- Да, да, понимаю, - кивнул Пуаро. - Просто подвернулась возможность, и вы воспользовались ею. Но вы совершили большую ошибку, мадемуазель.

- Это я сама понимаю, - сухо ответила Валери.

Потом у нее, с отчаянием, вырвалось:

- Да черт побери, какое теперь-то это имеет значение? Если хотите - выдайте меня, расскажите Пэт, расскажите инспектору, да хоть всем на свете! А какой в этом смысл? Как это поможет узнать, кто убил Селию?

Пуаро встал.

- Никогда не знаешь, - сказал он, - что может помочь, а что не может. Главное - исключить все то, что не имеет отношения к делу и только сбивает со следа. Что касается кольца, я бы посоветовал вам самой сказать об этом мисс Патрисии Лейн и принести соответствующие извинения.

Валери поморщилась.

- Вообще говоря, это хороший совет, - сказала она. - Ладно, пойду к Пэт и поползаю на коленках. Пэт славный человек. Я ей пообещаю, что, как только смогу, поставлю настоящий бриллиант вместо циркона. Вы ведь этого хотели, месье Пуаро?

- Дело не в том, что я хочу, - я просто вам советую.

Внезапно распахнулась дверь и вошла миссис Хаббард. Она тяжело дышала, и Валери воскликнула, увидев ее лицо:

- Что случилось, матушка? Что такое?

Миссис Хаббард тяжело опустилась на стул.

- Миссис Николетис...

- Миссис Ник? Что с ней стряслось?

- О, Господи! Она умерла.

- Умерла? - у Валери сразу сел голос. - Отчего? Когда?

- Ее вечером подобрали на улице и отнесли в полицию.

Думали, что она... что...

- Переписалась? Возможно...

- Да, она была пьяной. Но как бы то ни было... умерла...

- Бедненькая миссис Ник, - сказала Валери. Ее хриплый голос дрожал.

Пуаро ласково спросил:

- Вы были привязаны к ней, мадемуазель?

- Это, наверно, странно - она ведь временами была прямо чертовкой - но я все же к ней действительно привязалась. Когда я поселилась здесь, три года назад, она не была такой... такой бешеной... как потом. Она была очень славной... веселой... и очень доброй. Это она за последний год так страшно изменилась... - Валери посмотрела на миссис Хаббард. - Я думаю, это все потому, что она стала напиваться втихаря - у нее ведь нашли массу бутылок, верно?

- Да, - сказала миссис Хаббард, потом немного замялась и добавила: - Я все себя виню, зачем я ее отпустила домой одну вчера вечером, знаете, она ведь чего-то боялась.

- Боялась? - одновременно воскликнули Пуаро и Валери.

Миссис Хаббард кивнула, ее круглое добродушное лицо было растерянным.

- Да, она все повторяла, что ей грозит опасность. Я просила ее сказать мне, чего она боится, но она оборвала меня. И ведь с ней никогда нельзя было понять - преувеличивает она или нет. А вот теперь... я думаю...

Валери перебила:

- Неужели вы думаете, что она... что ее... тоже?

Она замолчала, в глазах ее застыл ужас.

Пуаро спросил:

- Полиция установила причину смерти?

Миссис Хаббард ответила, чуть не плача:

- Они... они не сказали... Но во вторник... начнут расследование...

Глава 15

В одной из тихих комнат Нового Скотланд-Ярда за столом сидели четыре человека. Председательствующим на этом совещании был старший инспектор Уилдинг из отдела по борьбе с распространением наркотиков. Рядом с ним сидел сержант Белл - весьма энергичный и жизнерадостный молодой человек, своим азартом напоминавший охотничую борзую. Откинувшись на спинку стула, спокойный и будильный, сидел инспектор Шарп. Четвертым был Эркюль Пуаро. На столе лежал рюкзак.

Старший инспектор Уилдинг задумчиво погладил рукой подбородок.

- Мысль интересная, месье Пуаро, - сказал он осторожно. - Да, мысль интересная.

- Это, повторяю, всего лишь предположение, - сказал Пуаро.

Уилдинг кивнул.

- Мы обрисовали ситуацию в целом, - сказал он. - Разумеется, контрабанда поступает непрерывно в той или иной форме. Мы обнаруживаем одну цепочку, а через некоторое время все начинается снова в другом месте. Что касается моего отдела, то за последнее время в страну поступила крупная партия товара. Главным образом героина и довольно много кокаина. Существуют различные хранилища, разбросанные по всему континенту. Французская полиция располагает некоторыми сведениями касательно того, как товар попадает во Францию. О том, как он снова уходит, они знают меньше.

- Прав ли я буду, если скажу, что вашу проблему можно приблизительно разделить на три части, - сказал Пуаро. - Существует вопрос сбыта, вопрос, как попадает товар в страну, и вопрос, кто в действительности руководит всем бизнесом и получает основную прибыль?

- Приблизительно можно сказать, что так оно и есть. У нас достаточно информации о мелких распространителях и о том, как товар расходится. Некоторых из этих распространителей мы берем, других не трогаем, надеясь, что они выведут нас на рыбу покрупнее. Есть много способов, которыми распространяется товар: ночные клубы, пабы, аптеки, какой-нибудь доктор со странностями, модные дамские модельеры и парикмахеры. Товар передают на ипподромах и в антикварных лавках, иногда в переполненном людьми большом магазине. Но рассказывать обо всем этом нет необходимости. Важно не это. Со всем этим мы управляемся достаточно неплохо, и у нас имеются определенные и весьма обоснованные подозрения относительно тех, кого я назвал крупной рыбой. Один или два респектабельных, состоятельных джентльмена, на которых никогда не падет и тени подозрения. Уж очень они осторожны, они-то никогда и не прикасаются к товару сами, и мелкая рыбешка даже не знает, кто они. Но время от времени один из них делает небольшую ошибку, и тут мы его берем.

- Именно так я себе это и представлял. Меня больше интересует второй вопрос - как товар попадает в страну?

- Мы живем на острове. Самый распространенный путь - это старый, добрый, морской. Груз провозится контрабандой. Затем тихая высадка где-нибудь на Восточном побережье или в небольшой бухте на Южном, на моторной лодке, которая тихо проскользнула через Ла-Манш. Первое время эта система действует успешно, но рано или поздно мы выходим на парня, владельца лодки, и раз он под подозрением, шансов у него никаких.

Раз или два за последнее время товар был доставлен на одном из авиалайнеров. Там предлагают большие деньги и иногда обнаруживается, что какая-нибудь стюардесса или один из членов экипажа не устояли перед соблазном. И наконец, есть коммерческие импортеры. Уважаемые фирмы, которые ввозят роскошные рояли, все что угодно! Поначалу дело у них идет хорошо, но в конце концов мы их обычно засекаем.

- Значит, можно сказать, что главная трудность, если вы занимаетесь контрабандой, - организовать ввоз товара в страну из-за границы?

- Несомненно. Скажу даже больше. В последнее время мы обеспокоены. Товара в страну сейчас поступает больше, и мы не справляемся.

- А как обстоит дело с другими предметами, драгоценностями, например?

Слово взял сержант Белл.

- Их поступает достаточно, сэр. Контрабандные алмазы и другие камни вывозятся из Южной Африки и Австралии, некоторые с Дальнего Востока. Этот поток поступает в страну непрерывно, и мы не знаем, каким образом. На днях молодую женщину, туристку из Франции, случайная знакомая попросила перевезти через Ла-Манш пару туфель. Не новых, никакой пошлины, просто пару туфель, которую кто-то забыл захватить. Она согласилась, ничего не подозревая. Случилось так, что мы были в курсе дела. Как выяснилось, каблуки были полые и заполнены нешлифованными алмазами.

Старший инспектор Уилдинг сказал:

- Но послушайте, месье Пуаро, что же собственно вас интересует: наркотики или контрабандные драгоценности?

- И то и другое. Фактически любые предметы небольших размеров и большой ценности. Мне кажется, существует благоприятная обстановка, скажем, для агентства грузовых перевозок, занимающегося отправкой такого рода товаров через Ла-Манш в обоих направлениях. Из Англии, возможно, вывозятся краденые ювелирные изделия, камни, вынутые из оправ, а ввозятся наркотики и контрабандные драгоценности. Это могло бы быть небольшое независимое агентство, не связанное со сбытом, которое доставляет товар на комиссионной основе. И прибыль в этом случае могла бы быть немалой.

- Тут вы совершенно правы. Героин на сумму 10 или 20 тысяч фунтов занимает очень маленький объем, и то же самое можно сказать о необработанных камнях высокого класса.

- Видите ли, - сказал Пуаро, - слабым местом контрабандиста всегда является человеческий фактор. Рано или поздно вы начинаете подозревать какого-нибудь человека - стюардессу, яхтсмена-любителя с небольшой прогулочной яхтой, женщину, которая слишком часто путешествует во Францию и обратно, импортера, чьи доходы вроде бы превышают разумные размеры, человека, который живет в достатке без видимых источников существования. Но если товар доставляется в страну человеком, который сам об этом не знает, и что еще важно, всякий раз другим человеком, то обнаружить его становится чрезвычайно трудно.

Уилдинг показал пальцем на рюкзак.

- И это ваше предположение?

- Именно. Кто в наши дни меньше всех прочих попадает под подозрение? Студент. Прилежный трудолюбивый студент. Он не богат, в путешествии весь его багаж умещается у него за плечами. Автостопом ездит он по Европе. Если бы товар каждый раз доставлял один и тот же студент, вы, без сомнения, выследили бы его, но весь смысл этого предприятия в том, что люди, которые перевозят товар, не догадываются об этом и что этих людей много.

Уилдинг потер подбородок.

- Как же именно, вы думаете, это организовано, месье Пуаро? - спросил он.

Эркюль Пуаро пожал плечами.

- Об этом я могу только догадываться. Наверное, я ошибусь в деталях, но в целом я бы сказал, что работает это приблизительно так - сначала на рынок поступает партия рюкзаков. Обычные рюкзаки традиционного покроя, красиво и прочно сделанные, удобные, словом, такие же, как и все остальные. "Такие же, как и все остальные" - это, однако, не совсем верно сказано. Подкладка снизу слегка отличается. Она, как видите, довольно просто отделяется, а ее толщина и форма позволяют спрятать под ней пакетик с драгоценностями или порошком. Заподозрить что-либо невозможно, если только не искать специально, ведь чистый героин или кокаин занимают очень мало места.

- Совершенно верно, - сказал Уилдинг. - Пожалуй, - он быстро отмерил пальцами, - здесь можно за один раз пронести товара на 5-6 тысяч фунтов, и никому в голову не придет что-либо заподозрить.

- Вот именно, - сказал Пуаро. - Итак! Рюкзаки производятся, выбрасываются на рынок и поступают в продажу в нескольких магазинах. Владелец магазина может быть, а может и не быть замешан в деле, возможно, ему просто продали дешевую партию, что для него выгодно, поскольку его цены будут дешевле по сравнению с ценами в других магазинах, торгующих туристским снаряжением. За всем этим, конечно, стоит определенная организация, тщательно продумавшая списки студентов медицинских колледжей, Лондонского университета, других учебных заведений. Человек, возглавляющий это дело, и сам, возможно, является студентом или притворяется им. Студенты едут за границу, а на обратном пути в определенном месте происходит подмена одного рюкзака другим, точно таким же. Затем студент или студентка возвращается в Англию. Таможенный досмотр весьма повер-

хностный. Студент прибывает в свое общежитие, распаковывает вещи, а пустой рюкзак остается в шкафу или просто в углу комнаты. Здесь снова происходит его подмена или же фальшивое дно аккуратно снимается и заменяется обычным.

- И вы считаете, что то, что произошло на Хиккори-Роуд?

Пуаро кивнул:

- Да. Подозреваю, что так.

- Предположим, вы правы, месье Пуаро, но что навело вас на эту мысль?

- Рюкзак был разрезан на части, - сказал Пуаро. - Зачем?

Поскольку причина неясна, надо попытаться ее себе представить. В рюкзаках, которые появляются на Хиккори-Роуд, есть какая-то странность. Они уж слишком дешевые. На Хиккори-Роуд происходили некоторые необычные случаи, но девушка, которая была в этом повинна, клялась, что рюкзак разрезала не она. И поскольку в остальных поступках она созналась, зачем ей надо было отрицать этот, если она говорила правду?

- Поэтому должна была быть иная причина, чтобы резать рюкзак, а разрезать его, должен вам заметить, задача не из легких. Это трудная работа, и тот, кто решился на нее, был, видимо, в отчаянном положении.

Решение пришло мне в голову, когда я выяснил, что приблизительно (к сожалению, только приблизительно, потому как человеческая память через несколько месяцев уже не слишком надежна) рюкзак был раскрошен в тот день, когда полицейский зашел поговорить с заведующей общежитием. Дела, которые привели полицейского в общежитие, к нашему делу отношения не имеют. Однако представим себе следующую ситуацию. Предположим, вы человек, замешанный в контрабандном бизнесе. Вечером вы возвращаетесь домой и узнаете, что пришла полиция и сейчас они наверху, беседуют с миссис Хаббард. Вы сразу же соображаете, что полиция занимается вашим делом и проводит обыск. Предположим, что в это время в доме находится один из рюкзаков, только что побывавший за границей, в котором содержится или содержалась в последнее время контрабанда. Если полиция напала на след, то они, естественно, пришли на Хиккори-Роуд, чтобы проверить рюкзаки студентов. Вынести опасный рюкзак из дома невозможно. Ваш опыт подсказывает вам, что полиция наверняка оставила человека, который следит за домом снаружи, и поскольку ищут именно рюкзак, то вы сразу же привлечете его внимание. Вынести рюкзак тайком сложно, это не вещь, которую легко спрятать. Единственное, что можно придумать - распороть рюкзак и запихать обрезки подаль-

ше среди старого хлама в котельной. Порошок или драгоценности, которые надо передать, можно временно спрятать в ванной. Но даже пустой рюкзак, если в нем хранились наркотики, сохраняет следы героина или кокаина, которые может выявить тщательное обследование или химический анализ. Поэтому рюкзак должен быть уничтожен. Все это возможно, вы согласны?

- Мысль, повторяю, интересная, - сказал старший инспектор Уилдинг.

- Возможно так же, что небольшое происшествие, на которое до сих пор не обращали внимания, могло быть связано с рюкзаком. По словам Джеронимо, итальянца, прислуживающего в общежитии, в тот день, вернее, в один из дней, когда приходила полиция, в вестибюле погас свет. Джеронимо отправился за запасной лампочкой и обнаружил, что все они пропали. Он был совершенно уверен, что пару дней назад запасные лампочки в ящике были. Мне представляется возможным (хотя я, конечно же, не могу утверждать это с уверенностью, так как все несколько притянуто за уши), что в доме находился человек, уже замешанный прежде в делах с контрабандой. Совесть его была неспокойна, и он опасался, что при ярком свете лицо его покажется полиции знакомым. Поэтому он незаметно вывинтил в вестибюле лампочку и спрятал все запасные, чтобы ее не заменили. В результате вестибюль был освещен только свечой. Все это, повторяю, только предположения.

- Занятная мысль, - сказал Уилдинг.

- Это очень возможно, сэр, - горячо добавил сержант Белл. - Чем больше я думаю об этом, тем вероятнее мне кажется ваше предположение.

- Но если это так, - продолжал Уилдинг, - то дело, выходит, не ограничивается общежитием на Хиккори-Роуд?

Пуаро кивнул.

- О, да. Эта организация должна охватывать много студенческих клубов и т.д.

- Видимо, нам придется найти соединяющее звено, - сказал Уилдинг.

Тут инспектор Шарп взял слово:

- Такое звено есть, сэр, - сказал он. - Вернее, было. Женщина, стоявшая во главе нескольких студенческих клубов и организаций, была в тот день на Хиккори-Роуд. Миссис Николетис.

Уилдинг бросил на Пуаро быстрый взгляд.

- Миссис Николетис подходит, - согласился Пуаро. - Часть капитала в этих заведениях принадлежала ей, хотя сама она не управляла ими. Для этого ей нужен был человек честный и с безупречным прошлым. Миссис Хаббард, моя приятельница, как раз такой человек. Миссис Николетис обеспечивала финансовую поддержку, однако и здесь я подозреваю, что она была лишь подставным лицом.

Уилдинг хмыкнул.

- Думаю, было бы неплохо узнать побольше об этой миссис Николетис.

Шарп кивнул.

- Мы занимаемся ею, - сказал он, - ее окружением, биографией. Но приходится действовать осторожно, чтобы не спугнуть наших птичек. Кроме того, мы проверяем ее финансовые дела. Дама эта, поверьте мне, была сущей мегерой.

Он описал им свой опыт общения с миссис Николетис, когда они пришли к ней с ордером на обыск.

- Бутылки из-под бренди. Значит, она пила? - заключил Уилдинг. - Что ж, это проясняет дело. А что с ней случилось? Накрыли ее?

- Нет, сэр. Она мертва.

- Мертва? - Уилдинг удивленно поднял брови. - Вы хотите сказать - убита.

- В точности мы узнаем после вскрытия. Лично мне кажется, что она хотела явиться с повинной.

- Мы говорим сейчас о деле Селии Остин. Девушке было что-то известно?

- Было, - подтвердил Пуаро. - Однако сама она не знала, что именно ей известно, если так можно выразиться!

- Другими словами, она не придавала этому значения?

- Вот именно. Она не отличалась сообразительностью. Скорее всего, ей не пришло бы в голову сделать из услышанного или увиденного какие-либо выводы. Но она могла упомянуть этот факт в разговоре, ничего не подозревая.

- Что именно она видела или слышала? Вы не знаете, месье Пуаро?

- Я могу только догадываться, - сказал Пуаро, - и не более того. Например, упоминался паспорт. Был ли у кого-нибудь из общежития фальшивый паспорт, позволяющий совершать поездки на Континент и обратно под чужим именем? Если бы этот факт обнаружился - явилось бы это серьезной опасностью для владельца?

Может быть, она видела испорченный рюкзак или случайно заметила, как кто-то отпарывает у рюкзака подкладку, и не поняла, какой в этом смысл? Может быть, она видела, кто вывинтил лампочку в вестибюле, и, не придавая значения увиденному, упомянула об этом в разговоре с ним или с ней? *O, mon Dieu!*¹ - раздраженно воскликнул Эркюль Пуаро. - Догадки! Догадки! Догадки! Должны быть факты. Всегда должны быть факты!

- Хорошо, - сказал Шарп, - мы можем начать с биографии миссис Николетис. Может быть, найдем что-нибудь.

- Ее убрали с дороги из боязни, что она может их заложить? Могла бы она это сделать?

- В последнее время она пила потихоньку... значит, нервы у нее были ни к черту, - сказал Шарп. - Она могла сломаться и завалить все дело. Явиться с повинной.

- Значит, в действительности управляла всем не она?

Пуаро отрицательно покачал головой.

- Нет. Думаю, что нет. Она была слишком на виду. Конечно, она была в курсе дела, но главной фигурой была не она.

- Кто же, по-вашему, был главной фигурой?

- Могу только догадываться... но, возможно, я ошибаюсь. Да, возможно, я ошибаюсь!

Глава 16

- Хиккори-Диккори-Док, мышка сказала "прыг-скок". Бык сказал: "Му! Я никак не пойму, кто из нас сядет в тюрьму?" - сказал Найджел и добавил: - Сказать иль не сказать? Вот в чем вопрос!

Он налил себе еще кофе и вернулся с чашкой к столику.

- Что сказать? - спросил Лен Бэйтсон.

- Все, что известно, - сказал Найджел.

- Ну, конечно же! Если есть какая-то информация, мы немедленно должны сообщить об этом полиции. Это было бы только правильно, - заметила Джин Томлинсон с неодобрением.

- И это говорит наша милочка Джин? - сказал Найджел.

¹ *O, mon Dieu!* - О, Господи! (фр.).

² Пародия на популярный детский английский стишок.

- *Moi, je n'aime pas les flics*¹, - отозвался Рене, внося свою лепту в дискуссию.

- Что сказать? - снова спросил Лен Бэйтсон.

- Все, что мы знаем, - ответил Найджел. - Друг о друге, я имею в виду, - добавил он, поясняя. В его взгляде, когда он окинул им сидящих за столом, блеснули лукавые искорки.

- В конце концов, - заметил он жизнерадостно, - мы действительно знаем немало друг о друге, разве не так? Это неизбежно, поскольку мы живем в одном доме.

- А кто должен решать, что важно, а что нет? Есть много вещей, до которых полиции нет никакого дела, - сказал мистер Ахмед Али. Он говорил горячо, болезненно припомнив едкие замечания инспектора относительно его коллекции открыток.

- Я слышал, они нашли несколько весьма интересных предметов в вашей комнате, - сказал Найджел, поворачиваясь к мистеру Акибомбо. Мистер Акибомбо, цвет кожи которого не позволял ему покраснеть, в замешательстве заморгал глазами.

- В моей стране много суеверий, - сказал он. - Эти вещи дал мне в дорога мой дедушка, и я сохранил их из уважения и почтения к дедушке. Сам я человек современный с научный склад ума и не верю в культ буду, но не совершенно хорошо владея языком, мне трудно объяснить это полисмену.

- Уверен, даже у нашей маленькой Джин есть свои секреты, - сказал Найджел, вновь переводя взгляд на мисс Томлинсон.

Джин запальчиво возразила, что она не намерена подвергаться оскорблению.

- Я перееду отсюда в Y.W.C.A.², - сказала она.

- Ну брось, Джин, - сказал Найджел, - прости нас на первый раз.

- Кончай, Найджел, - устало сказала Валери. - В таких условиях полиции придется шпионить, я полагаю.

Колин Мак Набб прочистил горло, собираясь высказаться.

- Я считаю, - сказал он рассудительным тоном, - мы должны уяснить для себя положение дел. Что именно послужило причиной смерти миссис Ник?

¹

Moi, je n'aime pas les flics - Я не люблю лягавых (фр.).

²

Y.W.C.A. - сокращенное название Христианского общества молодых женщин.

- Мы узнаем результаты следствия, полагаю, - нетерпеливо сказала Валери.

- Я в этом очень сомневаюсь, - ответил Колин. - По-моему, они отложат следствие.

- А я думаю, что это был сердечный приступ, - сказала Патрисия. - Она упала на улице.

- Мертвецки пьяная, - добавил Лен Бэйтсон, - поэтому ее забрали в полицию.

- Так она все-таки пила, - сказала Джин. - Знаете, я всегда это подозревала. Когда полиция обыскивала дом, они, кажется, нашли целый шкаф пустых бутылок из-под коньяка в ее комнате.

- Джин, уж поверьте, знает все скандальные подробности, - одобрительно заметил Найджел.

- Что ж, это действительно объясняет, почему она временами так странно вела себя, - сказала Патрисия.

Колин снова прочистил горло.

- Эх-хм! - сказал он. - Когда я возвращался домой в субботу вечером, я случайно заметил, как она направлялась в "Ожерелье королевы".

- Там, я думаю, она и нагрузилась, - сказал Найджел.

- Тогда, выходит, она просто умерла от пьянства? - спросила Джин.

Лен Бэйтсон отрицательно покачал головой.

- Кровоизлияние в мозг? Сомневаюсь.

- О, Господи! Ты, надеюсь, не думаешь, что ее тоже прикончили, - сказала Джин.

- А я уверена, что именно прикончили, - сказала Салли Финч. - И не вижу в этом ничего удивительного.

- Прошу прощения, - вмешался мистер Акибомбо. - Это означает, что ее кто-то убил? Я правильно понял?

Он переводил взгляд с одного лица на другое.

- Пока что у нас нет оснований предполагать что-нибудь в этом роде, - сказал Колин.

- Но кто мог хотеть убить ее? - спросила Женевьева. - Она оставила после себя наследство? Если она была богата, то это возможно.

- Она обладала способностью доводить людей до бешенства, моя дорогая, - сказал Найджел. - Уверен, многие хотели бы убить ее. Я сам часто хотел, - добавил он, с удовольствием накладывая себе варенье.

- Мисс Салли, можно мне спросить вас одну вещь? Это про то, что говорили за завтраком. Я про это очень много думал.

- Я бы на вашем месте не думала слишком много, Акибомбо, - сказала Салли. - Это вредно для здоровья.

Салли и Акибомбо обедали в летнем ресторане в Риджентс Парке. Предполагалось, что лето уже официально наступило, и поэтому ресторан был открыт.

- Я все утро волновался, - скорбно поведал Акибомбо. - Я совсем не могу отвечать профессору на вопросы хорошо. Он не доволен мной. Он говорит, я переписываю много из книг, а сам не думаю. Но я приезжал сюда, чтобы приобретать из книг знания, и мне кажется, там это лучше написано, чем я могу рассказывать, потому что я владею английским не совсем хорошо. Кроме того, я все утро вообще могу думать только о том, что происходит на Хиккори-Роуд, и о проблемах там.

- В этом я с вами согласна, - сказала Салли. - Я все утро не могла сосредоточиться.

- Я потому хочу спросить вас одну вещь, что, как я уже говорил, я очень много думал.

- Ну, так о чем же вы думали?

- О бор-ной-кис-лой.

- О борной кислотой? А, борная кислота! Да, так что с ней?

- Ну, я не очень понимаю. Это кислота. Она как серная кислота?

- Нет, она не как серная, - сказала Салли.

- Она не только для экспериментов в лаборатории?

- Не представляю, зачем нужно проделывать с ней какие-то эксперименты в лаборатории. Это довольно слабая и безвредная кислота.

- Вы хотите сказать, даже можно прикладывать к глазам?

- Совершенно верно. Для этого ее и используют.

- А, теперь мне понятно. Мистер Чандра Лал, у него небольшая бутылочка с белый порошок, и он класть в горячая вода мыть ей глаза. Он оставляет бутылочка в ванной, и потом один раз ее там нет, и он очень сердиться. Наверно, это был борная кислота, да?

- Но при чем здесь вся эта история с кислотой?

- Я расскажу потом. Пожалуйста, не сейчас. Я подумать еще чуть-чуть.

- Не ввязывайтесь в эту историю, - сказала Салли. - Мне не хотелось бы, чтобы следующий труп оказался вашим, Акибомбо.

- Валери, скажи, ты могла бы дать мне совет?
 - Конечно, я могла бы дать тебе совет, Джин, хотя я не понимаю, почему все хотят получить совет, если все равно им не воспользуются.
 - В данном случае это вопрос совести, - сказала Джин.
 - Ну, тогда меня надо спрашивать в последнюю очередь.
- У меня вообще нет никакой совести.
- О Валери, прошу тебя не говори так!
 - Но это правда, - сказала Валери, гася окурок в пепельнице. - Я незаконно таскаю платя из Парижа в Англию и уродливым женщинам, которые приходят в салон, говорю самую чудовищную ложь об их внешности. Я даже езжу в автобусах зайцем, если дела идут плохо. Но все-таки расскажи. В чем дело-то?
 - То, что Найджел говорил за завтраком. Если кто-то о ком-то что-либо знает, должен он рассказать об этом?
 - Что за дурацкий вопрос! Такие вещи нельзя рассматривать в общих чертах. Что именно ты хочешь рассказать? Или не хочешь?
 - Про паспорт.
 - Про паспорт? - Валери удивленно подвинулась поближе. - Чей паспорт?
 - Найджела. У него есть фальшивый паспорт.
 - У Найджела? - в ее голосе звучало сомнение. - Не может быть. Это совершенно невероятно.
 - Но это правда. И знаешь, Валери, мне кажется, тут все непросто, мне кажется, я слышала, как полицейские говорили, что Селия рассказывала что-то про паспорт. Может быть, она узнала об этом и он убил ее?
 - Просто мелодрама какая-то, - сказала Валери. - Но я-то, честно говоря, не верю ни одному слову. Так что там насчет паспорта?
 - Я его видела.
 - Каким образом?
 - Ну это была чистая случайность, - сказала Джин. - Я искала что-то у себя в чемоданчике - это было пару недель назад - и по ошибке заглянула в кейс Найджела. Он лежал на полке рядом с моим в гардеробе.
- Валери неприятно засмеялась:
- Расскажи это своей бабушке! Чем ты, собственно говоря, занималась? Шпионила?

- Нет, что ты! - в голосе Джин звучало справедливое негодование. - Я бы никогда в жизни не стала рыться в чьих-нибудь личных бумагах. Я такими вещами не занимаюсь. Просто я задумалась о чем-то, машинально открыла кейс и просто посмотрела, что там внутри...

- Слушай, Джин, так тебе не отделаться! Кейс Найджела больше твоего и к тому же совершенно другого цвета. Раз уж ты все это рассказываешь, то признайся, что именно такими вещами ты и занимаешься. Ну, хорошо. Итак, тебе выпала возможность узнать, что у Найджела в кейсе, и ты этим воспользовалась.

Джин покраснела.

- Конечно, Валери, если ты собираешься быть такой неприятной и злой, то я...

- Ну подожди, детка! Забудь это. Мне тоже стало интересно. Я хочу знать, что там было.

- Там был этот паспорт, - сказала Джин. - Он лежал на самом дне, и в нем стояла фамилия Стэнфорд или Стэнли, или что-то в этом роде, и я подумала: как странно, что Найджелу понадобился здесь чей-то паспорт. Я его открыла, и фотография в нем оказалась Найджела! Разве это не значит, что он ведет двойную жизнь? Вот я и не знаю, должна я рассказать все полиции? Как ты думаешь, это мой долг?

Валери рассмеялась.

- Не повезло тебе, Джин, - сказала она. - Фактически все это, я думаю, объясняется довольно просто. Пэт говорила, что Найджел должен был получить какие-то деньги при условии, что он переменит фамилию. Он так и сделал, причем совершенно законно, с официальными документами и всем прочим. Вот, собственно, и все. Его настоящая фамилия, наверно, Стэнфилд или Стэнли, или вроде того.

- О! - Джин выглядела глубоко раздосадованной.

- Спроси об этом Пэт, если мне не веришь, - сказала Валери.

- О, нет-нет! Раз все так, как ты говоришь, я, должно быть, ошиблась.

- Может, в следующий раз тебе больше повезет, - сказала Валери. - Тебе бы хотелось воткнуть Найджелу нож в спину, разве не так? И навлечь на него подозрения полиции.

Джин резко встала.

- Ты можешь не верить мне, Валери, - сказала она, - но единственное, что я хочу, это выполнить свой долг.

- О, черт побери! - сказала Валери.

Джин вышла из комнаты. В дверь постучали и вошла Салли.

- Что случилось, Валери? Почему у тебя такой унылый вид?

- Эта мерзкая Джин! Она действительно ужасна! Как ты думаешь, есть хоть малейший шанс, что именно она укокошила бедняжку Селию? Ух, как бы я обрадовалась, если бы когда-нибудь увидела Джин на скамье подсудимых!

- Я бы тоже, - сказала Салли. - Но вряд ли это возможно. Джин слишком осторожна, чтобы кого-нибудь убить.

- Что ты думаешь насчет миссис Ник?

- Не знаю, что и думать. Я надеюсь, мы скоро узнаем.

- Ставлю десять против одного, что ее укокошили, - сказала Валери.

- Но почему? Что здесь происходит? - спросила Салли.

- Хотела бы я это знать. Салли, тебе иногда случается рассматривать людей?

- Что значит "рассматривать", Валери, что ты имеешь в виду?

- Ну смотришь на кого-нибудь и удивляешься: "Ты ли это?" У меня такое чувство, Салли, что кто-то здесь сошел с ума. По-настоящему то есть сумашедший, не из тех, кто просто воображает себя огурцом.

- Очень может быть, - сказала Салли. Ее била дрожь. - Ох! - сказала она. - Что-то меня всю прямо трясет.

- Найджел, я должна тебе сказать кое-что.

- Да, что именно, Пэт? - Найджел яростно рылся в своем шкафу. - Куда, черт побери, делись мои записи, понять не могу. Я думал, я их сюда запихал.

- Ох, Найджел, не ройся так! Ты все оставляешь в таком ужасном беспорядке, а я только что прибрала немножко.

- Ну ладно, черт, должен я найти свои записи или нет?

- Найджел, ты должен меня выслушать.

- О'кэй, Пэт, не смотри так отчаянно. Что ты хочешь мне сказать?

- Я должна признаться тебе кое в чем.

- Не в убийстве, надеюсь? - как всегда легкомысленно спросил Найджел.

- Ну конечно же нет!

- Уже хорошо. Так что за менее тяжкий грех?

- Я однажды зашивала тебе носки, а потом отнесла их сюда, в твою комнату, и положила в ящик...

- Ну?

- И там был пузырек с морфием, про который ты мне говорил. Тот самый, что ты взял из больницы.

- И по этому поводу ты так развелась!

- Но он там лежал в ящике, среди твоих носков, где любой мог его найти.

- С чего бы это? Никто, кроме тебя, не лезет в мои носки.

- Ну, мне показалось, что было бы очень опасно - оставить его просто так, и я знаю, ты говорил, что собираешься избавиться от него после того, как выиграешь пари, но пока он был все еще там...

- Конечно! Я третьей-то штуки еще не раздобыл!

- В общем, я подумала, что так это оставлять нельзя, и поэтому вынула пузырек из ящика, высыпала отраву и наполнила его обычной содой. На вид это совершенно то же самое.

Найджел приостановил свои поиски пропавших записей.

- О, Господи! - сказал он. - Ты это серьезно? Ты хочешь сказать, что когда я клялся Лену и Колину, что порошок был сульфатом морфия или тартратом или чем он там был, там находилась обычная сода?

- Да, понимаешь...

Найджел прервал ее. Он был недоволен.

- Теперь я не уверен, останется ли пари в силе. Я, конечно, и понятия не имел...

- Но держать это здесь действительно было опасно!

- Боже мой, Пэт, неужели ты вечно будешь суетиться из-за пустяков? Что ты сделала с морфием?

- Я пересыпала его в бутылочку из-под соды и спрятала в своем ящике, под носовыми платками.

Найджел посмотрел на нее в немом изумлении.

- Да, Пэт, процесс твоего логического мышления требует специального описания! В чем заключался весь смысл?

- Я чувствовала, что так это будет надежнее.

- Девочка моя, надо уж либо держать морфий под замком, либо это совершенно безразлично, будет он под моими носками или под твоими носовыми платками.

- Нет, не безразлично! Во-первых, у меня своя комната, а ты живешь с соседом.

- Ну и что? Может быть, ты думаешь, что старина Лен намеревался стащить у меня морфий?

- Я вовсе не собиралась говорить с тобой об этом, но теперь придется, потому что морфий исчез.

- Ты хочешь сказать, что его прикарманила полиция?

- Нет, он исчез еще до того.

- То есть?.. - Найджел внимательно посмотрел на нее. - Давай-ка все по порядку. Есть бутылочка с этикеткой "Сода", содержащая в себе сульфат морфия, которая сейчас ходит по рукам, и в любой момент, если разболится у кого-то живот, он может принять полную ложку. О, Господи, Пэт! Вот что ты натворила! Какого черта ты просто не выкинула порошок, если уж он тебя так беспокоил?

- Потому что я думала, что он очень ценный и его надо будет возвратить в больницу, а не просто выкинуть. Как только ты выиграл пари, я отдала бы морфий Селии и попросила ее вернуть его на место. Ты уверен, что не давал его ей? Вдруг она приняла его и это было самоубийство, и все по моей вине?

- Успокойся. Когда порошок исчез?

- Я точно не знаю. Я искала его за день до того, как Селия умерла. Я не могла найти и подумала, что просто положила его в какое-нибудь другое место.

- Он исчез за день до того, как она умерла?

- Мне кажется, - сказала Патрисия, лицо ее побледнело, - что я поступила очень глупо.

- Это еще мягко сказано, - заметил Найджел. - К чему только не приводят бестолковый ум и энергичный характер.

- Найджел, ты считаешь, я должна рассказать полиции?

- О черт! - сказал Найджел. - Да, считаю, что должна. И виноват во всем буду я.

- Ох нет, Найджел, дорогой, это все из-за меня. Я...

- Я первый стащил этот проклятый порошок, - сказал Найджел. - Тогда это казалось очень забавным фокусом. А теперь я почти уже слышу едкие замечания в зале суда.

- Прости меня. Когда я брала это, я действительно хотела...

- Хотела как лучше. Я знаю. Знаю! Слушай, Пэт, я просто не могу поверить, что порошок исчез! Ты просто забыла, куда положила его. Ты ведь, действительно, кладешь иногда вещи не на место, ты сама знаешь.

- Да, но...

Тень сомнения появилась на ее встревоженном лице.

Найджел мгновенно покраснел.

- Пойдем-ка в твою комнату и тщательно все осмотрим.

- Найджел, там мое белье.

- Знаешь, Пэт, на этой стадии наших отношений тебе уже не обязательно напускать на себя такую скромность. Где ты могла спрятать пузырек - внизу, среди трусиков, правильно?

- Да, но я точно знаю, что...

- Мы ничего не можем знать точно, пока не посмотрим
всюду. Что я и собираюсь сделать.

В дверь небрежно постучали и вошла Салли Финч. Глаза ее округлились от удивления. Пэт сидела на кровати, сжимая в руках несколько пар носков Найджела, все ящики из шкафа были вытащены, а сам Найджел, как возбужденный терьер, рылся в груде пуловеров и вокруг него валялись разбросанные трусики, лифчики, чулки и прочие компоненты женского одеяния.

- О Боже, - сказала Салли, - что здесь происходит?

- Ищем соду, - кратко ответил Найджел.

- Соду? Зачем?

- У меня разболелось одно место, - ухмыляясь, сказал Найджел, - и ничто, кроме соды, не может мне помочь.

- По-моему, у меня где-то осталось немного.

- Нет, Салли, это должна быть сода Пэт. У нее есть единственная марка, которая помогает при моем специфическом недомогании.

- Ты чокнулся, - сказала Салли. - Что с ним, Пэт?

Патрисия с несчастным видом покачала головой.

- Тебе не попадалась моя бутылочка "Сода Бик", Салли? - спросила она. - Там оставалось немного на донышке.

- Нет, - Салли поглядела на него с любопытством. - Пождди-ка, - нахмурилась она. - Кто-то здесь... нет, не могу вспомнить. У тебя есть почтовая марка, Пэт? Мне надо отправить письмо, а мои кончились.

- Там, в ящике.

Салли открыла ящик письменного стола, вынула блок марок, оторвала одну, приклеила ее к конверту, который держала в руке, положила оставшиеся марки в ящик и два с половиной пенса на стол.

- Спасибо. Может быть, мне отправить и твое письмо за одно?

- Да... то есть нет. Я думаю, я еще подожду.

Салли кивнула и вышла из комнаты. Пэт уронила носки, которые она держала в руках, и нервно сцепила пальцы.

- Найджел?

- Да? - Найджел переключил свое внимание на гардероб и осматривал карманы пальто.

- Я должна признаться тебе еще в одной вещи.

- Господи, Пэт, что ты еще натворила?

- Я боюсь, что ты разозлишься.

- Мне уже не до злобы. Мне просто страшно. Если Салли отравилась порошком, который я спер, я, возможно, сяду в тюрьму на много-много лет, и то - при условии, что меня не повесят.

- Я совсем не о том. Это касается твоего отца.

- Что? - Найджел резко повернулся. На лице его было выражение скептического удивления.

- Ты ведь знаешь, что он серьезно болен, правда?

- Мне все равно, как он болен.

- Вчера по радио сказали: "Сэр Артур Стэнли, знаменитый ученый-химик, находится в критическом состоянии".

- Хорошо, наверно, быть Ви-Ай-Пи¹. Весь мир знает, что ты болен.

- Найджел, если он умирает, ты должен с ним помириться.

- Ни черта я не должен!

- Но ведь он умирает.

- Он такая же свинья, когда умирает, какой был в расцвете сил.

- Нельзя быть таким, Найджел. Таким злым и безжалостным.

- Слушай Пэт, я уже говорил тебе однажды - он убил мою мать.

- Я знаю, ты рассказывал, и знаю, что ты обожал ее. И все-таки, мне кажется, ты иногда преувеличиваешь. Многие мужья бессердечны и бесчувственны, их жен это возмущает и делает очень несчастными, но утверждать, что твой отец убил твою мать - это все-таки крайность и на самом деле не правда.

- Ты об этом так много знаешь, да?

- Я знаю, что однажды ты пожалеешь, что не помирился с отцом перед смертью. Поэтому, - Пэт остановилась, собираясь с духом, - поэтому я написала твоему отцу письмо, в котором...

- Ты ему написала? Это то письмо, которое Салли хотела отправить? - Он шагнул к письменному столу. - Понятно! - Он взял лежащее на столе письмо с адресом и маркой, быстрыми нервными пальцами разорвал его на мелкие кусочки и выбросил в корзину для мусора. - Вот так! И не вздумай повторить что-нибудь подобное.

¹ Very important person - очень важная персона.

- Найджел, ты ведешь себя как ребенок. Ты можешь порвать это письмо, но ты не можешь запретить мне написать другое, и я напишу его.

- Ты безнадежно сентиментальна. Тебе ни разу не пришло в голову, что когда я говорил, что мой отец убил мою мать, я просто констатировал факт? Моя мать умерла от чрезмерной дозы веронала, приняла по ошибке, заключило следствие. Но она приняла его не по ошибке. Веронал умышленно дал ей мой отец. Он, понимаешь, хотел жениться на другой женщине, а мать не дала бы ему развод. Обычное грязное убийство. Что бы ты сделала тогда на моем месте? Донесла на него в полицию? Моя мать не захотела бы этого... Поэтому я сделал единственное, что было возможно, - сказал этой свинье, что я все знаю, и исчез навсегда. Я даже изменил фамилию.

- Найджел, прости меня... Я понятия не имела...

- Ну, теперь ты знаешь... Знаменитый иуважаемый Артур Стэнли со своими исследованиями и антибиотиками. Что же он не цветет, как розовый куст? Но его красотка, в конце концов, не вышла за него замуж. Она сбежала. Я думаю, она догадалась, что он сделал...

- Найджел, милый, как это ужасно! Прости меня...

- Хорошо. Не будем больше об этом. Давай займемся этой чертовой содой. Подумай внимательно, что в точности ты сделала с порошком. Соберись с мыслями и подумай, Пэт.

Женевьеве появилась в холле очень взволнованной и заговорила с собравшимися студентами тихим голосом:

- Теперь я точно знаю, я абсолютно уверена, что знаю, кто убил маленькую Селию.

- Кто? - спросил Рене. - Что произошло и почему ты так уверена?

Женевьеве предусмотрительно оглянулась, чтобы убедиться, что дверь, ведущая в холл, закрыта. Она перешла на шепот.

- Найджел Чепмен.

- Найджел Чепмен, но почему?

- Слушайте: прохожу я сейчас по коридору к лестнице и слышу из комнаты Патрисии голоса. Голос Найджела.

- Найджела? В комнате Патрисии? - сказала Джин с осуждением, но Женевьеве продолжала:

- И он говорит ей, что его отец убил его мать и что он сменил фамилию. Разве не ясно? Его отец был прирожденным убийцей, и порок передался Найджелу по наследству...

- Это возможно, - сказал мистер Чандра Лал, с довольным видом обдумывая такую возможность. - Это вполне возможно. Он такой вспыльчивый, этот Найджел, такой неуравновешенный. Совсем не владеет собой. Вы согласны? - Он снисходительно повернулся к Акибомбо, который с энтузиазмом кивал курчавой черной головой, обнажая белые зубы в довольной улыбке.

- Я всегда чувствовала, - сказала Джин, - что Найджел аморальный и глубоко испорченный тип.

- Да, - сказал мистер Ахмед Али, - это убийство на сексуальной почве. Он спит с девушкой, а потом убивает ее. Потому что она порядочная девушка, уважаемая, она захочет выйти замуж...

- Чушь! - воскликнул Леонард Бэйтсон.

- Что вы сказали?

- Я сказал: чушь! - заорал Лен.

Глава 17

Сидя в полицейском участке, Найджел нервно всматривался в суровые глаза инспектора Шарпа. Слегка заикаясь, он только что закончил свой рассказ.

- Вы понимаете, мистер Чепмен, что то, что вы нам сейчас рассказали, - очень серьезно? Действительно серьезно.

- Конечно, понимаю. Если бы я не чувствовал, что это крайне необходимо, я не пришел бы сюда и не стал бы вам все это рассказывать.

- Значит, вы утверждаете, что мисс Лайн не может точно вспомнить, когда она в последний раз видела эту бутылочку из-под соды, в которой был морфий?

- Она совсем запуталась. Чем больше она думает об этом, тем неувереннее становится. Она говорит, я ее сбиваю. Поэтому она попытается спокойно все обдумать, пока я у вас.

- Я думаю, нам лучше будет вместе отправиться на Хиккори-Роуд прямо сейчас.

В эту минуту на столе инспектора зазвонил телефон, и констебль, который записывал показания Найджела, протянул руку и снял трубку.

- Звонит мисс Лайн, - сказал он, выслушав, - она хочет поговорить с мистером Чепменом.

Найджел, перегнувшись через стол, взял трубку:

- Пэт? Это Найджел.

Голос девушки звучал взволнованно. Она говорила задыхаясь, проглатывая слова:

- Найджел, мне кажется, я поняла. То есть я думаю, что знаю, кто взял ее, понимаешь, взял ее из моего ящика с платками, я хочу сказать, что есть только один человек, который...

Голос оборвался.

- Пэт! Алло? Ты слышишь? Кто это был?

- Я сейчас не могу сказать. Потом. Ты скоро придешь? - Телефон стоял достаточно близко и разговор был ясно слышен констеблю и инспектору, поэтому в ответ на вопросительный взгляд Найджела последний кивнул.

- Скажите ей "прямо сейчас", - сказал он.

- Мы выходим прямо сейчас, - сказал Найджел. - Придем немедленно.

- Ох! Слава Богу. Я буду у себя в комнате.

- До свидания, Пэт.

Короткий путь до Хиккори-Роуд прошел в молчании. Инспектор Шарп размышлял про себя, сдвинулось ли наконец дело с мертвой точки. Предъявит ли Патрисия Лейн какие-либо точные доказательства или это будут только подозрения? Определенно она вспомнила что-то, что показалось ей существенным. Он предположил, что она звонила из вестибюля и поэтому не могла договорить. Вечером в этот час там, должно быть, проходит много народа. Найджел открыл входную дверь дома 26 по Хиккори-Роуд своим ключом, и они прошли внутрь. Дверь в холл была открыта, и инспектор заметил рыжую шевелюру Леонарда Бэйтсона, склонившуюся над какими-то книгами. Найджел первым поднялся по лестнице и подошел по коридору к комнате Пэт.

- Привет, Пэт! Ну вот мы и...

Голос его прервался и дыхание перехватило. Он стоял не двигаясь. Через его плечо Шарп тоже увидел то, что было в комнате. Тело Патрисии Лейн, скорчившись, лежало на полу. Инспектор слегка оттолкнул Найджела в сторону, прошел вперед и опустился на колени рядом с телом девушки. Он приподнял ей голову, пощупал пульс, потом осторожно опустил голову. Когда он поднялся на ноги, его лицо было мрачным.

- Нет, - сказал Найджел неестественно высоким голосом. - Нет. Нет!

- Да, мистер Чепмен. Она мертва.

- Нет, нет. Только не Пэт! Как...

- Вот этим.

Это было не хитрое, очевидно, первое подвернувшееся под руку оружие. Мраморное пресс-папье, засуннутое в шерстяной носок.

- Удар пришелся по затылку. Очень эффективное оружие. Вряд ли она даже успела понять, что с ней случилось, если это может быть для вас хоть каким-то утешением, мистер Чепмен.

Найджел, дрожа, опустился на кровать.

- Это мой носок... она собиралась заштопать его... О Боже, она собиралась заштопать его!

Вдруг он заплакал. Заплакал как ребенок - самозабвенно и не стесняясь. Шарп продолжал восстанавливать ход событий.

- Это был кто-то, кого она знала довольно хорошо. Этот человек взял носок и просунул в него пресс-папье. Вы узнаете это пресс-папье, мистер Чепмен? - Он вывернул носок, чтобы показать его.

Найджел, все еще плача, взглянул.

- Оно всегда стояло у Пэт на столе. "Люцернский лев". - Он закрыл лицо руками. - Пэт, ох Пэт! Что я буду без тебя делать!

Неожиданно он выпрямился, отбросив назад свои растрепавшиеся светлые волосы:

- Я убью того, кто это сделал! Я убью его! Сволочь!

- Успокойтесь, мистер Чепмен. Да, да, я знаю, каково вам сейчас. Зверское убийство.

- Пэт никогда никому не причинила вреда...

Продолжая успокаивать, инспектор проводил его из комнаты. Затем он вернулся, наклонился над мертвым телом девушки и очень осторожно вынул что-то у нее из пальцев.

Джеронимо - пот градом катился у него со лба - переводил испуганные черные глаза с одного лица на другое.

- Я не видеть ничего. Не слышать ничего. Я говорить правду. Я совсем не знаю ничего. Я с Мария на кухне, готовить *minestrone*¹, тереть сыр...

Шарп прервал этот перечень:

- Никто вас не обвиняет. Мы просто хотим определить все точно по времени. Кто приходил и уходил в течение последнего часа?

¹ *Minestrone* - суп с вермишелью (*ut.*).

- Я не знаю. Откуда мне знать?
 - Но из окна кухни отлично видно, кто входит в дом и кто выходит, не правда ли?
 - Наверное, правда.
 - Тогда просто расскажите нам.
 - Они в это время постоянно входить и выходить.
 - Кто был в доме с шести часов до шести тридцати, когда мы приехали?
 - Все, кроме мистера Найджела, миссис Хаббард и мисс Хобхауз.
 - Когда они выходили?
 - Миссис Хаббард выходить до пяти, она еще не вернулась.
 - Дальше.
 - Мистер Найджел выходить около полчаса назад, около шести, выглядит очень грустный. Он приезжать с вами сейчас...
 - Да, все верно.
 - Мисс Валери, она выходить точно в шесть часов. Радио пип-пип-пип. Одета для коктейль, очень красиво. Ей нет еще.
 - А все остальные здесь?
 - Да, сэр. Все здесь.
- Шарп взглянул в свою записную книжку. Время звонка Патрисии там было точно отмечено - шесть часов, восемь минут.
- Значит, все остальные были в доме? Никто не приходил за последнее время?
 - Только мисс Салли. Она спускалась к почтовый ящик с письмом и возвращаться в...
 - Вы знаете, в какое время она вернулась?
 - Джеронимо нахмурился.
 - Она вернусь, когда по радио новости.
 - Это значит после шести?
 - Да, сэр.
 - Какую часть программы в это время передавали?
 - Я не помню, сэр. Но перед спорт. Потому что когда спорт, мы выключать.

Шарп мрачно улыбнулся. Это было большое поле деятельности. Исключены могли быть только Найджел, Валери Хобхауз и миссис Хаббард. Это означало, что допрос предстоит долгий и утомительный. Кто был в холле и кто выходил? И когда? Кто за кого мог бы поручиться? Добавить к этому, что многие студенты, особенно из Азии и Африки,

никогда не знали точно, который час, и задача получалась незавидная. Но выполнить ее придется.

В комнате миссис Хаббард царила атмосфера подавленности. Сама миссис Хаббард, все еще в пальто, сидела на диване, и на ее милом округлом лице отражались напряжение и беспокойство. Шарп и сержант Кобб сидели за маленьким столиком.

- Я думаю, она звонила отсюда, - сказал Шарп. - Примерно в шесть ноль восемь несколько человек, согласно их собственным показаниям, вошли или вышли из холла и ни один из них не видел, не замечал, не слышал, чтобы кто-нибудь говорил в холле по телефону. На точное время, конечно, нельзя особенно рассчитывать, так как половина из них, по-видимому, никогда не смотрит на часы. И все-таки я считаю, что если она хотела позвонить в полицию, она в любом случае пришла бы сюда. Вас здесь не было, миссис Хаббард, но я полагаю, вы не запирали дверь на замок?

Миссис Хаббард отрицательно покачала головой.

- Миссис Николетис всегда запирала, а я - никогда.

- Хорошо. Значит, Патрисия Лейн входит сюда, чтобы позвонить по телефону, сгорая от нетерпения сообщить то, что она вспомнила. Пока она говорит, дверь открывается и кто-то заглядывает или входит в комнату. Патрисия прекращает разговор и вешает трубку. Поступила она так, потому что вошедший был как раз тем человеком, чье имя она собиралась произнести? Или просто из осторожности, на всякий случай? Оба варианта возможны, но я лично склоняюсь к первому.

Миссис Хаббард решительно кивнула.

- Тот, кто вошел, мог следить за ней, возможно, подслушивать за дверью, а потом зайти, чтобы помешать Патрисии продолжить разговор.

- И затем, - лицо Шарпа помрачнело, - этот человек мог вернуться с Патрисией в ее комнату, разговаривая с ней как ни в чем не бывало. Возможно, Патрисия обвинила ее в похищении соды, а она, в свою очередь, дала этому правдоподобное объяснение.

- Вы сказали "ее"? - быстро спросила миссис Хаббард.

- Забавная штука - местоимение! Когда мы обнаружили тело, Найджел Чепмен сказал: "Я убью того, кто это сделал. Я убью его". "Его", заметьте. Найджел Чепмен был совершенно убежден, что убийцей был мужчина. Возможно, это потому, что насилие у него подсознательно связано с образом мужчины. Возможно также, что у него имеются особые подозрения относительно какого-то определенного мужчины. Ес-

ли последнее верно, то мы должны выяснить, какие у него для этого основания. Но сам я за то, что это женщина.

- Почему?

- Смотрите. Кто-то вошел вместе с Патрисией в ее комнату, кто-то, с кем она чувствовала себя совершенно свободно. Это говорит о том, что она была с девушкой. Мужчины, насколько я понимаю, не заходят в комнаты девушек, если только у них не имеется к этому особенного повода. Я прав, миссис Хаббард?

- Да. Это не такое уж суровое и нерушимое правило, но в общем оно соблюдается.

- Вторая половина дома изолирована от этой, за исключением первого этажа. Таким образом, если предположить, что разговор Найджела с Пэт был подслушан, мы можем с большой вероятностью заключить, что подслушивала именно женщина.

- Да, я понимаю, что вы имеете в виду. Некоторые из девушек проводят, по-видимому, большую часть времени, подслушивая под дверью.

Она покраснела и добавила извиняющимся тоном:

- Возможно, это слишком уж сильно сказано. На самом деле, хотя эти дома были построены на совесть, в них сделали внутренние перегородки и стенки, и все это такое тонкое, просто как папиросная бумага. Так что не слышать, что происходит рядом, просто невозможно. Джин, надо признать, действительно частенько подслушивала. Она такая. И разумеется, когда Женевьевы услышала, как Найджел рассказывает Пэт о том, как его отец убил его мать, она остановилась и стала вслушиваться что было силь.

Инспектор кивнул. Он уже выслушал показания Салли Финч, Джин Томлинсон и Женевьевы. Он спросил:

- Кто живет слева и справа от комнаты Патрисии?

- Комната Женевьевы находится за ней, но там хорошая капитальная стена. С другой стороны, ближе к лестнице, живет Элизабет Джонстон. Между их комнатами только перегородка.

- Это уже лучше, - сказал инспектор. - Француженка слышала конец разговора, Салли Финч присутствовала при его начале, перед тем как выйти отправить письмо. Но факт, что эти две девушки были там, автоматически исключает возможность, что подслушивал кто-то еще, разве очень недолго. При этом я не беру в расчет Элизабет Джонстон, которая могла слышать все через перегородку, если находилась в своей ком-

нате. Однако довольно очевидно, что когда Салли Финч выходила с письмом, Элизабет уже была в холле.

- Но она не оставалась в холле все время?

- Нет, на какое-то время она возвращалась наверх за книгой, которую забыла взять, и, как обычно, никто не может точно сказать, когда именно.

- Это могла быть любая из них, - беспомощно сказала миссис Хаббард.

- Если судить только по их собственным показаниям - да. Но у нас есть еще кое-какие улики. - Он улыбнулся и вынул из кармана маленький, сложенный из бумаги пакетик.

- Что это? - спросила миссис Хаббард.

- Пара волосков. Я вынул их из пальцев Патрисии Лайн.

- Вы хотите сказать, что...

В дверь постучали.

- Войдите, - сказал инспектор.

Дверь открылась и появился мистер Акибомбо. На его черном лице сияла широкая улыбка.

Инспектор Шарп нетерпеливо сказал:

- Да, мистер... хм, что вы хотели?

- Пожалуйста, мне кажется, у меня есть заявление высшей важности для разъяснения печальных и трагических обстоятельств.

Глава 18

- Итак, мистер Акибомбо, - покорно согласился инспектор Шарп, - прошу вас. Давайте выслушаем, в чем же дело.

Мистеру Акибомбо предложили стул, и он сел лицом к присутствующим, смотревшим на него с напряженным вниманием.

- Благодарю вас. Можно начинать?

- Да, пожалуйста.

- Видите ли, дело в том, что мой желудок иногда ведет себя беспокойно.

- О?

- Сосет под ложечкой. Так мисс Салли это называет. Но по-настоящему меня не топчит, понимаете. То есть я хочу сказать, не рвет.

Инспектор Шарп с трудом сдерживал себя, пока разбирались все эти медицинские подробности.

- Да, да, - сказал он. - Я очень сочувствую, разумеется. Но вы хотели рассказать нам...

- Это, возможно, из-за непривычной для меня пищи. Я чувствую у меня здесь полный, - мистер Акибомбо показал, где именно он чувствует. - Я думаю, мяса не сколько нужно, а так называемых углевотов слишком много.

- Углеводов, - машинально поправил его инспектор. - Но я не понимаю, какое...

- Иногда я принимаю маленькую таблетку, сода, иногда порошок от желудок. Все равно что, и тогда сразу выходит много воздуха вот так, - мистер Акибомбо очень натурально и чрезвычайно громко рыгнул. - После этого, - тут он ангельски улыбнулся, - я чувствую себя гораздо лучше, гораздо лучше.

Лицо инспектора приобрело явно малиновый оттенок.

Миссис Хаббард сказала решительно:

- Насчет этого нам все понятно. Давайте перейдем к следующей части.

- Да. Конечно. Вот, как я уже говорил, это случается со мной в начале прошлой недели. Я не помню, в какой день. Очень хорошие макароны, и я съедал много и потом чувствую себя очень плохо. Я пытаюсь делать работу, которую дал профессор, но я не могу думать, когда здесь полный. - Акибомбо снова показал где. - Это после ужина в холле, и только я и Элизабет, и я говорю ей: "У тебя есть сода или порошок для желудок? Я уже съел свои". И она говорит: "Нет, но..." - она говорит. - Я видела немного в ящике Пэт, когда я клала на место платок, который у нее брала. Я тебе принесу, - она говорит. - Пэт разрешит". Потом она идет наверх и приходит назад с бутылка соды. Совсем мало осталось, на самом дне, почти нет. Я говорю спасибо и иду с бутылкой в ванную и кладу почти все, почти чайная ложка в воду, и перемешать и выпил.

- Ложку? Чайную ложку? О Боже!

Инспектор смотрел на него как зачарованный. Сержант Кобб с изумленным лицом наклонился вперед. Миссис Хаббард растерянно сказала:

- Распутин!

- Вы проглотили чайную ложку морфия?

- Я, конечно, думать, это сода.

- Да, да, единственное, чего я не в силах понять, это почему вы сидите сейчас здесь!

- И дальше потом я был болеть, но по-настоящему. Не только полный живот. Живот болеть очень плохо.

- Не представляю себе, как это вы остались живы!

- Распутину, - сказала миссис Хаббард, - давали яд много раз в большом количестве, и он на него не действовал!

Мистер Акибомбо продолжал:

- Вот на следующий день, когда я уже лучше, я беру бутылку и совсем чуть-чуть порошок, который осталось, и иду к аптекарю и говорю, пожалуйста, скажи мне, что я принял, что я так плохо себя чувствовал?

- Да?

- И он говорит приходить позже, и я приходить позже, он говорит: "Все ясно! Это не сода. Это борная кисла... борная кислая. Кислый бор. Можно мыть глаза, да, но если съешь чайная ложка, то заболеешь".

- Борная кислота? - Инспектор изумленно уставился на него.

- Но как борная кислота могла попасть в эту бутылку? Куда делись морфий? - Он застонал. - Ну что за путаница!

- И я, пожалуйста, долго думал, - продолжал Акибомбо. Инспектор снова застонал.

- Вы долго думали, - сказал он. - И о чем же вы думали?

- Я долго думал про мисс Селию и как она умерла, и что после, как она умерла, кто-то, наверно, вошел в ее комнату и оставил там пустой бутылочки от морфий и маленькую записку, там написал, что она себя убила сама. - Акибомбо замолчал, и инспектор кивнул. - И я сказал - кто это мог делать? И я подумал, если это девушка делала, это будет просто, но если мужчина, то не очень просто, потому что ему надо было спускаться по лестнице в нашей половине и подниматься по другая лестница и кто-то мог проснуться и видеть или слышать его. И я снова думал и сказал, может быть, это кто-то с нашей половины, но в комнате рядом с комнатой мисс Селия, только она в другой половине, вы понимаете? Перед его окно есть балкон и перед ее окно есть балкон тоже, и она будет спать с открытое окно, потому что это полезно для здоровье. Поэтому, если он сильный и здоровый и спортивный, он мог перепрыгнуть.

- Комната в другой половине, соседняя с комнатой Селии, - сказала миссис Хаббард. - Дайте подумать, это Найджел и, и...

- Лен Бэйтсон, - сказал инспектор. Он показал сложенную бумажку, которую держал в руке, - Лен Бэйтсон.

- Он очень хороший, да, - печально сказал мистер Акибомбо. - И так со мной любезен, но психологически никто не знает, что происходит под внешней поверхностью. Это верно, правда? Это современная теория. Мистер Чандра Лал очень

злой, когда его борная кислота для глаз нет на месте, и потом когда я его спрашиваю, он говорит, ему сказали, Лен Бэйтсон взял ее.

- Морфий был взят из ящика Найджела и заменен борной кислотой, потом пришла Патрисия Лейн и заменила содой то, что она считала морфием, но что на самом деле было борной кислотой. Да... Понимаю...

- Я помог вам, да? - вежливо спросил мистер Акибомбо.

- Да, в самом деле, мы очень вам благодарны. Будьте осторожны с... э... с лекарствами.

- Да, сэр, я буду чрезвычайно осторожен.

Мистер Акибомбо любезно всем поклонился и вышел из комнаты.

- Лен Бэйтсон, - произнесла миссис Хаббард упавшим голосом. - Ох! Нет.

Шарп взглянул на нее.

- Вам не хочется, чтобы это оказался Лен Бэйтсон?

- Я привязалась к этому мальчику. Он с характером, я знаю, но он всегда казался мне таким славным!

- То же самое говорилось о большинстве преступников, - сказал Шарп. Он осторожно развернул свой маленький бумажный пакетик. Миссис Хаббард умолкла и наклонилась посмотреть поближе. На белой бумаге лежали два коротких, вьющихся рыжих волоса..

- О Господи! - воскликнула миссис Хаббард.

- Да, - задумчиво сказал Шарп. - По моему опыту, могу сказать, что убийца совершает по меньшей мере одну ошибку.

Глава 19

- Но это же прекрасно, мой друг, - сказал Эркюль Пуаро с восхищением. - Так ясно, так восхитительно прозрачно.

- Вы так говорите, как будто речь идет о бульоне, - проговорил инспектор. - Для вас это может и вправду *consomme¹*, но, по мне, в нем пока еще плавает слишком много жирной телятины.

- Уже не плавает. Теперь все становится на свои места.

- Даже это?

¹ *Consomme* - бульон (*фр.*).

Как и ранее перед миссис Хаббард, инспектор Шарп продемонстрировал свое вещественное доказательство в виде двух рыжих волосков.

- О, да, - сказал Пуаро. - Как у вас это называют на телевидении? - Предусмотренная накладка.

Глаза двух мужчин встретились.

- Каждый человек, - сказал Эркюль Пуаро, - далеко не так умен, как ему кажется.

Инспектору Шарпу очень хотелось сказать: "Даже Эркюль Пуаро?" - но он сдержался.

- Насчет остального, мой друг, все готово?

- Да, завтра мы произведем обыск.

- Вы пойдете сами?

- Нет, по плану я должен явиться на Хиккори-Роуд, 26. Ответственным будет Кобб.

- Пожелаем удачи.

Эркюль Пуаро медленно поднял свой бокал. В нем был *creme de menthe*¹. Инспектор Шарп поднял стакан с виски.

- За удачу, - сказал он.

- Ну и придумают же они все, в таких местах, - сказал сержант Кобб. Он с жадным восхищением разглядывал витрину косметического салона "Прекрасная Сабрина". Являвшая собой дорогостоящий пример искусства оформления витрин - "сверкающе-зеленой прозрачной волны", Сабрина была представлена в лежачем положении, одетой в крошечные кружевные трусики и радостно окруженной всем возможным разнообразием прелестно изготовленной косметики. Помимо трусиков ее наряд состоял из множества самой варварской бижутерии. Сыщик-констебль Мак Крэй неодобрительно фыркнул.

- Богохульство, вот как я это называю. Прекрасная Сабрина. Это же Мильтон все-таки!

- Ну, старина, Мильтон это еще не Библия.

- А разве "Потерянный Рай" не про Адама с Евой и Сад Эдема и всех Адских дьяволов? Что же это, по-твоему, если не религия?

Сержант Кобб не стал углубляться в полемику. Он решительно шагнул в двери заведения, и суровый констебль последовал за ним. В нежно-розовом интерьере "Прекрасной

¹ *Creme de menthe* - мятыный ликер (фр.).

"Сабрины" сержант и его сослуживец выглядели столь же неуместно, как традиционный слон в посудной лавке.

Навстречу им выплыло утонченное создание - все в изысканном жемчужном и розовом.

- Доброе утро, мадам, - сказал сержант Кобб и предъявил свое удостоверение.

Затрепетав, нежное создание удалилось в смятении. На смену ему появилось столь же нежное создание, но слегка постарше возрастом. Оно в свою очередь уступило место величественной и блестательной Герцогине¹, чьи грубоватые волосы и гладкие щеки заставляли забыть о возрасте и морщинках. Ее оценивающие серо-стальные глаза встретили спокойный взгляд сержанта Кобба.

- Какая неожиданность, - сурово сказала Герцогиня. - Проходите сюда, пожалуйста.

Они прошли через зал, в центре которого стоял стол с небрежно брошенной кипой проспектов и журналов. В стенах, за занавесками были расположены ниши, в которых можно было заметить расслабленные женские тела, массажируемые услугливыми руками жриц в розовом.

Дюшесс провела полицейских в маленькую, напоминающую офис, комнатку с большим вращающимся столом и жесткими стульями, ярко освещенную грубым дневным светом.

- Меня зовут миссис Лукас, я владелица салона, - сказала она. - Моя компаньонка мисс Хобхауз сегодня отсутствует.

- Да, мадам, - сказал сержант Кобб, для которого это не было новостью.

- Ваш ордер на обыск это сущий произвол, - сказала миссис Лукас. - Это личный офис мисс Хобхауз. Я искренне надеюсь, что вам не потребуется каким-либо образом... э... беспокоить наших клиенток.

- На этот счет, я думаю, вы можете быть спокойны, - сказал Кобб. - То, за чем мы пришли, вряд ли находится в помещениях для клиенток.

Он любезно подождал, пока она неохотно удалилась, затем огляделся вокруг. Сквозь окна офиса Валери Хобхауз виднелись внутренние пристройки других фирм Мэйфера. Отделка стен была светло-серой, на полу лежали два персидских ковра. Он перевел взгляд с небольшого сейфа на стене на внушительных размеров стол.

- В сейфе вряд ли, - сказал Кобб, - слишком на виду.

¹ Герцогиня Дюшесс - персонаж сказки Л.Кэрролла "Алиса в стране чудес".

Четверть часа спустя, когда сейф и ящики стола уже выдали все свои секреты, Мак Крэй, который был по натуре мрачен и ворчлив, сказал:

- Похоже, нашли-то мы дырку от бублика.

- Мы только начали, - сказал Кобб.

Вынув из ящиков содержимое и разложив его на аккуратные кучки, он продолжал вытаскивать ящики из стола и переворачивать их вверх дном.

- Ну вот, старина - радостно воскликнул он. - Пожалуйста!

С обратной стороны к дну ящика липкой лентой было приkleено с полдюжины маленьких темно-синих книжиц с тиснеными золотыми буквами.

- Паспорта, - сказал сержант Кобб. - Выданы министром иностранных дел Ее Величества. Боже, храни его доверчивое сердце!

Мак Крэй, склонившись, с интересом наблюдал, как Кобб открывает паспорта и сравнивает фотографии.

- И не догадываешься, что это одна и та же женщина, точно? - сказал Мак Крэй.

Паспорта принадлежали миссис да Сильва, мисс Ирэн Фрэнч, миссис Ольге Кон, мисс Глэдис Томас и мисс Мойре О'Нил. Со всех фотографий смотрела молодая женщина, чей возраст колебался между 25 и 40.

- Это от того, что прическа каждый раз другая, - сказал Кобб. - Помпадур, химия, прямые, карэ и так далее. Для Ольги Кон она сделала что-то со своим носом, для миссис Томас положила шарики за щеки. Вот еще два паспорта - иностранные...

Мадам Махмуди, Алжир. Шейла Донован, Ирландия. На каждое из этих имен у нее, я думаю, счет в банке.

- Немного сложновато, а?

- Так и должно быть, старина. Налоговое управление всегда сует свой нос и задает неприятные вопросы. Не так уж сложно сделать деньги на контрабанде, а вот отмыть их потом чертовски трудно. И я готов спорить, что этот маленький игорный клуб в Мэйфере наша дама открыла именно с этой целью. Деньги, выигранные в таком клубе, это, пожалуй, единственная статья, которую налоговый инспектор не может проверить. Немалая часть наживы, очевидно, размещена в алжирских и французских банках, а также в Ирландии. Все делалось по тщательно разработанному деловому плану. Но однажды она, должно быть, взяла паспорта с собой на Хиккори-Роуд и бедняжка Селия случайно увидела их.

Глава 20

- Мисс Хобхауз очень неплохо все придумала, - сказал инспектор Шарп. В голосе его звучали снискходительные, почти отеческие нотки. Он держал паспорта в руках и перетасовывал их, как это обычно делают с картами.

- Сложная штука, финансы, - сказал он. - Нам пришлось немало потрудиться, пока мы мотались из одного банка в другой. Она хорошо заметала следы, денежные следы, я имею в виду. А через пару лет она, я думаю, исчезла бы совсем, уехала за границу и жила бы привевающи до конца своих дней на деньги, нажитые, как говорится, неправедным путем.

В общем все довольно просто - приходили контрабандные алмазы, сапфиры и т. д., а отсюда переправлялись краденые вещи. Ну и наркотики появлялись, так сказать, между делом. Организовано это было очень хорошо. Она ездила за границу под своим или чужим именем, но не слишком часто, и почти вся контрабанда провозилась другими лицами, причем без их ведома. За границей у нее был агент, который в нужный момент устраивал подмену рюкзаков. Да, придумано неплохо. И тут мы должны поблагодарить месье Пуаро за то, что он навел нас на эту мысль. Конечно, это было очень умно с ее стороны - внушить бедной мисс Селии Остин психологический трюк с пропажами. Вы сообразили, в чем тут было дело, почти сразу, не так ли, месье Пуаро?

Пуаро скромно улыбнулся, давая понять, что не считает это особым достижением, и миссис Хаббард поглядела на него с восхищением. Разговор был исключительно неофициальный и происходил в гостиной миссис Хаббард.

- Ее погубила жадность, - сказал месье Пуаро. - Она соблазнилась этим замечательным бриллиантом в кольце Патрисии Лайн. И с ее стороны это было глупостью, потому что сразу говорило о том, что она умеет обращаться с драгоценными камнями, то есть могла вынуть бриллиант и заменить его цирконом. Да, именно это и навело меня на мысль о Валери Хобхауз. Она безусловно умная девушка. Когда я обвинил ее в том, что она вдохновляла Селию, она созналась и объяснила все очень убедительно.

- Но убийство! - воскликнула миссис Хаббард. - Хладнокровное убийство. Я даже сейчас не могу до конца в это поверить.

Инспектор Шарп помрачнел.

- Пока что мы не можем обвинить ее в убийстве Селии Остин, - сказал он. - Мы, конечно, привлечем ее за контрабанду. Здесь проблем нет. Но с обвинением в убийстве дело обстоит не так просто. Прокурор не возьмется за это, хотя мотив, разумеется, на лицо, да и возможность тоже. Ей, вероятно, было все известно насчет пари и то, что у Найджела был морфий, но настоящих доказательств нет, и кроме того, надо принять во внимание, что были еще две другие смерти. И если отравить миссис Николетис она могла запросто, то Патрисию Лейн убила не она, это точно. Фактически у нее единственной есть абсолютное алиби. Джеронимо определенно утверждал, что она вышла из дома в 6 часов. Он настаивал на этом. Не знаю, может быть, она его подкупила...

- Нет, - сказал Пуаро, покачав головой. - Она его не подкупила.

- Кроме того, у нас есть показания аптекаря на углу. Он хорошо знает ее и уверяет, что она вошла в пять минут седьмого, купила пудру и аспирин и позвонила по телефону. В шесть пятнадцать она вышла из аптеки и села в такси на стоянке.

Пуаро выпрямился на стуле.

- Но ведь это же великолепно! - воскликнул он. - Это как раз то, что нам нужно.

- Что, наконец, вы хотите этим сказать?

- Я хочу сказать, что она действительно звонила из автомата в аптеке.

Инспектор Шарп посмотрел на него с раздражением.

- Хорошо. Давайте так, месье Пуаро. Соберем все известные нам факты. В шесть ноль восемь Патрисия Лейн жива и звонит в полицию из этой самой комнаты. Вы согласны с этим?

- Не думаю, чтобы она звонила из этой комнаты.

- Тогда, значит, из холла внизу.

- И не из холла.

Инспектор Шарп вздохнул.

- Я полагаю, вы не станете отрицать, что звонок в отделение полиции был? Или вы полагаете, что я, сержант, констебль Най и Найджел Чепмен стали жертвами массовой галлюцинации?

- Разумеется, нет. Звонок был. И в первом приближении я бы сказал, что звонили из автомата в аптеке на углу.

У инспектора Шарпа на мгновение отвисла челюсть.

- Вы хотите сказать, что в полицию звонила Валери Хобхауз?

- Да, именно это я и хочу сказать.

Несколько секунд инспектор оставался в молчании, затем грохнул кулаком по столу.

- Я в это не верю. Этот голос я слышал собственными ушами...

- Да, слышали. Голос девушки - возбужденный, вззволнованный. Но вы ведь не знали голос Патрисии Лейн настолько, чтобы с уверенностью сказать, что это был именно ее голос.

- Возможно, но с ней разговаривал Найджел Чепмен. Не будете же вы утверждать, что его тоже можно было обмануть. Говорить по телефону измененным голосом не так просто, и подделать свой голос под чей-нибудь тоже не легко. Если бы по телефону говорила не Патрисия, Найджел Чепмен знал бы это.

- Правильно, - сказал Пуаро. - Найджел Чепмен знал бы. Найджел Чепмен прекрасно знал, что это не Патрисия. Да и кто мог знать об этом лучше, чем он, если незадолго до этого он сам убил ее ударом по голове.

Инспектор остолбенел.

- Найджел Чепмен? Найджел Чепмен? Но когда мы нашли ее мертвой, он плакал, плакал как ребенок!..

- Пожалуй, - сказал Пуаро. - Я думаю, он действительно любил эту девушку, но это все равно не спасло бы ее, если она представляла угрозу его интересам. С самого начала все указывало на то, что это Найджел Чепмен. У кого имелся морфий? У Найджела Чепмена. Кто обладает блестящим умом, чтобы планировать, и дерзостью, чтобы совершать подлоги и убийства? Найджел Чепмен. Кого мы знаем одновременно самовлюбленным и безжалостным? Найджела Чепмена. У него все приметы убийцы; самоуверенное тщеславие, злобность, отчаянное безрассудство, которое со всех сторон привлекает к нему внимание, - весь этот невероятный блеф с зелеными чернилами. И наконец, когда, желая сбить нас со следа, он переусердствовал, вложив в пальцы Патрисии волосы Лена Бэйтсона, он не учел того факта, что удар был нанесен сзади и она никак не могла схватить нападавшего за волосы. Все они одинаковы, эти преступники: их губит собственный эгоизм, восхищение своей проницательностью, расчет на свое обаяние, а он обаятелен, этот Найджел. В нем обаяние испорченного ребенка, который так и не вырос и не вырастет никогда, который видит только себя самого и свои желания!

- Но зачем, месье Пуаро? Зачем он убивал? Селио Остин - это еще понятно, но почему он убил Патрисию Лейн?

- Вот это, - сказал Пуаро, - нам придется выяснить.

Глава 21

- Я вас не видел целую вечность, - сказал старый мистер Эндикотт Эркюлю Пуаро. Он проницательно посмотрел на остальных вошедших. - Очень любезно с вашей стороны заглянуть ко мне.

- Ничуть, - сказал Эркюль Пуаро. - У меня к вам дело.

- Ну что ж, я ваш вечный должник, вы это знаете. Вы помогли мне разобраться в том неприятном деле с тминным печенем.

- Я думал, что вы уже ушли на пенсию, и очень удивился, увидев вас здесь, в вашей конторе.

Старый юрист мрачно улыбнулся. Его фирма считалась одной из самых солидных и старых.

- Сегодня я пришел специально, чтобы встретиться с одним из моих давних клиентов. Я все еще слежу за делами моих старых друзей.

- Сэр Артур Стэнли был вашим старым другом и клиентом, не так ли?

- Да, мы занимаемся всеми его юридическими делами еще с тех пор, когда он был совсем молодым человеком. Он выдающаяся личность, Пуаро, блестящий ум.

- Насколько я знаю, сегодня в шесть часов объявили, что он скончался.

- Да. Похороны в пятницу. Он был серьезно болен. Злокачественная опухоль, надо думать.

- Леди Стэнли умерла несколько лет назад?

- Примерно два с половиной года назад.

Его проницательные глаза быстро взглянули на Пуаро из-под кустистых бровей.

- Причина смерти?

Старый юрист ответил незамедлительно:

- Чрезмерная доза снотворного. Мединала, насколько мне помнится.

- Расследование проводилось?

- Да. В заключении говорилось, что она приняла его по неосторожности.

- В самом деле?

Помолчав некоторое время, мистер Эндикотт сказал:

- Мне не хотелось бы обижать вас. Я ни секунды не сомневаюсь, что для этих вопросов у вас имеются веские основания. Насколько мне известно, мединал - весьма опасный наркотик и разница между полезной и смертельной дозой невелика. Если, находясь под действием снотворного, она за-

была, что уже приняла нужное количество, и проглотила повторную дозу, это вполне могло иметь летальный исход.

Пуаро кивнул.

- Так это и произошло?

- Предположительно. Ничто не указывало на возможность самоубийства или склонность к нему.

- И ничто не указывало на... что-нибудь другое?

Опять старый юрист бросил на Пуаро быстрый, проницательный взгляд.

- Ее муж давал показания.

- И что же он сообщил?

- Он подтвердил, что иногда, приняв на ночь снотворное, она забывала об этом и просила еще.

- Он говорил неправду?

- Почему вы спрашиваете об этом меня, Пуаро? Это возмутительно. Почему вы считаете, что я должен знать?

Пуаро улыбнулся. Вся эта буря негодования не обманула его.

- Я считаю, что вы прекрасно все знаете. Но сейчас я не буду смущать вас вопросом, что именно вам известно. Я спрошу ваше мнение. Мнение одного человека о другом. Был ли Артур Стэнли таким человеком, который мог разделаться со своей женой, если бы хотел жениться на другой женщине?

Мистер Эндикотт подскочил как ужаленный.

- Абсурд, - сердито сказал он. - Совершенная нелепость. И к тому же, не было никакой другой женщины. Стэнли любил свою жену.

- Да, - сказал Пуаро, - так я и думал. Теперь я могу перейти непосредственно к цели моего прихода к вам. Ваша контора занималась завещанием Артура Стэнли. Возможно также, что вы его поверенный.

- Это так.

- У Артура Стэнли был сын. После смерти матери сын поссорился со своим отцом и ушел из дома. Он даже сменил фамилию.

- Этого я не знал. Как же его теперь зовут?

- Я скажу это позже. Перед этим я сделаю одно допущение. Если оно окажется верным, вы это подтвердите. Я думаю, что Артур Стэнли оставил вам запечатанное письмо, которое должно быть вскрыто после его смерти, при определенных условиях.

- Ну знаете ли, Пуаро! В средние века вас бы определенно сожгли на костре. Как вы можете знать об этом!

- Значит, я прав? Я думаю, что письмо содержало в себе два варианта. Вы должны были либо уничтожить его, либо предпринять определенные действия.

Он остановился. Его собеседник молчал.

- *Bon Dieu!*¹ - сказал Пуаро с тревогой. - Надеюсь, вы еще не уничтожили...

Он с облегчением прервал себя, когда мистер Эндикотт медленно отрицательно покачал головой.

- Мы никогда не действуем слишком спешно. Я должен был навести справки, чтобы быть абсолютно уверенным. - Он замолчал. - Дело очень конфиденциальное. Даже для вас, Пуаро... - Он покачал головой.

- А если я убедительно докажу вам необходимость рассказать мне все?

- Это зависит от вас. Я не могу себе представить, откуда вы вообще можете знать что-либо, имеющее отношение к этому делу.

- Я ничего не знаю, поэтому мне приходится только догадываться. Если моя догадка окажется верной...

- Весьма сомнительно, - махнул рукой мистер Эндикотт.

Пуаро вздохнул.

- Хорошо. Я полагаю, что в письме говорилось следующее: "В случае смерти сэра Артура вы должны следить за его сыном Найджелом, чтобы знать, где и как он живет и в особенности не привлекается ли он к суду за какие-нибудь преступные действия".

На этот раз непоколебимое юридическое спокойствие мистера Эндикотта наконец пошатнулось. Немногим, вероятно, приходилось слышать восклицание, которое у него вырвалось.

- Раз уж вы, по-видимому, располагаете всеми фактами, - сказал он, - я расскажу вам все, что вы хотите знать. Очевидно, в ходе своей профессиональной деятельности вы столкнулись с юным Найджелом. Что же натворил этот негодник?

- Его история, я думаю, такова: уйдя из дома, он сменил фамилию, объяснив это тем, кто интересовался, условием для получения наследства. Потом он связался с людьми, которые занимались контрабандой наркотиков и драгоценностей. Мне кажется, что именно благодаря его уму и способностям их дело приобрело свою окончательную форму с использовани-

¹ *Bon Dieu!* - о, господи! (фр.).

ем простодушных студентов. Таким образом, управлять всем стали два человека, Найджел Чепмен, как он себя называл, и молодая женщина по имени Валери Хобхауз, которая, я думаю, и познакомила его первоначально с контрабандным делом. Это было небольшое частное предприятие и работали они на комиссионной основе. Но прибыль выходила огромная. Товар должен был быть маленьких размеров, но стоить тысячи фунтов, как, например, драгоценности или наркотики, которые занимают очень небольшой объем. Все шло прекрасно, пока не произошла одна из тех случайностей, которые невозможно предвидеть. Однажды полицейский зашел в студенческое общежитие, чтобы провести расследование в связи с убийством в районе Кембриджа. Я думаю, вам понятно, почему именно это сообщение привело Найджела в панику. Он решил, что полиция искала его. Он вывинтил в одном месте электрическую лампочку, чтобы в потемках его было трудно опознать, и так как он опасался, что следы наркотиков в подкладке одного из рюкзаков могут быть обнаружены, он в панике отнес рюкзак на задний двор, разрезал на куски и забросил подальше в котельную.

Его опасения были совершенно не обоснованы, полицейский приходил, чтобы задать несколько вопросов касательно какого-то студента из Азии, но одна девушка из общежития случайно видела в окно, как Найджел расправлялся с рюкзаком. Нельзя сказать, чтобы этим она подписала себе смертный приговор немедленно. Вместо этого был разработан хитроумный план, который привел к тому, что она сама совершила ряд глупых поступков, поставивших ее в скверное положение. Но тут они зашли слишком далеко. Меня попросили вмешаться. Я посоветовал этой девушке обратиться в полицию. Она потеряла голову и во всем призналась. То есть призналась в поступках, которые совершила сама. Но затем она, я думаю, пошла к Найджелу и настаивала, чтобы он тоже сознался в этой истории с рюкзаком и с зелеными чернилами, которыми он залил конспект одной из студенток. Ни Найджел, ни его сообщница не могли допустить, чтобы к рюкзакам было привлечено какое-нибудь внимание. Это похоронило бы все их дело. Более того, Селия, девушка, о которой шла речь, обладала еще одним опасным знанием и случайно открыла мне его в тот вечер, когда я обедал там. Она знала, кем был Найджел на самом деле.

- Но вы уверены... - мистер Эндикотт нахмурился.

- Найджел перебрался из одного мира в другой. Любой из его предыдущих друзей, встретив его, узнал бы, что Найджел сменил фамилию, но никто из них не знал, чем он занимается. В общежитии никому не было известно, что его настоящая фамилия Стэнли, кроме Селии, которая неожиданно призна-

лась в этом. Ей было так же известно, что Валери Хобхауз, по крайней мере, один раз ездила за границу по чужому паспорту. Она знала слишком много. На следующий вечер Найджел договорился встретиться с ней в каком-то месте. Он угостил ее кофе, в который подсыпал морфий. Ночью во сне она умерла, причем все было устроено так, чтобы это выглядело самоубийством.

Мистер Эндикотт пошевелился. На лице его появилось выражение глубокого огорчения. Он что-то пробормотал себе под нос.

- Но это еще не все, - сказал Пуаро. - Женщина, владевшая сетью студенческих клубов и общежитий, умерла вскоре после этого при подозрительных обстоятельствах, и тут мы подходим к последнему, самому жестокому и безжалостному преступлению. Патрисия Лейн, девушка, которая была предана Найджелу и которую он сам по-настоящему любил, необдуманно вмешалась в его дела и, более того, настаивала, что ему следует помириться с отцом перед смертью. Он всячески пытался обмануть ее, но понял, что упрямство действительно может заставить ее написать второе письмо его отцу после того, как он разорвал первое. Почему, с его точки зрения, это могло иметь роковое последствие, сказать мне, я думаю, можете вы, мой друг.

Мистер Эндикотт поднялся. Он прошел в другой конец комнаты к сейфу, открыл его и вернулся назад с длинным конвертом в руке. Красная печать на обратной стороне конверта была сломана. Он вынул содержимое, состоящее из двух листов, и положил перед Пуаро.

"Дорогой Эндикотт. Вы прочтете это, когда меня уже не будет в живых. Я хочу, чтобы вы следили за моим сыном Найджелом и выяснили, не виновен ли он в каких-либо преступных действиях. Факты, которые я намерен вам сообщить, известны мне одному. Найджел всегда был человеком сомнительного морального облика. Он дважды подделывал мою подпись на чеках. В обоих случаях я подтвердил, что подпись моя, но предупредил его, что больше я этого делать не стану. На третий раз он подделал подпись своей матери, и она обвинила его в этом. Он умолял ее молчать. Она отказалась. Мы с ней обсуждали его, и она ясно дала понять, что собирается все рассказать мне. Именно после этого, давая ей вечером снотворное, он увеличил дозу. Однако, до того как снотворное подействовало, она зашла в мою комнату и рассказала мне обо всем. Когда утром она оказалась мертва, я знал, кто это сделал. Я прямо обвинил Найджела и сказал ему, что собираюсь сообщить все полиции. Он отчаянно умолял меня не делать этого. Как бы вы поступили на моем месте, Эндикотт? У меня нет иллюзий относительно моего сына, я знаю

на что он способен. Знаю, что он опасен, что у него нет ни сострадания, ни совести. У меня не было оснований спасать его. И только мысль о моей покойной жене, которую я так любил, останавливалася меня. Хотела ли она, чтобы я передал его в руки правосудия? Мне казалось, я знаю ее ответ - она желала бы спасти своего сына от виселицы. Она содрогнулась бы, как содрогнулся я, при мысли, что наше имя будет втотано в грязь. Но были и другие доводы. Я твердо убежден, что убивший раз будет убивать еще и еще. Что в будущем его жертвами могут стать другие люди. Я заключил со своим сыном сделку, и прав ли был или нет, я не знаю. Он должен был написать письменное признание в совершенном преступлении, которое будет храниться у меня. Он должен был навсегда покинуть мой дом и зажить новой жизнью. Я дал ему еще один шанс. Деньги, принадлежавшие его матери, оставались за ним. Он получил хорошее образование. У него были все возможности, чтобы творить добро. Но если он будет обвинен в какой-либо преступной деятельности, его признание, которое осталось у меня, будет передано полиции. Я обезопасил себя, объяснив ему, что моя смерть не решит проблему.

Вы мой самый близкий друг, и я возлагаю это бремя на ваши плечи, но я прошу об этом во имя женщины, которая была также и вашим другом. Разыщите Найджела. Если его репутация безупречна, уничтожьте это письмо и вложенное в него признание. Если нет - пусть правосудие свершится.

Ваш любящий друг Артур Стэнли".

- Ах! - глубоко вздохнул Пуаро и развернул приложение.
"Настоящим признаюсь, что я убил свою мать, дав ей чрезмерную дозу мединала, 18 ноября 195..."

Найджел Чепмен".

Глава 22

- Теперь вам вполне ясно ваше положение, мисс Хобхауз. Я уже предостерег вас, что...

Валери Хобхауз резко прервала его.

- Я знаю, что делаю. Вы предостерегли меня, что все, что я скажу, будет фигурировать в качестве показаний. Я к этому готова. Вы взяли меня по обвинению в контрабанде. Мне не на что надеяться. В этом случае я получаю большой срок. А теперь меня будут судить за соучастие в убийстве.

- Ваша готовность сделать заявление может облегчить вашу участь, но что-либо конкретное я вам обещать не могу.

- Наплевать мне на это. Теперь я в любом случае сяду надолго. Я хочу сделать заявление. Возможно я, как вы говорите, соучастница, но я никого не убивала. Я никогда не хо-

тела и не замышляла убийства. Не такая я идиотка. Единственное, чего я хочу, это, чтобы у вас были прямые доказательства против Найджела... Селии слишком многое было известно, но с этим я как-нибудь бы управилась. Найджел не дал мне времени. Он настоял, чтобы она где-то встретилась с ним, сказал, что собирается признаться во всем, что касается рюкзака и этой истории с чернилами, а потом подсыпал ей в кофе морфий. Перед этим он перехватил ее письмо к миссис Хаббард и вырезал нужную ему фразу о самоубийстве. Эту записку и пустую склянку из-под морфия (которую он сохранил, хотя притворялся, что выбросил ее) он оставил рядом с ее постелью. Теперь я понимаю, что он продумал это убийство очень быстро. Затем он пришел ко мне и все рассказал. Ради своей же безопасности мне приходилось действовать с ним заодно.

То же самое, должно быть, случилось с миссис Ник. Он обнаружил, что она пьет и становится ненадежной, поэтому он умудрился встретиться с ней где-то, когда она возвращалась домой, и подбросить яд ей в выпивку. В разговоре со мной он все отрицал, но я знаю, что это сделал он. После этого настала очередь Пэт. Разделавшись с ней, он пришел ко мне в комнату и рассказал, что произошло и что я должна буду делать, чтобы у нас обоих было твердое алиби. К этому времени я была уже полностью у него в руках и выхода не было... Если бы вы меня не поймали, я скорей всего уехала бы за границу и начала новую жизнь. Но вы все-таки сцепали меня... И теперь у меня одна забота - сделать все, чтобы этот злобный ухмыляющийся дьявол болтался на виселице.

Инспектор Шарп глубоко вздохнул. Все складывалось в высшей степени удачно, это было невероятное везение, но он был озадачен. Констебль послюнил карандаш.

- Я не совсем понял, - начал было Шарп.

Она оборвала его.

- Вам не нужно ничего понимать. У меня свои причины.

- Миссис Николетис? - спросил Эркюль Пуаро очень тихим голосом. Он услышал, как она судорожно вздохнула.

- Она была вашей матерью?

- Да, - сказала Валери Хобхауз. - Она была моей матерью...

Глава 23

- Я не понимаю, - уныло сказал мистер Акибомбо.

Он переводил беспокойный взгляд с одной рыжей головы на другую. Разговор, который вели Салли Финч и Лен Бэйтсон, мистер Акибомбо понимал с трудом.

- Как ты считаешь, - спросила Салли, - Найджел рассчитывал, что подозрение падет на меня, или он имел в виду тебя?

- Одно из двух, я думаю, - ответил Лен. - Но я уверен, что волосы он вынул из моей расчески.

- Я не понимаю, пожалуйста, - сказал мистер Акибомбо. - Значит, это был мистер Найджел, который прыгал на балкон?

- Найджел прыгает, как кот. Я не смог бы прыгнуть на такое расстояние. Я слишком тяжел для этого.

- Примите, пожалуйста, мое самое глубокое и искреннее раскаяние за то, что я подозревал вас совершенно несправедливо.

- Ничего страшного, - сказал Лен.

- На самом деле все твои размышления о борной кислоте оказались очень полезными, - сказала Салли.

Мистер Акибомбо просиял.

- Надо было с самого начала понять, что Найджел был психически нездоровым человеком и...

- Ох, ради Бога, - ты говоришь совсем, как Колин. Если честно, при виде Найджела у меня всегда мурashki по коже бегали, и я наконец понимаю почему. Ты осознаешь, Лен, если бы бедный сэр Артур Стэнли не поддался сентиментальностям, а сразу сдал Найджела полиции, три человека сегодня были бы живы? Тут есть над чем призадуматься.

- И все-таки его чувства к сыну можно понять...

- Простите, мисс Салли.

- Да, Акибомбо?

- Если на вечере в университете сегодня вы встретите моего профессора, не будете ли вы так любезны сказать ему, что я хорошо обдумал кое-что, пожалуйста?

- Я скажу ему, - ответила Салли.

Лен Бэйтсон выглядел опечаленным.

- Через неделю ты возвращаешься в Америку, - сказал он с грустью. Наступила небольшая пауза.

- Я обязательно вернусь, - сказала Салли. - Или ты мог бы приехать и поучиться семестр там.

- Что tolku?

- Акибомбо, ты хотел бы когда-нибудь быть шафером на свадьбе?

- А что такое шафер, пожалуйста?

- Жених, вот Лен к примеру, дает тебе на хранение кольцо, и вы оба идете в церковь, очень красиво одетые, и в нужный момент он просит тебя дать ему кольцо, и ты его даешь, и он надевает его на мой палец, орган играет свадебный марш и все заливаются слезами. Вот так.

- Это означает, что вы и мистер Лен поженитесь?

- Есть такая мысль.

- Салли!
 - Если, конечно, Лену эта мысль по душе.
 - Салли! Но ты ведь знаешь... насчет моего отца...
 - Так что же? Конечно, я знаю. Значит, твой отец псих.
- Ничего страшного. Почти все отцы психи.
- Но эта разновидность болезни по наследству не передается, в этом я могу тебя заверить. Салли, если бы ты только знала, как я из-за тебя мучился.
 - Небольшое подозрение на этот счет у меня все-таки было.
 - В Африке, - сказал мистер Акибомбо, - в старые времена, перед тем как наступил век атома и научного прогресса, свадебные обряды были очень любопытными и интересными. Я могу рассказать вам...
 - Лучше не надо, - сказала Салли. - Есть основания думать, что они заставят меня и Лена краснеть, а когда руки краснеют, это сразу заметно.

Эркюль Пуаро подписал последнее письмо из тех, что мисс Лемон положила ему на стол.

- *Tre's bien*¹, - сказал он серьезно. - Ни одной ошибки.
- Мисс Лемон посмотрела на него несколько обиженно.
- Надеюсь, я допускаю ошибки не слишком часто, - сказала она.
- Не слишком. Но случается. Как, кстати, поживает ваша сестра?
- Она думает отправиться в круиз, месье Пуаро. По северным столицам.
- А, - сказал Эркюль Пуаро.
- Он подумал, а что если... может быть... в круиз?
- Но сам он, конечно, не отправился бы в морское путешествие, нет, ни за какие коврижки... Часы за его спиной пробили два раза.
- Пробило два,
Мышь осталась одна,
Хиккори-Диккори-Док, - пробормотал он.
- Простите, месье Пуаро?
- Пустяки, - ответил Эркюль Пуаро.

¹ *Tre's bien* - очень хорошо (фр.).

ДЖОН КАРР

ТЕМНЫЕ ОЧКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ОЧКИ

"Как я буду спать этой ночью?"

Кристина Эдмондс
Брайтон, 1871

I

Как вспоминал впоследствии человек, знакомство с которым еще впереди, все началось в древних Помпеях, в одном из домов. Никогда уже не мог он забыть ту предвечернюю жару, ту тишину улицы Могил, нарушающую лишь голосами англичан, те красные олеандры заброшенного сада, руины и ту девушку в белом, окруженную группой мужчин в черных очках, словно в маскарадных масках.

Неделю до этого он провел в Неаполе, приехав туда по делам. Дела эти, не имеющие никакого отношения к данному повествованию, отняли у него все время, и освободился он лишь в понедельник, 19 сентября, да и то к вечеру. А уже ночью должен был отправиться в Рим, откуда рассчитывал через Париж возвратиться в Лондон. Последний же вечер решено было посвятить осмотру достопримечательностей: прошлое всегда привлекало его не меньше, чем настоящее. Так и получилось, что в самый тихий и жаркий час оказался он на улице Могил.

Улица эта выводит за стены Помпей. От Ворот Геркуланаума спускается она по пологому склону, как широкая борозда меж каменных блоков. Над ней возвышаются пыльные кипарисы, не очень-то оживляя это царство мертвых. То и дело попадаются здесь склепы патрициев с их плоскими жертвениками, почти не поддающимися разрушительному воздействию времени.

Обжигающий солнечный свет блистал на разбитых колесами тяжелых повозок камнях, на траве, пробивавшейся из всех щелей, на темных ящерках, мелькавших в этой траве, словно тени... И над всеми этими склепами, примерно в шести милях отсюда, высился в дымке темно-голубой Везувий.

Больше часа прогуливаясь этот человек по мертвому городу, не повстречав ни единой живой души. Лишь однажды в дальнем конце улицы Судьбы мелькнула какая-то таинственная фигура с путеводителем и тут же испарилась, подобно призраку, под скрип мелких камешков. Он чувствовал, что от жары и тишины на ходу почти засыпает, и все эти распотрошенные лавки, все дома, все колонны казались ему на одно лицо...

Улица Могил вывела его на окраину. И он как раз думал, повернуть ли ему назад в город или закончить свою прогулку вообще, как взгляд его случайно упал на ЭТОТ дом.

Дом был просторен и принадлежал, вероятно, какому-нибудь патрицию, умевшему и в дни расцвета Помпей ценить тишину и покой предметья.

Человек почти машинально поднялся по лестнице. Темная передняя пахла сыростью; здание сохранилось хуже, нежели те отреставрированные дома в городе, которые он уже видел. Но чуть дальше, окруженный колоннами и залитый солнцем, простирался сад перистиля. Он весь зарос, всюду цвели красные олеандры, а рядом с развалинами фонтана стояли азиатские сосны. Здесь-то сквозь шелест высокой травы он и услышал английскую речь...

Рядом с фонтаном, глядя как бы прямо на вошедшего, стояла девушка в белом платье. Он еще отчего-то подумал, что она не только прелестна, но и умна. У нее были темно-каштановые волосы, зачесанные за уши и слегка вьющиеся на затылке, овальное лицо, маленькие сочные губы. Ее далеко отстоящие друг от друга глаза, серые, с чуть тяжеловатыми веками, несмотря на серьезное и задумчивое выражение, свелись хорошим настроением. Она машинально, естественным движением, приглаживала на себе платье. И все же, как показалось ему, нервничала, - об этом можно было догадаться по подрагиванию бровей.

Напротив девушки стоял молодой человек в костюме из серой фланели и с маленькой кинокамерой в руках. Камера затикала и зажужжала. Прижимаясь одной щекой к ее боку, молодой человек заговорил краем рта:

- Ну, делай же что-нибудь! Улыбнись, помаши рукой или зажги сигарету - в общем, двигайся! Если ты будешь стоять, получится просто фотография - и все!

- Но, Джорж, что же мне делать?

- Я же сказал! Улыбнись, помаши рукой!..

Девушка держалась скованно, как и всякий, знающий, что каждое его движение фиксируется. Наконец, проникнувшись важностью своей задачи, она смущенно улыбнулась и, подняв белую сумочку, помахала ею в воздухе. Затем оглянулась вокруг, как бы намереваясь удрать, и вдруг рассмеялась прямо в объектив.

- Мы тратим пленку! - режиссерским тоном закричал молодой человек.

А человек, наблюдавший за этой парой с расстояния примерно четырех метров, вдруг со всей несомненностью ощутил, что нервы у девушки крайне напряжены, здоровый цвет ее кожи обманчив, а навязчивое жужжение камеры леденит ее душу, точно следящий глаз из какого-нибудь ночного кошмара.

- Да что же мне делать?

- Пройдись! Вон хотя бы туда, вправо, я хочу снять тебя на фоне колонн.

Молодые люди, впрочем, были в саду не одни. Упершись кулаками в бока, за ними следил некий подвижный человечек в черных очках, из-за которых не сразу было заметно, что он гораздо старше, чем позволял предположить его летний костюм. Но морщинистый подбородок и седые волосы, торчавшие из-под опущенных полей его панамы, легко выдавали возраст.

- Хвастуны! - проговорил он с уничтожающим сарказмом. - Вот они кто: хвастунишки! Он желает, видите ли, чтоб эти колонны служили ей фоном... А?! Ему не нужен портрет Мэрджори! И ему не интересна фотография дома в Помпеях. Но ему хочется потом показывать: она здесь была... По-моему, это ничтожно!

- Да что ж тут плохого? - возразил громовой голос. Он принадлежал мужчине, стоявшему по другую сторону от молодых - более высокому и крупному, с рыжеватой бородкой.

- Хвастунишки!..

- Не согласен! - заявил плотный мужчина. - И вообще не понимаю тебя, Маркус. Стоит нам направиться туда, где есть кое-что любопытное, как ты предпочитаешь держаться по дальше. Но позволь спросить: какого дьявола? - Он произнес последнее слово так, что оно раскатилось по саду. - Какого

дьявола нужно куда-то идти, если не смотреть на достопримечательности? Тебе не нравится, что кроме тебя посмотреть на них желаютысячи? А ты не думал, что если тысячи людей в течение тысячи лет ходят в одно и то же место, значит, оно безусловно достойно их посещений?!

- Не кричи! - отрезал человек в панаме. - И вообще - веди себя прилично! Ты этого не понимаешь и никогда не поймешь. Ну что, например, видел ты? Где мы сейчас находимся?

- Это легко выяснить, - ответил громкоголосый. - Что скажете, юноша?

Он повернулся к молодому человеку с кинокамерой. Тот неохотно прервал съемки смеющейся девушки и, положив камеру в висевший у него на плече футляр, вынул из кармана путеводитель.

- Так, - откашлялся он. - Номер 34, две звездочки... Вилла Арриуса Диомедеса, - прочитал он торжественно. - Называлась так, потому...

- Чепуха! - перебил его плотный мужчина. - Тот дом мы уже видели минут десять назад. Там были обнаружены скелеты.

- Какие скелеты? - удивился молодой человек. - Мы не видели никаких скелетов, доктор Джо!

Скрытое темными очками лицо плотного мужчины стало еще серьезней.

- Я не сказал, что мы ВИДЕЛИ скелеты, - заметил он, энергичным движением поправив на голове твидовое кепи. - Я сказал, что там ОБНАРУЖИЛИ скелеты. На этой самой дороге: разве ты не помнишь? В том месте горячий пепел при извержении вулкана накрыл рабов; их потом так и нашли, они лежали на полу, словно разбросанные кегли. Это был дом с зелеными колоннами.

Подвижный человечек в панаме взмахнул руками и скрестил их на груди. Теперь он поглядывал с откровенным лукавством.

- В таком случае, Джо, тебе было бы интересно узнать, что они не были...

- Как это не были?..

- Зеленого цвета, - продолжал человечек. - Уже в который раз я убеждаюсь, что обычные люди вроде тебя, - и тебя, и вас, - совершенно неспособны с точностью объяснить, что они видят и слышат. Вы - не наблюдали. Вы не умеете наблюдать. Не так ли, профессор?

Он повернулся, взглянув поверх плеча. В саду были еще двое мужчин; оба стояли в тени, как раз позади колонн перистиля.

Человек, наблюдавший за всей группой, только теперь, да и то с большим трудом, разглядел их: солнце слепило его. Он увидел только, что один из них среднего возраста, а другой молод. И что они с помощью большой лупы изучали кусок лавы или камень, который, должно быть, нашли в балюстрade. На них тоже были темные очки.

- Оставьте в покое виллу Ариуса Диомедеса, - подали из-за балюстрады голос. - А вот чей ЭТО дом?

- Ага, нашел! - тут же ответил молодой человек с камерой и путеводителем. - Я перепутал страницу. Это номер 39, правильно? Вот. Мы находимся здесь. Номер 39, три звездочки. "Дом Аулуса Лепидуса, отравителя".

Воцарилась тишина.

До этого момента люди в саду представляли собой обычновенную группу друзей или знакомых, в которой настроение старших подпорчено жарой и утомительным путешествием. Учитывая некоторое физическое сходство, а также и манеру перебивать друг друга, можно было бы заключить, что доктор Джо и человечек в панаме по имени Маркус были братьями. Девушка, которую звали Мэрджори, тоже, видимо, была их родственницей. Все довольноично...

Но едва была прочитана вслух последняя фраза из путеводителя, как атмосфера в саду столь резко переменилась, как если бы вдруг наступило внезапное похолодание или сумерки. Только молодой человек с путеводителем не заметил, казалось, что все остальные повернулись вполоборота и замерли. Четыре пары темных очков уставились на девушку, и она как бы оказалась вдруг в центре маскарада. Солнце поблескивало в темных стеклах, придавая обычновенным очкам вид мрачных и таинственных масок.

Доктор Джо нервно проговорил:

- Что вы сказали?

- Отравителя, - повторил молодой человек. - "По инкрустированному в мозаичном полу на пороге передней рисунку, на котором изображены меч и очищенная от коры ива (лепидус значит обтесанный, полированный, но так же и - умный, любезный), Момзен¹ определил, что этот дом принадлежал..."

- Да. Но что он совершил?

1

Момзен - знаменитый историк Древнего Рима.

- ... "который, по словам Варрона¹, убил пятерых членов своей семьи с помощью отравленного грибного соуса", - продолжал читать молодой человек. Затем он с интересом огляделся вокруг себя, будто еще надеясь увидеть здесь мертвые тела.

- Н-да, неплохо, - добавил он. - В то время, наверное, было не так уже сложно отравить и остаться безнаказанным.

И только после этого вдруг сообразил, что что-то не так. Тогда он захлопнул книгу.

- Послушайте, - тихо и торопливо проговорил он. - Послушайте, я, кажется, сказал что-то не то?

- Да нет же! - очень естественно ответила Мэрджори. - Хотя, у дяди Маркуса есть хобби - исследование преступлений. Не правда ли?

- Да, - подтвердил Маркус и, повернувшись к молодому человеку, добавил: - Скажите, мистер... все время забываю ваше имя.

- Ты прекрасно знаешь, как его зовут! - возмутилась Мэрджори.

- Хардинг, сэр. Джордж Хардинг, - ответил молодой человек.

По его подчеркнутому уважению к Маркусу чувствовалось, что тот доводится девушке не просто дядей, но и имеет на нее какие-то отцовские права.

- Ах да! Так вот, мистер Хардинг, скажите, слышали ли вы о местечке под названием Содбери Кросс, поблизости от Бата?

- Нет, сэр. А почему вы спрашиваете об этом?

- Мы оттуда.

Маркус с решительным видом подошел к фонтану и уселся на его край таким образом, словно приготовился держать длинную речь. Сняв шляпу и очки, он их сложил на колени. Теперь было видно, что его седые волосы были вихрасты и даже шестьдесят лет причесывания были не способны их укрутить. Его умные голубые глаза лукаво блестели. Время от времени он почесывал свой морщинистый подбородок.

- Итак, мистер Хардинг, - продолжал он, - посмотрим реальности в глаза. Полагаю, ваши отношения с Мэрджори - не просто легкомысленный флирт. Думаю, вы оба относитесь к делу достаточно серьезно.

¹ Варрон - древнеримский писатель и учёный I в. до н.э., создатель публичной библиотеки.

В группе снова произошло движение, затронувшее и тех, кто стоял за балюстрадой перистиля. Один из них (как отметил наблюдатель), мужчина среднего возраста с веселым и довольным лицом, сдвинул фетровую шляпу на затылок, приоткрыв лысину. Глаз его не было видно, но круглое лицо розовело от хорошей жизни.

- Думаю, - кашлянув, сказал он, - меня простят, если я пойду прогуляюсь и...

Его товарищ, высокий и очень некрасивый, почти уродливый юноша, повернулся к фонтану спиной и с показным интересом принялся изучать внутренние покой дома.

Маркус косился на них.

- Ерунда! - бросил он сухо. - Верно, что ни один из вас не является членом семьи. Но вы знаете то же, что и мы. Поэтому останьтесь и перестаньте где не надо деликатничать.

- Ты думаешь, дядя Маркус, - тихо произнесла девушка, - это подходящее место для такого обсуждения?

- Я убежден в этом, дорогая!

- Ты прав, - решительно поддержал его доктор Джо, лицо которого стало торжественно строгим. - В первый раз в жизни, Маркус... ты прав.

Серьезность и торжественность момента передались также Джоржу Хардингу.

- Единственное, в чем я могу уверить вас, сэр... - начал он напыщенно.

- Да. Да. Уже знаю! - перебил Маркус. - И сделайте одолжение, не теряйтесь так! Здесь нет ничего необычного. Большинство людей женятся и знают, что делают, когда женятся, так же, как знаете это и вы оба, я полагаю. Так вот, что касается женитьбы, то я ее полностью одобряю...

- И я тоже, - строго вставил доктор Джо.

- Пожалуйста! - сердито произнес Маркус. - И мой брат, естественно, одобряет тоже. Мы знакомы с вами приблизительно месяц, и все это время путешествуем. Когда вы начали ухаживать за моей племянницей, я телеграфировал моим адвокатам, чтоб они навели о вас справки. Отзывы превосходные. Что касается вашего прошлого - мне не на что жаловаться. Вам нужна семья и деньги...

Джордж Хардинг хотел что-то объяснить, но Маркус остановил его.

- Да. Да! Я все знаю о химических исследованиях, которые могут принести вам и состояние, и все такое... Лично я не вложил бы в это дело ни пенни, даже если бы от него зависела жизнь вас обоих. Я не испытываю ни малейшего интереса

са ко всяkim "новым методам", особенно химическим; они способны поразить воображение одних только дураков, а меня они утомляют. Но и в этом деле можно извлечь что-то полезное. Не делая ничего сверхъестественного, можно иметь достаточно денег на жизнь, а значит, это еще немного улучшит состояние Мэрдкори. Я понятно объясняю?

И снова Джордж попытался что-то объяснить, но в разговор вмешалась Мэрдкори. Лицо ее слегка порозовело, но взгляд оставался ясным и спокойным.

- Скажите просто "да", - посоветовала она Джоржу. - Это единственное, что вам позволят произнести.

Лысый человек в фетровой шляпе глядел на них, опершись локтями о балюстраду и нахмурясь. Неожиданно он взмахнул рукой, как учитель, призывающий класс к вниманию.

- Не спеши, Маркус, - попросил он. - Ты просил меня и Вилбера присутствовать при вашем разговоре, хотя мы и не члены семьи. А потому позволь и мне сказать несколько слов. Во-первых, есть ли необходимость устраивать молодому человеку допрос, словно...

- Желательно, - возразил Маркус, бросив в его сторону взгляд, - чтобы кое-кто выбросил из головы представление, будто задавать вопросы - означает устраивать допрос! Вы, профессор, слишком склонны к такой точке зрения. Это меня возмущает до крайности! Я всего лишь экзаменую мистера Хардинга. Ясно?

- Да, - кивнул Джордж.

- Ах так? Ну что же, пожалуйста, - любезно проговорил профессор.

Маркус еще основательней устроился на краю фонтанной чаши. Лицо его приняло кроткое выражение.

- Ну, раз эта часть нашей беседы прояснена, вам следует узнать кое-что и о нас, - проговорил он четко. - Мэрдкори рассказывала вам что-нибудь? Думаю, нет. Если вы предполагали, будто мы относимся к тому типу богатых бездельников, которые привыкли устраивать себе в это время года трехмесячные каникулы, то смело можете выбросить это из головы. Я богат, верно, но я не бездельник и очень редко могу позволить себе отдых. Да и остальные - тоже. Я сам слежу за этим. Я работаю, и хотя считаю себя больше исследователем, чем бизнесменом, все же не страдаю от отсутствия компетенции в ведении дел. Мой брат Джозеф работает в Содбери Кросс врачом: он трудится вопреки своей прирожденной ле-

ни, и я тоже слежу за этим. Врач он не очень хороший, но клиентам нравится.

Лицо доктора Джо, скрытое темными очками, вспыхнуло.

- Прошу тебя, помолчи! - не теряя присутствия духа, остановил его Маркус. - А вот Вилбер - Вилбер Эммит, стоящий вон там, - управляет моим предприятием.

И он кивнул в сторону высокого и уродливого молодого человека за балюстрадой перистиля. Лицо Вилбера Эммита осталось совершенно непроницаемым. Было заметно, что по отношению к Маркусу он испытывает не меньшее почтение, чем Джордж Хардинг. Пожалуй, это уважение было даже более глубоким и более честным; казалось, он в любую минуту готов был кинуться записывать изречения шефа.

- Поскольку именно я взял его на службу, - продолжал Маркус, - то могу вас уверить: он тоже трудится. Профессор Ингрэм, вон тот лысый толстяк - всего лишь друг нашей семьи. Он не работает, но тоже делал бы это, если бы я пожелал... Так вот, мистер Хардинг, я хочу, чтобы вы поняли это с самого начала, и прежде всего поняли меня. Я - глава этой семьи. Не обманывайтесь в этом вопросе. Я - не тиран. Меня не упрекнуть в отсутствии великодушия, я не теряю разума: любой вам это подтвердит. - Он кивнул в сторону присутствующих. - Но я - назойливый и упрямый старик, всегда желающий докопаться до сути вещей. Мне нравится, когда дела идут так, как я этого хочу, и обычно я добиваюсь этого. Понятно?

- Понятно, - подтвердил Джорж.

- Прекрасно, - Маркус подбодрил эту похвальную понятливость улыбкой. - Тогда продолжим. Находясь с нами, вы, вероятно, задавались вопросом, зачем мы взяли трехмесячный отпуск? Могу сказать: в поселке Содбери Кросс живет преступный маньяк, который развлекается тем, что оптом убивает людей.

Снова наступила тишина. Маркус надел очки, тем самым пополнив маскарадную компанию темных стекол.

- Вы, что, проглотили язык? - поинтересовался он. - Я не сказал вам, что в поселке есть фонтан с питьевой водой или старинный крест на месте, где в древние времена устроили рынок. Я сказал, что в нем обитает преступный маньяк, устраивающий массовые отравления. Исключительно ради своего удовольствия. Троє детей и восемнадцатилетняя девушка были отравлены стрихнином. Один ребенок умер. Невинное существо, к которому Мэрдкори испытывала особую нежность...

Джорж Хардинг приоткрыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут же захлопнул. Он уставился на путеводитель в своей руке, потом вдруг спешно сунул его в карман.

- Я сожалею... - начал он.

- Нет, послушайте! Первое потрясение у Мэрджори было настолько сильным, что она болела несколько недель. Вот поэтому и из-за... обстановки, - Маркус поправил очки, - мы и решили отправиться в путешествие.

- Она никогда не была сильной, - пробормотал доктор Джо, уставившись в пол.

Маркус взглядом заставил его умолкнуть.

- В среду, мистер Хардинг, мы сядем в Неаполе на корабль "Хакодзаки Мару" и вернемся в Англию. Поэтому вам лучше заранее узнать о том, что произошло 17 июня в Содбери Кросс. На главной улице поселка находится табачно-кондитерская лавка, принадлежащая некоей миссис Терри. Так вот, дети отравились стрихнином, который оказался в конфетах с кремовой начинкой, купленных именно в этой лавке. Разумеется, миссис Терри обычно не торгует отравленными конфетами. И, по мнению полиции, нормальные конфеты были... каким-то образом подменены. - Маркус поколебался. - Проблема заключается в том, что человек, могущий иметь свободный доступ к конфетам и имевший возможность подменить их, - это кто-то, хорошо известный в Содбери Кросс. Я ясно выражаюсь?

При этих словах все темные очки уставились на собеседника Маркуса.

- Думаю, да, сэр.

- Ну, а что касается лично меня, - продолжал Маркус, - то я желаю вернуться домой...

- Ну, разумеется! - воскликнул с облегчением доктор Джо. - Хорошие сигареты, хороший чай, хорошие...

И тут из тени перистиля впервые послышался торжественный голос уродливого молодого человека. Низкий и глухой, он придал произнесенным им словам таинственность и напряженность пророчества. Руки молодой человек продолжал при этом держать глубоко в карманах голубой куртка.

- Сэр, - проговорил Вилбер Эммит. - Нам не следовало отсутствовать в июле и августе. Вы не доверили Маккракену ухаживать за "Ерли Сильвер".

- Прошу вас, поймите меня, мистер Хардинг, - спешно сказал Маркус, - мы не какая-нибудь шайка отвергнутых. Мы поступаем так, как нам вздумается. Отдыхаем, когда нам хочется, и возвращаемся, когда считаем нужным. Так, по край-

ней мере, поступаю я. А я имею особую причину для возвращения, ибо уверен, что смогу разрешить задачу, которая нас всех мучает. Уже несколько месяцев назад я знал часть ответа. Но имеются некоторые... - он снова заколебался, поднял вверх руку, пошевелил ею на весу и уронил на колени. - Если вы поедете в Содбери Кросс, вы услышите разные сплетни, почувствуете особую атмосферу. Вы готовы к этому?

- Разумеется, - сказал Джордж.

Тот, кто наблюдал за всем этим от двери передней, навсегда запечатлев в памяти группу людей в саду, окруженном античными колоннами, и удивительно символичную в связи с тем, что случилось позже. Но в ту минуту мысли его были далеки от философии. Он не стал углубляться внутрь дома отравителя Аулуса Лепидуса, а развернулся и, выйдя на улицу Могил, двинулся в направлении Ворот Геркуланума. Легкий белый дымок курился над верхушками Везувия. Отойдя несколько сотен шагов, детектив-инспектор Эндрю Мак Эндрю Эллиот из Управления уголовных расследований, а это был именно он, уселся на высокий тротуар, зажег сигарету и задумчиво следил за темной ящеркой, выскочившей, как стрела, на середину дороги.

II

В тот вечер, когда произошло убийство в Белгарде, загородном доме Маркуса Чесни, инспектор Эллиот выехал из Лондона на своем автомобиле (которым, между прочим, чрезвычайно гордился) и прибыл в Содбери Кросс в половине двенадцатого. Ночь стояла чудесная: очень темная после яркого солнечного дня и слишком теплая для третьего октября.

Всем происходящим, смутно думалось ему, управляет какой-то рок. Ведь когда суперинтендант Хедли поручал ему заняться этим делом, он мгновенно прокрутил в памяти и сцену в Помпеях, и ужасный случай в кондитерской, хотя ни слова не сказал о том самому Хедли.

- Как обычно, - с горечью заметил тот, - нас позвали тогда, когда след исчез, как отпечаток ноги в воде. Почти четыре месяца спустя... Вы очень удачно обнаружили потерянный след в деле Крукид Хинк. Но на этот раз - поменьше оптимизма! Вы знаете хоть что-нибудь об этом деле?

- Э... Я читал какие-то заметки, когда это произошло, сэр.

- Его снова раскопали сейчас. Сдается, что, как только семья Чесни вернулась из-за границы, там началась настоящая вакханалия. Анонимки, надписи на стенах... Грязное это дело, парень: отравление детей.

Эллиот смеялся. Глухой гнев поднялся в нем.

- Считается, что виновен кто-то из семьи Чесни, сэр?

- Не знаю. Майор Крау, комиссар, имеет на этот счет кое-какие мысли. Крау поддается эмоциям гораздо больше, чем можно подумать по его виду. В гипотезу, которая однажды пришла ему в голову, он вцепляется ногтями и зубами. Во всяком случае, он снабдит вас исходными фактами. Это хороший человек и, уверен, вы сработаетесь. Ах, да! Если потребуется помочь, недалеко оттуда находится сейчас Фелл. Он на лечении в Бате. Вы можете позвонить ему и попросить, чтобы он немного поработал для разнообразия.

Эндрю Мак Эндрю Эллиот, молодой, благородный, истый шотландец в душе, почувствовал воодушевление при мысли о том, что будет находиться поблизости от могучего и широкого доктора Фелла. Кроме того, мелькнуло в его уме, он мог бы поделиться с доктором Феллом мыслями, которые таил даже от себя, так как доктор Фелл принадлежал к тому типу людей, которым можно довериться.

Итак, в половине двенадцатого он прибыл в Содбери Кросс и остановился перед комиссариатом. Справочники все время колеблются в определении Содбери Кросс: называть его поселком или деревней. Однако в этом местечке происходят ярмарки, и лежит оно рядом с шоссе на Лондон, так что днем в нем довольно оживленно. В столь поздний час, однако, поселок был уже погружен в сон. Свет фар то и дело упирался в закрытые ставни, светились лишь часы на верхушке питьевого фонтана под названием Бриллиантовый Юбилей.

Майор Крау и суперинтендант Боствик ожидали инспектора в комиссариате.

- Сожалею, что прибыл так поздно, сэр, - начал Эллиот. - У меня лопнула камера перед Кэлном, и...

- О, не беспокойтесь, - воскликнул комиссар. - Мы тоже ночные птицы. Где вы думаете остановиться?

- Мне рекомендовали отель "Голубой Лев".

- Прекрасный выбор! Хотите сразу отнести туда вещи и вернуться или сначала послушать о деле?

- Я бы предпочел сначала войти в курс дела, сэр. Если не слишком поздно.

На некоторое время в кабинете наступило молчание, слышно было лишь, шумное тиканье часов; нервно полыхал свет газовой лампы. Майор Крау открыл коробку и предложил инспектору сигарету. Это был невысокий человек с седыми усами и мягким голосом, один из тех отставных военных, успехи которых всегда озадачивают, пока не познакомишься с ними поближе и не увидишь их огромной энергии. Майор зажег сигарету и задумался, уставившись в пол.

- Это я должен просить прощения, - наконец произнес он. - Честно сказать, мы должны были обратиться в Скотлэнд-Ярд уже давно. Но последнее время, после того как вернулись Чесни, начался ажиотаж. Население поселка поверит, что дело сдвинулось с места, - улыбка майора при этом не была ни вызывающей, ни оскорбительной, - только потому, что Скотлэнд-Ярд вмешался в него. Сейчас многие считают, что мы должны арестовать девушку по фамилии Уилз, Мэриджори Уилз. А мы не имеем достаточно улик.

Хотя Эллиот и почувствовал сильное желание вставить слово, но промолчал.

- Вы поймете, в чем трудность, - продолжал майор Крау, - если сумеете себе представить лавку миссис Терри. Вы, конечно, повидали сотни таких лавок. Очень тесная, узкая, но глубокая. С левой стороны - прилавок для сигарет и табака, с правой - для конфет и кондитерских изделий. Между прилавками такой узкий проходик, в котором едва можно двигаться и которым проходят еще и в библиотеку. Представили?

Эллиот кивнул.

- В Содбери Кросс существуют всего три лавки такого типа, и лавка миссис Терри самая... была самой посещаемой. Туда ходили все. Это очень веселая и способная женщина. Муж ее умер и оставил ее с пятью детьми. Понятно?

Эллиот снова утвердительно кивнул.

- Ну и, конечно, вы понимаете, как идет торговля конфетами в подобных лавках. Некоторые сладости содержатся внутри плоской витрины, но большая часть из них стоит прямо на прилавке, в стеклянных банках или открытых коробках. В тот раз на прилавке было пять открытых коробок. Они были немного наклонены, чтобы выставить товар напоказ. В трех были конфеты с начинкой, в двух - простые шоколадные конфеты без начинки и карамель. Предположим, некто задумал подбросить отравленные конфеты. Нет ничего проще! Для этого ему достаточно купить в другом месте обычные конфеты с начинкой, наполнить шприц составом из стрихни-

на со спиртом и затем впрыснуть по несколько миллиграммов, ну скажем, в полдюжины конфет. Отверстие от укола микроскопическое и совершенно незаметно. Затем он отправился бы в лавку миссис Терри или в какую-нибудь другую кондитерскую лавку, спрятав отравленные конфеты в рукаве. Попросил бы сигарет, и миссис Терри отправилась бы за ними к противоположному прилавку... Допустим, он попросил бы у нее пятьдесят или сотню штук "Плэйерз". В таком случае она не просто вынуждена была бы отвернуться: ведь ей придется бы взбираться на верхнюю полку за коробкой. Так вот, воспользовавшись этим, наш "некто" запросто протягивает к прилавку руку и дает отравленным конфетам упасть в открытую коробку. Не менее сотни человек в течение дня посещает лавку. Как узнать, кто виновен, и как доказать это?

Он встал, лицо его раскраснелось.

- Значит, таким образом это было совершено, сэр? - спросил Эллиот.

- Подождите! Вы видите, с какой дьявольской легкостью человек, который живет удовольствием убивать все равно кого, может остаться безнаказанным? Теперь вы понимаете, в чем трудность нашего положения. Будет лучше, если я сообщу вам кое-какие сведения о семье Маркуса Чесни и его близких. Чесни живет в большом доме, примерно в четверти мили отсюда; возможно даже, что вы уже приметили его дом. Красивый, сверкающий, все очень современно и лучшего качества. Называется он Белгард. Получил свое название от персиков.

- Как?

- Персики, - повторил комиссар. - Вы никогда не слышали о знаменитых теплицах Чесни? Нет? Они занимают не менее половины гектара. Его отец и дед разводили чудные персики, считавшиеся чуть ли не лучшими в мире. Маркус продолжил их дело. Это те самые великолепные и громадные персики, которые продают в магазинах и отелях Уэст Энда по фантастическим ценам. Он разводит их независимо от сезона и утверждает, что климат и солнце совершенно не влияют на разведение персиков. Заявляет, что его метод - секрет, стоящий десятки тысяч фунтов. Он разводит сорта "Белгард", "Ерли Сильвер" и собственное свое изобретение - сорт "Ройал Райпнер". Занимается этим в коммерческих целях; мне рассказывали, будто его годовая рента достигает шестизначной цифры.

Майор Крау остановился в нерешительности, пронзительно посмотрев на гостя.

- Что касается самого Чесни, - продолжает он, - то его нельзя назвать очень популярным в здешних местах. Он пронырлив и в то же время тверд как камень. В общем, его всей душой ненавидят, хотя и проявляют полуториничное уважение. Можете представить себе разговорчик: "Ну и крепкий же орешек этот старик Чесни!" - потом кивок головы, усмешка... Кроме того, бытует общее убеждение, что в этой семье есть нечто редкое, необычное, но никто не может объяснить что. Мэрджори Уилз - племянница Чесни, дочь его покойной сестры. Судя по тому, что о ней известно, это восхитительная девушка. Но у нее дурной характер. Рассказывают, что, несмотря на свой ласковый и невинный вид, она может позволить себе говорить на таком жаргоне, что даже сержант каменеет. Затем Джо Чесни, врач. Спасение семьи: его любят все. У него всегда вид дикого быка, к тому же он не слишком отдается своим профессиональным обязанностям, но очень многие ему доверяют. Он не живет вместе с Маркусом; тому не хочется превращать Белгард в медицинскую консультацию. Дом Джо стоит чуть дальше по той же дороге. Затем отставной профессор по фамилии Ингрэм, очень спокойный и любезный, большой приятель Маркуса. Имеет домик на той же дороге и в поселке пользуется уважением. Наконец, еще один человек - управляющий по фамилии Эммит, о котором никто ничего толком не знает и к которому не испытывают большого интереса.

Так вот, 17 июня был четверг, праздничный день, в поселке было довольно много народа. Думаю, можно определенно считать, что до этого дня отравленных конфет в лавке миссис Терри не было. Довод следующий: как я уже говорил, у нее пятеро детей, и один из них накануне, то есть 16 июня, отмечал свой день рождения. Миссис Терри устроила праздник и из каждой коробки, лежащей на прилавке, взяла по горсти конфет. Никаких дурных последствий не было. С другой стороны, мы имеем список лиц, всех лиц, побывавших в лавке в четверг 17 июня. Составить его оказалось не так сложно, поскольку большинство этих людей принесли книги в библиотеку и миссис Терри записывала их имена. Торговля в тот день была обычна, это тоже можно считать подтвержденным. И сразу скажу вам, что среди посетителей оказались и сам Маркус, и его брат доктор Джо Чесни. Но ни профессор Ингрэм, ни молодой Эммит не приходили.

Эллиот вынул блокнот и теперь занимался разглядыванием занятных рисунков, которые сам же набросал в нем.

- А мисс Уилз? - спросил он и снова ощутил вдруг теплую ночь, колеблющийся газовый свет и озабоченные глаза комиссара.

- Сейчас доберусь и до этого, - продолжал майор Крау. - В действительности мисс Уилз ни секунды не находилась в лавке. Вот как это произошло. Около четырех часов пополудни, сразу после выхода из колледжа, она в машине своего ёдди приехала в Содбери Кросс, зашла в мясную лавку Паркеров и написала там какую-то жалобу. Выйдя от мясника, повстречала на дороге восьмилетнего мальчика Фрэнки Дейла. Она всегда очень любила Фрэнки; по крайней мере, многие так утверждают. Она сказала Фрэнки следующее (это подтверждает свидетель): "Послушай, Фрэнки, сбегай в лавку миссис Тэрри и принеси мне на три пенса конфет с начинкой!" И дала ребенку монетку в шесть пенсов. Лавка миссис Тэрри находится приблизительно в пятидесяти метрах от мясника. Фрэнки исполнил ее просьбу. Как я уже говорил, на прилавке было три коробки конфет с начинкой. Будучи хорошим ребенком, Фрэнки, разумеется, их не пробовал. Он просто указал на коробку в центре и сказал: "Этих на три пенса!"

- Минутку, сэр, - перебил Эллиот. - Кто-нибудь до этого момента покупал конфеты с начинкой?

- Нет. Хорошо шла торговля жевательной резинкой, шоколадом и карамелью. Но до той минуты в четверг не было продано ни одной конфеты с начинкой.

- Продолжайте, пожалуйста.

- Миссис Тэрри взвесила конфеты и дала мальчику. Конфеты стоят по шесть пенсов за четверть фунта; она дала ему две унции, то есть шесть конфет. Фрэнки с кульком помчался обратно к мисс Уилз. Накрапывал мелкий дождь. На мисс Уилз был плащ с глубокими карманами. Сначала она положила кулек в карман, но затем, словно передумав, вынула его. Понимаете?

- Да.

- Она развернула кулек, заглянула в него и сказала: "Фрэнки, это маленькие конфетки с белой начинкой. А я хотела бы более крупные с розовой. Попроси у миссис Тэрри, пусть поменяет". И миссис Тэрри, разумеется, поменяла конфеты. Бросила принесенные в центральную коробку и взяла новые из коробки справа. Фрэнки снова принес мисс Уилз конфеты, а та отдала ему сдачу с шести пенсов. Остальное, - прибавил майор Крау, глубоко вздохнув и пристально глядя на своего собеседника, - долго не затянется. Фрэнки не сразу истратил свои три пенса. Сначала сбегал домой выпить чаю,

потом вернулся. Мне неизвестно, собирался ли он и раньше покупать конфеты с начинкой или нет. Но теперь он потратил на них два пенса, на те крохотные конфеты с белой начинкой, а еще один - на жевательную резинку. Кроме того, около четверти седьмого служанка Андерссонов, по имени Лойс Кертен, зашла в лавку с двумя детьми Андерссонов и купила на полфунта конфет из всех трех коробок. Все, кто пробовал конфеты из центральной коробки, жаловались на их страшно горький вкус. Бедный Фрэнки не выкарабкался именно потому, что потратил на них два пенса. Он проглотил все свои конфеты. Примерно через час у него начались боли, и в тот же вечер около одиннадцати часов он умер в ужасных мучениях. Маленьким Андерссонам и Лойс Кертен повезло больше. Крошечка Дороти Андерссон надкусила одну конфету и сразу заявила, что она слишком горькая (она сказала "плохая"). Лойс Кертен из любопытства тоже попробовала конфету. А Томми Андерссон принял так громко кричать, что его угостили тоже. Попробовав другую конфету, Лойс Кертен убедилась, что и она оказалась горькой. Она решила, что, вероятно, конфеты испортились, и положила их в свою сумочку, чтобы потом пожаловаться миссис Терри. Эти трое остались в живых, но в ту ночь Лойс оказалась на краю могилы. Все они были отравлены стрихнином.

Майор Крау замолчал. Говорил он спокойным голосом, но Эллиоту не нравилось выражение его глаз. Потушив сигарету, майор опять сел и добавил:

- Я уже два года работаю в этой части страны, но никогда еще не видел такого возбуждения, какое последовало за этим случаем. Естественно, как только пронесся слух, что миссис Терри торгует отравленными конфетами, вся вина упала на нее. Мне кажется, многие люди допускают, что шоколад может разлагаться так же, как и мясо. С миссис Терри случилась истерика; закрыв лицо фартуком, она плакала и кричала. Все витрины ее лавки были перебиты, а отец Фрэнки Дейла едва не сошел с ума от горя.

Но пару дней спустя волнение кое-как улеглось и начались вопросы. Джо Чесни, сидя в баре "Голубого Льва", открыто заявил, что речь идет об умышленном отравлении. Ведь это он пытался спасти Фрэнки. Фрэнки съел три конфеты, в которых содержалось шесть сантограммов стрихнина. Известно, что всего пятьдесят четыре миллиграммма - уже смертельная доза. Остальным трем жертвам досталось более двенадцати сантограммов. Были отправлены на исследование все оставшиеся конфеты из центральной коробки. Выясни-

лось, что две конфеты содержали по 12 сантиграммов разведенного в спирте стрихнина, так же, как и две конфеты, оставленные в сумочке Лойс Кертен. Если добавить сюда еще две конфеты, съеденные маленькими Андерссонами, то получится, что отравлено было всего десять конфет и в каждой из них яда было намного больше смертельной дозы. Кто-то решил убивать и убивая, обрекая свои жертвы на огромные мучения. Сейчас совершенно ясно, что существуют три возможных решения.

Первое: миссис Терри умышленно отравила конфеты. Но после первого скандала никто больше в это не верит.

Второе: кто-то проник в лавку днем и подбросил отравленные конфеты в центральную коробку на прилавке, пока миссис Терри стояла к нему спиной.

Третье: это сделала Мэрджори Уилз: Когда Фрэнки отдал ей кулек с обычными конфетами, она подменила его другим кульком, который лежал у нее в кармане плаща и конфеты в котором были отравлены. Таким образом отравленные конфеты могли оказаться в центральной коробке. Вы следите за моей мыслью?

Эллиот нахмурился.

- Да, сэр. Я понимаю. Однако...

- Совершенно точно! - прервал его майор, уставившись на своего гостя магнитическим взглядом. - Я знаю, что вы намереваетесь сказать. В этом-то и состоит трудность. Она купила шесть конфет. А в коробке оказалось десять отравленных. Если она вернула кулек с шестью конфетами, то откуда там взялись еще четыре? Но если в кульке были все десять конфет вместо шести, а миссис Терри не заметила этого?

До этой минуты суперинтендант Боствик из местной полиции еще не произнес ни слова. Этот грубоатый крупный мужчина все время сидел со скрещенными руками и пристально глядел в настенный календарь. Теперь он откашлялся.

- Некоторые, - вставил он, - считают, что миссис Терри могла не заметить подмены, если была очень занята работой. - Он снова откашлялся и добавил. - Со Скотлэнд-Ярдом или без, мы все равно схватим этого проклятого убийцу, чего бы это нам ни стоило!

Буйная выходка словно сотрясла теплую уютную комнату. Майор Крау взглянул на Эллиота.

- Обычно, - заметил он, - Боствик не теряет присутствия духа. Но раз уж и он думает так, то можете представить себе, что чувствуют остальные.

- Представляю, - сказал Эллиот, чувствуя, что ему становится жарко. - Значит, большинство уверено, что мисс Уилз..?

- Вы должны убедиться в этом. Люди, как правило, не склонны вдаваться в тонкости, которые должны учитывать мы. В этом все зло. Сначала всех просто парализовала вся абсурдность и обыденность происшедшего. Кстати... не помогает нам здесь и тот факт, что обстоятельства этого дела почти совпадают со знаменитым делом об отравлениях в Брайтоне полвека назад (к счастью, завсегдатай "Толубого Льва" о нем не знает). Вы слышали о деле Кристиана Эдмондса в 1871 году? Она тоже отравила конфеты, тоже подбросила их в кондитерскую и точно так же использовала для подмены мальчишку, подсунув ему кулек, который прятала в рукаве пальто.

Эллиот задумался.

- Да, припоминаю, - наконец сказал он. - Кристиана Эдмондс была психически больной. Умерла, кажется, она в Бродморе¹.

- Верно, - решительно кивнул майор. - И некоторые полагают, что мисс Уилз закончит свою жизнь там же. - Он помолчал и продолжил уже спокойным тоном. - Обратите, однако, внимание, в чем же ее обвиняют! Все обвинения против нее не стоят и выеденного яйца! Во-первых, не обнаружено никаких улик, которые бы связывали ее с получением яда: нельзя доказать, что она его купила, одолжила, изготовила или нашла. В поселке ответ на это дают очень простой. Ее очень любят Джо Чесни, и этот Джо Чесни, говорят, настолько рассеян, что повсюду оставляет стрижкин. Словно табак. Действительно, в кабинете его медицинской консультации имеется стрижкин, но доктор довольно убедительно отчитался перед нами за то количество яда, которое было в его распоряжении. Во-вторых, миссис Терри клянется, что в кульке, который ей вернул Фрэнки, было ровно шесть шоколадных конфет. В-третьих, если Мэриджори Уилз действительно совершила это преступление, то она проделала его удивительно легко и комысленно и неосмотрительно. Даже душевнобольная Кристиана Эдмондс проявила больше предосторожности. К тому же Брайтон - большой город, и женщина, использующая для своего злодеяния незнакомого ребенка, может быть почти уверена, что ее потом будет трудно разыскать и опознать. Но мисс Уилз?

¹ Бродмор - психиатрическая лечебница.

Совершить подобное преступление в центре маленького поселка, использовать хорошо знакомого ребенка, да еще и в присутствии свидетелей? Да на кой черт ей это было делать? Ведь таким образом она сделала все возможное, чтобы привлечь к себе внимание! Если бы она в самом деле хотела отравить конфеты, то сумела бы провернуть это таким образом, чтоб никто не заподозрил.

Нет, инспектор! В деле, возбужденном против нее, не имеется ни одного доказательства, которое не разрушит за четверть часа любой адвокат, и мы не можем рисковать, не можем арестовать ее только ради того, чтобы удовлетворить желание какого-нибудь местного обывателя! С другой стороны, я надеюсь, что она вообще не имеет к этому делу никакого отношения. Это очень красивая девушка, и никто никогда не говорил о ней ничего дурного, если не считать, что Чесни, как я уже сказал, довольно странные люди.

- Скажите, озлобление против девушки началось еще до того, как семья Чесни отправилась в путешествие?

- Я скажу вам: оно скрывалось. А разгорелось как раз после их отъезда. Когда они вернулись, дело достигло кульминации. Суперинтендант даже опасается, что кто-нибудь захочет разбить теплицы Маркуса. Я-то не очень в это верю. Парни в поселке много говорят, но ленивы и терпеливы. Они все ждут, что власть примет меры, и ничего не предпримут до тех пор, пока что-то делается. Черт возьми! Да я и сам желаю лишь одного: сделать все возможное! - вдруг добавил майор жалобно. - У меня есть дети, и это дело не нравится мне, как и всем остальным. Надо сказать, что и сам Маркус не очень помог нам. Вернувшись с континента, он начал требовать справедливости и заявил, что сам разыщет преступника, коль мы провалились. Говорят, позавчера он приходил сюда и задавал много вопросов...

- Да? - с неподдельным интересом проговорил Эллиот. - И какого рода вопросы, сэр?

Комиссар бросил вопросительный взгляд на суперинтенданта Боствика.

- Он интересовался, - сказал Боствик насмешливо, - точными размерами коробок с шоколадными конфетами, которые находились на прилавке в кондитерской миссис Терри. Я, конечно, спросил, для чего ему это нужно. Он рассвирепел и заявил, что это не мое дело. Тогда я ответил, что ему лучше расспросить об этом саму миссис Терри. На это он сказал, - суперинтендант рассмеялся сквозь зубы, почти не скрывая злорадства, - что собирался задать мне еще один вопрос, но

видя, что я так глуп, не задаст, а я пожалею о последствиях. И добавил, что давно знал о моей неспособности к наблюдениям, но теперь убедился, что мне попросту недостает мозгов.

- Кажется, это его любимая теория, - пояснил майор. - Мол, большинство людей не могут точно описать то, что слышали и видели...

- Я знаю, - сказал Эллиот.

- Вам это известно?

Эллиот не успел ответить, так как зазвонил телефон. Майор Крау бросил недовольный взгляд на громко тикающие часы. Их стрелки показывали двадцать минут первого. Тяжело поднявшись, Боствик направился к телефону и поднял трубку, в то время как Эллиот и майор погрузились в мрачные размышления. Майор был утомлен и подавлен, Эллиот тоже. Их вывел из оцепенения голос Боствика, точнее, произнесенное им визгливое "Сэр!" Майор резко обернулся, стул, на котором он сидел, громко ударился о письменный стол.

- Это доктор Джо, - мрачно объявил Боствик. - Будет лучше, если вы сами переговорите с ним, сэр.

На лбу суперинтенданта блестел пот, хотя глаза ничего не выражали. Он протянул майору трубку.

Крау взял ее и около минуты, не произнося ни слова, слушал. В тишине комнаты Эллиоту было слышно пробегавшее по проводам бормотание, но он не смог ухватить ни одной значащей фразы. Наконец комиссар аккуратно повесил трубку.

- Это был Джо Чесни, - повторил он и добавил: - Маркус мертв. Доктор считает, что его отравили цианистым калием.

И вновь тиканье часов наполнило комнату.

- Кроме этого, - продолжал, тихонько откашлявшись, майор, - Маркус перед смертью продемонстрировал на практике свою любимую теорию. Насколько я понял доктора, все присутствующие видели, как был отравлен Маркус, но никто не может объяснить, что произошло.

III

В Белгарде не было ничего необычного. Это был большой ладный особняк из прочного желтого голландского кирпича. Углы его имели голубоватую, кажущуюся землистой облицовку и казались окончанием широкого и низкого фасада. На фоне сумрачного неба отчетливо выделялся откос крыши.

Но Эллиот с трудом различал детали. Ни одного огонька не светилось в фасаде дома. Однако на левой стороне дома, если смотреть с центрального входа, горел столь мощный свет, что его заметили еще от главного шоссе. Эллиот остановил машину на дороге, майор и Боствик выгрузились с заднего сиденья.

- Минутку, сэр, - сказал почтительно Эллиот. - Прежде чем мы войдем, я хотел бы кое-что уточнить. Каково мое положение в данном расследовании? Меня прислали в связи с происшедшим в кондитерской лавке, а это убийство...

В темноте он почувствовал, что майор смотрит на него с кислой улыбкой.

- Вы хотите получить приказ, верно? - спросил комиссар. - Хорошо, хорошо. Тем лучше, - поспешил добавить он. - Я поручаю расследование вам, юноша. Вы займетесь им под контролем Боствика, разумеется. А я, как только разберемся в том, что случилось, отправлюсь спать. Вот так. Вперед!

Вместо того чтобы стучаться в главную дверь, Эллиот решительно направился к боковой освещенной стороне дома и завернулся за угол. В глубину Белгард был невелик. Боковая сторона дома представляла собой анфиладу из трех комнат. Каждая из них имела по две стеклянные двери, выходившие на узкую полоску газона; параллельно дверям за газоном протянулся ряд каштанов. В ближней от угла дома комнате было темно. Освещены были две следующие, а последняя - особенно ярко. Свет из нее делал какой-то искусственно театральной зелень газона, высвечивая каждый листик каштанов и отbrasывая драматически буйные тени.

Эллиот заглянул в первую из освещенных комнат. Она была пуста. Двери с тяжелыми бархатными портьерами были нараспашку. Похоже, здесь был хороший музыкальный зал с пианино и радиофонографом, но стулья в нем стояли в беспорядке. Развдвижная двухстворчатая дверь вела отсюда в последнюю комнату. Тишина в ней была настолько густой, что наводила на самые зловещие мысли.

- Эй! - позвал Эллиот.

Никто не ответил. Тогда он отошел, чтобы заглянуть в стеклянные двери последней комнаты, приготовился стучать, но неожиданно остановился...

На узкой полоске зеленого газона между домом и каштанами, прямо напротив дверей последней комнаты он натолкнулся на удивительнейший набор предметов. Сначала ему бросился в глаза цилиндр. Блестящий, высокий, давно вышедший из моды цилиндр из потертой кожи. Рядом с ним

валялся широкий скомканный плащ, тоже устаревшего по-краю, поношенный и с глубокими карманами. Тут же валялись светло-коричневый шерстяной шарф-кашне и... темные солнцезащитные очки. Наконец, среди всего этого стоял чемоданчик из черной кожи, по размеру чуть более крупный, чем обычный чемоданчик врача. На нем было написано следующее: "Р. Х. Немо, М. Д.".

- Кажется, - хладнокровно заметил майор Крау, - здесь переодевались.

Эллиот промолчал. Он уже смотрел внутрь комнаты, и то, что предстало его глазам, если и было спектаклем, то крайне неприятным.

Двери этой комнаты также были распахнуты. В середине ее стоял широкий стол с письменным прибором, чернильницей и небольшое кресло слева от Эллиота и прямо против раздвижной двери, ведущей в предыдущую комнату. Стоявший на столе бронзовый светильник с электролампой светил так ярко, что инспектор без труда распознал специальную лампу "Фотофлуд", используемую при съемках в помещении. Абажур светильника был накренен таким образом, чтобы свет падал на лицо и тело того, кто сидит за письменным столом в кресле. А в кресле и в самом деле кто-то сидел.

Это был Маркус Чесни. Он сидел немного набок, накривившись вперед и согнувшись, руки его судорожно вцепились в подлокотники кресла; казалось, он силится подняться на ноги. Но так казалось на первый взгляд. Ноги Маркуса безвольно вытянулись на полу, а вес всего тела давил на спинку кресла. Лицо его было страшным: темно-голубые вены на лбу вздулись, создав резкий контраст с сероватой белизной волос; налитые кровью веки были прикрыты, на губах сохла пена; явные свидетельства отравления цианидом.

Ярчайший свет направленной на него лампы позволял охватить все эти детали. В стене, позади Маркуса, находился камин полированного дерева, на его полке стояли часы с белым циферблатом. Громко тикая, качался маленький маятник. Стрелки часов указывали двадцать пять минут первого.

- Да. Он мертв, - проговорил майор, пытаясь придать своему голосу хоть немного сочувствия. - Но... посмотрите...

Голос его потух. Тиканье часов словно стало еще сильнее, а запах горького миндаля достигал дверей в сад.

- Что, сэр? - спросил Эллиот, жадно запоминая все детали.

- Сдается, он сделал на тот свет трудный шаг. Мучился, хочу сказать.

- Да, это так.

- Джо Чесни сказал, что это цианистый калий. К тому же запах! Я не могу сказать, что и раньше сталкивался с таким, но почему-то мы все знаем этот запах. Но, может, цианид действовал мгновенно, и он умер без мучений?

- Нет, сэр. Мгновенных ядов вообще не существует в природе. Этот действует очень быстро, но только в том смысле, что убивает в течение нескольких минут, а не...

Но им было не до рассуждений, необходимо было приступить к делу. Еще стоя на пороге дома, Эллиот старался ухватить детали, его воображение заработало, и он сумел объединить их в схемы с исключительной ясностью: мертвый за столом напротив раздвижной двери, яркий свет, направленный на него; казалось, здесь показывали... фокусы. Когда двери были раздвинуты, на другой стороне находились сидящие зрители, и этот кабинет представлял собой нечто вроде сцены. Раздвижные двери служили как бы занавесом, а Маркус Чесни - актером. А снаружи, на газоне, лежал странный реквизит этого спектакля: цилиндр, плащ, шерстяной светло-коричневый шарф, темные очки и наконец черный чемодан с именем фантастического доктора.

Ну что ж, этого и следовало ожидать.

Эллиот взглянул на свои часы. Время, указываемое ими, до секунд совпадало со временем на каминных часах, и Эллиот записал данные в блокнот. Затем вошел в комнату.

Запах горького миндаля был очень силен поблизости от рта Маркуса. Он умер совсем недавно; руки его в последней судороге вцепились в подлокотники кресла. На нем был пиджак от вечернего костюма, а широкое жабо рубашки вылезло из жилета и задралось наверх; в левом кармане из-за платка выглядывал краешек сложенного вдвое листка бумаги.

Если допустить, что он отравился, то Эллиот не мог найти на столе ни одного сосуда, из которого он мог бы принять яд. Сверкающая скатерть и пепельница были идеально чисты. На столе лежали еще два предмета: плоский темно-голубой карандаш, лежавший не в письменном приборе, а на промакашке, и коробка недорогих конфет. Она была закрыта, и атласный картон крышки украшал рисунок цветов, очень похожий на голубой рисунок стены, а также мелкая тисненая золотая надпись: "Генри, Пиппермант Кримз".

- Эй! - позвал кто-то из соседней комнаты.

Густой ковер полностью поглощал звуки шагов. За пределами света было настолько темно, что едва можно было хоть что-нибудь различить. Наконец кто-то ощупью открыл

раздвижные двери. В комнату шагнул доктор Джозеф Чесни и замер на пороге.

- А! - выдохнул он с трудом. - Это вы, майор. И вы, Бостик. Слава богу!

Майор сухо поздоровался.

- Мы сами все время задавались вопросом, куда вы подевались, - заметил он. - А это инспектор из Скотлэнд-Ярда, прибыл к нам на помощь. Не желаете ли рассказать ему, что здесь произошло?

Доктор Джо бросил на Эллиота любопытный взгляд. При его появлении в комнате воздух зашевелился, словно от дуновения ветра. К запаху горького миндаля примешался запах коньяка. Усы и рыжеватая бородка доктора шевелились и топорщились от движения губ, когда он выдыхал. Здесь, в Англии, у себя дома, он казался менее агрессивным и плотным, несмотря на широкий твидовый костюм. У него были рыхкие волосы и ресницы, жесткие, как щетка, добродушный взгляд и морщины под глазами, которые двигались так, словно нижняя часть его лица крепилась на шарнире. Однако сейчас это круглое лицо выглядело не очень приветливо.

- Я понятия не имею, что произошло, - заявил он с некоторым вызовом. - Меня здесь не было. Я не могу находиться всюду одновременно. Я только что был наверху, у другого пациента.

- Другого пациента? Кого же?

- Вилбера Эммита.

- Вилбера Эммита? - повторил медленно майор. - И он..?

- О, нет! Он жив. Правда, получил очень сильный удар по затылку. Сотрясение мозга, - пояснил доктор Джо, потирая руки таким движением, будто мыл их. - Но я прошу прощения, вы не будете возражать, если мы переберемся в соседнюю комнату? Нет, нет! Не поймите, что мне неприятно находиться рядом с этим. - Он указал на тело своего брата. - Но если эти специальные лампы быстро перегреются, то мы останемся в полной темноте. А как тогда проводить э-э... как это называется? - Он снова потер руки. - Расследование, изучать улики и прочее?

Не дожидаясь указания комиссара, Эллиот обвязал пальцы платком и вывернул лампы. Джозеф Чесни поспешил определить их на пути в соседнюю комнату. В музыкальном зале он встретил их с агрессивностью, вызванной, как подумал Эллиот, расшатанными нервами.

Майор Крау прикрыл двойную дверь.

- Итак, - начал он живо, - если вы не имеете ничего против, мы воспользуемся телефоном. Суперинтендант вызовет врача для...

- Зачем вам врач? Я - врач! Уверяю вас - он мертв.

- Так полагается, Чесни. Вы это знаете.

- Если вы имеете что-то против меня... как профессионала...

- Не говорите чепуху. Приступайте, инспектор.

Доктор Джо повернулся к Эллиоту.

- А, так это вы из Скотлэнд-Ярда, - проговорил он. Затем задумался. - Погодите! Как это вам удалось приехать сюда так быстро? - Он снова задумался. - Это невозможно.

- Я приехал по другому делу, доктор. В связи с отравлением детей.

- А! - воскликнул доктор, меняясь в лице. - Коли так, то вам досталось хорошенько дельце.

- Я знаю, - согласился Эллиот. - А теперь, доктор, не могли бы вы объяснить, что здесь все-таки произошло?

- Клоунада! Вот что здесь было! - немедленно воскликнул тот. - Клоунада. Маркус хотел показать им спектакль. И вот, пожалуйста!

- Спектакль?

- Я не в состоянии описать вам, что конкретно тут делали, - пояснил доктор, - так как меня здесь не было. Но могу рассказать, что они собирались делать, потому что во время обеда ни о чем другом они больше не говорили. А в основе - все то же любимое утверждение Маркуса, которое, впрочем, раньше никогда не принимало конкретной формы. Маркус считал, что из 100 человек 99 - совершенно непригодны в качестве свидетелей. Он заявил, что большинство людей не способны объяснить, что происходит у них под носом и в случае какого-нибудь происшествия - пожара, уличного наезда, беспорядков, - полиция всегда имеет очевидцев, противоречащих друг другу до абсурда и потому абсолютно бесполезных. - Он с неожиданным любопытством взглянул на Эллиота. - Кстати, а вы согласны с этой точкой зрения?

- Во многом. Продолжайте, пожалуйста.

- Так вот, с Маркусом никто не соглашался. Каждый по разным причинам, но все уверяли, что уж их-то никак невозможно обмануть. Да и я тоже так считал, - проговорил доктор, словно оправдываясь. - И думаю, что я прав. В конце концов Маркус объявил, что готов поставить эксперимент, один из психологических тестов, используемых в университетах. Он сказал, что подготовил маленько представление, а в конце

него нужно будет ответить на ряд вопросов по поводу увиденного. Маркус хотел доказать, что 60 процентов ответов окажутся неверными.

Доктор Джо повернулся к майору Крау.

- Вы ведь знаете Маркуса. Я всегда говорил, что он похож на... Черт, как его там?.. Ну, этого писателя, которого проходят во всех колледжах... Ну, того, который был способен пропасть двадцать миль, чтобы потом дать полнейшее и точное описание какого-нибудь незначительного, по сути, цветка. Ну а Маркус, если ему случилось что-то захотеть, должен был немедленно воплотить свой замысел в жизнь. Вот так и вышло, что все участвовали в эксперименте. Когда представление достигло кульминации... Вот. Вшел некто и убил Маркуса. Насколько я понял, все видели убийцу и следили за всеми его действиями. И тем не менее, все спорят по поводу происшедшего и не могут договориться, - закончил доктор хриплым, рокочущим голосом.

Он замолчал. Лицо его стало суровым, и, взглянув ему в глаза, Эллиот испугался, что доктор сейчас разрыдается. И все же, несмотря на совершенно искренний и серьезный вид, во всех его манерах было что-то неуловимо гротескное.

- Разве они не могут описать убийцу? - вмешался майор Крау.

- Нет! Этот тип выглядел совершенно как Человек-невидимка!

- Как кто?

- Знаете: широкая куртка, поднятый воротник, голова и лицо обмотаны шарфом, на глазах - темные очки и шляпа с опущенными полями. Выглядел он омерзительно, как мне сказали, но все предполагали, что это - составляющая часть представления. Ужасно! Думать, что этот... этот призрак проник сюда и...

- Но...

- Извините, сэр, - перебил инспектор Эллиот, желая сразу же привести факты в порядок, так как смутно чувствовал уже, что расследование будет тяжелым. Он повернулся к доктору. - Вы говорите "они" видели убийцу. Кто эти "они"?

- Профессор Ингрэм, Мэдджори и, получается, юный Джордж.

- Кто-нибудь еще?

- Нет, насколько я знаю, Маркус также хотел, чтобы присутствовал я. Но я - я ведь это уже говорил, - должен был посетить нескольких больных. Тогда Маркус сказал, что если я обещаю вернуться до полуночи, то он подождет меня и не

начнет представления. Естественно, этого я обещать не мог. В общем, я сказал, что если до без четверти двенадцать не вернусь, пусть начинают без меня.

Доктор дважды глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки. Он сел, подняв руки, похожие на медвежьи лапы, и бессильно уронил их на колени.

- Так в котором же часу началось представление? - спросил Эллиот.

- Мне сказали, в полночь. С первым ударом колокола. Кажется, это единственное утверждение, в котором сходятся все.

- Ну, а в том, что касается самого убийства, доктор, что известно вам лично?

- Ничего. Ровно в полночь я был на другом конце поселка. Я принимал роды. Сразу собирался ехать сюда, чтобы успеть на наше собрание. Но не вышло. Приехал в десять минут первого, а бедный старик находился уже в столь тяжелом состоянии, что ни я, ни кто другой ничем помочь ему не могли. - В этот момент какая-то догадка мелькнула в уме доктора Джо. Он поднял на собеседников покрасневшие глаза. - И я вам скажу больше, - продолжил он сдавленным голосом, - есть неплохой вывод из этого происшествия. Вы верите, что я не буду повторять это до одурения? Верите? Послушайте, инспектор, вот вы говорите, что прибыли сюда в связи с отравлениями в лавке миссис Терри, и в таком случае вы, возможно, знаете, что я хочу сказать. Но я все равно вам скажу. Вот уже больше трех месяцев, почти четыре, как все повторяют, что моя племянница... Заявляют, будто она отравила людей для того, чтобы наслаждаться их мучениями. Разумеется, мне лично никто об этом не говорил! Но ведь говорят же! И разве я не могу отодрать этот язык? Потому что теперь уж точно доказано: кто бы ни убил моего брата, это не Мэрджори! И кто бы ни оказался отправителем, это тоже не Мэрджори! И хотя Маркус, чтобы доказать это, вынужден был отправиться на тот свет, он умер не впустую. Вы понимаете меня? Не впустую!

Он подскочил, лицо его приняло виноватое выражение, рука со сжатым кулаком, которой он взмахнул, бессильно упала. На другом конце комнаты приоткрылась дверь, ведущая, видимо, в коридор. На пороге комнаты остановилась Мэрджори Уилз.

Хрустальная люстра под потолком музыкального зала ярко освещала комнату. Мэрджори остановилась и заморгала. Затем быстро двинулась вперед, бесшумно ступая по ковру

маленькими черными туфельками, и легко дотронулась до плеча доктора.

- Пожалуйста, поднимитесь наверх, - попросила она. - Мне не нравится, как дышит Вилбер.

Затем она с удивлением оглянулась, как будто только теперь обнаружила остальных. В первую секунду взгляд ее был лишен выражения, но, заметив вдруг Эллиота, она, казалось, что-то начала вспоминать, и ее серые глаза прищурились. Она вся напряглась, чтобы сдержаться. И наконец проговорила:

- Это не вы... то есть, раньше мы не встречались?

IV

И тогда Эллиот совершил промах.

- Думаю, что нет, мисс Уилз, - ответил он настолько спешно и резко, что комиссар удивленно посмотрел на него. - Садитесь, пожалуйста!

Но Мэрджори растерянно продолжала смотреть на него, а он держался так, что память ее заработала еще уверенней.

Ему никогда еще не случалось встречать человека, чье присутствие он ощущал бы настолько тонко, остро, словно она касалась его физически. Ему казалось, будто он знает наперед все, что эта девушка собирается делать, как она повернет голову или поднимет руку, как коснется пальцами лба.

- У тебя истерика, Мэрджори, - пробормотал доктор, погладив ее по руке. - Этот парень из Скотлэнд-Ярда. Он приехал...

- Скотлэнд-Ярд! - проговорила девушка. - Значит, это так серьезно!

Она вдруг засмеялась. Но хохоток мгновенно оборвался, и то жалкое веселье, которое было в нем, так и не достигло ее глаз. А Эллиот, оказывается, не забыл ни малейшей детали: блестящие темно-каштановые волосы, зачесанные за уши и с маленькими завитками на затылке, широкий лоб, дугообразные брови и серые задумчивые глаза, спокойный рот. Ее нельзя было назвать красавицей, но он не замечал несовершенства.

- Прошу прощения, - проговорила она, словно очнувшись от задумчивости. - Мне кажется, я не очень хорошо расслышала, что вы сказали!

- Садитесь, пожалуйста, мисс Уилз. Если вы чувствуете в себе силы, то нам бы очень хотелось выслушать вашу версию по поводу смерти вашего дяди.

Девушка бросила быстрый взгляд на раздвижные двери, ведущие в соседнюю комнату. Некоторое время она разглядывала потолок, несколько раз скав кулаки, наконец с демонстративным спокойствием откинула назад голову. Но, видимо, даже приписываемая ей Эллиотом способность к иронии и ум не в состоянии были сопротивляться злым четырехмесячным сплетням.

- А эта лампа не может перегореть? - спросила она и с силой потерла лоб тыльной стороной ладони. - Вы приехали, чтобы арестовать меня?

- Нет.

- Ладно. Тогда... Что вы хотите узнать?

- Расскажите мне все как есть. Своими словами, мисс Уилз. Доктор Чесни, вы не собираетесь пойти к раненому?

Спокойная и рассудительная шотландская вежливость Эллиота начала давать результаты. Мэрджори задумчиво глядела на него, ее дыхание стало тихим и спокойным. Она села на пододвинутый им стул и скрестила ноги. На ней было черное вечернее платье. Он заметил также, что она не носила никаких украшений: ни колец, ни цепочек.

- Инспектор, нам обязательно нужно находиться здесь? В этой комнате, я имею в виду.

- Да.

- У дяди была одна теория, - начала она. - А всегда, когда у него возникала теория, он хотел проверить ее на практике. Вот результат.

Она рассказала, в чем состояла эта теория.

- Насколько я слышал, мисс, все началось с дискуссии за столом.

- Да.

- А кто начал спор? Вообще, кто первый затронул эту тему?

- Дядя Маркус, - с некоторым удивлением ответила девушка.

- И вы не были с ним согласны?

- Да.

- Почему, мисс Уилз? На чем основывались ваши возражения?

- О! Разве это важно?! - нетерпеливо воскликнула девушка. Ее глаза расширились. Однако, заметив сурово поджатые губы Эллиота, она продолжала нервно и растерянно: - Почем-

му? Я думаю, для того только, чтоб хоть что-нибудь делать. С момента нашего возвращения жизнь здесь превратилась в кошмар. Несмотря даже на присутствие Джоржа. А может быть, именно поэтому. Джорж - мой жених. Мы... мы познакомились во время заграничного путешествия. А потом... дядя Маркус был так самоуверен... К тому же я всегда по-настоящему верила тому, что ему сказала.

- А что вы ему сказали?

- Я убеждена, что все мужчины - плохие наблюдатели, - проговорила, смутившись, Мэрджори. - Поэтому они и не годны как свидетели. Они невнимательны. Слишком заняты собственными проблемами, погружены в себя и сосредоточены на своих заботах. От этого и не способны к наблюдению. Хотите, я докажу это? Всегда вызывает улыбку то обстоятельство, что женщина знает, что надето на другой женщине, до мельчайших деталей. Например, какой у нее ремешок или браслет. А вы не задумывались, что любая женщина в равной степени замечает и то, что надето на мужчинах? Неужели она не сможет это описать? Дело ведь не в том, что женская наблюдательность касается лишь одних женщин. Вот вы когда-нибудь обращали внимание, что одевают другие люди? Например, что надето на другом мужчине? Нет. Если его костюм или галстук не очень бросаются в глаза, вы их не заметите. А вы когда-нибудь сосредотачивались на деталях? На ботинках или руках?

Она сделала паузу и снова покосилась на раздвижные двери.

- Я говорю это вам, потому что доказывала дяде Маркусу: ни одна достаточно умная женщина не ошибется в том, что видит. И заявила ему, что, если он устроит эксперимент, я не ошибусь. И не ошиблась.

Мэрджори подалась вперед. Весь вид ее выражал открытость и искренность.

- Вы знаете, - продолжала она, - вошел-некто...

- Секунду, мисс Уилз. Кто еще был несогласен с гипотезой вашего дяди?

- Дядя Джо. Правда, лишь в принципе. Профессор Ингрем решительно ее опроверг. Он профессор психологии. Он сказал, что гипотеза, в общем, крепкая, но что сам он ни за что не ошибется. Заявил, что является опытным наблюдателем и знает все возможные ловушки. Он даже предложил дяде Маркусу пари на пятьдесят фунтов.

Она невольно покосилась на стул, где только что сидел доктор Джо, но тот уже исчез, воспользовавшись тем, что никто не обращает на него внимания. Суперинтендант Бостwick возвратился в комнату, а майор Крау, скрестив руки, облокотился на рояль.

- Ну, а ваш... жених?

- Джорж? О! Он вообще был не согласен. Но его больше волновало, чтобы ему позволили отснять все представление на кинопленку. Тогда бы можно было избежать пустых споров.

Эллиот выпрямился на стуле.

- Вы хотите сказать, что все произшедшее здесь снято на пленку?

- Да. Для этого и использовали специальные лампы.

- Ясно, - проговорил Эллиот, глубоко и облегченно вздохнув. - Хорошо. Ну, а кто же был свидетелем представления?

- Только профессор Ингрэм, Джорж и я. Дядя Джо должен был нанести несколько визитов пациентам.

- А тот мужчина, который получил удар по голове? Э... мистер Эммит? Его разве не было с вами?

- Нет. Он должен был помогать дяде Маркусу. Понимаете? Он должен был стать в этом представлении вторым актером. Дело было так - хотя мы узнали об этом значительно позже, - объяснила она, - после обеда дядя Маркус и Вилбер собрались, чтобы решить, в какой форме делать представление. Ну, как сговариваются предварительно участники игры в загадки... Сценой условились сделать кабинет дяди Маркуса, а мы уселись здесь как зрители. Вилбер должен был одеться как можно более экстравагантно, чтобы мы попытались затем описать его необычный костюм. Он и дядя Маркус должны были разыграть перед нами сценку, а нам предстояло тоже описать ее без ошибок. Дядя Маркус уже подготовил для нас список вопросов. Вот. А около полуночи он собрал всех нас здесь и проинструктировал...

- Минутку, пожалуйста, - перебил Эллиот. - Вы сказали "около полуночи". Не поздновато ли для экспериментов?

Легкая гримаса не то смущения, не то досады появилась на лице девушки.

- Да. Так оно и есть. Профессор Ингрэм возражал, так как хотел возвратиться к себе домой. Ужин кончился в четверть десятого. Я и Джордж ждали в библиотеке, сыграли бесконечное количество партий в "рамми" и все обсуждали, что же нам собираются показать. Но дядя Маркус настоял на своем.

- Он хоть как-то объяснил вам причину столь позднего начала?

- Сказал, что ждет возвращения дяди Джо, чтоб тот мог также участвовать в эксперименте. Ну, а так как без четверти двенадцать дядя Джо все еще не вернулся, дядя Маркус решил начать без него.

- Вот что еще, мисс Уилз. В то время вам уже было известно, что мистер Эммит тоже будет принимать участие... то есть, что он собирается участвовать в сценке с вашим дядей в качестве актера?

- О, нет! Мы не видели Вилбера после обеда. Нам было известно только, что дядя Маркус заперся в этих двух комнатах и делает приготовления.

- Продолжайте, пожалуйста.

- Итак, дядя Маркус собрал нас и проинструктировал, - продолжала девушка. - Двери в сад были занавешены, а эти раздвижные двери закрыты, чтоб мы не могли видеть, что делается в кабинете. Он стал на этом самом месте, - девушка указала, - и обратился к нам с маленькой речью.

- Не помните, что он сказал конкретно?

- Помню, - кивнула Мэрджори. - Он сказал: "Во-первых, в течение всего представления вы должны сидеть и оставаться в полной темноте". Джордж запротестовал и спросил, каким образом ему удастся тогда заснять происходящее на плёнку? Дядя Маркус объяснил, что уже приготовил специальную лампу, которую, кстати, я и купила утром, а он повесит ее таким образом, что свет будет падать прямо на сцену. Так что нам всем будет очень удобно следить за действием.

Неожиданно Эллиот почувствовал странный, неопределенный аромат, такой тонкий, словно девушка употребляла необыкновенные духи.

- И все же я тогда еще подумала, что во всем этом деле скрывается какой-то обман, - добавила Мэрджори.

- Почему?

- Мне так показалось по поведению дяди. Живя с человеком вместе так много времени, не... Кроме того, из-за его слов. Он сказал: "Во-вторых, что бы вы ни увидели, вы не должны ни вмешиваться, ни разговаривать. Ясно?" Наконец, уже уходя в кабинет, добавил: "Будьте внимательны. Могут оказаться ловушки". После этих слов он закрыл за собой дверь. Я погасила свет, и эксперимент начался через несколько секунд.

Дядя Маркус открыл настежь двери. Я чувствовала, что волнуюсь, сама не зная отчего. Он был один. Внутренность кабинета была очень хорошо видна. Открыв двери, дядя вернулся на середину комнаты и сел за стол, прямо напротив нас. Чуть правее, на подставке перед столом, ярко освещая всю сцену, горела лампа под бронзовым колпаком. За спиной дяди Маркуса проецировалась на стену в абсолютно белом луче света его огромная тень. На каминной полке виден был белый циферблат часов, блестящий маятник которых качался вправо и влево. Часы показывали полночь. Дядя Маркус сидел за столом и глядел на нас. На столе лежала коробка конфет, а также карандаш и ручка. Сначала дядя взял в руку карандаш и сделал вид, что пишет им, потом то же самое проделал и с ручкой. Затем он повернул голову вбок. В этот момент стеклянная дверь кабинета приоткрылась и с газона ступила в комнату совершенно жуткого вида фигура с цилиндром на голове, в черных очках... - Мэрджори сделала паузу и откашлялась. Затем продолжала. - Ростом незнакомец был примерно метр восемьдесят, если, конечно, не считать цилиндра с волнистыми полями. На нем был широкий грязный плащ из потертой кожи. Лицо его было обернуто чем-то светло-коричневым, кроме того, на нем были блестящие перчатки, а в руке что-то вроде маленького черного чемодана. Естественно, мы не знали, кто это, но мне его вид не понравился. Он походил больше не на человека, а на какое-то насекомое. Высокий, тощий, с этими черными очками. Джордж, продолжая снимать на пленку, даже громко вскрикнул: "Ой! Человек-невидимка!" И тогда незнакомец повернул голову и посмотрел на нас. Затем он повернулся к нам спиной, поставил на стол свой докторский чемоданчик, а сам двинулся к противоположной стороне стола. В этот момент дядя Маркус что-то ему сказал. Но тот ничего не ответил. Он вообще за все время не произнес ни слова. Говорил только дядя. А до этого было слышно лишь тиканье каминных часов, да журчала рядом кинокамера Джоржа.

Кажется, дядя Маркус сказал ему примерно так: "Сейчас ты проделал то же, что и раньше. А теперь что ты собираешься сделать?" В тот момент, как я уже сказала, человек стоял по правую сторону стола. Он очень быстро вынул из кармана плаща картонную коробочку и вытряхнул на ладонь большую зеленоватую капсулу, вроде тех капсул с касторкой, которые дают детям. Он наклонился, неожиданно запрокинул голову дяди Маркуса назад, положил ему в рот капсулу и заставил ее проглотить.

Мэрджори остановилась. Голос ее дрожал, она подняла к горлу руку и снова откашлялась. Во все время своего рассказа она непрерывно косилась на двойную дверь, теперь же, в темноте, словно устав не сводить с нее глаз, передвинула свой стул так, что дверь оказалась прямо напротив нее. Эллиот сделал то же самое.

- Что дальше? - спросил он.

- От неожиданности, - продолжала девушка, - я вскрикнула и подскочила. Я не должна была делать этого, так как дядя Маркус предупреждал, чтобы мы ничему не удивлялись. Но я не владела собой. К тому же вроде бы ничего страшного не случилось. Дядя Маркус проглотил капсулу, хотя мне показалось, это ему не очень понравилось... Он несколько раз свирепо взглянул на скрытое лицо незнакомца.

Как только эта операция была закончена, незнакомец в цилиндре поднял со стола чемоданчик и, сделав длинный прыжок, выскочил в сад. После этого дядя Маркус несколько секунд сидел, с трудом глотая, и подталкивал коробку с конфетами, чтобы придать ей другое положение. Затем упал вдруг ничком. - Видя, что Эллиот и его товарищи удивленно встрепенулись, Мэрджори поспешило добавила: - Нет-нет! Это был розыгрыш, часть представления. Его окончание. Поэтому что дядя Маркус тут же поднялся и направился закрывать двойную дверь. Это означало как бы падение занавеса. Мы в своей комнате включили свет, а профессор Ингрэм постучался в двойную дверь и попросил дядю Маркуса появиться снова, чтоб мы могли ему поапплодировать. Дядя Маркус снова открыл дверь. Он выглядел... радостным, довольным собой, но, кажется, что-то его беспокоило. Поглавив лист бумаги, торчавший из куртки, он сказал: "А теперь, друзья, возьмите карандаши и приготовьтесь отвечать на вопросы". Профессор Ингрэм спросил: "Раз уж представление завершилось, признайтесь, кто был ваш столь жуткого вида коллега?" На что дядя Маркус ответил: "А?! Это Вилбер. Он помог мне все приготовить". И сразу крикнул: "Вилбер. Все закончилось. Можете войти". Но никто не ответил. Тогда дядя Маркус позвал его снова и, рассердившись, сам направился в сад. Одна из дверей этой комнаты была раскрыта, так как было жарко; свет горел в обеих комнатах, и между домом и деревьями нам хорошо была видна кромка газона.

Все одеяние призрачного незнакомца валялось на газоне: цилиндр, солнечные очки, врачебный чемоданчик... Но Вилбера мы заметили не сразу, мы наткнулись на него в тени, за деревьями. Он лежал ничком, без сознания, с разбитым за-

тылком. Из его носа и рта на газон вытекала кровь, и, судя по всему, он был без сознания уже достаточное время. Железный брус, которым его ударили, валялся под деревом, здесь же. - Болезненная гримаса исказила лицо девушки. - Понимаете? Человек в цилиндре ни секунды не был Вилбером!

V

- Ни секунды не был Вилбером? - повторил Эллиот.

Он прекрасно понял, что она имела в виду. Эта странная интригующая и зловещая фигура в старом цилиндре начала оживать и двигаться в его воображении.

- Я еще не закончила, - сказала Мэрджори спокойно и мрачно. - Я еще не рассказала, что произошло с дядей Маркусом. И началось это, как только мы нашли Вилбера. Я не знаю, какие симптомы стали у него проявляться, но, пока мы поднимали Вилбера, с дядей стало твориться что-то неладное. Скажу вам совершенно искренне: я почувствовала, будто скожу с ума. Я знаю, знаю, это интуиция, а может быть, только иллюзия, но уже в тот момент я поняла, что произошло. Дядя Маркус, держась за дерево, согнулся почти пополам и еле дышал. За его спиной блестел свет из дома. Я не могла различить все, но свет отражался на одной стороне дядиного лица, и оно казалось опухшим и посеревшим, как свинец. Я спросила: "Дядя Маркус, что с тобой?" Кажется, даже закричала. Но он лишь с трудом повернул голову и сделал такое движение, словно хотел отодвинуть меня. Вдруг он стал бить ногой по земле; слышно было его дыхание, к которому привешивались стон и всхлипыванье. Я и профессор Ингрэм бросились к нему. Но он резко оттолкнул руку Ингрэма и...

Дальше продолжать она была не в силах. Она зажмурилась и принялась бить себя ладонями по лицу.

Майор Крау покинул свое место и отошел к пианино.

- Успокойтесь, - сказал он сурово.

Суперинтендант Боствик молчал: скрестив на груди руки, он с интересом следил за девушкой.

- И тут он побежал, - с трудом продолжала Мэрджори. - Никогда этого не забуду: он стал бегать. Вперед-назад, туда-сюда, но каждый раз перемещался лишь на несколько шагов, так как боль останавливалась его. Тогда Джордж и профессор попытались его поддержать, но он вырвался и через дверь сада бросился в кабинет. Упал рядом со столом. Мы подняли его и отнесли к креслу, он ничего не говорил. Я бросилась

звонить дяде Джо. Я знала, где его искать; в поселке рожала миссис Эмсворт. Пока я пыталась связаться с ним, дядя Джо неожиданно вошел сам. Но уже было поздно: по всей комнате расползся запах горького миндаля. Я еще на что-то надеялась. Но Джордж сказал: "Выходи отсюда. Старик мертв. Я знаю, что это такое". Вот и все.

- Не повезло, - проворчал майор. Слова его не были подходящи, зато искренни.

Суперинтендант не произнес ни слова.

- Мисс Уилз, - сказал Эллиот. - Я не хотел бы слишком тревожить вас в эти минуты...

- Со мной все в порядке, уверяю вас.

- Вы убеждены, что вашему дяде дали яд в той зеленой капсуле?

- Безусловно! Дядя Джо сказал, что яд действует на нервы дыхательной системы, и поэтому Маркус не мог говорить, когда начался приступ.

- А он больше ничего не глотал?

- Нет.

- Вы можете описать эту капсулку?

- Да. Я уже говорила: она похожа на те капсулы с касторовым маслом, которые дают детям. Размером примерно с виноградину и изготовлена из толстого желатина. Всегда поначалу кажется, что такую капсулку проглотить невозможно, но глотаются они легко. Многие люди до сих пор используют их.

Она вдруг замолчала, бросила на Эллиота быстрый взгляд и покраснела. Эллиот не обратил на это никакого внимания.

- Значит, ситуация такова: вы считаете, что перед представлением кто-то ударил Эммита и отключил его?

- Да.

- Кто-то нарядился в это странное одеяние, и даже мистер Маркус не смог узнать его. Затем этот человек сыграл роль мистера Эммита в затяжном представлении. Но вместо того чтобы дать безобидную капсулку, которую мистер Чесни должен был проглотить во время сценки, этот человек подменил ее отравленной. Так?

- О, не знаю! Да. Мне кажется, так.

- Благодарю вас, мисс. На данный момент вопросов к вам я больше не имею. - Эллиот поднялся. - А где сейчас находятся профессор Ингрем и мистер Хардинг, вы не знаете?

- Наверху... с Вилбером.

- Попросите их, пожалуйста, спуститься. И еще!

Мэрджори уже встала, но казалась озабоченной и не очень хотела покидать комнату. Она вопросительно взглянула на детектива.

- Вскоре я попрошу вас дать подробные показания о том, что вы видели во время представления, - продолжал Эллиот. - Но кое-что можно прояснить уже сейчас. Вы описали только часть одеяния незнакомца: его плащ и остальное. Ну, а заметили вы его ботинки и брюки?

Девушка напряглась.

- Его..?

- Да. Вы только что говорили, - заметил Эллиот, чувствуя, как кровь стучит в его висках, - что всегда обращаете внимание на ботинки. Так каковы же были брюки и ботинки на незнакомце?

- Свет! - ответила Мэрджори после короткой паузы. - Свет был установлен таким образом, что освещал письменный стол. Поэтому предметы, находившиеся близко к полу, оказались в темноте. Впрочем, я могу описать. Да, кажется, могу. - Тревожный взгляд ее блестящих глаз стал еще более пристальным. - У него были обычные брюки от смокинга, черные, с более темной полосой на боку, и лакированные ботинки.

- Здесь все мужчины сегодня вечером были в смокингах, мисс Уилз?

- Да. То есть, за исключением дяди Джо. Он должен был навещать пациентов, а он всегда утверждает, что на них производит неприятное впечатление, если врач приходит к ним в смокинге. Пациент начинает думать, что голова врача занята другими проблемами. Но вы не думаете..?

Эллиот улыбнулся, сознавая, что его улыбка - просто маска лицемерия.

- Кто из мужчин в этом доме привык одевать вечерний костюм, отправляясь на ужин?

- Насколько мне известно, никто, - сказала Мэрджори. Ее замешательство становилось все более явным. - Тем более мы. Но сегодня вечером по какой-то причине дядя Маркус просил, чтобы все надели смокинги.

- Впервые?

- Можно сказать, что так. По крайней мере, с тех пор, как мы не принимаем гостей. Но профессор Ингрэм не совсем гость, и уж тем более Джорж.

- Благодарю, мисс Уилз. Впрочем, может быть, майор Крау или Боствик хотят задать вам несколько вопросов.

Оба отрицательно покачали головами. Выражение лица Боствика при этом оставалось довольно угрожающим. Некоторое время Мэрджори продолжала стоять, задумчиво глядя на Эллиота, затем вышла и тщательно прикрыла за собой дверь. Эллиот невольно вздрогнул. В ярко освещенной комнате воцарилась тишина.

- Хм, - наконец подал голос майор. - Знаете ли! - добавил он, уставившись своими блестящими глазками на Эллиота. - Мне не нравится заявление этой девушки.

- Тем более мне, - заметил Боствик, нехотя расцепив скрещенные руки.

- На первый взгляд, все ясно, - процедил майор. - Кто-то видел, как готовились к представлению Чесни и Вилбер Эммит, и знал, как будет разыгрываться сценка. Затем он ударил Эммита, отключил его, сыграл его роль и подменил обычную капсулу отравленной. Желатин растворился через одну-две минуты. Поэтому Чесни ничего не почувствовал, глотая. Короче говоря, не стал тут же кричать, что его отравили, и не пытался задержать убийцу. Тот и скрылся, сбросив весь маскарад на газоне у дома. Когда через пару минут желатин растворился, началось действие яда. Все ясно. Да. Пожалуй. Однако...

- Ага! - проворчал Боствик, услышав, как комиссар сделал ударение на последнем слове. - Зачем отключать мистера Эммита? А, сэр?

Эллиот сообразил, что великан, сидевший в углу, был гораздо хитрей и ловчей, чем можно было предполагать. Боствик, разумеется, был старше его по званию, но никак не проявлял этого. Сейчас он стоял, покачиваясь и постукивая спиной о стену, и смотрел на Эллиота с таким явным любопытством, словно в нем горел мощный огонь.

- Такие вот дела, инспектор, - сказал майор. - Как говорит Боствик, к чему нападать на мистера Эммита? Почему было не подстроить таким образом, чтобы мистер Эммит сам дал отравленную капсулу мистеру Чесни во время представления? Если убийца знал, как будет идти представление, то достаточно было подменить капсулу. Зачем так рисковать, наносить удар мистеру Эммиту, переодеваться в его одеяние и, рискуя быть разоблаченным, войти в кабинет, оказаться у всех на глазах?.. К чему так рисковать, когда требовалось лишь подменить капсулу и предоставить грязную работу другому?

- Думаю, - задумавшись, заметил Эллиот, - что в этом и заключается главный узел преступления.

- Узел преступления?

- Да, сэр. В представлении, как его задумывали, мистер Чесни не собирался глотать никаких капсул.

- Хм! - пробормотал майор после паузы.

- Он только собирался сделать вид, что глотает ее. Понимаете? Эта сценка представляла собой лишь серию ловушек для зрителей. Вы, вероятно, знакомы с подобными экспериментами на занятиях по психологии в колледже.

- Я - нет, - признался майор.

- Я тоже, - проворчал суперинтендант Боствик.

Упрямство Эллиота как бы вязло в атмосфере легкой враждебности, возникшей в комнате. "Не кажется ли им, что я задаюсь", - подумал он. И почувствовал, что уши его краснеют.

- Преподаватель, - сдержанно продолжал он, - берет бутылку с жидкостью, пробует содержимое на язык и с отвращением морщится. Заявив, что жидкость горькая, он передает бутылку слушателю. На самом деле в бутылке подкрашенная вода. И если слушателю она не понравилась, то только из-за того, что профессор внушил ему мысль, будто жидкость - горькая. Но допустим, вкус действительно горький. Профессор делает вид, что попробовал содержимое бутылки, просит слушателя сделать то же самое, но заявляет, что вкус нормальный. Тогда слушатель, не замечая горечи, преспокойно глотает злополучное пойло. Очень вероятно, что именно это и произошло здесь. Мистер Чесни предупредил, чтобы все внимательно следили за ловушками, чтобы их затем разоблачить. Помните, мисс Уилз сказала, что он выглядел очень удивленным и рассерженным, когда его заставили проглотить капсулу? Вполне вероятно, предполагалась лишь симуляция дачи мистером Эммитом капсулы и ее глотания. Но убийца заставил его проглотить капсулу по-настоящему. Возможно, мистер Чесни не стал громко протестовать, чтобы не прерывать представления. - Эллиот кивнул в сторону кабинета. - Я не очень удивлюсь, если в списке вопросов, подготовленных мистером Чесни, найдется вопрос типа "Сколько времени я глотал капсулу?" - или что-нибудь в том же духе.

Кажется, слова инспектора произвели на майора Крау сильное впечатление.

- Черт! Это вполне убедительно, - признал он, и в его взгляде промелькнуло облегчение. Но сразу же раздражение и беспокойство приглушили все остальные мысли. - Но по-

слушайте, инспектор... Если так... Чтобы решиться на такое...
Боже мой! Мы должны будем бороться с безумцем?!

- Выходит так, сэр.

- Посмотрим на вещи прямо, - продолжал майор. - Безумец это, или зовите его как угодно, но он из этого дома.

- Ага! - пробормотал Боствик. - Продолжайте!

Комиссар заговорил спокойным и тихим голосом.

- Начнем вот с чего. Как посторонний мог бы узнать, что этой ночью будет проводиться эксперимент? Ведь они сами не знали этого до ужина. И так же маловероятно, что кто-нибудь посторонний вертелся все время около дома, чтобы подслушать и подсмотреть приготовления Чесни и Эммита. И уж совсем невероятно, чтобы посторонний, облачившись в смокинг и лакированные туфли, вертелся поблизости в единственную ночь, когда все впервые специально оделись к ужину в вечерние костюмы! Я допускаю, что это не вывод, а всего лишь предположение. Но... можно принять в расчет малую вероятность подобных совпадений?

- Да, - резко ответил Эллиот.

- Если же преступление совершил кто-то из домашних, то кто бы это мог быть? Джо Чесни уехал к пациентке. Если он не покинул ее до полуночи, то он, очевидно, вне этого дела. Вилбер Эммит без сознания, тяжело ранен убийцей. Но ведь больше никого нет, если не считать пары служанок и кухарки, которые вряд ли замешаны. Остается единственная альтернатива. Да, я понимаю, она кажется фантастической, но она единственно возможна!!! То есть: убийца - один из трех зрителей, сидевших в этой комнате. Это означает, что кто-то из них выскользнул в темноте из комнаты, ударил бедного Эммита, переоделся, дал Чесни отравленную капсулу и незаметно успел вернуться обратно, прежде чем в комнате включили свет.

- Нет, сэр, - сухо возразил Эллиот. - Это невозможно.

- А что еще может быть?

Эллиот промолчал. Еще не настал момент для теоретизирования. До вскрытия тела нельзя было с точностью утверждать, от чего умер Маркус Чесни. Можно было себе позволить пока единственное допущение: он был отравлен цианидом из группы синильной кислоты. Однако последнее предположение комиссара уже приходило в голову и ему.

Он снова пробежал взглядом весь музыкальный зал. Каждая его сторона была примерно по четыре с половиной метра. На стенах были серые панели с вызолоченными краями. Двери в сад окаймлены двумя тяжелыми занавесями темно-серого

го бархата. Что касается меблировки, то она выглядела достаточно скромной: рояль, радиофонограф, высокий французский комод около двери, выходившей в вестибюль, четыре легких кресла, крытых парчой, и два табурета. Поэтому в центре комнаты было довольно пусто. Если постараться и не задеть рояль рядом с дверьми в сад, можно было легко пересечь комнату в темноте. На полу, как уже говорилось, лежал пушистый ковер, полностью поглощавший звуки шагов.

- Ладно, - проговорил майор. - Попробуйте проверить.

Выключатель находился за комодом. Эллиот повернул его, наступила темнота. Но до этого момента свет был столь ярок, что картина электрических свечей люстры некоторое время еще продолжала плясать перед глазами Эллиота, сплетаясь и сокращаясь. Зато теперь даже с раздвинутыми занавесями ничего невозможного было различить на фоне затянутого тучами неба. Послышался скрип металлических колец: кто-то задвигал занавески.

- Я машу руками, - послышался из темноты голос майора. - Вы видите меня?

- Совершенно ничего не вижу, - сказал Эллиот. - Стойте на месте, я открою двойную дверь.

Он пересек комнату, увернулся от стула и наткнулся на дверь. Та открылась легко, почти бесшумно. Осторожно переступая ногами, он прошел два или три метра внутрь кабинета, пока не наткнулся на стол, и принялся шарить в поисках лампы с бронзовым колпаком. Наконец ему удалось нащупать выключатель, и мощная белая вспышка отразилась на противоположной стене комнаты. Эллиот попятился, желая посмотреть, как все это выглядело со стороны музыкальной залы.

- Хм, - проворчал майор.

Единственным живым существом в кабинете теперь были часы. Было видно, как покачивается их маятник на темной полированной каминной полке, как раз за головою убитого. Это были медные часы с довольно большим циферблатом размером около шести дюймов и крошечным бронзовым маятником, который, поблескивая, покачивался из стороны в сторону. Под часами сидел неподвижный человек. Стрелки показывали без пяти час.

В кабинете был стол красного дерева, каштанового цвета секретер, лампа под бронзовым колпаком находилась перед ним и чуть справа. Хорошо была видна конфетная коробка с голубыми цветами, нарисованными на крышке. Приподняв-

вшись на цыпочки, Эллиот увидел на столе карандаш. Ручки, о которой упоминала Мэрджори, на нем не было.

Слева была видна одна из дверей в сад, а у стены, правее, находилось бюро с раздвижной крышкой и настольной лампой под зеленым абажуром. Рядом с бюро - стальной широкий сейф, окрашенный под дерево. Вот и все, если не считать еще стула и сваленной на полу стопки журналов или каталогов. Судя по позиции стульев в музикальном зале, зрители сидели примерно в пяти метрах от Маркуса.

- Не очень-то здесь много увидишь, - заметил майор неуверенно. - Или вы считаете иначе?

Взгляд Эллиота снова остановился на сложенном листке бумаги, который торчал из нагрудного кармана пиджака мертвого.

- Сэр, - он указал на листок, - если согласитесь со словами мисс Уилз, это, вероятно, тот самый список вопросов, который подготовил мистер Чесни.

- Да. Ну и что с того? - почти прокричал комиссар. - От того, что он составил вопросы, какая нам разница?..

- Большая, сэр, - проговорил Эллиот, тоже испытывая желание повысить голос. - Разве вы не видите, что весь этот спектакль был сделан из серии трюков, предназначенных очевидцам? Вероятно, они могли ошибиться в половине того, что увидели. А убийца воспользовался этим. Эти трюки помогли ему, защитили его и, возможно, продолжают защищать. Если мы сумеем установить, что же в действительности они видели или думали, что видят, мы, мне кажется, нападем на след убийцы. Никакой безумец не совершил бы преступления такого неожиданного, такого смелого и наглого, такого открытого, как это, если бы в замысле мистера Чесни не содержалось чего-то, что позволило ему скрыться, а теперь ведет полицию по ложному следу, предоставляя ему алиби. Бог знает, в чем оно заключается! Но остальное разве вам не ясно?

Майор уставился на него.

- Извините меня, инспектор, - с неожиданной любезностью проговорил он наконец, - но я продолжаю думать, что в вашем поведении все время есть что-то странное. Между прочим, очень хотелось бы знать, каким образом вам было известно имя мисс Уилз. Ведь я вам его не называл.

- Ч-черт!.. Простите, сэр.

- Ничего, ничего, - ответил майор тем же протокольным тоном. - Это не имеет никакого значения. А что касается списка вопросов, то я склоняюсь к тому же мнению, что и вы. Давайте посмотрим, может быть, мы найдем какое-нибудь объяснение. Вы правы. Если есть какие-нибудь ловушки в вопросах или вопросы о ловушках, то они должны находиться здесь.

Он вынул из кармана мертвеца листок, расправил его и положил на промокательную бумагу. То, что они прочитали, было написано четким и ясным почерком, словно выгравировано:

"Точно ответить на следующие вопросы:

1. Была ли на столе коробка? Если да, то описать ее.
2. Какие предметы я поднял со стола? В каком порядке?
3. Который был час?
4. Какого роста человек, вошедший в комнату из сада?
5. Описать одежду этого человека.
6. Что он держал в правой руке? Описать этот предмет.
7. Описать, что делал незнакомец. Взял ли он что-нибудь со стола?
8. Что он заставил меня проглотить? Сколько времени я это глотал?
9. Сколько времени незнакомец находился в комнате?
10. Кто говорил и с кем? Что говорил?

NB: На каждый из этих вопросов ответ должен быть точный в буквальном смысле. Иначе он не будет засчитан".

- Вроде все без особых сложностей, - проворчал майор. - Но есть ловушка. Обратите внимание на примечание. Да, инспектор, вы, кажется, были правы, когда сказали, что он собирался только симулировать глотание капсулы. Посмотрите на вопрос номер 8. Хотя...

Он сложил лист и протянул его Эллиоту. Тот аккуратно вложил его в свой блокнот. Затем, внимательно глядя на часы, майор отошел к двойной двери.

- Хотя, как уже говорилось...

Дверь в вестибюль распахнулась, и луч света прорезал музыкальный зал надвое. В дверном проеме появился мужской силуэт со сверкающей на свету лысой головой.

- Эй! - воскликнул он пронзительным голосом. - Кто здесь? Что вы здесь делаете?

- Это полиция, - сказал майор. - Не волнуйтесь, Ингрэм. Зажгите лучше свет.

Неуклюже пошарив около двери, вошедший ощупью до-брался до комода и повернул выключатель. Эллиот понял, что первое впечатление, которое он составил о профессоре Джильберте Ингрэме во дворике дома древних Помпей, нуждается в уточнении.

Круглое, лоснящееся приветливостью лицо профессора Ингрэма, его склонность к полноте и размашистым движениям создавали ощущение, что он низок и толст. Это впечатление еще более усиливалось из-за простодушных голубых глаз, приплюснутого, как кнопка, носа и двух темных хохолков, небрежно зачесанных с каждой стороны лысины. У профессора была манера наклонять голову и смотреть как бы снизу вверх с выражением насмешливости, что соответствовало его отношению к жизни. Но теперь во всем этом произошла пугающая перемена.

Лицо его было мертвенно-бледным, жабо рубашки с огромной складкой вздулось и вылезало из жилета, точно тесто из опары. При этом профессор то и дело потирал друг о друга пальцы правой руки, будто они были испачканы мелом.

В действительности профессор был среднего роста и не такой уж толстый.

- Воссоздаете картину, да? - прокомментировал он. - Добрый вечер, майор. Добрый вечер, Боствик.

И он с рассеянной вежливостью послал всем коротенькую мимолетную улыбочку, подобную легкому щелчу хлыста над крупом лошади. Главный вывод, который смог сделать Эллиот, заключался в том, что этот человек с наивным и простодушным лицом без сомнения обладал глубоким умом.

- Я полагаю, - добавил Ингрэм после некоторого колебания, - это - тот агент из Скотленд-Ярда, о котором мне сказал Джо Чесни. Добрый вечер, инспектор.

- Н-да, - проговорил майор и продолжал с некоторой резкостью. - Сейчас, знаете ли... мы доверяем вам.

- Доверяете мне?

- Я имею в виду, что вы - профессор психологии. Вас бы не обманула ни одна ловушка. Вот что я хотел сказать. Вы можете объяснить нам, что же произошло во время этого треклятого представления?

Профессор Ингрэм бросил быстрый взгляд в направлении двойной двери. Выражение его лица изменилось еще больше.

- Наверное, смогу, - сказал он резко.

- Я так и думал! - воскликнул майор, наполняясь, напротив, уверенностью. - Мисс Уилз заявила, что здесь предполагалось осуществить некое пугающее зрелище.

- А! Вы уже беседовали с ней?

- Да. И насколько смогли понять, все это представление планировалось из серии обманных трюков...

- Нет. Это было больше, чем серия трюков, - сказал профессор, глядя прямо в глаза майору. - Я знаю, что это была демонстрация способа, которым были отравлены конфеты в лавке миссис Терри. Способа, благодаря которому никто не заметил действий убийцы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВТОРОЙ ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ОЧКИ

- *Она умирает.*
- *Тихо! Здесь женщина!*
Доктор Эдвард Причард
Глазго, 1865

VI

Замечание профессора дало новый ход мыслям, владевшим Эллиотом. Чтобы скрыть это, а также чтобы не дать никому сбить его новыми соображениями, он поспешил в кабинет. Выключив специальную лампу для фотосъемок, зажег другую - под зеленым абажуром, на бюро с раздвижной крышкой. Теперь комнату освещал слабый свет, по-прежнему, однако, позволяющий видеть скорчившегося в кресле Маркуса Чесни.

Итак, по словам суперинтенданта Боствика, за два дня до своей смерти Маркус Чесни отправился в полицию и спрашивал о точном размере конфетной коробки в лавке миссис Терри. Скорее всего именно такого типа коробка лежала сейчас на столе и "участвовала" в представлении. Но каким образом?

Эллиот вернулся в музыкальный зал, где майор уже набросился на Ингрэма с тем же вопросом.

- Но каким же образом, - спрашивал комиссар, - мог он продемонстрировать способ, которым кто-то отравил конфеты миссис Терри? Не имел же он в виду, что это чучело, этот незнакомец всем положил в рот по зеленоватой капсуле?

Профессор Ингрэм пожал плечами. Каждый раз, когда он направлял свой взгляд в сторону кабинета, в его глазах вспыхивало беспокойство.

- Это трудно объяснить, - проговорил он. - Но если вы интересуетесь моим мнением, то, по-моему, Чесни не придавал большого значения сцене с капсулой. Это была часть представления, но не главная. Я думаю, что самое главное событие, очевидцами которого мы должны были стать, каким-то образом связано с лежащей на столе коробкой конфет.

Комиссар задумался.

- Я не буду соваться в это дело, - сказал он после паузы. - Оставляю это вам, инспектор.

Эллиот указал профессору на одно из крытых парчой кресел. Ингрэм сел.

- Итак, сэр. Мистер Чесни сказал вам, что действительной целью его спектакля была демонстрация способа, которым отравили конфеты в лавке миссис Терри?

- Нет. Это мое предположение.

- Когда вы это предположили?

- Незадолго до начала представления. Это бросалось в глаза. Нет, лучше сказать, как в фарсе: это шибало в нос! - Профессор на секунду смущился, но затем в бесхитростном выражении его лица появился оттенок лукавства. - Поступайте, инспектор! Во время ужина я догадался, что во внезапном и необъяснимом желании Чесни разыграть перед нами эту комедию был скрыт некий замысел. О своем намерении он заговорил как бы случайно, после спора, в котором мы все участвовали. Но потом вдруг бросил нам вызов. Я все время думал над этим и решил, что заявить о своем эксперименте Чесни задумал еще до ужина. К тому же юный Эммит то и дело показывал свои зубы, посмеиваясь волчьей улыбочкой, хотя и думал, что этого никто не замечает.

- И что же дальше, сэр?

- А что дальше? Я воспротивился тому, что представление отложили до столь позднего часа, против трех бессмысленно потерянных после ужина часов. Я не из тех, кто любит вмешиваться в человеческую суету; я считаю ее священной, но на этот раз мне показалось, что мы заходим слишком далеко. Я так прямо и сказал: "Почему нам это предлагают? По-моему, за этим что-то кроется". И он мне осторожно заметил: "Смотрите внимательно и обнаружите, каким образом были отравлены конфеты миссис Терри; но, возможно, и не таким".

- У него была какая-то особенная версия?

- Очевидно.

- Версия, которую он хотел вам показать?

- Очевидно.
- И, - заметил Эллиот рассеянно, - он подозревал, кто был отравителем?
- Профессор Ингрем быстро взглянул вверх. В его глазах снова мелькнула темная тень тревоги и беспокойства; его добродушное лицо исказилось тоскливой гримасой.
- Да, у меня сложилось именно такое впечатление.
- Но он не сказал этого... не намекал?
- Нет. Ведь представление стало бы тогда ненужным.
- И вы полагаете, что отравитель убил его, потому что он знал?

- Похоже, что так. - Профессор поежился на стуле. - Скажите, инспектор, вы умный человек? Понимающий? - Он улыбнулся. - Минутку. Позвольте мне объяснить смысл вопроса. При всем уважении, которое я испытываю к нашему хорошему другу Боствику, должен сказать, что это дело до сих пор развивалось таким образом, что не очень способствовало укреплению его репутации.

Выражение лица майора Крау сделалось холодным и жестким.

- Суперинтендант, - проговорил он медленно, - выполнял то, чего от него требовал служебный...

- О, оставьте эти глупости! - воскликнул профессор примирительно. - Конечно же, так! Мы все пытаемся выполнять долг, господи! Но выполнить долг вовсе не значит еще прийти к истине, а иногда даже наоборот! Я не хочу сказать, что существует какой-то полицейский заговор против Мэрджори Уилз. Я знаю: этого нет. Но постепенно мы пришли к тому, что племянница моего друга уже не может пройти по главной улице без опасения получить в голову камнем или комком грязи! Какое же реальное усилие было сделано, чтобы разрешить загадку с отравленными конфетами? Как было спланировано расследование, чтобы установить истину? Каким способом было осуществлено это преступление? Зачем вообще были отравлены конфеты в лавке миссис Терри? - Профессор ударил кулаком по ручке кресла. - Суперинтендант Боствик, - продолжал он, - придерживается успокоительной и прямо-таки пленительной точки зрения, что, мол, чокнутые и есть чокнутые. Вот на этом мы и стоим. А чтобы подтвердить свои обвинения против Мэрджори, он ссылается на сходный случай - замечательное, черт возьми, сходство! - с Кристианой Эдмондс.

Майор Крау не произнес ни слова. Тогда профессор Ингрем продолжал:

- Сходный случай? Никогда не существовало случаев, столь несходных по самой сути! Я говорю о мотиве! Кристиана Эдмондс была сумасшедшей, но мотив ее преступления был столь же осознанным, как и у большинства убийц. В 1871 году в Брайтоне она страстно влюбилась в одного врача, который не подал ей никаких надежд. Тогда она сначала попыталась отравить стрихнином его жену. Попытку раскрыли. Ей запретили приходить в дом, и она ушла в озлоблении. Она всех уверяла, что ни в чем не виновата, и чтобы доказать это, а также чтобы убедить всех, будто в городке действует некий отравитель, задумала подменить в кондитерской конфеты с начинкой и убить несколько человек. Ну, где же здесь сходство? Разве о Мэрджори можно утверждать что-нибудь подобное? Господи, какой же у нее может быть мотив?! Наоборот! Ее жених, приехав в Содбери Кросс и послушав, что здесь говорят о невесте, перешугался и собирается удрать...

К этому моменту лицо профессора Ингрэма приняло, если можно так выразиться, ангельски-кровожадное выражение. Жабо его рубашки зловеще заскрипело. Но коротко хохотнув, он вдруг успокоился.

- В следующий раз не давайте мне повода, - проговорил он. - Это вы, а не я, вы задавали вопросы!

- Была ли мисс Уилз обручена до этого? - неожиданно спросил Эллиот.

- Почему вы спрашиваете об этом?

- Она была обручена?

И снова Ингрэм выстрелил в него загадочным взглядом.

- Нет, насколько мне известно. Думаю, что Вилбер Эммит и сейчас еще очень влюблен. Однако его разноцветный нос и, извините, полное отсутствие привлекательности вряд ли могут принести ему успех, хотя, может быть, он и получил бы одобрение Маркуса. Надеюсь, впрочем, это останется между нами.

- Мне рассказывали, - вмешался майор Крау с безразличным видом, - что Чесни отваживал всех возможных претендентов и делал так, чтобы они не могли приехать сюда и посмотреть девушки.

Профессор Ингрэм заколебался.

- В некотором смысле это правда. То, что он называл "мяуканьем", нарушило его спокойную жизнь. Нельзя сказать, чтоб он их отваживал, но...

- Мне интересно, - сказал майор. - Почему этот парень, с которым Мэрджори познакомилась за границей, так легко получил одобрение Чесни?

- Вы хотите сказать... - резко сказал профессор, - хотите сказать, что Чесни начал беспокоиться о том, как бы отделься от нее?

- Я этого не говорю?

- Как это вы не говорите? К черту, друг мой! В любом случае вы ошибаетесь. Маркусу понравился юный Хардинг. У него есть будущее, да и его восторженное почтение к Маркусу могло произвести впечатление. Однако позвольте спросить, зачем мы обсуждаем все это? Хотя мы многоного и не знаем, - тут жабо рубашки профессора Ингрэма оглушительно затрещало, - одно все же можно сказать совершенно определенно: Мэрджори не имеет ни малейшего отношения к убийству своего дяди!

В комнате снова, казалось, сделалось жарко. Эллиот заставил себя продолжать.

- Известно ли вам, сэр, что сама мисс Уилз думает обо всем этом?

- Что думает?

- Да. Она считает, что кто-то ударил мистера Эммита, занял в представлении его место и по ходу сцены использовал отравленную капсулу.

- Эффектно. - Ингрэм с любопытством взглянул на него. - Кажется, это наиболее приемлемое объяснение, не правда ли?

- Это значит, что кто-то подслушал, как мистер Чесни и мистер Эммит планируют представление после ужина. Этот кто-то стоял за дверью в сад и подслушивал. Не так ли?

- А! Теперь я понимаю, что вы хотите сказать, - пробормотал профессор.

Легкая улыбка на мгновение выступила на его губах. Он сидел, наклонившись вперед, опершись скжатыми кулаками о колени и широко, словно крылья, расставив локти. Лицо его имело то странно бестолковое выражение, которое бывает, когда умные люди собираются с мыслями и тщательно приводят в порядок факты, пытаясь их как-то систематизировать. Затем он снова улыбнулся.

- Теперь понимаю, - повторил. - Но позвольте мне задать несколько вопросов, инспектор. - Словно гипнотизер, он взмахнул рукой. - Ваш следующий вопрос будет таков: "Где вы находились между четвертью десятого и полуночью?" Затем вы спросите: где в это же время были Мэрджори и Джорж Хардинг. И еще дальше: "Где были вы все, когда разыгрывалось представление?" Вот что важно. "Возможно ли, чтобы кто-нибудь из вас, зрителей, сумел выскользнуть в темноте в

сад и сыграть роль незнакомца в цилиндре?" Вы это ведь хотите узнать, не правда ли?

Майор прищурился.

- Да, - коротко сказал он.

- Это правильно, - с довольным видом проговорил профессор Ингрэм. - Ваш вопрос достоин прямого ответа. И ответ будет таков: я готов поклясться перед любым судом, что во время представления никто из нас не покидал эту комнату!

- Хм! Заявление слишком безапелляционное! Вам не кажется?

- Никоим образом!

- Вам известно, как здесь было темно?

- Прекрасно знаю. Но, во-первых, из-за зажженной в кабинете мощной лампы было не так уж темно, как вы думаете. Во-вторых, есть и другие причины, которые, надеюсь, подтвердят мои товарищи. В самом деле, почему бы не спросить у них?

Он поднялся со стула и сделал театральный жест в сторону двери в вестибюль, потому что в этот момент она открылась и в комнату вошли Мэрдкори и Джорж Хардинг.

Эллиот изучающе оглядел пламенного жениха.

В Помпеях он видел Хардинга только со спины, и теперь возможность видеть его всегò вызвала в нем глухое раздражение. Джоржу Хардингу было лет около двадцати пяти. Манерами он обладал свободными, простодушными, даже сердечными, но не казался робким и передвигался среди людей с той же естественностью, с какой кот прохаживается на комоде среди украшений.

Это был типичный южанин: с густыми и волнистыми черными волосами, широким лицом и темными выразительными глазами. Но, как показалось Эллиоту, вид его не очень соответствовал его сердечным и немного простоватым манерам. Вероятно, Хардингу были рады во всех компаниях и он к этому привык.

В этот момент Хардинг заметил в кабинете тело Маркуса Чесни.

- Мы не могли бы закрыть эти двери? - кивнул он в сторону раздвижных дверей и положил руку Мэрдкори под свою. - Я хочу сказать, для вас это не имеет значения?

И тут он с явным удивлением обнаружил, что Мэрдкори высвободила свою руку.

- Не беспокойся обо мне, - сказала она, не сводя глаз с Эллиота.

Эллиот прикрыл дверь в кабинет.

- Мэрджори говорит, что вы хотели меня видеть, - продолжал Хардинг, дружески оглядывая собравшихся. На лицо его легла тень. - Скажите, чем бы я мог помочь? Я могу лишь сказать, что дело очень неприятное и... О! Теперь понимаю!

(Должно заметить, что сейчас мы видим Хардинга глазами Эллиота, и вовсе не обязательно таким, каков он был в действительности. Стало быть, не стоит придавать большого значения тому неприятному впечатлению, которое произвели на инспектора его прямые слова и свободный жест, сопровождавший их. Майору Крау и суперинтенданту Боствику, которые чувствовали к нему явную симпатию, Хардинг показался совершенно искренним.)

Эллиот указал ему на стул.

- Вы - мистер Хардинг?

- Именно так, - согласился тот с добродушным, почти щенячьим желанием угодить, - Мэрджори говорит, что вы хотите услышать от каждого из нас, что здесь произошло, когда... Да, когда убили бедного старика.

- Он предполагает большее, - с придушенной улыбкой вставил профессор Ингрэм. - Он подозревает, что вы, или Мэрджори, или...

- Минутку, сэр, - поспешил перебил Эллиот. Он повернулся к остальным. - Извините, пожалуйста! - Тень тревоги окутала комнату. - Да, мы нуждаемся в показаниях. Но я хочу задать вам еще несколько вопросов, и ответы на них могут оказаться более ценными, чем любые показания. Вы знали, что мистер Чесни подготовил для вас список вопросов, касающихся представления, которое он собирался вам устроить?

- Да, - ответила после паузы Мэрджори. - Разумеется. Я вам уже говорила об этом.

- Если кто-нибудь сейчас задаст вам эти же вопросы, сможете ли вы с точностью ответить на них?

- Да, - сказал Хардинг. - Но послушайте, если вам хочется разобраться в том, что здесь случилось, я могу вам подарить кое-что получше. Ведь я, между прочим, снял кинофильм!

- Цветной?

Хардинг сморгнул.

- Цветной? Боже мой, нет! Обычная черно-белая пленка. Если снимать на цветной в помещении, тем более с таким освещением, получилось бы...

- В таком случае это, боюсь, нам не поможет, - сказал Эллиот. - Где ваша пленка?

- Я положил бобину внутрь фонографа, когда началась суматоха.

Хардинг, казалось, был разочарован тем безразличием, с которым Эллиот встретил его объявление. В атмосфере комнаты опять произошло нечто, что не дало развиться возбуждению. Эллиот подошел к фонографу, приподнял крышку. Расстегнутый кожаный футляр и сама кинокамера лежали прямо на зеленом плюшевом диске проигрывателя. Три свидетеля, стоявшие позади Эллиота, как почувствовав что-то, взъярившись смотрели ему в спину - он видел их лица в стекле висевшей над фонографом картины. Он заметил также и заинтригованный пристальный взгляд, который майор Крау направил в сторону суперинтенданта Боствика.

- Вот список, - объяснил Эллиот, вынимая листок из блокнота. - Эти вопросы составлены лучше, чем смог бы это сделать я, так как они касаются наиболее важных пунктов.

- И что же это за пункты? - быстро спросила Мэрджори.

- Мы находимся здесь, чтобы выяснить это. Каждому из вас я по очереди задам вопрос и хочу, чтобы каждый из вас отвечал на него с максимальной точностью.

Профессор Ингрэм приподнял свои почти бесцветные брови.

- А вы не боитесь, инспектор, что мы уже говорились и подготовили для вас одинаковый рассказ?

- Я бы не советовал вам делать это, сэр. И думаю, вы этого не сделали. Доктор Чесни уже предупредил, что вы не можете ни в чем прийти к согласию. Если же теперь вами будет сделан шаг назад... Итак, вы уверены, что можете подтвердить обоснованность вашего хвастовства и сумеете ответить на вопросы с абсолютной точностью?

- Да, - сказал профессор со странной улыбкой.

- Да! - резко воскликнула Мэрджори.

- Не уверен, - ответил Хардинг. - Я все внимание концентрировал на том, чтобы все происходившее попало в кадр, и не очень запоминал детали. Но, думаю, кое-что смогу. В моей работе нужно открывать глаза...

- А что у вас за работа, мистер Хардинг?

- Химические исследования! - ответил почти с вызовом Хардинг. - Но это неинтересно. Поехали дальше.

Эллиот опустил крышку фонографа, положил на нее раскрытый блокнот. Он вел себя словно дирижер оркестра, поднявший дирижерскую палочку; тогда завертелось колесо подъемного механизма, поднялся занавес и зажегся свет. Эллиот до глубины души был уверен, что эти вопросы скрывают нити, которые приведут к раскрытию истины... если, конечно,

у него хватит ума, чтобы уловить не только смысл каждого вопроса, но и его значение.

- Первый вопрос, - произнес он и услышал в ответ громкий скрип стульев: слушатели собирали все свое внимание, чтобы отвечать правильно.

VII

- Первый вопрос: "Была ли на столе коробка? Если да, опишите ее!" Мисс Уилз?

Мэрджори поджала губы. В ее пристальном взгляде, направленном на Эллиота, сквозила досада.

- Если вы считаете это существенным, я отвечу, - проговорила она. - Но это чудовищно, вам не кажется? Сидим здесь, задаем друг другу вопросы, словно это какая-то игра, а он... - Она покосилась на дверь.

- Это существенно, мисс. Была ли на столе коробка? Если да, опишите ее!

- Разумеется, коробка на столе была. Она находилась справа от дяди Маркуса и немного спереди. Коробка покрытых глазурью конфет "Генри". Я не видела их названия, с моего места было не разглядеть, но я знаю, что это были именно эти конфеты, потому что на коробке были нарисованы цветы блестящего зеленого цвета.

Джордж Хардинг повернулся к девушке и смерил ее взглядом.

- Чушь! - воскликнул он.

- Что чушь?

- Цвет рисунка! О конфетах я ничего не знаю; согласен, что коробка была и на ней были нарисованы цветы. Но цветы были не зеленые. Они были темно-голубые. Именно голубые.

Выражение лица Мэрджори при этом заявлении нисколько не изменилось, но она повернула к своему жениху голову с таким высокомерным изяществом, которое можно было бы назвать классическим.

- Дорогой, - прошептала она. - Сегодняшний вечер и без того ужасен, чтобы еще ты доводил меня до крика. Прошу тебя! Эти цветы были зелеными. Мужчины склонны путать зеленый и голубой цвета. Нет, нет, прошу тебя... Только не сегодня!

- Хорошо, хорошо. Если ты утверждаешь, что они были зелеными, пусть будет так, - ответил Хардинг, расстроившись. - Но я готов умереть, если они не были голубыми! -

подскочив, добавил он. - Будем исходить из того, что мы говорим правду. Эти цветы были голубыми, темно-голубыми и...

- Дорогой...

- Минуту, - поспешил прервал их Эллиот. - Профессор Ингрэм может, очевидно, разрешить этот спор. Итак, сэр. Кто же из них прав?

- Оба, - любезно ответил Ингрэм и неспеша скрестил свои толстые ноги. - А значит, оба и ошибаются.

- Как же мы можем ошибаться оба? - возразил Хардинг.

- Можете, - любезно заявил профессор. Он повернулся к Эллиоту. - Инспектор, я говорю чистую правду. Конечно, я могу объяснить все прямо сейчас, но предпочел бы это сделать попозже. Один из последующих вопросов подскажет вам мою мысль.

Эллиот поднял голову.

- Откуда вы знаете, сэр, содержание других вопросов? - спросил он.

Наступила тишина. Казалось, она расползлась и заполнила все углы комнаты, за запертymi дверями кабинета угадывалось тиканье часов.

- Я не знаю, - хладнокровно парировал профессор. - Я просто предполагаю, какой вопрос должен быть в списке.

- Но вы не видели этого списка раньше?

- Нет. Уверяю вас, инспектор, и не сбивайте меня с толку пустяками в столь ответственный момент. Я старый специалист, старый обманщик и фокусник. Мне эти трюки известны: в тысяче аудиторий я сам практиковал их и отлично знаю, как это делается. Но раз меня не обмануть, не совершайте ошибку и вы, подозревая, будто я обманываю вас. Если вы продолжите с этим списком, то сами сообразите, что я имел в виду.

- Коробка была зеленая, - повторила Мэрджори, прикрыв глаза. - Зеленая, зеленая, зеленая. Продолжайте пожалуйста.

Эллиот взял карандаш.

- Тогда второй вопрос: "Какие предметы я поднял со стола? В каком порядке?" Имеются в виду предметы, - пояснил он, - которые мистер Чесни поднял со стола, сев за него во время представления, и в каком порядке он поднял их. Мисс Уилз?

Мэрджори отвечала без колебаний.

- Я уже говорила. Сев, он взял карандаш и сделал вид, что пишет на промокательной бумаге, потом отложил его в сторону. Затем взял ручку и тоже сделал вид, что пишет. Ее он

отложил буквально за секунду до того, как вошел незнакомец в цилиндре.

- Что скажете на это вы, мистер Хардинг?

- Это правда, - подтвердил Хардинг. - По крайней мере, первая часть. Сначала он взял карандаш, такой черно-синий, затем отложил. А вот вторым предметом была не ручка. Это был еще один карандаш, примерно такого же цвета, но более узкий.

Мэрджори снова уставилась на своего жениха.

- Джорж, - сказала она тем же спокойным тоном. - Кажется, тебе доставляет удовольствие меня раздражать. Я прошу тебя. Я хочу знать: тебе что, приятно опровергать все, что я говорю? Я знаю, что это была ручка, - вскричала девушка. - Я видела ручку. Она была темно-синяя или черная. Маленькая ручка! Прошу тебя, не пытайся...

- О, если ты все так воспринимаешь!.. - произнес Хардинг обиженно и высокомерно. Он направил на девушку выразительный взгляд темных глаз, чем вызвал в Эллиоте еще большую неприязнь к себе. На лице Мэрджори отразилось беспокойство. Эллиот представил себе типичную влюбленную пару. Ребячливые чары Хардинга держали в пленах и подавляли эту умную, но любящую женщину, внушали ей необходимость отречься от самой себя.

- Прости, - проговорила Мэрджори, - но это была ручка.

- Карандаш!

- Что скажете, профессор? Карандаш или ручка?

- Если честно, - проговорил профессор, - ни то и ни другое.

- Боже Всемогущий! - прошептал майор Крау, неожиданно сделавшись религиозным.

Профессор Ингрэм поднял руку.

- Разве вы еще не понимаете, - спросил он, - что в этом и заключаются все трюки и ловушки? А чего вы еще ждали? - В его голосе послышалось раздражение. - Маркус выкопал перед вами западню, и вы свалились в нее. Во-первых, как верно уже сказали, он действительно взял сначала карандаш и сделал вид, что им пишет. Это подготовило дальнейший ход ваших мыслей. Затем он взял то, что не было ни ручкой, ни карандашом, хотя и походило по размерам и форме на карандаш, и снова сделал вид, что пишет. Вами немедленно сделан логический вывод: вы видели карандаш или ручку. Но, естественно, ничего этого не было.

- Что же это было тогда? - спросил Эллиот.

- Не знаю.

- Но в таком случае!..

Простодушные глаза профессора заблестели.

- Минуточку, инспектор, держите себя в руках! - воскликнул он совсем непрофессорским тоном. - Я поклялся вам, что скажу, где скрывается ловушка. Я поклялся, что обнаружу ошибку, но это вовсе не означает, что я могу знать, что же он в действительности взял со стола... Я признаю, что не знаю этого.

- Но вы в состоянии описать этот предмет?

- Не полностью. - Профессор теперь казался озабоченным. - Это было похоже на ручку, но более узкое и маленькое. Думаю, темно-синего цвета. Но, помню, Маркусу было не очень удобно брать его со стола.

- Но на что это было похоже?

- Не знаю. Именно это меня и беспокоит. Это... подождите-ка! - Вцепившись в ручки кресла, Ингрэм слегка приподнялся и на какое-то мгновение повис в воздухе, словно намереваясь прыгнуть. Затем волна облегчения, а может быть, и другого чувства, прилила к его лицу, он пробормотал что-то вроде "Уф!", упал в кресло и оглядел присутствующих. - Знаю! - добавил он. - Теперь я знаю, что это было.

- Итак, сэр?

- Это была стрела от духового ружья!

- Что?

- Я уверен в этом, - подтвердил профессор с таким видом, словно только что преодолел огромное препятствие. - В университете Музее естественной истории у нас есть несколько таких стрел. В длину они менее трех дюймов; это тонкие деревянные черноватые прутики или колышки с заточенным острием. Из Южной Америки, из Малайзии или Борнео, точно не помню - мои познания в географии всегда были беспорядочны.

Эллиот перевел взгляд на Мэрджори.

- Держал ли ваш дядя в доме стрелы от духового ружья, мисс Уилз?

- Нет. Конечно же, нет. Насколько я знаю.

- Вы хотите сказать, - с интересом обратился к Ингрэму майор, - что это была отравленная стрела?

- Нет-нет! Вовсе не обязательно! Я подозреваю, что сейчас на ваше воображение начнет влиять самовнушение. Если вдруг через минуту кто-нибудь вспомнит, что видел на стреле яд, то все будет кончено. Не будем терять над собой контроль! - сказал Ингрэм, отдохнувшись и широко взмахнув руками.

кой. - Я сказал, что видел нечто похожее на стрелу духового ружья. Это ясно? Тогда продолжайте ваши вопросы!

- Верно, - согласился Джордж Хардинг... И Эллиот вдруг перехватил странный взгляд, который тот направил на профессора. Но взгляд был быстр, как вспышка молнии. - Мне кажется, что мы значительно продвинулись вперед. Продолжайте.

Эллиот заколебался. Неожиданно новая мысль пришла ему в голову и захотелось немедленно ею заняться. Он, однако, решил отложить ее на потом.

- Следующий вопрос, - сказал, заглянув в список, - относится, вероятно, к появлению из садовых дверей незнакомца. Впрочем, можете интерпретировать этот вопрос, как считаете нужным. "Который был час?"

- П полночь, - поспешил проговорила Мэрдкори.

- Около полуночи, - согласился Джордж Хардинг.

- Чтобы быть абсолютно точным, - объявил профессор Ингрэм, скрестив руки, - было без одной минуты полночь.

Он сделал паузу, словно ожидая, что от него потребуют объяснений, и Эллиот обратился к нему с вопросом.

- Я бы хотел кое в чем разобраться, сэр. Было без одной минуты двенадцать по вашим часам или по часам на каминной полке? Мне известно, что эти часы сейчас показывают точное время, но так ли было во время представления?

- Об этом я уже размышлял, - сухо отозвался профессор. - Я тоже задавал себе вопрос, не передвигал ли Маркус на часах стрелки, чтобы ввести нас в заблуждение. Но уверяю вас, игра здесь была чистой! - Казалось, профессора охватило раздражение. - Трюк подобного типа явно был бы за пределами правил. Ведь эксперимент ставился просто на наблюдательность. Маркус распорядился погасить свет, поэтому мы не могли видеть наши часы. Следовательно, установив перед нами каминные часы, он предполагал, что мы будем полагаться на указываемое ими время. Думаю, с этим согласятся все. Таким образом, я в состоянии сказать вам время по этим часам, но не могу поклясться, что эти часы указывали точное время.

- А я могу доказать, что часы показывали правильное время! - неожиданно сказала Мэрдкори.

В резком голосе девушки слышались удивление и растерянность. Словно бы она ожидала от этой дискуссии чего-то большего или ей надоело постоянно и без толку вникать в точки зрения других.

- У меня есть самые веские причины, чтобы знать это, - заявила она. - О, речь не идет о моей наблюдательности! Я могу доказать, что часы показывали точное время! Это очень легко сделать. А впрочем... что это изменит?

- Это может изменить очень многое, - произнес майор Крау, - в алиби того, кто здесь отсутствовал.

- Джо Чесни, - пробормотал профессор еле слышно и присвистнул. - Извините, - добавил он официальным тоном.

И так же, как буквально несколько минут назад он одарил всех странной улыбкой, промелькнувшей словно щелчок хлыста, сейчас (по случайности, вероятно) он снова настиг всех присутствующих еще одним щелчком хлыста, но уже совершенно другого рода. Эллиоту тут же пришла в голову мысль, каким образом толковые словари определяют слово "внушение". Но каковы бы ни были в данном случае намерения профессора, от его слов, как от брошенных в воду камней, пошли круги.

- Дядя Джо? - воскликнула Мэрджори. - А что с ним?

- Продолжайте с вашими вопросами, - объявил профессор Эллиоту, одарив девушку мимолетной улыбкой.

Быстро сделав какие-то заметки в своем блокноте, Эллиот ускорил ритм допроса.

- Если не возражаете, проанализируем ваши заявления позже. А сейчас ответьте быстро на следующий вопрос: "Какого роста был человек, вошедший в комнату из сада?"

- Под метр восемьдесят! - не задумываясь, ответила Мэрджори. - У него такой же рост, что и у Вилбера, а рост Вилбера мы все знаем. И тот же, что у дяди Джо... - неожиданно оборвала она себя на полуслове.

- Метр восемьдесят. Это довольно точно, - заявил Хардинг. - Я бы, правда, сказал, что человек был немного выше, но, возможно, мне так показалось из-за его нелепой шляпы.

- По-моему, - заметил, кашлянув, профессор Ингрэм, - нет ничего более унылого, чем слушать подобные описания...

Было очевидно, что под внешней невозмутимостью каждого из свидетелей напряжение достигло предела. Волна намеков, неясностей, противоречий поднялась в атмосфере комнаты. Глаза Мэрджори засверкали.

- Нет, я больше не вынесу! - воскликнула она. - Неужели вы сейчас заявите, что тот человек был толстым коротышкой?

- Нет, Мэрджори! Успокойтесь, - отвётил профессор, глядя не на нее, а на Эллиота. - Инспектор, вот мой ответ: человек, вошедший через эту дверь, был ростом около метра семидесяти, примерно как мистер Хардинг и я. Или же, обра-

тите на это внимание, человек был ростом метр восемьдесят, но передвигался, немного согнув колени, чтобы создать впечатление, что он ниже. В любом случае, рост его был приблизительно метр семьдесят.

Воцарилась тишина.

Майор Крау надел на нос очки в роговой оправе; это сгладило его воинственный вид. Он провел рукой по лбу. Все это время он делал заметки на обратной стороне почтового конверта.

- Послушайте, - начал он.

- Что?

- Я спрашиваю вас всех, - продолжал комиссар спокойно, но решительно. - И спрашиваю вас прямо: что это за ответы? Как можно определить рост метр семьдесят... восемьдесят... Послушайте, Ингрэм, сдается, это именно вы внушаете всем какие-то странные мысли. Каждый раз, как только появляется возможность сбивать с толку и противоречить, вы тут же это делаете. Хотите я прочитаю, что мне удалось записать?

- С огромным удовольствием!

- Так вот, все согласны, что на столе лежала коробка конфет и что первый предмет, поднятый Чесни, был карандаш. Но посмотрим остальное! Я по-своему записал тут вопросы.

Он протянул профессору конверт, который Ингрэм внимательно изучил. Затем по рукам присутствующих прошел следующий примечательный документ:

Что видели.

Какого цвета была коробка конфет?	Мисс Уилз:	Зеленая
Каков был второй предмет, поднятый со стола Чесни?	Мистер Хардинг:	Голубая
	Проф.Ингрэм:	Оба цвета
	Мисс Уилз:	Ручка
Который был час?	Мистер Хардинг:	Карандаш
	Проф.Ингрэм:	Стрела духового ружья
	Мисс Уилз:	Полночь
	Мистер Хардинг:	Около полуночи

	Проф. Ингрэм:	Без минуты полночь
Какого роста был человек в цилиндре?	Мисс Уилз:	Под метр во- семьдесят
	Мистер Хардинг:	Метр восемьде- сят
	Проф. Ингрэм:	Около метра семьдесят

- Единственное, в чем вы все почти совпадаете, это время, - продолжал майор Крау. - И, возможно, именно это - самая неверная деталь.

- Я не очень хорошо понимаю вас, сэр, - сказал профессор, поднимаясь с кресла. - В моем лице вы опрашиваете опытнейшего свидетеля. Вы просите, чтобы я вам сказал, как обстояло дело в действительности. Вы заранее предполагаете, что в показаниях очевидцев будут противоречия. Более того, вы даже хотите, чтобы они были. А теперь, не знаю отчего, сердитесь на меня, что я вам эти противоречия продемонстрировал.

- Да-да. Все это хорошо, - согласился майор. Но тут же и возразил: - Но что вы говорите о конфетной коробке?! Коробка может быть или зеленою или голубой, но не обоих цветов. А вы именно это и утверждаете. Тем более, я думаю, вам будет интересно узнать, - не глядя на Эллиота и Боствика, подававших ему отчаянные сигналы, майор окончательно отбросил полицейскую сдержанность, - вам будет интересно узнать, что коробка, которая сейчас лежит в кабинете, - голубого цвета! С голубыми цветами! А другой предмет, - и кстати, единственный - это плоский карандаш. Никакими иными предметами: ни ручками, ни карандашами, ни стрелами от духовного ружья - и не пахнет! Конфетная коробка и карандаш - и все! Позвольте теперь узнать, что вы скажете по этому поводу?

Профессор Ингрэм снова уселся на место.

- Только одно, - иронически улыбнулся он, - я объясню вам это в одну минуту, если вы предоставите мне такую возможность.

- Отлично! - проворчал майор, подняв руки и сложив ладони так, будто собирался сделать мусульманское приветствие. - Делайте, что хотите, и объясните, как вам нравится. Я сдаюсь. Продолжайте, инспектор. Простите меня за вторжение. Дело остается у вас.

В последовавшие затем минуты Эллиот обнаружил, что распри прекратились сами собой. На следующие два вопроса и половину третьего свидетели ответили почти в полном согласии. Вопросы касались незнакомца в цилиндре: "его одеяния, предмета в его правой руке и его действий". Подробное описание давало какой-то гротескный, неестественный портрет ряженого, произшедшего на всех резко отталкивающее впечатление. Цилиндр, шерстяной светло-коричневый шарф, черные очки и плащ, даже черные брюки и лакированные туфли - ничто не прошло незамеченным. Каждый из свидетелей точно описал черный чемоданчик с буквами "Р. Х. Немо, М. Д.", который незнакомец держал в правой руке. Добавилась и новая деталь: на руках незнакомца были резиновые перчатки.

Такое единодущие в описании удивило и заинтриговало Эллиота, но он почти сразу вспомнил, что свидетели имели предостаточно времени и возможности хорошенько изучить незнакомца. Почти весь реквизит Немо, включая и его чемоданчик, был выброшен в саду, на пороге дверей из кабинета. Так что свидетели видели их не только во время представления, но и позже, когда вышли в сад искать Вилбера Эммита.

И разумеется, они запомнили все действия незнакомца во время представления. Этот страшный и зловещий Немо, его огромная тень в ярком свете, похожая на персонаж из ночного кошмара - все это запечателось в памяти зрителей, как на экране. Они описали, как он вошел, как невольно вскрикнул при этом Джордж Хардинг, как Немо повернулся и посмотрел в сторону их, как затем поставил на стол чемоданчик и повернулся спиной, и, наконец, как незнакомец прошел к правой стороне стола, вынул из кармана коробку, достал капсулу и...

Но что же, черт возьми, представляло собой ключ к этой загадке?

Вот что хотел знать Эллиот! Он добрался уже до последних вопросов, а не заметил ничего, что могло содержать хоть намек на разгадку. Да, в показаниях свидетелей были противоречия, но каким образом они могли помочь ему в раскрытии преступления?

- Уже поздно, - устало проговорил Эллиот. - Ответьте-ка на такой вопрос: "Взял ли незнакомец что-нибудь со стола?"

Все трое ответили почти в один голос.

- Нет, - заявила Мэрджори.
- Нет, - подтвердил Джордж Хардинг.
- Да, - сказал профессор Ингрэм.

В переполохе, который последовал за этим ответом, послышался резкий голос Хардинга.

- Сэр, я уверяю вас, что нет! Он даже не коснулся этого стола. Он...

- Разумеется, нет, - повторила Мэрджори. - К тому же, что он мог взять? Единственное, чего, кажется, не хватает - это ручки... или карандаша, или стрелы от духового ружья. Называйте как хотите... Но я знаю, что тот человек не брал его. Дядя Маркус положил этот предмет на промокательную бумагу, перед собой. А незнакомец даже не подходил к этому месту. Что же еще он мог взять?

Профессор Ингрэм призвал всех к тишине. Лицо его сделалось суровым.

- Именно об этом, - проговорил он, - я и пытаюсь все время сказать вам. А чтобы быть точным, объясню: незнакомец взял конфетную коробку с зеленым рисунком - это конфеты "Генри" - и подменил ее коробкой с голубым рисунком - это те же конфеты "Генри", но с ментоловой начинкой. Именно эта коробка и лежит сейчас на столе. Вы хотели полной правды. Теперь она перед вами. Только не спрашивайте меня, как это проделал незнакомец! Когда он поставил свой чемодан на стол, то тот оказался перед зеленой коробкой. Когда же он снял свой чемоданчик со стола и вышел из комнаты, на столе осталась лежать голубая коробка. Повторяю, не спрашивайте меня, как он это проделал. Сам я не фокусник. Но думаю, что разгадка отравлений в кондитерской заключается в этом же трюке. Наверное, над этим еще поломают головы. Кроме того, я надеюсь, что мое объяснение рассеет сомнения майора Крау в здравости моего ума и моем желании помочь следствию. Между прочим, прежде чем вы снова начнете расправливать друг другу душу, кто-нибудь из вас, быть может, угостит меня сигаретой?

VIII

Эллиот так и не узнал, угостили ли профессора Ингрэма сигаретой. Потому что после его слов в мозгу Эллиота, как свет, вспыхнуло объяснение проделанного преступником трюка.

- Извините, я сейчас, - поспешил проговорил он и, обогнув рояль, вышел в сад.

Немного постояв у двери и плотно задернув за собой бархатные занавески, он остановился на узкой полоске газона, которая протянулась между домом и желтыми, кажущимися в темноте призрачными каштанами.

Теперь здесь было не только холодно, но и сумрачно – окна кабинета поблескивали довольно тускло. Ничто не шевелилось вокруг, и ему стало казаться, что собственная его плоть, его кости сделались хрупкими и прозрачными. Где-то неподалеку – или это опять показалось? – позвякивал колокольчик. Он пристально вглядывался в разбросанные на газоне вещи доктора Немо.

Этот черный чемодан рядом с плащом и цилиндром...

О, теперь-то он знал наверняка, отчего его вид с самого начала показался ему странно знакомым. Точно такой же, слишком маленький для обыкновенного дорожного и чуть больше чемоданчика врача, был выставлен среди других орудий преступления в Черном музее Скотленд-Ярда.

Эллиот опустился на корточки. Черная лакированная кожа; кажется, совсем новый. Имя доктора Немо грубо выведено с помощью трафарета. Эллиот обернул руку платком и открыл чемоданчик. Внутри лежала коробка из-под конфет "Генри" с ярким зеленым рисунком.

– Вот в чем дело, – проговорил он вслух.

Такого типа черные чемоданчики были любимыми орудиями разного рода лавочных воров. Эллиот поднял его и исследовал дно. Первоначально чемоданчики использовались на сеансах фокусников, чуть позже их стали использовать преступники при кражах в ювелирных и прочих магазинах – там, где товар выставлялся открыто.

Обычно вор с самым невинным видом входил в магазин с чемоданчиком в руке. Он рассеянно ставил его на прилавок, а сам делал вид, что изучает какой-нибудь товар. Хитрость заключалась лишь в том, что поставить чемоданчик прямо на объект кражи. Ибо дно его было снабжено простенькой пружиной, нажатие которой позволяет втянуть внутрь предмет, находящийся под ним. Затем, не сделав ни одного подозрительного движения, вор поднимал свой чемодан с прилавка и покидал магазин.

Загадочные манипуляции "доктора Немо" стали ясны. Войдя в кабинет, он поставил на стол чемодан и одновременно повернулся спиной к зрителям. Но поставил не перед зеленой коробкой, а прямо на нее. Чемодан достаточно вместителен и крепок, чтобы переносить предметы гораздо более крупные и тяжелые, чем конфетная коробка. В кармане

же плаща убийца держал голубую коробку с мятными конфетами. Видимо, именно в тот момент, когда он наклонился, чтобы поставить на стол чемодан, или же когда он снимал его, он незаметно подставил сзади голубую коробку. Зрители этого не заметили, поскольку он прикрывал свои манипуляции спиной. К тому же здесь особой ловкости и не требовалось, так как зрители были, без сомнения, ослеплены ярким светом лампы и немного утомились. Все это было проделано с помощью Маркуса Чесни и было составной частью спектакля...

Каким же образом это могло помочь в разгадке преступления в кондитерской лавке? Не хотел ли Маркус этим сказать, что целая коробка конфет была подменена другой?

- Кхе-кхе, - раздался чей-то хриплый голос прямо над головой Эллиота.

Отпрыгнув, Эллиот вскинул взгляд. Из окна второго этажа выглядывало лицо Джозефа Чесни. Доктор Джо перегнулся через подоконник и так свесился наружу, что, казалось, вывалится сейчас, точно тюк с бельем.

- А что, внизу все оглохли? - сварливо проговорил он. - Неужели никто не слышал звонка в наружную дверь? Он звонит минут пять! Какого черта! Я же не могу заниматься всем одновременно! У меня ведь бо...

Эллиот очнулся. Только теперь он сообразил, что это, видимо, пришли судебный врач и фотограф, нагруженный аппаратурой для экспертизы отпечатков пальцев; оба приехали с места, отстоящего отсюда на двенадцать миль.

- Послушайте! - прорычал доктор Джо.

- Что такое?

- Пришлите ко мне Мэрджори! Он звал ее!

Эллиот оживился.

- Он пришел в сознание? Я могу его видеть?

За окном ему были видны красная волосатая рука и рукав свободной рубашки. При тусклом свете из нижнего этажа дома рыжая борода доктора Джо имела почти мефистофельский вид.

- Увы, друг мой, - сказал доктор. - Он не пришел в сознание; по-крайней мере, в том смысле, который подразумеваете вы. И вам не удастся поговорить с ним ни этой ночью, ни утром, ни через неделю, даже ни через месяц и ни через год. Слышиште меня? И пошлите Мэрджори наверх. Эти служанки никуда не госятся. Одна все теряет, другая уже забралась под одеяло. Господи, я прошу вас!!!

Голова доктора исчезла в окне.

Эллиот чрезвычайно медленно собрал вещи, принадлежавшие доктору Немо. Отдаленный звон прекратился. Холодный ветер занялся в ночи, зашевелился в сухих листьях, поднял с земли крепкий, глубокий запах увядания, но потом, то ли из-за неустойчивости этого ветерка, то ли потому, что дверь была приоткрыта, пришел другой запах, более сладкий. Казалось, тончайшие духи наполнили все пространство.

Эллиот невольно вспомнил, что где-то здесь, в темноте, скрывалось почти полгектара оранжерей. То был аромат персиков и миндальных деревьев, плоды которых созревают между июлем и ноябрем; призрак Белгарда - аромат горьких зернышек.

В тот момент, когда Эллиот вносил в кабинет вещи доктора Немо, дверь из вестибюля приоткрылась и суперинтендант ввел еще двоих мужчин, представив их как доктора Уэста и сержанта Метьюза. За ними появился майор Крау. Метьюз получил практические инструкции по поводу отпечатков пальцев и фотографирования, а доктор Уэст склонился над телом Маркуса Чесни.

Майор Крау повернулся к Эллиоту.

- Ну что, инспектор, - спросил он. - Почему вы нас так поспешно покинули? Вы что-нибудь нашли?

- Я выяснил, как были подменены конфетные коробки, сэр, - ответил Эллиот и объяснил.

На майора Крау, без сомнения, это произвело сильное впечатление.

- Гениально! - заявил он наконец. - Чертовски ловко! Но так же... Послушайте, но где же Чесни раздобыл чемодан с пружиной?

- Они попадаются в Лондоне. В некоторых магазинах, торгующих реквизитом для фокусов.

- Вы хотите сказать, что он специально послал за ним?

- Выходит, что так, сэр.

Майор Крау подошел ближе и внимательно изучил чемодан.

- Это означает, - заметил он, - что проведение эксперимента он замыслил довольно давно. Знаете, инспектор, -казалось, майором овладело сильное желание дать чемодану хороший пинок, - по ходу нашего расследования, сдается мне, этот проклятый спектакль становится все более важным. Но помогает он нам все меньше и меньше. Чего мы достигли? Что выяснили? Подождите-ка, есть ли еще вопросы в списке Чесни?

- Да, сэр. Еще три.

- Тогда идите в комнату и продолжайте опрос свидетелей, - сказал комиссар, бросив недовольный взгляд на двойную дверь. - Но... прежде чем вы пойдете... я хотел спросить вас: вам во всей этой неразберихе не бросилось в глаза ничего особенного?

- Что именно?

Майор Крау принял величественную позу, соответствующую его должности. Он выбросил вперед руку с вытянутым, костлявым пальцем, словно собирался выступить с программной речью:

- В этих часах есть что-то странное и зловещее, - объявил он.

Все тут же повернули головы и уставились на часы. Так как доктор Уэст для изучения трупа снова включил мощную специальную лампу, то белый циферблат с бронзовыми украшениями и мраморной рамкой ярко сверкал на каминной полке. Было без двадцати минут два.

- Так поздно? Я должен идти домой, - поспешил проговорил майор. - Но все равно, исследуйте их хорошенько. Может быть, Чесни передвинул стрелки? Он должен был сделать это перед спектаклем. А затем, после окончания, - помните? - он закрыл дверь в кабинет и не показывался до тех пор, пока профессор Ингрэм сам не постучал к нему и не пригласил его выйти к зрителям. В этот промежуток времени Чесни имел возможность передвинуть стрелки обратно. Не правда ли?

Эллиот с сомнением глядел на него.

- Возможно, сэр. Если только он намеревался это сделать,

- Но он мог! Нет ничего проще. - Майор подошел к камину, проскользнув за креслом с мертвецом. Взял часы в руки, он постучал по ним слегка и повернул тыльной стороной. - Видите эти два колесика? Одно из них - для заводки пружины, второе - это головка винта для вращения стрелок... Э!

Он склонился над часами и внимательнейшим образом изучал их. Эллиот последовал его примеру. На тыльной стороне часов имелся крошечный бронзовый ключик для заводки, но вместо винта было лишь круглое отверстие.

- Винт для вращения стрелок сломан, - произнес Эллиот. - И сломан он изнутри.

Он склонился еще ниже. Внутри крошечного отверстия удалось разглядеть крошечную бронзовую цапфу, а рядом с отверстием на грязноватом металле имелась царапина.

- Его сломали недавно, - объявил он. - Вероятно, это и имела в виду мисс Уилз, когда утверждала, что часы установлены на точное время. Видите, сэр? До тех пор пока часовщик

не возьмется за починку, никто не сможет переставить стрелки.

Майор Крау не сводил с часов взгляда.

- Не согласен, - сказал он. - По-моему, нет ничего легче. Смотрите!

Он перевернул часы в нормальную позицию, открыл стеклянный колпак, защищавший циферблат, и дотронулся до стрелок.

- Вот и все, - продолжал, - теперь достаточно повернуть...

- В таком случае, попробуйте, сэр! - предложил Эллиот.

Но майор вынужден был тотчас отказаться от своего намерения. Металлические стрелки были настолько тонкими, что попытка передвинуть их пальцами привела бы к поломке или к срыву резьбы. Стало очевидно, что их положение нельзя было изменить ни на миллиметр. Эллиот с трудом подавил улыбку и отошел. Словно с насмешкой продолжали стрелки обычный свой путь; крошечный винт, поддерживавший их, казалось, подрагивал, а тиканье заставило в инспекторе вибрировать такие веселые струны, что он едва не рассмеялся прямо в лицо комиссару. Это был символ. Препятствие, как бы нарочно придуманное романистом: часы, с которыми ничего нельзя было поделать.

- Все ясно, - проговорил он.

- Ничего не ясно, - возразил майор.

- Но сэр...

- Я настаиваю на том, что в этих часах есть что-то странное и пугающее, - проговорил майор напыщенно и размеренно, будто приносил присягу. - Я не знаю, что это. Но вы сами убедитесь в этом. И довольно скоро.

Внезапно вспыхнув и пустив дымное облако, потухла специальная лампа. Все подскочили. В кабинете, освещенном лишь обычной настольной лампой под зеленым абажуром, стало довольно сумрачно. К счастью, доктор Уэст успел окончить осмотр тела. Это был человек почтенного возраста, в очках и с изможденным лицом.

- Ну, что бы вы хотели узнать? - устало обратился он к майору.

- Отчего он умер?

- Отравление синильной кислотой или одним из ее производных. Утром я сделаю вскрытие и скажу более точно.

- Джо Чесни утверждал, что это цианид.

- Вы, вероятно, думаете о цианистом калие, - извиняющимся тоном произнес Уэст. - Он принадлежит к группе цианистых солей, производных от синильной кислоты. Я

согласен с тем, что это один из самых распространенных цианидов.

- Прошу извинить мое невежество, - сказал майор Крау. - Я читал кое-что о стрихтине в связи с другим делом, но о синильной кислоте почти ничего не знаю. Предположим, кто-то убил Чесни синильной кислотой или производным от нее цианидом. Откуда это вещество берется? Как можно было бы достать его?

- У меня есть с собой кое-какие записи, - ответил доктор Уэст, неторопливо сунув руку в карман. В голосе его слышалось скромное удовлетворение. - Нам не часто, знаете ли, выпадает случай столкнуться с отравлением синильной кислотой. Редко, очень редко. Поэтому я в свое время, при расследовании дела Билли Оуэнза, сделал кое-какие записи и сегодня подумал, что неплохо было бы взять их с собой. - Он продолжал благодарным тоном. - Чистая синильная кислота (HCN) - вещь, почти не доступная человеку несведущему. С другой стороны, хороший химик без труда может изготовить ее из веществ неядовитых (я имею в виду те вещества, которые не упоминаются в списке ядов). Одна из солей синильной кислоты - цианистый калий - используется в жизни довольно часто. Например, в фотографии, как вы, вероятно, знаете. Также и в качестве инсектицида для фруктовых деревьев...

- Фруктовых деревьев, - пробормотал майор Крау.

- Кроме того, он применяется в процессе электроплатинада и в смертоносных бутылках...

- Каких?

- Это из энтомологии, - пояснил доктор. - Домик для бабочек. Смертоносная бутылка содержит пять процентов цианистого калия; ими торгуют таксидермисты. Но при покупке, разумеется, нужно расписаться в специальной книге.

- Позвольте задать один вопрос, доктор, - вступил Эллиott. - Правда ли, что в косточках персика и ядрышках содержится синильная кислота?

- Правда, - ответил доктор Уэст, потирая лоб.

- А можно ли ее выделить?

- Меня уже как-то спрашивали об этом, - доктор Уэст потер лоб еще сильнее. - Конечно, это возможно. Но посчитайте сами: чтобы выделить из персиков летальную дозу, необходимо взять косточки приблизительно пяти тысяч шестисот плодов. По-моему, путь не очень-то продуктивный.

Наступила пауза. Затем заговорил Боствик.

- Этот яд пришел сюда со стороны, - заметил он мрачно.

- Да, вы правы, - согласился комиссар. - Поэтому вы и пойдете по следу. И если мы не смогли обнаружить источник появления стрихнина, то уж цианид мы найдем, даже если для этого нам придется просмотреть все регистрационные аптечные журналы, которые существуют в Англии. Это ваша задача; суперинтендант. Кстати, доктор... вы знаете такие капсулы, большие и зеленоватые? Капсулы с касторкой.

- Да.

- Предположим, что смертельная доза цианида оказалась в ней. Как можно ввести яд в капсулу? С помощью шприца?

Доктор Уэст задумался.

- Да, это возможно, - проговорил он. - Если не вводить значительного количества, то он хорошо растворится в желатине и касторовом масле. Кроме того, они поглотят его запах и вкус. Пятьдесят четыре миллиграмма синильной кислоты в жидким виде - уже смертельная доза. В аптеках синильную кислоту, конечно, приготовляют в растворах. Но нужно сказать, что двенадцать или восемнадцать сантиграммов выполнили бы свою задачу.

- И как быстро действует яд?

- Я пока не знаю дозы, которую дали мистеру Чесни, - заметил доктор Уэст извиняющимся тоном. - Обычно симптомы проявляются через десять секунд. В данном же случае сначала должен был раствориться желатин, а касторовое масло задержало впитывание яда. Скажем, процесс затянулся минуты на две, прежде чем смертельные симптомы появились со всей силой. Что же касается остального, то все зависит от дозы. После полного впитывания абсолютный паралич может наступить мгновенно; но смерть может наступить также и через три минуты, и через полчаса.

- Хорошо. Это вписывается в рамки того, что мы уже знаем, - сказал майор Крау и, возбужденно махнув рукой, добавил: - В таком случае, инспектор, будет хорошо, если вы вернетесь и потерзаете всю эту компанию. - Он с неприязнью кивнул в сторону музыкального зала. - Проверьте, насколько они уверены, что действительно видели капсулу с касторкой. Тут может оказаться еще одна ловушка. Проверьте... попытайтесь распутать этот клубок, и тогда мы точно будем знать, где находимся.

Обрадовавшись тому, что работать придется в одиночку, Эллиот поспешил в музыкальный зал и прикрыл за собой двери. Три пары глаз пристально глядели на него.

- Теперь я не задержу вас надолго, - сказал он любезно. - Но хотел бы, чтобы вы осветили несколько недостающих пунктов.

- Минутку, - заметил профессор Ингрэм, изучая лицо Эллиота. - Не могли бы и вы, инспектор, кое-что объяснить? Вы убедились, что конфетные коробки, как я и говорил, были подменены?

Эллиот заколебался.

- Да, сэр. Мне не трудно признать, что вы оказались правы.

- Ага! - воскликнул профессор, исполнившись какого-то неприятного удовлетворения. Он откинулся на спинку стула. Мэрджори и Джорж Хардинг с интересом глядели на него. - Я очень хотел, чтобы так оно и вышло. Теперь мы находимся на пути к решению.

Мэрджори уже открыла было рот, но Эллиот опередил ее.

- Итак, здесь в списке, составленном мистером Чесни, есть еще один вопрос о человеке в цилиндре. "Что он заставил меня проглотить? Сколько времени я глотал это?" Вы все согласны, что это была капсула с касторовым маслом?

- Я в этом уверена, - ответила Мэрджори. - А глотал он ее две-три секунды.

- Во всяком случае, - осторожно проговорил профессор Ингрэм, - этот предмет имел вид капсулы. И Маркус с трудом проглотил ее.

- Я никогда не видел подобных капсул, - сказал Хардинг. На его бледном лице были написаны беспокойство и неуверенность. "Интересно, отчего?" - подумал Эллиот. А Джорж добавил: - Я бы сказал, что это была виноградина, зеленая виноградина, и меня еще удивило, как он не подавился ею. Но если двое из нас признают в ней капсулу, то я согласен.

- Мы еще вернемся к этому пункту, - пообещал Эллиот. - А сейчас я хочу задать вам вопрос чрезвычайной важности. "Сколько времени незнакомец находился в комнате?"

Он произнес это с такой суровостью, а на лице Ингрэма заиграла такая ясная саркастическая улыбка, что Мэрджори смешалась.

- Здесь есть какая-нибудь ловушка? - спросила она. - Вы имеете в виду: сколько времени прошло с того момента, как человек вошел в кабинет из сада и до того, когда он вышел? Я уверена, что недолго. Я думаю, минуты две.

- Две с половиной минуты, - поправил Хардинг.

- Незнакомец находился в комнате ровно тридцать секунд, - заявил профессор Ингрэм. - Обычно с удивительным однообразием стремятся преувеличить время происходящего. В действительности же Немо не очень рисковал. Они не имели времени изучить его как следует, хотя и убеждены в обратном. Если желаете, инспектор, я могу вам расписать по минутам всю сцену, включая и действия Чесни. Хотите?

Эллиот согласно кивнул. Профессор прикрыл глаза.

- Начнем с того момента, когда Чесни проскользнул в эти двери и я выключил свет. Прежде чем Чесни снова открыл двери и начал представление, пробежало около двадцати секунд. Между моментом начала представления и появлением на пороге кабинета Немо прошло еще секунд сорок. Таким образом, до появления Немо прошла одна минута. Немо находился в кабинете тридцать секунд, после его ухода Чесни секунд тридцать сидел за столом, а затем упал ничком и сделал вид, что умер. Потом он встал и снова закрыл двери. А мне, чтобы зажечь свет в комнате, пришлось разыскивать этот проклятый выключатель. На все это ушло еще, скажем, секунд двадцать. Таким образом, все представление, то есть с момента, когда свет был погашен, и до момента, когда он снова был включен, заняло не более двух минут двадцати секунд.

Взгляд Мэрджори не выражал согласия, а Хардинг пожал плечами. Они не возражали открыто, но чувствовалось, что дух непокорства овладел ими. К тому же они оба устали и были бледны. Мэрджори дрожала, взгляд ее был напряженным. Эллиот сообразил, что закручивать пружину сегодня больше не стоит: она может не выдержать.

- Ну, и последний вопрос, - поспешил сказать он. - "Кто говорил? Или говорили? Что говорили?"

- Какое счастье, что это последний вопрос! - воскликнула Мэрджори. - На этот раз я, по крайней мере, знаю, что ошибиться не могу! Человек в цилиндре не произнес ни слова. - Девушка бросила строгий взгляд на Ингрэма. - Вы не станете опровергать это, не так ли?

- Нет. Я не отрицаю.

- А дядя Маркус заговорил только один раз. Это произошло как раз в тот момент, когда незнакомец поставил на стол портфель и сделал шаг вправо. Дядя Маркус сказал: "Ты сделал сейчас то же, что и раньше. Что еще ты собираешься предпринять?"

- Именно так, - кивнул согласно Хардинг. - "Ты сделал сейчас то же, что и раньше. Что еще ты собираешься предпринять?" Или что-то в этом роде. Я, конечно, не могу поклясться в полной точности слов.

- И это были единственные слова? - настаивал Эллиот.

- Абсолютно.

- Не согласен, - сказал профессор Ингрэм.

- Проклятье! - истерично вскрикнула Мэрдкори. Одним прыжком она вскочила с кресла. Эллиот сам едва не подскочил от неожиданности: настолько странно было видеть, как могло мгновенно исказиться мягкое, безмятежное, почти викториансское лицо девушки. - Идите вы к черту!

- Мэрдкори! - воскликнул Хардинг. Закашлявшись он начал делать многозначительные жесты Эллиоту, как человек старший и желающий показать, что призывает к порядку персону, ведущую себя неподобающим образом.

- Нет причин так вести себя, Мэрдкори, - мягко заметил профессор Ингрэм. - Я лишь пытался помочь тебе. Ты ведь это хорошо знаешь.

Истерическая вспышка девушки сменилась замешательством. Затем из глаз хлынули слезы, лицо зарделось и стало по-настоящему прекрасным. Этого впечатления не смогло испортить даже дрожание ее губ.

- Извините меня, - прошептала она.

- Например, - продолжал как ни в чем не бывало Ингрэм, - нельзя буквально утверждать, что в течение представления никто больше не произнес ни слова. - Ингрэм повернулся к Хардингу. - Ведь вы тоже говорили!

- Я?

- Да. Когда доктор Немо вошел, вы подались вперед, чтобы иметь лучший ракурс для вашей кинокамеры и вскрикнули: "Ой! Человек-невидимка!" Разве не так?

Хардинг несколько раз провел рукой по волосам.

- Да, сэр, - произнес он. - Я хотел проявить остроумие. Но какого черта!.. Ведь вопрос не относится ко мне! Он касается только участников представления!

- А вы, - продолжал профессор Ингрэм, повернувшись к Мэрдкори, - вы также что-то прошептали. Когда Немо запрокинул вашему дяде голову и заставил его проглотить капсулу, вы, словно протестуя, вскрикнули. Вы пробормотали что-то вроде "Нет! Нет!" Это было произнесено тихо, но было хорошо слышно.

- Я не помню, - заморгав, возразила Мэрдкори. - Может быть, я что-то и говорила. Но что с того?

- Я готовлю вас к следующей атаке инспектора Эллиета, - продолжал профессор с подчеркнутым спокойствием. - Я все пытаюсь натолкнуть вас на мысль: инспектор задается вопросом, не сумел ли кто-нибудь из нас проскользнуть в кабинет и убить Маркуса за те две минуты, что длилось представление. Итак, я клянусь, что видел и слышал вас обоих все то время, которое Немо находился в кабинете. Могу также поклясться, что вы не выходили из этой комнаты. Если вы, молодые люди, способны поклясться в том же и в отношении меня, то мы выставим тройное свидетельство, против которого не выдержит и вся мощь Скотленд-Ярда. Что скажете?

Эллиот окаменел. Он понял, что ближайшие минуты приведут его на перепутье в этом деле.

IX

Хардинг вскочил. В его больших "коровьих" глазах - так их называл Эллиот, перебрав в уме всех животных и наконец отыскав сходство, - сквозило беспокойство. По привычке и скорее машинально он сохранял еще обычное добродушие, продолжая проявлять почтение к представителю власти, но волосатые его руки нервно сжимались.

- Я же держал в руках камеру! - громко запротестовал он. - Посмотрите, вот она! Разве вы не слышали, как она работает? Нет?..

И тут он рассмеялся искренне и мило. Казалось, он рассчитывал, что кто-нибудь засмеется вместе с ним, и был немного разочарован, увидев, что этого не произошло.

- Ясно, - добавил он, глядя куда-то вдаль. - Однажды я прочитал рассказ...

- Только не рассказывайте его! - заметил профессор Ингрэм.

- Н-да, - проговорил невесело Хардинг. - В том рассказе один тип имел алиби, потому что свидетели слышали, как он все время печатал на машинке. А потом выяснилось, что у него был механический аппарат, создававший шум работающей пишущей машинки, когда его не было дома. Черт побери! Вы что, думаете, будто можно заставить работать кинокамеру в отсутствие хозяина?

- Это абсурд! - воскликнула Мэрджори с такой горячностью, будто сама мысль о работающей без хозяина камере была верхом дьяволизма. - Ведь я тебя видела! Я знаю, что ты был с нами в комнате. Этому-то вы хоть верите, инспектор?

Эллиот засмеялся, прикидываясь простачком.

- Мисс Уилз, ведь я ничего не сказал. Это профессор все время делает намеки. Во всяком случае, мы можем прояснить до конца только один пункт. Здесь было очень-очень темно, не так ли?

Профессор Ингрэм успел опередить всех остальных:

- Было очень темно лишь в течение двадцати секунд, пока Чесни не открыл дверь кабинета. После этого стало достаточно светло от отражения яркой специальной лампы. Таким образом, нельзя сказать, что темнота была полной. Все силуэты выписывались довольно отчетливо, что, надеюсь, подтвердят и мои товарищи.

- Минуту, сэр. Как вы все сидели?

Профессор Ингрэм встал, тщательно расставил три кресла в ряд, оставив между каждым из них пространство чуть меньше метра. Кресла были повернуты в сторону двойной двери в кабинет и отстояли от нее примерно в трех метрах, так что максимальное расстояние, которое отделяло их от Маркуса Чесни, составляло немногим менее пяти метров.

- Чесни расставил кресла до нашего прихода, - объяснил профессор. - И мы их не передвигали. Я сидел здесь, с правого края, около выключателя. - Он положил руку на спинку кресла. - Мэрджори сидела в центре, Хардинг на левой стороне.

Эллиот изучил позицию. Потом повернулся к Хардингу.

- Но почему вы оказались слева? - поинтересовался он. - Разве в центре не лучшая позиция для съемок? Отсюда вы явно не могли поймать в кадр Немо, когда он вошел со стороны сада.

Хардинг потер лоб.

- Тогда я спрошу вас: Какого черта, по-вашему, я мог знать, что здесь будет происходить? - сказал он прямо. - Мистер Чесни не сообщал предварительно, что мы увидим. Он сказал: "Садитесь здесь". И, надеюсь, вы понимаете, что я не стал с ним спорить! Уж кто-то, но не я, беднецкий Джоржик. Я сидел... точнее сказать, стоял здесь, и тут был вполне хороший ракурс.

- О! Что мы получим от этих споров! - проговорила Мэрджори. - Естественно, он находился здесь. Я сама видела, как он передвигался вперед и назад, чтобы лучше ухватить сценку в кадр. И я тоже была здесь. Правда?

- Была, - мягко проговорил профессор Ингрэм. - Я ощущал ее.

- Что? - воскликнул Хардинг.

- Ощущал ее присутствие, юноша. Слышал ее дыхание. Я мог коснуться ее, если бы протянул руку. Верно, на Мэрджори темное платье, но вы видите, кожа ее очень белая и ее руки, лицо различались в темноте так же ясно, как и манишка вашей рубашки. - Профессор кашлянул и повернулся к Эллиоту. - Я все пытаюсь объяснить вам, инспектор, что никто из молодых людей ни на минуту не покидал комнату. Хардинг все время находился сзади меня. Мэрджори - на длину руки. Если они говорят то же самое и обо мне...

Он любезно поклонился в сторону Мэрджори. Эллиот почувствовал, что его манеры напоминали поведение врача, слушающего пульс у больного, и на его лице читалось сосредоточенное спокойствие.

- Конечно, вы тоже находились здесь, - подтвердила Мэрджори.

- Вы убеждены? - настаивал Эллиот.

- Полностью. Я видела его рубашку, видела лысину, - продолжала она с легким вызовом. - И... О! Я видела его всего! Я тоже слышала его дыхание. Вы никогда не участвовали в спиритических сеансах? Неужели вы бы не заметили, как кто-то покидает помещение?

- А что скажете вы, мистер Хардинг?

Хардинг смущился.

- Ладно. Честно говоря, большую часть времени я глядел в глазок камеры. Поэтому у меня не было возможности озираться и разглядывать, что делается вокруг. - Он стукнул кулаком по ладони левой руки и в его взгляде проскользнуло облегчение, как если бы его глазами управлял какой-то руль. - А! Погодите-ка! Сразу, как только тот, в цилиндре, покинул сцену, я посмотрел вверх, шагнул назад и закрыл камеру. Отступая, я наткнулся на стул, посмотрел вокруг. - Хардинг показывал все свои действия руками. - И в этот момент совершенно отчетливо видел Мэрджори. Я видел, как блестят ее глаза. В общем, вы понимаете, что я хочу сказать. Естественно, я знал, что она все время находилась здесь, я слышал, как она громко вскрикнула: "Нет!" Но я и видел ее. В любом случае, - широкая улыбка Хардинга осветила комнату, - вы можете быть более чем уверены, что ее рост не метр семьдесят и не метр восемьдесят.

- А меня вы видели? - спросил Ингрэм.

- Что? - проговорил Хардинг, не отрывая взгляда от Мэрджори.

- Я говорю, меня вы видели в темноте?

- Ну конечно! Кажется, вы пытались выяснить, который час, и склонились к часам. Ну, разумеется, и вы находились здесь.

Хардинг внезапно оживился и, казалось, собрался расхаживать по зале, заложив пальцы за борт пиджака. Эллиот начал догадываться, что вслепую забирается в еще больший туман. Это дело было психологическим болотом. Но он все же хотел убедиться, что эти люди говорят правду или убеждены в своих словах.

- Итак, - заявил профессор Ингрэм. - Перед вами коллективное алиби, в силу своей крепости по-настоящему серьезное. Как видите, никто из нас не мог совершить преступления. Вот на этом... твердом фундаменте вы и должны строить свою версию. Конечно, вы можете усомниться в правдивости наших рассказов, но нет ничего проще, как проверить их. Давайте попробуем реконструировать ситуацию! Мы сидим в ряд, как тогда. Погасите свет, включите в кабинете лампу "Фотофлуд", и вы сами окончательно убедитесь в том, что никто из нас не мог незаметно выйти из комнаты.

- Боюсь, сэр, мы не в состоянии проделать это. Конечно, если имеется еще одна лампа, - сказал Эллиот. - Та, что была в кабинете, только что перегорела. Кроме того...

- Но!! - воскликнула было Мэрджори и вдруг оборвала себя на полуслове, пристально и удивленно глядя на закрытую дверь.

- ... кроме того, - продолжал Эллиот. - Вы не единственные, кто нуждается в алиби. Я хотел бы вас кое о чем спросить, мисс Уилз. Несколько минут назад вы выражали уверенность в том, что часы в кабинете идут точно. Почему вы так уверены в этом?

- Что?

Эллиот повторил вопрос.

- Потому что они сломаны, - отвечала Мэрджори, словно очнувшись. - Винтик для перевода стрелок отломан полностью, так что часы невозможно перевести. А идут они точно. С тех пор, как они у нас появились, они не врали.

Профессор Ингрэм криво усмехнулся.

- Понятно. А когда они сломались, мисс Уилз?

- Вчера утром. Их сломала Памела, одна из служанок дяди Маркуса, когда наводила порядок в кабинете. Она заводила часы, а в руке еще держала железный подсвечник, которым и ударила случайно по часам, оторвав винтик. Я была уверена, что дядя Маркус придет от этого в бешенство. Видите ли, он позволяет прибирать в своем кабинете только раз в неделю.

Тут у него хранятся все деловые счета и особенно рукопись книги, над которой он работает и которую мы не смеем трогать... Но этого не произошло.

- Чего не произошло?

- Он не рассердился, я хочу сказать. Наоборот, он сказал, что часы можно послать в фирму "Симмондс" на починку. Он повертел часы в руках и вдруг рассмеялся. Заявил, что мы оставим их, как есть, потому что они теперь словно заперты и стрелки невозможно будет передвинуть, а ему это нравится. (Они заводятся на восемь суток.) Потом дядя сказал, что Памела восхитительная девушка, а для ее родителей, когда они состарятся, она будет настоящим утешением. Я точно помню все это.

"Итак, - задумался детектив-инспектор Эллиот, - отчего при виде сломанных часов человек вдруг разражается хохотом?" Однако у него не оказалось времени, чтобы поразмышлять над этим обстоятельством. Словно для того, чтобы его беспокойство усилилось еще больше, в дверях вестибюля показался майор Крау.

- Можно вас на минутку, инспектор? - осведомился он каким-то странным голосом.

Эллиот вышел, прикрыв за собой дверь. Просторный вестибюль был обширен светлым дубом, имел широкую лестницу, устланную мягким ковром, и начищенный до блеска воском пол, в котором отражался край ковровой дорожки. Настенный светильник отbrasывал рядом с лестницей круг света, в котором стоял столик с телефоном.

Вид у майора Крау был как всегда добродушный и безобидный, но в глазах светилась неприязнь. Он кивнул в сторону телефона.

- Я только что говорил с Билли Эмсвортом, - сказал он.

- Билли Эмсвортом? А кто это?

- Человек, у которого сегодня ночью родился сын. Ну, тот, который вызывал Джо Чесни: помните? Несмотря на позднее время, я решил позвонить, подумал, что Эмсворт, возможно, еще не лег и отмечает событие с друзьями. Так оно и оказалось. Я, разумеется, ничего ему не объяснял, просто поздравил. Надеюсь, что ему и в голову не придет, зачем я ему звонил. - Майор глубоко вздохнул. - Так вот, если в кабинете часы идут точно, то Джо Чесни имеет совершенно непоколебимое алиби.

Эллиот не произнес ни слова и ждал.

- Ребенок родился примерно в двадцать три пятнадцать. После этого Чесни сидел и болтал с Эмсвортом и его друзьями почти до полуночи. Когда он уходил, все посмотрели на часы. Эмсворт и доктор стояли на пороге в тот самый момент, когда на колокольне часы пробили полночь, и по этому поводу Эмсворт еще ударился в рассуждения о приходе нового и лучшего дня. Так что час ухода Чесни от Эмсвортов подтвержден. А Эмсворт живет на другом конце Содбери Кросс: так что в момент совершения убийства Чесни не мог оказаться здесь. Что вы об этом думаете?

- Только одно, сэр. В этом доме все имеют алиби, - проговорил Эллиот и рассказал о допросе профессора Хардинга и Мэриджори Уилз.

- Хм, - проворчал Крау.

- Да, сэр.

- Запутанная история.

- Да, сэр.

- Дьявольски запутанная, - прорычал майор. - Как вы считаете, они не лгут, когда заявляют, что могли в темноте видеть движения друг друга?

- Мы должны проверить это, - Эллиот заколебался. - Однако я заметил, что яркий свет в кабинете частично рассеивает темноту и в музыкальном зале. Честно говоря, я не верю, что зала была настолько темной, чтобы кто-нибудь мог из нее незаметно выскользнуть. Скажу вам совершенно искренне, сэр... я верю им.

- А вы не подозреваете, что они могли сговориться?

- Все возможно. Однако...

- Но вы в это не верите?

- Мне, по крайней мере, - осторожно заговорил Эллиот, - кажется, сэр, нам не следует концентрировать все наше внимание только на обитателях этого дома. Нам нужно идти гораздо дальше. В конце концов, этот фантастический визитер в смокинге и цилиндре был абсолютно реален. Какого черта нам зацикливаться? Почему это не может быть кто-то из посторонних?

- Я скажу вам почему, - спокойно возразил майор. - Потому что мы с Боствиком наконец нашли доказательства... или лучше сказать доказательство... Слушайте хорошенъко... того, что убийца - один из обитателей этого дома или тесно связан с ним.

И комиссар повел к лестнице Эллиота, вновь ощущившего прилив странного чувства, будто во всем происходящем что-то не так, будто он смотрит на все сквозь очки с искажающими стеклами. Вид у Крау почему-то был виноватый.

- Очень неожиданно. Странно, - проговорил он, прищелкнув языком, - но дело сделано, и такова судьба. Боствик поднялся наверх, чтобы выяснить, в состоянии ли Эммит поговорить с нами, и по пути заглянул в ванную комнату. В аптечке он наткнулся на коробку с капсулами с касторовым маслом... - Майор посмотрел на Эллиота многозначительным взглядом.

- Но это может быть не так уж и важно, сэр. Я думаю, здесь нет ничего необычного.

- Допустим! Допустим! Но погодите. На этажерке, в глубине, рядом с зубным порошком он обнаружил припрятанный пузырек, до четверти наполненный чистой синильной кислотой... Можете представить себе, как Боствик осталбенел. - В голосе майора Крау звучало удовольствие. - То же самое произошло и со мной сейчас, когда вы заявили, что все обитатели дома имеют алиби. Обратите внимание: нет более простого решения, чем цианистый калий. Это продукт чистый, простой, самый быстрый яд в мире. По крайней мере, мы так считаем. Уэст отправился делать анализ, но и сейчас сомнений почти ни у кого нет. Флакон с этикеткой "Синильная кислота. HCN". Боствик не мог поверить собственным глазам. Он вынул из пузырька пробку, но тут же, едва сунув в него нос, заткнул ее обратно, он слышал где-то, что можно погибнуть даже от испарений синильной кислоты. Уэст это подтвердил. Взгляните на это сокровище!

Покопавшись в кармане, он вытащил маленький пузырек с глубоко заткнутой в горлышко пробкой. Он наклонил его, чтобы можно было увидеть внутри бесцветную жидкость. К пузырьку был приклеен клочок бумаги. "Синильная кислота. HCN" - было написано на нем чернилами, печатными буквами. Поставив пузырек на телефонный столик, майор, словно боясь обжечься, отодвинул его от себя.

- Никаких отпечатков пальцев, - объяснил он. - Не наклоняйтесь к нему сильно, - добавил он взволнованно. - Разве вы не чувствуете запах?

Запах действительно был сильным.

- Но где он был найден? - спросил Эллиот. - Вы же слышали, что сказал доктор Уэст. Достать чистую синильную кислоту законным путем практически невозможно. Единственный человек, который мог достать ее, это...

- Технолог! Или, скажем, химик. Между прочим, что представляет собой этот Хардинг?

К счастью ли или нет, но в тот самый миг, когда были произнесены последние слова, из музыкальной залы вышел Хардинг. Он был в том же веселом и фанфаронском расположении духа, в котором Эллиот его оставил, но настроение его резко изменилось, едва взглядел скользнул по пузырьку, стоявшему на телефонном столике. Он оперся рукой о дверной косяк, будто собираясь отступить. Но затем двинулася все же вперед и, продолжая почтительно улыбаться, обратился к комиссару.

- HCN? - спросил он, указав на пузырек.
- Так написано на этикетке, молодой человек .
- Можно спросить, где вы его нашли?
- В ванной комнате. Это вы его туда поставили?
- Нет, сэр.
- Но ведь вы используете это вещество в вашей работе, не так ли?

- Нет, - не колеблясь, ответил Хардинг. - Честно, я не использую его, - добавил он. - Я использую KCN, цианистый калий, и в большом количестве. Я провожу опыты по электроплатинаду, с помощью которого настоящее серебро будет невозможно отличить от его имитации. Если я сам смогу продать это изобретение и заработаю достаточно денег, чтобы потом не обращаться к разным дельцам, то совершу революционный переворот в промышленности, - сказал он без всякого бахвальства, как бы констатируя факт. - Но синильную кислоту не использую. Она мне не нужна.

- Ладно, буду с вами откровенен.- Майор Крау смягчился. - Вы, однако, можете произвести HCN? Верно?

- Конечно, - проговорил Хардинг, напрягшись. Челюсти его при этом так задрожали, что Эллиоту невольно подумалось, уж не страдает ли он каким-нибудь врожденным дефектом речи, который при спокойных обстоятельствах ему удается преодолеть. - Я могу произвести не только синильную кислоту, но и все что угодно.

- Непонятно, молодой человек.

- Тогда послушайте! Что требуется для изготовления синильной кислоты? Я скажу вам: раствор поташа, углекислого калия. Он не ядовит, его можно свободно купить. Затем требуется купоросное масло, больше известное как серная кислота. Достаточно вынуть из любого автомобиля батарейки - и она у вас в руках. Наконец, нужна обычная вода. Если эти элементы соединить вместе, осуществить процесс дистилля-

ции, который способен проделать любой винчек с помощью кухонных орудий своей бабушки, и получится... то, что содержится сейчас в этом пузырьке. В принципе, любой человек, держа перед собой учебник по химии, способен это проделать.

Майор Крау обеспокоенно взглянул на Эллиота.

- Неужели изготовить синильную кислоту так просто?

- Да. Однако вы не обязаны полагаться только на мои слова. Меня беспокоит... Ладно, сэр, здесь есть кое-что странное. Но нужно ли мне это вам объяснять? Вот вы говорите, что нашли это в ванной. И это меня не удивляет, я готов к любым сюрпризам. Но вы говорите об этом так, словно обнаружили тюбик с зубной пастой или что-нибудь в том же роде.

Майор Крау развел руками. Ему тоже приходила в голову эта мысль.

- Этот дом весь покрылся плесенью, - процедил Хардинг, оглядывая красивый и уютный вестибюль. Он только выглядит очень изящным, но в нем есть что-то... химически некорочее. Я - человек со стороны и чувствую это прекрасно. А теперь... прошу прощения, я отправлюсь в столовую и налью себе виски. Молю бога, чтобы в нем не оказалось какой-нибудь отравы.

Распугивая призраков, шаги Хардинга загремели по настилу. Мелко задрожали пятно света под лестницей и яд в пузырьке. Наверху лежал без сознания человек с пробитой головой, а внизу двое сыщиков глядели друг на друга.

- Не так-то все просто, - пробурчал майор Крау.

- Н-да... - согласился Эллиот.

- Теперь у вас есть два следа, инспектор. Два отчетливых следа. Утром, возможно, юный Эммит придет в сознание и расскажет, что произошло. Кроме того, у нас есть пленка. Ее проявят для меня завтра к вечеру. В Содбери Кросс живет человек, который может проделать эту работу. Так что вы уже точно будете знать, что произошло во время представления. Обратите внимание, я говорю "вы", потому что я должен вернуться к своим обязанностям. Даю честное слово: со следующего утра я больше не буду вмешиваться в расследование. Это дело - ваше, и, надеюсь, вам оно интересно.

Но все было как раз наоборот: "это дело" по ряду причин вовсе не забавляло Эллиота. Оно фактически свелось к единственной версии, которая теперь вырисовывалась так же ясно, как отпечатки пальцев:

Убийство Маркуса Чесни, было, скорее всего, совершено одним из обитателей этого дома.

Все обитатели дома, однако, имеют неопровергимое алиби.

Кто же тогда совершил преступление?

И как он его совершил?

- Я все понимаю, - согласился комиссар. - Но вы должны двигаться вперед и выяснить его. Во всяком случае, я сам родил четыре вопроса и дам двадцать фунтов тому, кто прямо сейчас сможет мне на них ответить.

- Интересно, что это за вопросы, сэр.

И тогда майор Крау, сбросив с себя маску официальной неприменимости, почти закричал:

- Зачем зеленую конфетную коробку подменили голубой? Что скрывается в этих проклятых часах? Какого роста был этот негодяй в цилиндре? И зачем, зачем Чесни устроил игру с какой-то стрелой от духового ружья из Южной Америки, если эту стрелу ни раньше, ни потом никто никогда не видел?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТРЕТИЙ ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ОЧКИ

- *И чем вы занимались после совершения преступления?*
- *Разумеется, я отправился спать.*

Артур Уоррен Уэйт
Нью-Йорк, 1915

X

Следующим утром в одиннадцать часов автомобиль Эллиота остановился около отеля "Бо Нэш", находившегося на площади напротив римских бань.

Тот, кто сказал, будто в Бате всегда лют дожди, гнусно оклеветал этот достойный городок, чьи высокие здания во-семнадцатого столетия какутся матронами, уставившимися слепыми глазницами на проходящие мимо поезда и автомобили. Но будем абсолютно точны: в то утро дождь и в самом деле лил как из ведра. Выскакивая из машины и запрыгивая под козырек гостиницы, Эллиот чувствовал себя настолько подавленным, что должен был либо сейчас же отказаться от проведения расследования и объясниться с суперинтендантом Хедли, либо немедленно выложить кому-нибудь все, что имел на душе.

Прошлую ночь он почти не спал. А в восемь утра снова приступил к своим рутинным обязанностям. Но до сих пор перед его глазами продолжало маячить ужасное видение, которое представлял собой Вилбер Эммит: загипсованная голова с красным носом и пятнистой кожей металась в бреду и сквозь зубы шептала неразборчивые слова. Таков был финал предшествующей ночи.

Подойдя к администрации гостиницы, Эллиот спросил о докторе Гидеоне Фелле.

Доктор Фелл был наверху, в своей комнате. Признаемся, в это утро, хотя пошел уже двенадцатый час, доктор Фелл еще вообще не выходил из своего номера. Когда Эллиот вошел, он сидел за столиком для завтрака в ярком фланелевом халате, широком, как деревенская скатерть, попивал кофе, курил табак и почитывал детективный рассказ.

Очки с широкой черной планкой на переносяще держались на его носу уверенно, разбойничьи усы сурово топорщились, надувались щеки, а огромный халат в гранатовых цветах размеренно колебался, пока его хозяин пытался разгадать, кто был убийцей. Но как только в дверях показался Эллиот, могучий доктор поднялся, подобно Левиафану, вылезающему из подводной лодки, и едва не опрокинул стол. Буря радости отразилась на его лице, оно так открыто и искренне засияло, что Эллиот внезапно почувствовал облегчение.

- Эй! - воскликнул доктор Фелл, протягивая руку. - Какой приятный сюрприз! Какое счастье вас видеть! Садитесь, садитесь! Угощайтесь! Ну, что случилось?

- Это суперинтендант Хедли подсказал, где вас найти, доктор.

- Прекрасно, - ответил Фелл с легкой улыбкой и, в свободной позе откинувшись на подушки, принял разглядывать гостя, словно впервые его видел. При этом его ликование, казалось, оживило всю комнату. - Видите ли, я здесь на водах. Выражение замечательное: красиво звучит, наполнено смыслом. *Ckas ingens itekabimus aequok*¹. Но в действительности эта процедура оставляет желать много большего. Сказать честно, после десятой или двенадцатой чашки целебной воды я редко чувствую желание запеть.

- Но разве воду нужно пить в таком количестве, доктор?

- Все напитки нужно пить в этом количестве! - заявил доктор. - Если я не могу делать что-то в большом количестве, то предпочитаю вообще без этого обходиться. Ну, а как ваши дела, инспектор?

Раньше они были лучше, - набравшись мужества, признался Эллиот.

- О! - воскликнул Фелл. Его лицо перестало сиять, он моргнул. - Подозреваю, вы приехали в связи с делом Чесни?

- Вы о нем уже слышали?

¹ Завтра выходим в безбрежное море.

- Хм! Да, - вздохнул доктор. - Тут один официант, пре-восходный человек, глухой, как пень, когда его подзывают к столу, но отлично понимающий любую речь по губам собеседника, рассказал мне все сегодня утром. Он узнал о случившемся от молочника, а тот в свою очередь еще от кого-то. К тому же я... э... ладно, могу вам сказать. Я был знаком с Чесни. - Тень заботы омрачила лицо доктора. Он почесал кончик своего маленького блестевшего носа. - Я познакомился с Чесни и его семьей на одном приеме, месяцев шесть назад. По этому случаю он написал мне письмо. - Фелл снова заколебался.

- Если вы знакомы с его семьей, - медленно проговорил Эллиот, - то это облегчает дело. Я приехал не только для того, чтобы проконсультироваться у вас; у меня есть еще личная проблема. Не знаю, какой бес уколол меня, и не знаю, как мне быть. Вот так. Знакомы ли вы с Мэриджори Уилз, племянницей Чесни?

- Да, - произнес Фелл, уставившись на инспектора маленькими острыми глазками.

Эллиот поднялся.

- Я ее люблю! - выпалил он.

Он даже не представлял себе, насколько был при этом смешон - стоящий во весь рост и выкрикивающий эту новость, словно швыряя в доктора тарелкой. Уши его горели. И если бы доктор Фелл рассмеялся, если бы доктор Фелл просто попросил его понизить голос, то, вероятно, к Эллиоту мгновенно вернулась бы его уязвимая, мелочная шотландская гордость, и он тотчас бы покинул эту комнату. Это было бы просто неизбежно - он не смог бы по-иному реагировать на обиду. Однако доктор Фелл ограничился обычным кивком головы.

- Понятно, - заметил он с искренним, хотя и немногого удивленным сочувствием. - Ну и?

- Я всего два раза видел ее, - громко и взволнованно продолжал Эллиот, пристально глядя на доктора. - Один раз в Помпеях, а другой... Это сейчас не важно. В общем, я не знаю, что за черт укусил меня. Я вовсе не идеализирую ее. Когда я увидел ее нынешней ночью, то почти уже не помнил, какой она была в те предыдущие два раза. К тому же у меня есть основания подозревать, что она отправительница и лгунья.

В первый раз я увидел ее в заброшенном доме в Помпеях. Я там оказался случайно, расследовал в Италии одно дело, о котором вы, вероятно, не слышали. Так вот: я увидел ее в

заросшем садике, с распущенными волосами; и солнце сверкало на ее руках. Я замер и не мог отвести от нее взгляда. А потом ушел. Я не знаю что приковало мое внимание. Может быть, что-то в ее манере держаться, двигаться или говорить. Не знаю. Ничего не знаю. У меня в ту минуту и мысли не было, чтоб к ним подойти, познакомиться... Возможно, так и поступил этот Хардинг, ее жених. А я даже не пошевелился. И не только потому, что услышал о ее помолвке. Уверяю вас, если бы я хоть секунду подумал об этом, то сразу бы решил, что мне не повезло и оставил бы все, как есть. В те минуты я отдавал себе отчет только в том, что я влюбился в Мэрджори, и думал, что нужно сейчас же забыть ее. А то все как-то очень уж глупо и несуразно выходило. Боюсь, вы не понимаете меня.

В комнате было тихо. Тишину нарушали лишь тяжелое дыхание доктора Фелла да шум дождя за окном.

- У вас слишком бледное представление обо мне, - сурово проговорил доктор. - Вы считаете, что я не способен понять вас. Продолжайте.

- Собственно, это все, доктор. Я просто не смог ее забыть.

- Но ведь вы еще не все рассказали! Не так ли?

- Конечно. Вам хочется знать, где я повстречал девушку во второй раз. Так вот, это какой-то рок. Однажды повстречаться с человеком, попытаться забыть его, избегать встреч и в тот момент, когда уже, кажется, начинаешь остывать, снова столкнуться с ним. Хотя я предчувствовал, что нечто подобное должно случиться.

Я снова повстречался с Мэрджори пять дней назад в маленькой аптеке неподалеку от пристани Роял Альберт. В Помпеях мистер Чесни случайно упомянул название парохода и дату отплытия домой. Сам я уехал из Италии на поезде уже на следующий день и оказался в Англии на неделю раньше. В прошлый четверг, двадцать девятого числа, я проводил расследование одного дела неподалеку от пристани Роял Альберт. - Эллиот внезапно запнулся, потом продолжал. - Неужели не могу даже вам сказать правду? - с горечью произнес он. - Да. Да. Конечно, я воспользовался этим поводом, чтобы именно в тот день оказаться на пристани. Но остальное было чистой случайностью... Вы сами в этом убедитесь. У аптекаря, к которому я отправился, был не в порядке журнал регистрации продажи ядов. У нас появилось подозрение, что он продает яды, превышая установленную норму. Я вошел в аптеку и попросил у хозяина журнал. Когда аптекарь вручил его мне, устроился для работы в подсобном помещении, от-

деленном от главной комнаты аптеки стеллажом, заставленным пузырьками и склянками. Потом вошла покупательница. Из-за стеллажа я ее не видел. Она тоже не видела меня и была уверена, что в аптеке кроме нее и хозяина никого больше нет. Она попросила цианистый калий для каких-то фотографий. И я сразу узнал ее голос: это была Мэрджори Уилз.

Эллиот замолчал. Перед его глазами в этот момент снова возникло сумрачное и тесное помещение аптеки, и он снова почувствовал сильный, неустранимый, вечный запах лекарств. На полу стояла банка с креозотом; повсюду поблескивали крышки пузырьков и плоских склянок, а на другом конце комнаты выступало из полутьмы грязное, засиженное мухами зеркало. И в нем, проходя к прилавку, отразилась Мэрджори Уилз.

- Разумеется, - продолжал Эллиот, - просьба о продаже цианистого калия в присутствии полицейского была совершенно некстати. Поэтому аптекарь принял настойчиво расспрашивать, для каких именно целей ей нужен яд. Из ее ответов стало очевидным, что она разбирается в фотографии так же, как я в санскрите. Вопросы аптекаря привели Мэрджори в сильное замешательство, в этот момент она взглянула в висевшее в комнате зеркало. Я не уверен, что она заметила меня; она глядела не очень внимательно. Однако не могу утверждать с точностью. Но неожиданно она сказала аптекарю, что... - Эллиот снова запнулся. - И поспешно выбежала из лавки. Любопытное дельце, а? - закончил он резко.

Доктор Фелл не сказал ни слова.

- Мне кажется, что этот аптекарь большой мошенник, - продолжал Эллиот взволнованно. - Но ничего подозрительного я у него не обнаружил. И тут вдруг суперинтендант Хедли назначает меня заняться отравлениями в Содбери Кросс, о которых все уже расписали газеты и журналы.

- И вы не отказались?

- Нет, доктор. Как мог бы я отказаться? Для этого я должен был бы выложить все известные мне факты суперинтенданту Хедли!

- Хм!

- Я понимаю. Вы считаете, что меня надо вышвырнуть из полиции! И вы совершенно правы.

- Да нет же, Господи! - широко раскрыв глаза, воскликнул доктор Фелл. - Ваша проклятая совестливость когда-нибудь замучит вас до смерти! Прекратите говорить чепуху и продолжайте рассказ!

- Прошлой ночью, отправляясь в Содбери Кросс, я приялся обдумывать все возможные способы вывернуться из этого дела. Некоторые из них до того абсурдны, что я сам содрогаюсь теперь при каждом воспоминании о них. Мне, например, пришло в голову припрятать все улики против нее. Я даже подумал о том, как бы с ней вместе бежать куда-нибудь в южные края...

Эллиот перевел дух. Но доктор Фелл лишь дружелюбно кивал головой, как бы соглашаясь, что даже такие планы имеют право на существование. Облегченно вздохнув, Эллиот продолжал:

- Я надеялся, что майор Крау ни о чем не догадается. Но мое поведение, кажется, с самого начала было немного странным. Я несколько раз попал впросак. Хуже всего, что она почти узнала меня. Я хочу сказать, она не сообразила, что видела меня в аптеке, но поняла, что встречалась со мной раньше, и теперь пытается вспомнить, где именно.

Ну, а в остальном, я пытаюсь подойти к этому расследованию без предубеждений... - ведь приходится приспособливаться! - и относиться к нему, как к обычным своим обязанностям. Не знаю только, насколько это мне удается. Теперь, доктор, вы видите, почему я к вам приехал.

Доктор Фелл задумался.

- Скажите, - через некоторое время проговорил он, - если оставить в стороне преступление в кондитерской, обнаружили ли вы хоть одну улику, указывающую на то, что девушка виновна в смерти Маркуса Чесни?

- Нет! Как раз наоборот! У нее неопровергимое алиби!

- В таком случае... О чём мы тогда, черт побери, толкуем! Вы должны плясать, как на празднике! Чем вы недовольны?!

- Честно говоря, не знаю, доктор. Может, как раз тем, что дело это очень необычно и очень дурно пахнет. Наше расследование похоже на ловлю рыбы в воздухе. Нас встречает сюрприз за сюрпризом.

Доктор Фелл откинулся назад, сосредоточился, и несколько раз с наслаждением затянулся табаком. Он тряхнул плечами и потом долго еще, будто подыскивая нужные слова, посасывал трубку. Ремешок его пенсне взволнованно подрагивал.

- Давайте рассмотрим вашу сердечную проблему, - наконец сказал он. И тут же поспешно добавил: - Нет-нет, я не уклоняюсь от нее. Может быть, это легкая влюбленность, а может, и настоящая любовь. Но я все равно хочу спросить вас. Допустим, девушка окажется убийцей. Минутку! Я говорю,

допустим, что убийца она. Так вот, подобные преступления редко находят оправдание. Даже если очень сильно захочеть. Преступления такого рода необычны, они умышленны, но даже в их умышленности есть что-то ненормальное. Жить вместе с существом, способным совершать их, равносильно тому, что держать в доме кобру. Так вот, допустим все же, что девушка виновна в совершении преступления. Вы хотели бы выяснить это наверняка?

- Не знаю.

- Хорошо. Вы согласны, по крайней мере, что истину установить следует?

- Думаю... да.

- Хорошо, - снова добавил доктор Фелл, энергично раскуривая трубку. - Тогда посмотрим с другой стороны. Допустим, девушка невиновна. Не спешите облегченно вздохать! Будьте же прагматиком! Допустим, девушка невиновна. Что в таком случае вы станете делать?

- Я не понимаю вас, доктор.

- Разве не вы сказали, что любите ее?

- О! - сообразив смысл вопроса, воскликнул Эллиот.

Можете исключить меня! У меня нет никаких иллюзий и ни малейшей надежды когда-нибудь сблизиться с ней. Если бы только видели, как она глядит на Хардинга! Можете поверить, доктор, самой трудной для меня задачей в прошлую ночь было остаться объективным по отношению к нему! Ничего против него я не имею; кажется, он неплохой парень. Но мое воспитание почему-то заставляет меня при разговоре с ним каждый раз стискивать зубы. - Эллиот снова почувствовал, что у него горят уши. - Я уже представлял себе, как вытягиваю Хардинга из этого дела. Разумеется, в наручниках. И представлял себе, как меня отблагодарит Мэрджори. Не так легко порвать свои привязанности!

Хардинг, конечно, чрезвычайно честолюбив. Но невозможно совершить преступление, находясь в одной комнате с двумя свидетелями одновременно, в то время как убийца орудует в соседней. И хотя Хардинг отправился на охоту за богатой невестой - в этом я убежден, - но так уж этот мир устроен. До своей встречи в Италии с семьей Чесни Хардинг никогда не слышал о Содбери Кросс. Так что о нем можно забыть. Ну и соответственно исключить меня из списка претендентов.

- Помимо вашей совестливости, - критически заметил доктор Фелл, - вам необходимо еще избавиться от отвратительной покорности. Это, конечно, превосходное качество

характера, но его не выносит ни одна женщина. Хорошо, оставим это. Итак?

- Что итак?

- Как вы теперь себя чувствуете? - осведомился доктор Фелл.

Эллиот признал, что ему стало легче. Ум его снова пришел в равновесие и прояснился. Казалось, что даже комната приобрела другие цвета. Захотелось выпить кофе и закурить.

- Хм, - пробормотал доктор Фелл, почесав кончик носа. - Что же мы будем делать теперь? Вы забыли, что описали мне лишь простейшую схему происшедшего и ваше вполне объяснимое волнение направило мои мысли совсем в другую сторону. Ну, а теперь что вы собираетесь предпринять? По-моему, было бы смешно возвращаться сейчас к Хедли и пускаться с ним в объяснения! Или же вы хотите, чтобы мы вместе проанализировали все факты и выяснили, в чем дело? Тогда я к вашим услугам.

- Да! - воскликнул Эллиот. - Да, ради всего..!

- Прекрасно. В таком случае присаживайтесь вот сюда, - строго сказал доктор. - И соизвольте изложить мне все, что произошло.

Рассказ занял не более получаса благодаря тому, что Эллиот, успокоившись и уже не стыдясь своих предыдущих признаний, мог сосредоточиться на самых мелких деталях дела. Закончил он упоминанием о пузырьке с синильной кислотой, обнаруженному в аптечке в ванной комнате.

- Это почти все. Можно еще добавить, что мы не покидали дома до трех часов утра. Все обитатели его уверяют, что не имели о пузырьке никакого понятия, и клянутся, что его не было в ванной комнате, когда они переодевались к ужину. Кроме того, я заходил к Вилберу Эммиту, но тот сейчас не в состоянии помочь нам.

Эллиот подробно рассказал о том, как поднялся к Эммиту, описал его широкое и костлявое тело, резкий свет электрической лампы, флаконы и галстуки, разместившиеся на туалетном столике в образцовом порядке, стопку бумаг и квитанций на письменном столе, а рядом с ней маленькую плетеную корзинку, в которой Эммит держал комплект шприцев, щипцов, ножниц и других инструментов, сразу вызвавших у Эллиота ассоциацию с медицинским набором. Красно-желтый рисунок обоев заставлял вспоминать о персиках. Эта ухоженная, прибранная спальня была, однако, так же мало привлекательна, как и ее хозяин.

- Эммит бредил и все время что-то неразборчиво бормотал. Лишь несколько раз довольно отчетливо вскрикнул: "Мэрджори!", и нам пришлось его успокаивать. Вот, собственно, и все, доктор. Я рассказал вам все от начала до конца. Интересно, сумеете ли вы хоть что-то прояснить в этом дьявольском деле?

В ответ доктор Фелл медленно и высокомерно кивнул.

- Думаю, что да, - заявил он.

XI

- Но сначала, - продолжал доктор Фелл, мрачно прищеливаясь своей трубкой в Эллиота, - мне хотелось бы выяснить, правильно ли я понял некоторые детали вашего рассказа или это вас кто-то намеренно ввел в заблуждение. Я имею в виду финал организованного Чесни представления. Давайте вспомним: только что Чесни открыл двойную дверь и объявил, что представление окончено. Вспомнили эту сцену?

- Конечно, доктор.

- И вот тут профессор Ингрэм обращается к нему с вопросом: "Раз уж все закончилось, кто был вашим ассистентом столь жуткого вида?" На что Чесни отвечает: "О, так это Вилбер! Он помогал мне все это организовать". Точно?

- Совершенно точно!

- Но имеются ли другие показания помимо показаний мисс Уилз? Остальные свидетели подтверждают этот диалог?

- Да, доктор. - Эллиот был явно заинтригован. - Незадолго до ухода я как раз обсуждал с ними всю эту сцену.

Лицо доктора Фелла потемнело, рот его невольно приоткрылся. Встревоженно глядя на своего собеседника, он с каким-то странным свистом, подобным шуму в тоннеле метро, прошептал:

- Проклятие! Дела очень плохи. Ну-ка, достаньте список вопросов, подготовленный Чесни! - взъерошившись попросил он. - Посмотрите! Посмотрите внимательно! Неужели вы не видите, что дела очень плохи?

Беспокойство Фелла передалось и Эллиоту. Он с трудом оторвал взгляд от доктора и уставился в вопросы.

- Нет, - наконец проговорил он. - Ничего не вижу. Должен признаться, я сейчас не очень хорошо соображаю...

- Это я понял, - с серьезным видом согласился доктор. - Смотрите сюда, юноша! Сосредоточьтесь! Неужели вы не заметили, что Чесни задал по крайней мере один совершенно бесполезный и ненужный вопрос?

- Какой?

- Вопрос номер четыре: "Какого роста был человек, вошедший в кабинет?" Соберитесь же с мыслями! Ведь Чесни с большой тщательностью подбирал вопросы. Коварные, ложные вопросы, придуманные специально для того, чтобы ввести зрителей в заблуждение. И несмотря на это, он уже до начала их опроса выдает, кто именно был тот человек! Вы следите за моей мыслью? Вы же сами приводили мне слова мисс Уилз о том, что рост Вилбера Эммита всем известен. Скорее всего, так оно и есть: он уже много времени живет с ними, его видят каждый день... Следовательно, заранее зная, кто вошел к Чесни в кабинет, они, отвечая на этот вопрос, никак не могли бы ошибиться. Для чего же тогда Чесни, еще не задав вопроса, уже подсказывает на него ответ?

Эллиот пробормотал какое-то ругательство. Затем задумался.

- И все же это объяснимо, - заметил он. - Нет ли и в этом какой-нибудь ловушки, доктор? Предположим, что Чесни приказал Эммиту, используя длинный плащ, чуть подогнуть колени и стать ниже. Кстати, на это намекает профессор Ингрэм. Возможно, в этом и заключалась ловушка. Уверенно заявив, что его помощником был Эммит, он рассчитывал, что они легко попадутся на крючок и, отвечая на вопрос о росте незнакомца, скажут: "метр восемьдесят". Тогда как настоящий рост человека с подогнутыми коленями был метр семьдесят.

- Может быть, - проговорил доктор Фелл, нахмутившись. - Готов поклясться, что в этом деле ловушек гораздо больше, чем вы думаете. Но я не верю, что Эммит согнул ноги. Вы говорите, что плащ был широким, но все же подходил по фигуре. Чтобы стать короче на десять сантиметров, он не только должен был согнуть колени, он бы с трудом передвигался коротенькими неестественными шагами. Поэтому давайте поищем того, кто мог бы оказаться действительно более низкого роста. Ведь все свидетели утверждают, что тот человек держался прямо и надменно. Я, конечно, допускаю, что все возможно, но ...

- Таким образом, вы хотите сказать, что рост незнакомца был все-таки метр семьдесят?

- Или, - сказал доктор сухо, - что он был метр восемьдесят. Вы знаете, что два свидетеля утверждают именно это. Просто каждый раз, как только профессор Ингрем начинал оспаривать их мнение, вы машинально становились на его сторону. Вы, конечно, имеете право. Но мы не должны... хм!.. не должны впадать в ошибку и считать, будто профессор Ингрем какой-нибудь оракул, авгур или комментатор Святого писания.

- Возможно еще одно объяснение, - заметил Эллиот. - Мистер Чесни был взволнован и утомлен. Поэтому он невольно выдал имя своего помощника.

- Сомнительно, - возразил Фелл. - Ведь он сразу позвал Эммита в дом и растерялся, когда тот не появился. Нет! В это трудно поверить, инспектор. Фокусник не раскрывает карт с такой легкостью, не теряет контроля над собой, не привлекает внимания публики и не указывает ей на потайную дверь, в которой только что исчез его ассистент. Чесни не производил впечатление наивного человека.

- На меня - тем более, - признался Эллиот. - Но что же тогда нам остается? Ведь это объяснение позволяло нам хоть за что-нибудь зацепиться. Вы нашли хоть одну ниточку?

- Много. Например, догадались ли вы, как объяснил Чесни способ, которым были отправлены конфеты в лавке миссис Терри?

- Не-ет, доктор! Чтоб мне провалиться! Как?

Доктор Фелл заерзal на стуле. На его лице выписалось выражение прямо-таки пантагрюэлевой досады. Он что-то прошел сквозь зубы и сделал несколько непонятных жестов рукой.

- Послушайте, - наконец проговорил он недовольным тоном, - я решительно не хочу играть роль какого-то оракула, мягко затыкать вам рот и все время демонстрировать свое превосходство. Я ненавижу снобов и всегда воюю с ними. Но должен заметить, что сердечные тревоги действительно не способствуют работе вашего ума.

Так вот, давайте рассмотрим случай с отравлением конфет в лавке миссис Терри. Что мы имеем? Какие факты установлены? Во-первых: эти конфеты были отправлены днем 17 июня. Во-вторых: либо они были отправлены кем-то, кто заходил в тот день в лавку, либо они были отправлены мисс Уилз, подменившей конфеты, которые ей принес Френки Дейл. Также установлено, что вечером 16 июня конфеты еще не были отправлены, поскольку миссис Терри взяла горсть конфет на детский праздник. Эти утверждения верны?

- Да.

- Чепуха! Они совершенно не соответствуют истине! - сказал доктор Фелл. Он с пылом продолжал. - Вовсе не обязательно, что конфеты были отравлены именно 17 июня! И я не согласен с тем, будто бы они обязательно отравлены одним из посетителей. Майор Крау, если не ошибаюсь, изложил вам ход событий таким образом, что убийца вообще с легкостью мог бы подсунуть раскрытую коробку на прилавок. Согласно его версии, убийца вошел в лавку, пряча в кармане или рукаве несколько отравленных конфет. Он отвлек внимание миссис Терри и подбросил отравленные конфеты в коробку на прилавке. Это, понятно, достаточно просто сделать. Может быть так и произошло. Но не кажется ли вам, что слишком просто для такого ловкого убийцы? Что вытекает из данной версии? Только одно: отрава была подброшена в определенный день, тем самым список подозреваемых резко ограничивается.

Если позволите, я могу изложить вам эту версию иначе. Возьмите точную копию коробки, которая стоит на прилавке. Не будьте дураком и подложите отравленные конфеты не в верхний ряд, а куда-нибудь в глубину. Отправляйтесь в лавку миссис Терри, подмените коробку. И если в этот день посетители не будут раскупать именно ваши конфеты, то может получиться так, что отравленные конфеты в этот день никто и не возьмет. Кроме того, дети, как правило, не очень любят конфеты с начинкой, они предпочитают тянучки, жевательную резинку и карамель. К тому же они и гораздо дешевле. Следовательно, отравленные конфеты могли пролежать в лавке и один, и два, и четыре дня, а может, и неделю. Как видите, вовсе не обязательно, чтоб отправитель приходил в лавку именно в день гибели детей. Он мог совершить преступление задолго до рокового дня 17 июня.

Эллиот подошел к окну. Некоторое время он наблюдал за дождем, затем повернулся к собеседнику.

- И все же... - начал было он. - Ладно, начнем с того, что, идя по улице, прятать коробку с конфетами невозможно. А заменить ее, как спичечный коробок, на другую...

- Все это возможно, если у вас имеется чемоданчик с пружиной, - сказал Фелл. - Мне жаль, друг мой, но обнаруженный вами в саду чемоданчик объясняет все. Эти чемоданчики (поправьте меня, если я ошибаюсь) приводятся в действие кнопкой, находящейся в кожаной рукоятке. При нажатии на кнопку дно чемоданчика захватывает лежащий под ним предмет. Так же осуществляется и обратный процесс:

лежащий внутри чемодана предмет после нажатия кнопки оказывается снаружи.

Словно актер или фокусник, доктор Фелл сделал много-значительную паузу. Вздохнул. На его лице проявилась горестная гримаса.

- Да, юноша. Боюсь, что именно так все и произошло, - сухово проговорил он. - Иначе не было и смысла впутывать в это дело найденный вами чемоданчик. Убийца, как вы верно заметили, не мог подменить открытые коробки, не будучи уверен, что они не перевернутся при подмене. Вот тут то и вступает в игру чемодан с пружиной! Преступник вошел в лавку миссис Терри с лежащей на дне его чемодана коробкой с отравленными конфетами. Он отвлек внимание хозяйки и положил на прилавок принесенную коробку. Затем он поставил чемодан прямо на коробку, принадлежавшую миссис Терри, и с помощью пружины как бы заглотнул ее внутрь своего чемодана. После этого он передвинул новую коробку на место старой. Все это он проделал, пока миссис Терри доставала ему с табачного прилавка пачку каких-нибудь сигарет, "Плейерз" или "Толд Флейк". Маркус Чесни разгадал этот трюк и, чтобы продемонстрировать, как именно были подменены коробки, раздобыл в одном из лондонских магазинов чемодан с пружиной. Вчера ночью он устроил демонстрацию и... никто не заметил этого фокуса.

В наступившей после слов Фелла тишине Эллиот глубоко вздохнул.

- Благодарю вас, - сказал он строго.

- Что?

- Благодарю вас. - Эллиот улыбнулся. - Вы все расставили на свои места, доктор. Или, что то же самое, надавали мне подзатыльников.

- Спасибо вам, инспектор, - туманно, но не без удовольствия проговорил доктор Фелл.

- Но, надеюсь, вы понимаете, что, каково бы ни было объяснение способа совершения этого преступления, оно ставит нас в еще более тяжелое положение, чем раньше? На мой взгляд, ваше объяснение лучше всего вписывается во все обстоятельства дела. Но вы лишь переставили в другом порядке уже известные факты. И по-прежнему остается неясным, когда именно были отравлены конфеты. Если это не 17 июня, вокруг которого уже четыре месяца концентрирует свое внимание полиция, то какой это день?

Доктор Фелл почесал голову.

- Н-да, я немного пересолил, - извиняющимся тоном проговорил он. - Однако... Черт побери! Если ваша голова по сообразительности не уступает моей, то вы все равно вынуждены идти по этому пути: он так же неизбежен, как путь кошки, преследующей мышь. Я не согласен с тем, что мое объяснение усложняет наше положение. Напротив, именно оно должно привести нас к истине.

- Каким образом?

- Скажите, инспектор, вы выросли в деревне или маленьком поселке?

- Если быть точным, доктор, то мое детство прошло в Глазго.

- А я вот вырос в деревне! - с довольным видом воскликнул доктор. - Итак, попробуем восстановить, как было дело. Убийца входит в лавку с чемоданчиком. Допустим, миссис Терри знакома с ним. Мы должны предположить это. Вам когда-нибудь приходилось сталкиваться с деревенскими лавочницами, особенно такими непоседливыми и общительными, как миссис Терри? Вы не замечали их крайнего, прямо-таки инстинктивного любопытства? Представьте себе, как вы входите в лавку с чемоданом в руке. А она тут же вас спрашивает: "Отправляетесь в путешествие, мистер Эллиот?" - "В Вестон, мистер Эллиот?" А если она ничего не скажет, то наверняка об этом подумает, потому что ей непривычно видеть вас с чемоданчиком. И она запомнит этот случай. Поэтому, если в течение недели, предшествовавшей преступлению, кто-то заходил к ней с чемоданчиком, то она это, вероятно, вспомнит.

Эллиот согласно кивнул. Однако его не покидало чувство, что он должен прийти к какому-то еще более важному заключению, так как доктор Фелл продолжал пристально на него смотреть.

- Или... - подтолкнул его доктор.

- Или, - пробормотал Эллиот, повернувшись к помутневшему от водяных потоков окну, - убийца - тот, кто почти всегда носит с собой чемоданчик, и потому видеть его с ним настолько привычно, что миссис Терри даже не замечает этого.

- Эта версия требует доказательств, - проговорил Фелл и шумно засопел.

- Вы хотите сказать, что это был доктор Джозеф Чесни?

- Вполне возможно. Разве есть еще кто-нибудь, кто все время носит с собой портфель или чемоданчик?

- Говорят, то же самое можно утверждать и о Вилбере Эммите. У него есть плетеный портфель, я сам видел его в комнате.

Доктор Фелл покачал головой.

- Только о Вилбере Эммите, - воскликнул он. - Только о Вилбере Эммите! О, Боже! Да вы только послушайте, что говорит этот человек! Да если благодаря гению хозяина магазина предметов для фокусов можно из простого кожаного чемодана изготовить чемодан с пружиной, отчего не сделать то же с плетеным портфелем? Я убежден, что когда майор Крау и суперинтендант Боствик вылечатся от своих "идей фикс", они тут же вцепятся в Эммита! Я подозреваю даже, что профессор Ингрэм, судя по вашим словам, уже догадался, в чем дело. Едва мы появимся в Белгарде, он набросится на нас с этой версией. Нам нужно избегать подвохов. Поэтому, основываясь на известных нам уликах, я могу доказать вам, что только один человек виновен в убийстве. Это Вилбер Эммит. Хотите услышать мои доводы?

XII

Эллиот уже не в первый раз мог убедиться, что доктор Фелл принадлежит к тому типу людей, которые не позволят себе отдохнуть даже в том случае, если накануне сильно подгуляли.

Ум доктора работал с такой скоростью, что если кто-то пытался следовать за ходом его мыслей, то они, эти мысли, прежде чем преследователь их догонит, успевали дважды, так сказать, завернуть за угол, вернуться и влезть в окно. А Фелл ухитрялся при этом контролировать и посторонний шум, и все нюансы разговора, и в конце беседы, прежде чем собеседник успевал сообразить, что, собственно, произошло, доктор уже выстраивал перед ним готовое здание, построенное из аргументов, кажущихся совершенно неоспоримыми и логичными. А этапы возведения такой постройки как-то быстро забывались.

- Выкладывайте, доктор! - воскликнул Эллиот. - Я уже видел однажды ваш метод и...

- Не надо забывать, - проговорил Фелл взволнованно, - что начинал я школьным учителем. Не проходило и дня, чтобы дети не попытались рассказать мне какую-нибудь невероятную историю, причем выдумывали их с блеском и ловкостью. Впоследствии, когда я перешел работать в поли-

цию, мне это очень помогло. Оыта у меня оказалось гораздо больше, чем у тех, кто имел дело с обычными взрослыми врунами.

Мне кажется, вы слишком спокойно относитесь к невиновности Эммита. Конечно, вас убедила в этом мисс Уилз. Бога ради, не сердитесь! Это у нее, наверное, получилось случайно. Однако какова была реальная ситуация? Вы говорите, что в этом доме все имеют алиби. А это неверно. Объясните мне, в чем состоит алиби Эммита?

- Хм!

- Никто Эммита не видел. Его нашли без сознания под деревом, рядом с предметом, которым, вероятно, был нанесен ему удар. И сразу кто-то сказал: "Наверное, он пролежал здесь довольно долго". Но есть ли медицинское подтверждение этим словам? Ведь вскрытия провести в данном случае нельзя! Может быть, Эммит пролежал под деревом две-три минуты, а может быть, и десять секунд. Во всяком случае, у суда были бы веские причины для сомнения.

Эллиот задумался.

- Не стану отрицать, доктор, - сказал он, - что я уже думал об этом. Я согласен, что Эммит мог быть убийцей. Он сыграл роль доктора Немо, заставив мистера Чесни проглотить отравленную капсулу. Затем нашел способ, как нанести себе рану на голове (нанесение себе умышленныхувечий для доказательства своей невиновности вещь в криминалистике не новая) и этим доказать, что он не был доктором Немо.

- Совершенно верно. А затем?

- Затем... Совершить это убийство ему было легче, чем кому бы то ни было, - заключил Эллиот. - Он даже не нуждался в специальных уловках. Ему не надо было никого устранять, не надо было скрываться. В назначенный час он просто сыграл свою роль. Он только подменил обычную капсулу капсулой с цианистым калием. Он заранее знал весь ход эксперимента. Кстати: он единственный, кроме мистера Чесни, кто знал все детали. Он... - продолжал Эллиот со все более усиливающейся уверенностью. - Он... плохо, что я еще ничего не знаю об Эммите. Кто он? До сих пор в отношении него я не испытывал ни малейших подозрений. Какой у него интерес убивать мистера Чесни?

- А какой у него интерес, - добавил доктор Фелл, - убивать стрихнином детей?

- Но тогда мы опять возвращаемся к обыкновенному сумасшествию?

- Не знаю. Давайте снова попытаемся покопаться в мотивах. Что касается Эммита... - Фелл накмурился и высыпал табак в пепельницу. - Помню, я познакомился с ним на том же приеме, что и с Чесни. Темноволосый парень с разноцветным носом. Всем своим видом и голосом он напоминал тень отца Гамлета. Прохаживался по зале, что-то мурлыкал под нос и уронил на колени мороженое. "Бедный Вилбер!" - с сочувствием восклицали гости. А что касается его физического... Цилиндр, плащ - их размеры подходят Эммиту?

Эллиот вынул из кармана блокнот.

- Цилиндр - седьмого размера, семейная реликвия, принадлежащая лично мистеру Чесни. Плащ принадлежал Эммиту, размер стандартный. Резиновые перчатки из магазина "Вулворт", по шесть пенсов за пару; они лежали в правом кармане плаща...

- Ну и? - нетерпеливо сказал Фелл.

- А вот данные, которые мне сообщил Боствик: Эммит - рост метр восемьдесят, весит 78 килограммов, носит шляпы 7-го размера. Доктор Джозеф Чесни - метр семьдесят семь, весит 91 килограмм, шляпа 7-го размера. Джордж Хардинг - рост метр семьдесят два, весит 77 килограммов, шляпа - 6 7/8 -го размера. Профессор Ингрэм - рост метр семьдесят, весит 84 килограмма, шляпа - 7 1/4-го размера. Наконец Мэрджори Уилз - рост метр пятьдесят пять, весит 50 килограммов... но это уже неинтересно, она непричастна к этому делу, - проговорил Эллиот спокойно, твердо и не без удовлетворения. - Конечно, каждому из них мог бы подойти костюм доктора Немо, но, за исключением Эммита, все имеют прочное алиби. Многое объяснить сейчас нельзя, но пока, кажется, виновным действительно можно назвать только Эммита. Вот только: зачем ему все это было нужно?

Доктор Фелл бросил на инспектора странный взгляд. Эллиот надолго запомнил его.

- Наши друзья психологи, - заявил доктор, - без сомнения скажут, что Эммит - угнетенный, подавленный тип, охваченный властолюбием. В самом деле, многие отправители страдают этим недугом. Например, такие отправители, как Хегадо, Цванцигер, Ван де Лейден, Крим, список можно продолжать до бесконечности. Кроме того, я слышал, что Эммит был охвачен (мужественно признаем это) безответной страстью к мисс Уилз. О! Поэтому уверяю вас, что у него были веские причины для помешательства. Но возможно и другое. - Фелл, не мигая, уставился на собеседника. - Эммит мог играть и другую роль - подставного лица.

- Подставного лица?

- Да. Разве вы не видите, что существует еще одно объяснение чемодану с потайной пружиной и убийству в кондитерской? Любопытно, что при расследовании нашего дела столь часто упоминается Кристиана Эдмондс, совершившая преступления в 1871 году. Я всегда считал, что в истории с ней заключается весьма поучительный урок.

- Вы хотите сказать, доктор, что... - тревога и сомнение снова вонзились в сердце Эллиота.

- Что? - повторил доктор, будто очнувшись. Вид у него был ошеломленным, так как инспектор неожиданно вырвал его из глубоких размышлений. - О, нет! Нет, нет! Я говорю совершенно о другом... - Он протестующе замахал руками, показывая, что желает сменить тему. - Хорошо, давайте примем вашу версию с Эммитом. Каковы наши ближайшие планы?

- Надо посмотреть фильм, снятый Хардингом, - сказал Эллиот. - Если вы, разумеется, хотите присоединиться к нам. Майор Крау сказал, что в Содбери Кросс живет аптекарь, увлеченный кинематографом и снимающий любительские фильмы. Сегодня я позвонил ему в половине четвертого утра и вырвал клятву, что уже к завтраку фильм будет готов для просмотра. Крау убежден, что аптекарь - человек надежный. Мы соберемся в его аптеке около часу дня. Проклятье! - неожиданно вскричал Эллиот и ударил кулаком. - Ведь это может разрешить все наши проблемы! Черно-белый, никогда не лгущий вариант всего представления! Мне до сих пор не верится, что нам так повезло! Нам даже слишком повезло! А если вдруг с плёнкой что-нибудь случилось? И тогда...

Он не знал, какой удивительный сюрприз ожидал его через час. Пока доктор Фелл одевался, пока машина под расчищающимся от туч небом пожирала отделявшее их от Содбери Кросс короткое расстояние, пока они припарковывались на еще сумрачной главной улице поселка напротив аптеки Гобарта Стивенсона, Эллиот представлял себе все что угодно, но только не то, что случилось на самом деле.

Фелл сидел на заднем сиденье, завернувшись в плащ и в шляпе с загнутыми полями. Вид у него был совершенно разбойничий.

Аптека Гобарта Стивенсона напоминала больше лавку по продаже фотопринадлежностей. В витринах ее были выставлены целые пирамиды желтых коробок с киношленкой, а среди пузырьков с мукстурой от кашля торчала кинокамера,

позади которой виднелся стенд с большими и совершенно тривиальными фотографиями.

От дверей аптеки были хорошо различимы опущенные жалюзи на витрине кондитерской миссис Терри, гараж и автостанция; за ними тянулась череда продовольственных лавочонок и, наконец, в самом центре мощеной улицы, фонтан с питьевой водой.

Улица была пуста. Лишь изредка с гудением проносились мимо автомобили, а в темных витринах и окнах лавок мелькали смутные силуэты. Эллиот вдруг ощутил, что за ним наблюдают.

Над дверью аптеки задребезжал колокольчик; они вошли. В лавке было сумрачно и так же, как и в другой аптеке на пристани Роял Альберт, воздух здесь был пропитан запахом лекарств. Но было чисто, и само помещение, по стенам которого выстроились заставленные склянками и пузырьками стеллажи, по форме напоминало бутылку. Рядом с прилавком стояли весы, а за ними, на стене, висел диплом, видимо, только что полученный хозяином аптеки. Гобарт Стивенсон - плотный молодой человек с пухлыми губами, одетый в ослепительно белый халат, выскоцил из-за прилавка навстречу гостям.

- Инспектор Эллиот? - осведомился он.

Он весь был пропитан гордостью и ощущением важности порученного ему дела. Каждый волосок его тщательно приглаженной шевелюры, казалось, дрожал от нетерпения. Оглядев его с головы до ног, Эллиот решил, что доверять ему можно.

- Познакомьтесь, это доктор Фелл, - сказал он. - Очень сожалею, что пришлось вас вытащить из постели глубокой ночью.

- Ничего, ничего. Я очень польщен, - сияя, поспешил ответить аптекарь.

- Готов ли кинофильм?

- Готов и ждет вас.

- Но... пленка в хорошем состоянии? Как она проявилась?

- Я уверен, что можно не беспокоиться, - подумав, весело ответил Стивенсон. В самом деле, для него, страстного фотографа-любителя, случай представился просто редчайший. Он, словно желая себя успокоить, потер руки. - Изображение немного, правда, расплывчатое... Немного расплывчатое. - Он склонил голову набок. - Но неплохое. Неплохое. Нормальное... Надеюсь, я не сделал ничего плохого, инспектор, - неожиданно добавил он, с трудом справляясь с охватившим его

волнением. - Я уже один раз прокрутил пленку через проектор. Ну, чтобы удостовериться, что все в порядке. А так все готово, и как только прибудет майор, можно будет начать просмотр. Если позволите... я хочу сказать, вы обнаружите кое-что интересное.

Волосы на голове Эллиота зашевелились. Однако он сдержал себя.

- Да? - спросил он безмятежным тоном. - И в чем же оно заключается?

- Улики! - почтительно проговорил Стивенсон. Он огляделся. - Вот, например, второй предмет, который мистер Чесни поднял со стола...

- Да-а?

- Надеюсь, вы не будете сердиться. Мне пришлось вооружиться лупой и подойти вплотную к экрану, чтобы убедиться окончательно. Этот предмет оказался настолько банален, что я расхохотался. Мне и сейчас еще смешно.

- В самом деле? Что же это было?

- Никогда не догадаетесь! - воскликнул Стивенсон с серьезным видом. - Это был...

- Тихо! - рявкнул доктор Фелл.

В ту же секунду задребезжал колокольчик входной двери.

Дверь открылась и пропустила внутрь профессора Джилберта Ингрэма. Его лицо не выразило никакого удивления при виде полицейских. Казалось, он даже обрадовался этому. Он был одет в костюм для гольфа из темного твида и кепи, которые совершенно не шли к его полной фигуре. Задержавшись у раскрытой двери, вежливо поклонился. Эллиот замер: в эту секунду ему показалось, что вместе с профессором, вместе с потоком воздуха внутрь помещения проникло все внимание притихшего поселка. Снаружи темнело, собирался дождь.

- Добрый день, инспектор, - проговорил Ингрэм, захлопывая дверь. - Если я не ошибаюсь, доктор Фелл? - улыбнулся он доктору, ответившему ему дружелюбным ворчанием. - Я много слышал о вас, доктор. Мне кажется, мы встречались на каком-то ужине, месяцев шесть назад. Во всяком случае, я слышал о вас от Чесни. Несколько дней назад он написал вам письмо, не так ли?

- Да.

- Наконец... - Ингрэм повернулся к Эллиоту и продолжал деловым тоном. - Никто, думаю, не станет меня упрекать, что я сегодня поздно проснулся, инспектор. Я и так несся сюда бегом от самого дома. - Он запыхтел, показывая, как ему не

хватает воздуха. - Кажется, прошлой ночью что-то говорили о демонстрации... фильма в аптеке Стивенсона... (Добрый день, Стивенсон). Можно присоединиться к вам? Я никому не помешаю?

В воздухе произошло легкое изменение.

- Я сожалею, сэр, - произнес Эллиот бесстрастно. - Но это невозможно.

- Но, инспектор... - умоляюще начал Ингрэм.

- Я очень сожалею, сэр. Мы еще сами не видели пленку. Как только придет время, вы тоже, без сомнения, получите возможность ее посмотреть.

Наступила тишина.

- А вы не считаете, инспектор, что по отношению ко мне это не очень справедливо? - проговорил профессор, меняясь в голосе. - В конце концов, будучи опытным свидетелем, я помогал вам изо всех сил. Вы первый должны признать, что эта помощь была ощущимой. Разумеется, сейчас я охвачен вполне естественным беспокойством и хочу знать, насколько прав оказался.

- Сожалею, сэр.

Эллиот сделал шаг назад и столкнулся с весами. Гири весов зазвенели. Он взглянул налево и столкнулся с собственным отражением в темном зеркале, висевшем на стене. До каких же пор совпадения будут преследовать его?!. Он вдруг сообразил, что аптекари обычно держат эти зеркала, чтобы следить за появлением клиентов, когда те входят в лавку. И снова повернулся к Ингрэму.

- Ну, что ж, - криво ухмыльнулся профессор. - Ничто не излечивает меня лучше, чем препятствия моему врожденному любопытству. - И снова оживившись, заговорил в своем обычном шутливом тоне. - По правде говоря, вы сильно ущемили мое самолюбие. - Он задумался. - Да... самолюбие. Однако, если вы не возражаете, то прежде чем уйти, я сделаю кой-какие покупки. Стивенсон! Дайте коробку бритвенных лезвий. Как обычно. И пачку таблеток от горла. Да, вот этих. О! И еще... - Он двинулся вдоль прилавка и строго сказал: - Мне надо торопиться в Белгард. После вскрытия необходимо будет заняться похоронами. К тому же вечером ожидают из Бата приезд Викерса. Он зачитает завещание. Интересно, пришел уже в сознание Вилбер Эммит?

- Послушайте, - остановил его доктор Фелл так неожиданно, что все присутствующие вздрогнули. - У вас есть какая-нибудь версия? - взволнованно спросил он.

- А! - вскрикнул профессор и резко выпрямился. - А если бы и была у меня какая-нибудь версия, доктор, то не кажется вам, что сейчас не место и не время ее излагать?

- И все же...

- И все же! Вы, доктор, умный человек; думаю, что вам можно довериться. - (У Эллиота вдруг возникло ощущение, что перед ним не профессор, а картонная девочка, рекламирующая мыло.) - Прошлой ночью я уже говорил инспектору, так же как, впрочем, повторял это и другим, что они не учитывают некоторые очень важные обстоятельства. Я имею в виду, разумеется, мотив преступления. - Ингрэм покраснел, вероятно, от напряжения мысли. - Я не собираюсь его с вами обсуждать. Только хочу спросить следующее: известен ли вам один из самых убедительных мотивов убийства (кстати, он очень хорошо описан в криминальной психологии), который можно назвать общим термином "влечение к власти"?

- Черт возьми! - не удержался Фелл.

- Что вы сказали?

- Ничего, ничего, простите, - с искренним смущением пробормотал доктор. - Я не думал, что мне придется столкнуться с этим так быстро.

- Вы не согласны? Вы думаете, что отравление конфет в кондитерской миссис Терри и вчерашнее убийство совершены разными людьми?

Доктор Фелл наморщил лоб.

- Нет, - возразил он. - Напротив, я почти уверен, что они совершены одним и тем же человеком.

- Прекрасно! Тогда в чем заключается недостающее звено? Назовите мне другой мотив этих преступлений!

Застрекотал кассовый аппарат. Получив от аптекаря пакет с покупкой, профессор Ингрэм вполоборота повернулся к доктору и уставился на него, словно тот невольно навел его на новые размышления.

- Я могу снова повторить, - добавил он, - мотив, упомянутый мною, - единственный мотив обоих преступлений. Убийца не собирался убивать конкретно бедного Фрэнки Дейла или детишек из семьи Андерссон. Возможно, он не желал убивать и Маркуса Чесни. Я имею в виду в материальном смысле. И Мэрджори, и Джо Чесни - всем нам это известно - наследуют огромные суммы денег. А убийца, - глаза профессора расширились, - не получает ничего! Но может, мне не стоит отвлекать вас от ваших обязанностей? До свидания, доктор Фелл. До свидания, Стивенсон. До свидания.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой. По улице с грохотом промчался грузовик, в витрине задрожали стекла; свежий и влажный аромат деревьев проник в помещение, потеснив запахи лекарств. Доктор Фелл принялся насиживать сквозь зубы песенку "Рядом с моей блондинкой". Приподняв трость, он указал ею в сторону двери.

- Клянусь, я не думаю ничего дурного, - произнес он, - но... этот мистер имеет алиби?

- Неопровергимое! В том-то и заключается все зло. Ни одно из этих алиби не состоит в том, чтобы кто-нибудь, допустим, отсутствовал здесь в определенное время, потому что уехал отсюда на поезде или на автомобиле. Эти алиби основываются на том, что одни люди видели других. В единственном случае алиби подтверждается точно установленным временем. - Эллиот запнулся, вспомнив о присутствии постороннего. Пока он излагал свои мысли, по лицу Гобарта Стивенсона перекатывались волны неописуемого наслаждения. Поймав взгляд Эллиота, аптекарь поспешил придать ему выражение, более подобающее его профессии.

- Так о чём вы только что говорили, Стивенсон? - строго проговорил Эллиот.

- Честно сказать, инспектор, я бы предпочел, чтобы вы сами все увидели. Если вы считаете...

- Постойте! - громко перебил его Фелл.

Он зашел за прилавок и заглянул в помещение, в котором приготавливались лекарства. Явно очарованный столь значительным посетителем, Стивенсон поспешил последовать за ним. Доктор Фелл с любопытством оглядывал комнату, остановившись в узком проходе между стеллажами.

- Как тут у вас с ядами? - поинтересовался он таким тоном, будто спрашивал о водопроводе.

- Нормально, сэр.

- А у вас есть цианистый калий или синильная кислота?

И тут вдруг Стивенсон занервничал. Обеими руками он торопливо пригладил волосы, кашлянул и напустил на себя деловой вид.

- Нет, нет, - быстро проговорил он. - Ни капли цианистого калия у меня нет. Есть пара пузырьков синильной кислоты, но сегодня утром я говорил с мистером Боствиком и ...

- А вам приходилось продавать ее?

- Нет. У меня ее не покупали уже года полтора... - Он робко покосился на присоединившегося к ним Эллиота. - Я говорю, суперинтендант Боствик допрашивал меня сегодня утром. И (между нами говоря) я сказал ему, что если бы

кто-нибудь из Белгарда и купил бы где-нибудь цианистый калий для фруктовых деревьев, то... Это ему бы не пригодилось. Учитывая температуру, которая в течение всего года поддерживается в теплицах (от 28 до 45°С), понадобился бы целый баллон цианистого калия.

Эллиот слышал об этом впервые.

- Если хотите, могу показать мой журнал, - предложил Стивенсон.

- Не надо, - отрезал доктор Фелл. - Откровенно говоря, меня больше интересует фотография. Ваша аптека больше похожа на ателье фотографа. - Он продолжал оглядываться, хлопая глазами. - Вы продаете специальные лампы "Фотофлуд"?

- "Фотофлуд"? Разумеется.

- А скажите-ка, - продолжал доктор, - если я включаю эту лампу и оставлю ее зажженной, сколько времени она продержится?

На этот раз захлопал глазами Стивенсон.

- Но это невозможно, - с проницательным видом заметил он. - Эти лампы зажигают только на время съемок.

- Да, да! Но допустим, я большой чудак. Включил лампу, забыл ее выключить. Сколько времени она будет гореть?

Аптекарь задумался.

- Думаю, около часа. Но ...

- Вы уверены?

- Абсолютно уверен, доктор. Это очень надежные лампы.

- Хм! Пусть будет так. А кто-нибудь из Белгарда покупал у вас лампы вчера утром?

- Вчера утром? - снова занервничал Стивенсон. - Дайте-ка подумать. Да, покупал. Мисс Уилз. Она зашла в аптеку около десяти утра и купила лампу. Но, если вы не возражаете, то я просил бы вас не упоминать мое имя. Я бы не хотел сообщать ничего дурного об обитателях Белгарда.

- И как часто покупала мисс Уилз эти лампы?

- Часто? Нет, нет. Иногда.

- Для себя?

- Нет, нет, нет. Для мистера Чесни. Он иногда фотографировал в теплицах. Они фотографировали образцы персиков для рекламы. Он и вчера поручил мисс Уилз купить лампу.

Глаза доктора Фелла округлились, он перевел взгляд на Эллиота.

- По вашим словам, инспектор, она заявила, что лампа была новой и куплена ею. - Он снова повернулся к Стивенсону. - А мисс Уилз не интересуется фотографией?

- Нет, нет, нет! Она никогда и ничего не покупала у меня для фотографии!

Охваченный воспоминанием, Эндрю Эллиот поднял глаза и во второй раз, словно по мановению волшебной палочки, столкнулся со взглядом Мэрджори Уилз, глядевшей на него из зеркала.

Никто из них не слышал дребезжания колокольчика над дверью, так как она оставалась приоткрытой. Не слышали они и ничьих шагов на пороге, и пока Эллиот поднимал глаза и наблюдал отражение девушки в зеркале менее чем в полутора метрах от себя, он слышал лишь последние слова аптекаря.

Образ девушки возник как бы из ничего, с чуть приоткрытым ртом и в той же фетровой шляпе, в какой она была на пристани Роял Альберт. Одна рука Мэрджори, в перчатке, словно висела в воздухе. Глядя прямо в ее глаза, Эллиот видел, как в них рождается воспоминание предыдущей встречи.

Теперь она знала, где видела его впервые.

Словно маленький ребенок, Мэрджори Уилз сунула в рот палец.

В ту же секунду с грохотом зазвенело дверное стекло. Брызнули осколки. А спустя мгновение в наступившей тишине все уставились на покачивающийся на полу камень.

XIII

Перепрыгнув через прилавок, Эллиот бросился к двери. Он не отдавал отчета в своих действиях - это был импульс, рожденный полицейской выучкой. Впрочем, была и еще одна причина: он боялся встречаться со взглядом девушки.

Распахнув дверь и в ярости давя звеневшие под ногами осколки, он выскочил наружу и огляделся.

На улице было пусто. Лишь в дальней ее части увлеченно крутил педали велосипеда разносчик. Запрокинув на ходу голову, с интересом изучал небо. Он был слишком далеко...

- Успокойся! - приказал себе Эллиот. Кровь продолжала стучать в его висках. Подставив лицо порывам прохладного ветра, он попытался взять себя в руки. Он не должен, не имеет права совершать ошибочные шаги. Он не должен сломя го-

лову выскакивать на улицу, не может ставить себя в смешное положение, потому что они будут не только кидать камни, но еще и потешаться. Может быть, крикнуть и потребовать, чтобы этот наглый мальчишка объявился? Нет, лучше пока не делать этого. Или зайти в лавку зеленщика напротив? Не стоит; лучше подождать, пока злоумышленник сам начнет тревожиться о том, что натворил.

Теперь по крайней мере Эллиот сам убедился в силе той скрытной и глухой враждебности, окружавшей Мэрджори Уилз последние месяцы.

Постояв еще некоторое время на середине улицы, он молча развернулся и вошел в аптеку. Мэрджори, закрыв лицо руками, стояла у прилавка.

- Но за что? - всхлипнула она жалобно. - Ведь я ... я не сделала ничего плохого.

- Послушайте! - воскликнул побледневший Стивенсон. - Они не имеют права бить мои стекла! Я-то уж тем более ни в чем не виноват! Они не имеют права! - возмущенно повторил он. - Инспектор, вы ведь не оставите это так?!

- Конечно, - сказал Эллиот. - Но сначала...

Стивенсон смущился.

- Может быть, вам принести стул, мисс Уилз? - забеспокоился он. - Или вы поднимитесь наверх? Я не предполагал, что дело так серьезно, - добавил он, став снова предупредительным. - Мне кажется, что вам опасно выходить сейчас на улицу.

- Что значит опасно? - возмутился Эллиот. - В конце концов, где мы находимся? В Англии или в Германии? Мы что, кучка запуганных "неарийцев"? Скажите мне, мисс Уилз, куда вы собираетесь идти, и если хоть кто-нибудь посмеет косо на вас посмотреть, я устрою ему такую головомойку, что он забудет о том, кто такой доктор Немо!

Она живо повернула голову и посмотрела на него. И вдруг многое для них стало таким ясным и понятным, словно было отпечатано на грудах картонных коробок, стоявших вокруг. Не слова Эллиота вызвали эту ощущение. Это были волны, невидимые и тончайшие волны, излучаемые их чувствами, едва уловимые, как тепло, исходящее от тела. И Эллиот снова почувствовал, что между ним и девушкой существует какая-то невидимая, необъяснимая связь, заставляющая его воспринимать мельчайшие черточки ее лица, каждый волосок на ее висках.

- Спокойно, - вмешался доктор Фелл, и его трубы голос вернули молодых людей из забытья. - В конце концов, я не считаю, что мы в плохом положении, - почти радостно заявил он. - Мисс Уилз желает остаться и посидеть здесь? Пусть оно так и будет! Хочет куда-то пойти? Пусть идет! Почему бы и нет? Вы ведь пришли сюда с какой-то целью, мисс? Вы что-то искали?

- Я пришла?.. - переспросила она, приходя в себя, но все еще не в силах оторвать свой взгляд от Эллиота.

- Вы хотели что-то купить? Что? Мыло, зубную пасту, соль для ванны?

- О! Я пришла за... инспектором. - Она наконец повернулась к Феллу. - Майор Крау требует, чтобы он немедленно приехал в Белгард. Его ищут с одиннадцати утра, и никто не знал, куда он подевался. Звонили Стивенсону. Майор Крау сказал, что вы... что инспектор будет здесь к часу дня. Но телефон почему-то не отвечал, поэтому я подумала, что если съезжу в Содбери Кросс, то смогу хоть немного успокоиться. - Помолчав, она добавила: - Машина снаружи, если... мне не прокололи шины.

- Но... А зачем я понадобился майору Крау в Белгарде? Он ведь сам должен приехать сюда с минуты на минуту!

- А вы разве не знаете? Вы хотите сказать... вам еще никто не сообщил?

- А что мне должны были сообщить?

- Умер Вилбер, - проговорила Мэрджори.

Доктор Фелл прикрыл глаза полями шляпы.

- Жаль, - пробормотал он тихо. - Значит, рана была смертельной?

- Нет, - сказала Мэрджори. - Дядя Джо говорит, что ночью кто-то проник к Вилберу в комнату и сделал ему в руку инъекцию цианистого калия... Он умер во сне.

Воцарилась глубокая тишина.

С трудом выбравшись из узкого прохода, доктор Фелл опустил голову и тяжелыми шагами направился к входной двери. Там он остановился. Затем вынул из кармана большой красный платок и глумливо высыпался.

- Простите меня, - сказал он. - Мне часто приходилось бороться с силами зла, но... я никогда не видел, чтобы они могли действовать так ловко, умело и целенаправленно. Как это произошло?

- Не знаю. Этого никто не знает, - пролепетала Мэрджори, изо всех сил стараясь совладать с собой. - Мы все легли поздно и встали лишь около одиннадцати. Дядя... дядя Джо

сказал, что сидеть ночью подле Вилбера не надо. А сегодня утром Памела вошла в его комнату и ... увидела.

Она беспомощно всплеснула руками.

- Понятно. Стивенсон!

- Да, доктор?

- У вас в порядке телефон?

- Д-да, - ответил озабоченно аптекарь. - Я все утро находился здесь и не понимаю...

- Понятно. - Доктор Фелл повернулся к Эллиоту. - Предлагаю вам позвонить в Белгард. Скажите майору, пусть немедленно приезжает сюда...

- Но это невозможно! Я не могу так поступить, доктор! - запротестовал Эллиот. - Вы же знаете, что майор Крау - комиссар полиции. А Боствик...

- Тогда я позвоню, - мягко проговорил доктор. - Я хорошо знаком с Крау еще со времен расследования дела о Восьми Шпагах. Ну, и скажу вам правду, - добавил он, заметно покраснев, - Крау обратился ко мне за помощью сразу после преступления в кондитерской миссис Терри. Я отказался. Отказался, потому что вывод, к которому я пришел, показался мне настолько из ряда вон выходящим, что я даже побоялся произнести его вслух. Но теперь, черт побери! Я начинаю понимать, что в нем не было ничего из ряда вон выходящего! Наоборот, это явно, это просто бросается в глаза! Именно поэтому мне удалось сегодня довольно быстро объяснить вам многие вещи... - Он махнул рукой. - Но оттого, что я так скромничал... погибли еще двое!

Итак, вы нужны мне здесь! И здесь же нужен мне Крау! Я во что бы то ни стало хочу именно теперь увидеть отснятый на представлении фильм. Я хочу объяснить вам, пользуясь этой черно-белой пленкой, что, по-моему, произошло. Я сам позвоню им и дам необходимые указания. Но за это время, - раскаты громового голоса доктора Фелла стихли, и он уже спокойно поглядел на Эллиота, - я прошу вас расспросить мисс Уилз, что она делала в аптеке на пристани Роял Альберт.

Мэрджори окаменела. Не заметив ее реакции, Эллиот повернулся к Стивенсону.

- Верхний этаж дома тоже принадлежит вам? Вы не могли бы предоставить мне комнату на несколько минут?

- О, разумеется! Вы можете воспользоваться той самой комнатой, где мы будем смотреть пленку.

- Благодарю. Проводите нас, пожалуйста. Прошу вас, мисс Уилз.

Мэрджори не произнесла ни слова. Стивенсон проводил их наверх в уютную, немодно обставленную комнату с окнами на улицу. Широкая двухстворчатая дверь соединяла ее с другим помещением, вероятно, спальней; дверь была раскрыта, но в ее проеме висела на кнопках скатерть, которая, видимо, должна была заменить экран. Тяжелые занавески были наполовину раздвинуты, в камине горел яркий огонь. На столе стоял кинопроектор с готовыми к просмотру бобинами.

Мэрджори молча подошла к дивану и села. Огляделась, словно для того, чтобы убедиться, что они остались вдвоем, она повернула лицо к Эллиоту и спокойно заговорила.

- Ведь я не ошиблась, когда сказала, что мы с вами уже встречались.

- Да, - признал Эллиот, сев к столу и вынув блокнот. Раскрыв его, он сильным движением расправил страницы. - Если быть точным, то мы встречались в прошлый четверг, в аптеке "Мэзон и сын" на Браун Роуд - 16. Там вы хотели купить цианистый калий.

- И тем не менее, вы никому об этом не говорили.

- Почему вы так считаете, мисс Уилз? Почему вы думаете, что меня намеренно послали в ту аптеку?

Он сказал это умышленно, чтобы скрыть свое смущение. Он не знал, в какой степени выдал себя, когда они находились внизу, и не мог позволить ей злоупотребить сделанным ею открытием. Его умышленная инсинация достигла желаемого эффекта. Мэрджори побледнела. Взгляд ее, до того открытый и спокойный, дрогнул. Сначала она не поняла, чуть позже в ее глазах вспыхнул гнев.

- О! Значит вы приехали сюда, чтобы арестовать меня?

- Это зависит от обстоятельств.

- Но разве это преступление - покупать цианистый калий?

Эллиот приподнял блокнот и бросил его на стол.

- Между нами, мисс Уилз, зачем вы говорите таким тоном? Как, по-вашему, нужно вас понимать?

Девушка не спускала с него глаз, стараясь понять, что он думает на самом деле. И, уловив в его последних словах скрытую просьбу о помощи, стала успокаиваться. Эллиот невольно любовался ею.

- А если я скажу вам правду, инспектор... если я честно скажу, для чего мне понадобился яд... вы поверите мне?

- Если вы скажете правду, то поверю.

- Но я имею в виду другое. Для меня не это важно. Если я расскажу вам всю правду, вы позволите мне никогда ее больше не произносить? - совершенно искренне спросила она.

- Сожалею, мисс. Но я не волен давать подобные обещания. Если окажется, что ваше заявление важно для следствия...

- Оно не имеет никакого отношения к следствию.

- Тогда ладно. Для чего вам понадобился цианид?

- Я хотела отравиться, - просто ответила девушка.

В наступившей тишине Эллиот хрустнул пальцами.

- Но почему?

Мэрджори тяжело вздохнула.

- Мысль о возвращении домой была мне совершенно невыносима. Вот. Теперь я хоть кому-то сказала об этом.

И она странно посмотрела на него, словно сама удивляясь своему признанию.

- Но послушайте, - взволнованно проговорил Эллиот, незаметно для себя выходя за рамки полицейского допроса. Девушка, казалось, тоже не заметила этого. - Какие были у вас причины для самоубийства?

- Если бы вы оказались в моем положении... Быть обвиненной в отравлении людей, каждую минуту ждать, что тебя арестуют, знать, что не арестовывают только оттого, что не хватает улик. Затем отправиться на прекрасном пароходе в путешествие по Средиземному морю, в путешествие, которое иначе не совершил никогда в жизни, даже имея дядюшку-миллионера... А после этого попробуйте представить себе, что значит вернуться... к тому, что осталось в прошлом. Попробуйте. Попробуйте! И вы поймете, что это значит. - Она скжала кулаки. - О, теперь-то мне лучше. Но в тот момент, когда я спустилась с парохода, я просто почувствовала, что не вынесу этого снова. Я ни о чем не думала. Если бы я заранее все обдумала, мне было бы нетрудно придумать какое-нибудь подходящее объяснение для аптекаря. В ту минуту я думала лишь об одном: я слышала, что цианистый калий действует без боли и мгновенно. Один глоток - и тебя уже нет. И еще я подумала, что в лондонском Ист-энде меня никто не знает. Решение пришло мне в голову, когда пароход стал подниматься вверх по реке, я снова увидела дома... и все такое.

Эллиот отложил карандаш в сторону.

- А ваш жених?

- Мой жених?

- Вы хотите сказать, что решили отравиться накануне вашей свадьбы?

Мэрджори в отчаянии всплеснула руками.

- Говорю вам, я была в таком состоянии... Кроме того, прежде чем все это произошло, мне было так хорошо, я надеялась, что все уладится. Когда я познакомилась в Лондоне с Джоржем...

- Когда вы познакомились с ним в Лондоне? - перебил Эллиот.

- Черт! - пробормотала Мэрджори, закрыв рот ладонью и не сводя с него глаз. Затем на ее лице появилась гримаса усталости и цинизма. - Ладно! Почему бы и не сказать вам? Я уже по горло сыта всем этим. Я знакома с Джоржем уже годы! Годы, годы. Мне представили его в Лондоне на каком-то празднике (дядя Маркус редко позволял мне одной ездить в город), и я страшно влюбилась в него. Иногда мне удавалось незаметно съездить в Лондон и встретиться с Джоржем. О! Мы не делали ничего предосудительного! Думаю, мне просто не хватало храбрости или бесстыдства, но я так устроена. Мы считали, что будет неосторожно знакомить его с дядей Маркусом. Дядя Маркус никогда... никогда не одобрял людей, приезжавших ко мне. Я не хвастаюсь, но я действительно хорошая хозяйка, и где это было очень удобно... Вы понимаете, что я хочу сказать. - Она покраснела. - Во-вторых, Джордж был хорошо наслышан о характере дяди Маркуса. Тот пришел бы в ярость, если б узнал, что творится за его спиной. Понимаете?

- Понимаю.

- Поэтому было удобно устроить все так, будто мы встретились случайно. И лучше всего где-нибудь за границей. К тому же Джордж утверждал, что хочет отдохнуть. Конечно, такое путешествие было ему не по карману, но у меня была пара сотен фунтов стерлингов из страховки, которую оставила мать. Я взяла их, и мы смогли оплатить путешествие Джорджа.

("Свинья! - процедил сквозь зубы Эллиот. - Гнусная, ловкая свинья".)

В глазах девушки показалась тревога.

- Это неправда! - воскликнула она. - То есть я хочу сказать, что я сказала все правильно, но другое неправда! Джордж самый яркий из всех известных мне людей, и он очень уверен в себе. За это я его и люблю. Да, он очень уверен в себе.

- Извините меня, - начал было Эллиот и... вдруг в ужасе осекся. "Свинья! Гнусная, ловкая свинья!" Ведь он же не произносил этих слов вслух! Он только подумал. И эта девушка, хоть она и была очень проницательной, по крайней мере в том, что не касалось Джоржа Хардинга, она не могла же читать мысли!

А Мэрджори, казалось, вовсе и не заметила того, что произошло.

- И я надеялась, - продолжала она довольно резко, - что Джордж не ударит в грязь лицом при встрече с моим дядей. Разумеется, я очень и очень хотела, чтобы он произвел самое благоприятное впечатление. Но эта... эта уничтожительная его кротость была для меня совершенно неожиданной и лишней. Однажды в Помпейях дядя Маркус вдруг вздумал решительно объясняться, да еще в присутствии Вилбера и профессора Ингрэма. В публичном месте, куда в любую минуту мог войти любой посторонний! Он принялся давать Джоржу указания, каким образом тот обязан поступить, а Джорж, словно овечка, все это выслушивал. И вы еще удивляетесь, почему я чувствовала себя такой подавленной и почему мне хотелось кричать, когда мы сошли с корабля! Я вдруг поняла, что в моей жизни ничего не изменилось, что все будет идти так же, как и прежде. И где бы я ни оказалась, везде по-прежнему будет находиться дядя Маркус, дядя Маркус, дядя Маркус...

- Вы не любили дядю? - удивился Эллиот.

- Я любила его. Очень любила! Но мы говорим совершенно о другом. Неужели вы не понимаете?

- Я понимаю.

- По-своему он был очень добрый. Я всем обязана ему. Он оставил дела, чтобы подарить мне эти прекрасные каникулы, когда я действительно в этом нуждалась. Но если бы знали, как невозможно было с ним разговаривать более пяти минут! Да еще эти бесконечные споры с профессором Ингрэмом о преступлениях (договорились до того, что у нас самих совершено настоящее преступление!), и его рукопись по криминалистике...

Эллиот снова взялся за карандаш.

- Рукопись по криминалистике?

- Да. Я уже говорила о ней. Он давно работал над каким-то теоретическим исследованием. Поэтому и дружил с Ингрэмом. Он любил повторять: "Вот вы утверждаете, что психолог мог бы стать самым лучшим преступником в мире. Вы совершите какое-нибудь преступление абсолютно без

дурных намерений и тем самым подтвердите свою теорию на практике". Бр-р-р!!!

- Понимаю. И что ответил профессор Ингрэм?

- Он говорил: "Нет, спасибо". И добавлял, что не сумеет совершить преступление до тех пор, пока не придумает совершенного алиби...

Эллиот оживился еще больше, так как эта мысль показалась ему знакомой. Мэрджори продолжала:

- ...но чем больше он об этом размышлял, тем меньше был уверен, что даже психолог способен придумать такую ситуацию, когда человек сумеет оказаться в двух местах одновременно. - Скрестив ноги, Мэрджори откинулась на спинку дивана. - Меня бросало то в жар, то в холод от этих рассуждений. Теперь-то понятно, почему случилось то, что случилось. Именно эти ужасные события и произошли, а мы не знаем, кто и как их совершил. И вот умер Вилбер, не обидевший за всю свою жизнь и мухи. А еще меньше зла натворили Фрэнки Дейл, малыши Андерссоны и даже дядя Маркус! Я и так уж едва в состоянии выносить все это.., а тут еще в меня принялись бросать камни. Ну, что они еще могут сделать со мной?! Линчевать? Сжечь? Помогите мне! Пожалуйста, помогите!

Она замолчала. В ее голосе было столько искренности, нежности и мольбы, что Эллиот мигом потерял все свое официальное хладнокровие. Она подалась вперед и протянула руку, словно прося его помочь ей подняться, и ни на мгновение не отводила от него взгляда. Но в этот момент за дверью послышался страшный шум, будто по лестнице, переступая своими огромными ножищами, поднимался голодный, ворчливый слон. Дверь с грохотом распахнулась и в проем бочком протиснулся доктор Фелл.

- Извиняюсь за вторжение, - хлопая глазами, проговорил он. - Но сейчас лучше прервать допрос. Сюда поднимаются Крау и Боствик. Вам надо уйти, мисс Уилз. Стивенсон закрывает аптеку; его помощник отвезет вас домой на своем автомобиле. А затем...

Он воззрился на кинопроектор.

XIV

Когда Мэрджори выходила из комнаты, она столкнулась в дверях с майором Крау и суперинтендантом Боствиком. Майор молча подождал, пока Мэрджори закроет дверь. Вид у него был совершенно обычный.

- Добрый день, инспектор, - вежливо поздоровался он. - Вернее, добрый вечер. Между прочим, мы искали вас все утро.

- Я сожалею, сэр.

- Ну, ничего! - любезно продолжал майор. - Я просто хотел вам сообщить, что теперь нам придется расследовать еще одно маленькое дельце. Еще одну смерть.

- Повторяю, мне очень жаль, сэр.

- Я не упрекаю вас, потому что с вами оказался мой друг Фелл. По сравнению со мной вы счастливчик. Я пытался заинтересовать его этим делом еще в июне. Но оно было для него, кажется, недостаточно сенсационным. Не было ни запертой комнаты, ничего сверхъестественного, ни одной детали вроде той, что удалось обнаружить во время расследования преступления в гостинице "Роял Скардит". Обычное жестокое отравление стрихнином, несколько необъяснимых убийств. Но сейчас количество следов значительно расширилось, появились еще две жертвы, одну из которых, инспектор, вам будет очень интересно изучить...

Эллиот взял свой блокнот.

- Я уже дважды повторил, что очень сожалею, - произнес он с подчеркнутой медлительностью. - И не считаю необходимым повторять это без конца. Кроме того, скажу откровенно, сэр, я не пропускаю ничего из того, что должен знать. Кстати, в Содбери Кросс есть хоть один полицейский?

Боствик, вытащивший трубку и кисет и собравшийся было отвинчивать мундштук, остановился и поднял голову.

- Да, друг мой, в поселке есть полисмен, - сказал он. - А почему вы спрашиваете?

- Только потому, что никого не видел. Кто-то разбил стекло в витрине на нижнем этаже лавки. Грохот был такой, что его можно было услышать даже в Бате. Но полисмен здесь не объявился.

- Неужели? - спросил Боствик, ритмично захлюпав трубкой. Его лицо, казалось, стало раздуваться. - Что вы хотите этим сказать?

- Только то, что говорю.

- Если вы хотите сказать... - заговорил Боствик. - А я убежден, - обратите внимание, убежден! - что именно это вы хотите сказать, будто нам еще надо гоняться за пацанами... тогда я согласен.

- Прекратите! - рявкнул доктор Фелл.

Словно шквал ветра ударили в окно, и оба спорящих повернулись к доктору.

- Прекратите, - сурохо повторил Фелл. - Вы ругаетесь из-за какой-то ерунды. И оба это прекрасно знаете. Если вам хочется возложить на кого-то вину, возложите ее на меня. Истинная причина ваших препирательств заключается в том, что у каждого из вас уже сложилась собственная версия и вы не желаете от нее отказываться. Но если вы не хотите проявить объективность, то мы с вами ничего не добьемся!

Майор Крау искренне и дружелюбно рассмеялся. Напряжение спало. Эллиот и Боствик улыбнулись.

- Старый разбойник абсолютно прав, - согласился майор. - Извините меня, инспектор. Фелл, дружище, наши нервы действительно так напряжены, что мы теряем над собой контроль. А сохранять нам его необходимо.

Боствик вынул из кармана портсигар и протянул Эллиоту.

- Закуривайте? - предложил он.

- С огромным удовольствием.

- А теперь, - свирепо прорычал Фелл, - раз согласие между нами восстановлено и всеми овладело дружеское тепло...

- Я не могу признать, что у меня уже сложилась законченная точка зрения на происшедшее, - с легким возмущением возразил майор Крау. - Это неверно. Я знаю только одно: я прав. Увидев этого беднягу Эммита...

- А-а! - насмешливо и недоверчиво пробормотал Боствик.

- ... но нет никаких следов, инспектор. Зацепиться не за что. Эммит лежит в спальне: среди ночи кто-то проникает к нему и делает ему инъекцию. Никто не слышит, никто не признается в том, что слышал ночью что-нибудь подозрительное. Но ведь кто-то это сделал! Это мог быть и человек со стороны; оказывается, они никогда не запирают дом на замки. А! И еще. Я видел медицинское заключение. Чесни был убит приблизительно шестью сантиметрами чистого цианистого калия. Ни ртути, ни синильной кислоты; никаких других примесей не обнаружено. Вот и все наши данные.

- Не все, - с довольным видом возразил Фелл. - Стивенсон, идите сюда. Мы уже готовы. Включайте проектор!

В комнате повисла тяжелая напряженная тишина. Стивенсон с гордым видом торопливо принялся за работу. Действовал он с ловкостью. Первым делом он вытер лоб, изучающее посмотрел на камин и окна. Затем поправил повышенную в дверном проеме скатерть, поразмыслив, отодвинул к стене стол, так, чтобы он оказался напротив проема. Потом снова пододвинул его немного вперед. Вынув из книжного шкафа несколько пухлых томов Британской энциклопедии,

он водрузил их один на другой на столе, а сверху поставил проектор. Все это время четверо следователей прохаживались по комнате и отчаянно дымили своими трубками, заполняя ее сизым туманом.

- Ничего не выйдет, - неожиданно объявил Крау. - Что нибудь обязательно сломается.

- Да что же тут может сломаться? - удивился Эллиот.

- Не знаю. Какая-нибудь мелочь. У меня такое предчувствие. А то выходит все слишком гладко. Вот увидите!

- Уверяю вас, сэр, все будет в порядке, - сказал Стивенсон, повернув к ним обливающуюся потом физиономию. - Через минуту все будет готово.

И снова нависла тишина, на этот раз более продолжительная. Временами ее прерывали то грохотание транспорта снаружи, то какие-то странные и неожиданные звуки: Стивенсон продолжал копошиться около аппарата. Наконец он отодвинул в сторону диван, чтобы он не мешал видеть скатерть, раздвинул стулья, снова разгладил складки на скатерти и переставил кнопки.

- Ну, джентльмены, - проговорил он, взявшись за занавеску. - Готово. Присаживайтесь. Сейчас я погашу свет.

Доктор Фелл уселся прямо в центре дивана. Боствик присел на его край. Эллиот пододвинул свой стул ближе к экрану. Послышался шорох задергиваемых занавесок.

- Итак, джентльмены...

- Постойте! - приказал Крау, вынув изо рта трубку.

- Черт побери! - проворчал Фелл. - Ну, что еще?

- А чего мы так суетимся? - поинтересовался Крау, взмахнув трубкой. - Предположим, что... предположим, все складывается удачно.

- Так именно в этом мы и хотим убедиться!

- Предположим, все произойдет так, как мы и предполагаем. Нам станут известны некоторые обстоятельства. Например, истинный рост доктора Немо. Поэтому именно сейчас следует раскрыть карты. Что мы собираемся увидеть? Кто был этот доктор Немо? Что скажете, Боствик?

Над спинкой дивана показалось круглое лицо суперинтенданта. Трубку при этом он ухитрялся держать таким образом, что она, казалось, висела в воздухе за его головой.

- Ладно, сэр. Коли вы меня спрашиваете... я вам отвечу: у меня нет ни малейших сомнений в том, что мы увидим мистера Вилбера Эммита.

- Эммита? Но ведь Эммит мертв!

- Но тогда он еще не был мертв, - резонно заметил суперинтендант.

- Ну, хорошо. Пусть будет так. А ваше мнение, Фелл?

- Майор, - начал Фелл с подчеркнутой любезностью, - мое мнение таково: я желаю лишь одного, чтобы мне дали возможность посмотреть пленку. В некотором роде я, конечно, подозреваю, что мы увидим. А в некотором роде я не уверен. А еще в некотором роде мне уже кажется неважно то, что я конкретно увижу, лишь бы нам дали посмотреть.

- Прекрасно! - проговорил Стивенсон.

Наконец свет был погашен. Теперь в наступившем сумраке там и сям призрачно тлел табак в трубках да в камине мерцали уголья. По комнате расползлась сырость, обитательница старых каменных домов.

Эллиот без труда различал в сумраке силуэты и лица своих товарищей и даже фигуру Стивенсона в глубине комнаты. Аптекарь осторожно пробирался к столу, стараясь не задеть электрический шнур, торчавший из проектора. Стивенсон включил аппарат. Из него тотчас вырвались полоски света, и аптекарь стал походить на согнувшегося над тиглем алхимика. Луч света вышел из проектора и вонзился в экран большим белым пятном метра полтора в диаметре.

Из глубины комнаты слышалось какое-то непонятное кляцканье, будто что-то то открывалось, то закрывалось. Аппарат продолжал вибрировать и вдруг сильно загудел. На экране сверкнула молния, расширилась и пропала, превратившись в сплошную черноту.

Но гудение продолжало наполнять комнату. На черном прямоугольнике продолжали искрить и чиркать серые молнии, прямоугольник трепетал. И вдруг словно вертикальная трещина пересекла центр экрана и стала увеличиваться, словно кто-то ее раздвигал. Появилась тень. Наконец Эллиот сообразил, что это было. Они все словно смотрели из музыкальной залы, а темная тень - Маркус Чесни - раскрывала перед ними створки дверей в кабинет.

Кто-то кашлянул. Изображение слегка подпрыгнуло; тогда они увидели, как из темноты возникла задняя часть кабинета в Белгарде. В углу кадра защевелилась тень, очевидно, это двигался к столу какой-то человек. Чтобы ухватить всю сцену, Хардинг зашел слишком влево, поэтому дверь в сад была не видна. Свет на изображении был слабым, неясным, четко выделялась лишь темнота, но зато неплохо были видны и каминная полка, и овальные часы с блестящим маятником, и спинка кресла у письменного стола, сам широкий стол, на

нем коробка конфет с серым рисунком и еще каких-то два небольших предмета вроде карандашей, лежащих на промокательной бумаге. И снова на экране свет стал искажаться... Вдруг с экрана на зрителей пристально глянуло лицо Маркуса Чесни.

Вид у него был неприятный. В неверном свете ламп, без грима и в дрожащем изображении, вызванном тем, что камеру держали в руках, он выглядел как мертвец. Цвет лица его был землистым, брови подчеркнуты, а глаза впали; когда он поворачивал головой, полосы света пересекали его лицо. Но держался он спокойно, с достоинством и даже гордостью. Войдя в кадр, он передвигался с легкостью и дьявольским веселием...

- Посмотрите на часы! - воскликнул кто-то над самым плечом Эллиота, так громко, что даже перекрыл своим восклицанием гудение проектора. - Посмотрите на часы! Который на них час?

- Чтоб мне провалиться! - воскликнул Боствик.

Все пришли в движение, заскрипела мебель.

- Ну? Что скажете?

- Все ошиблись! - продолжал Боствик громко. - Вот в чем дело. Один из них утверждал, что была полночь, другой - что было около полуночи, а профессор Ингрэм уверяет, что было без минуты двенадцать. Ошиблись все. На часах одна минута первого!

- Тихо!

На экране тем временем разворачивались безмолвные события. Маркус Чесни, аккуратно отодвинув от стола кресло, сел. Затем он протянул руку к коробке с конфетами и с величайшей осторожностью, легонько подтолкнул ее вправо. Взяв со стола плоский карандаш, он принялся демонстративно чиркать на бумаге, делая вид, что что-то пишет. Отложив карандаш в сторону, он подцепил ногтем другой предмет, лежавший на промокательной бумаге, и не очень ловко зажал его пальцами. Предмет был ясно различим при свете лампы.

Словно молния в голове Эллиота мелькнуло описание предмета, сделанное профессором Ингрэмом: "Похож на ручку, но гораздо меньше и уже". По описанию профессора это была узкая щепка менее трех дюймов в ширину, черная, с острым концом. Это описание было совершенно точным.

- Я знаю, что это, - объявил майор Крау.

Послышался скрип передвигаемого стула. Майор поспешно вскочил, проскользнул вдоль стены и всунул свою голову прямо в световой луч. Его тень накрыла половину

экрана, и фантастический силуэт Маркуса Чесни теперь танцевал и дергался прямо на его спине.

- Остановите пленку, - сказал он хрипло. - Я отлично знаю, что это, - повторил он, продолжая стоять в луче света. - Это минутная стрелка, снятая с каминных часов!

- Что? - воскликнул Боствик.

- Это длинная стрелка с каминных часов, - прокричал майор, тыча указательным пальцем в экран. - Мы уже знаем, что циферблат часов составляет шесть дюймов в диаметре. Видите? Это минутная стрелка! Перед спектаклем Чесни отвинтил винт, поддерживающий стрелки, и снял минутную стрелку и снова установил винт. Таким образом, на часах осталась единственная стрелка - короткая часовая стрелка, указывавшая полночь! Боже мой! Неужели вы этого не замечаете? Вон, взгляните внимательно, всего одна стрелка! А свидетели были убеждены, что видят две стрелки. На самом деле вместо минутной стрелки на циферблате они видели тень от часовой.

Майор пришел в такое возбуждение, что, казалось, был готов пуститься в пляс.

- Теперь, вы понимаете, откуда появилось расхождение в показаниях? Ведь каждый видел эту тень под другим углом! Профессор Ингрем сидел с правого края и видел тень на отметке, которая указывала, что было без одной минуты полночь. Мисс Уилз, сидя в центре, видела ровно полночь и наконец тот, кто оказался слева, увидел одну минуту первого. Как только представление закончилось, Чесни тщательно прикрыл дверь и поспешил установить минутную стрелку на место, это дело пяти секунд. И часы снова стали показывать точное время. Но во время представления Чесни дерзко вертел минутной стрелкой перед самым носом у зрителей, и никто из них этого не понял.

Стало тихо. Где-то в полутьме Боствик похлопал по своим ляжкам, Фелл одобрительно заворчал. Стивенсон, чертыхаясь, боролся с непослушной бобиной.

- Не говорил ли я раньше, - произнес не без гордости майор, - что в этих часах было что-то странное?

- Совершенно верно, сэр, - сказал Боствик.

- Это вопрос чистой психологии, - вставил доктор Фелл, кивнув головой. - Могу спорить, что они б ошиблись, даже если бы тени не было. Когда стрелки показывают ровно двенадцать, мы всегда видим лишь одну стрелку. Но мы никогда не смотрим на часы дважды - эта привычка нас и подводит. Бедняга Чесни еще больше усилил эту ошибку. Я только

сейчас начинаю понимать, зачем ему надо было начинать представление около полуночи. Разумеется, тень могла появиться на циферблате. Но когда стрелка стояла ровно на полуночи, три свидетеля с трех разных мест все равно увидели бы разное время. Он хотел поймать их на этом и посвятил этой проблеме два вопроса из десяти. Но вот еще что... Весь вопрос в том... прошу вас не дергаться... вопрос в следующем: который же час был на самом деле?

- Ха! - воскликнул Боствик.

- Часовая стрелка стоит вертикально, верно?

- Да, - подтвердил майор.

- А это означает, - строго продолжал доктор, - что положение минутной стрелки может колебаться от без пяти минут двенадцать до пяти минут первого. В зависимости от часового механизма, короткая стрелка в этом промежутке будет оставаться примерно в вертикальном положении. Время до полуночи нас не интересует. Следовательно...

Майор Крау взволнованно сунул свою трубку в карман.

- Следовательно, - подхватил он, - алиби Джозефа Чесни полностью провалилось. Оно базировалось на том, что он покинул дом Эмсвортов ровно в полночь, примерно в тот момент, как мы считали раньше, когда доктор Немо уже вошел в кабинет Маркуса Чесни. Итак, Джо Чесни покинул Эмсвортов ровно в полночь. Но доктор Немо появился в кабинете и убил Маркуса Чесни не в полночь. Если точно, то полночь уже прошла. Вероятно, было уже пять-шесть минут первого. Джо Чесни вполне хватило бы трех минут, чтобы доехать от дома Эмсвортов до Белгарда. Что и требовалось доказать... Раздвиньте занавески!.. Я ничего не имею против Джо Чесни, но склоняюсь к тому, что он и есть тот человек, которого мы ищем.

XV

Подойдя к одному из окон, Эллиот раздвинул занавески. В комнату проник серый дневной свет, размыв луч из кино-проектора. Волнение майора Крау, все еще стоявшего на середине помещения перед экраном, возрастало.

- Инспектор, - он повернулся к Эллиоту. - Я никогда не думал, что обладаю аналитическими способностями. Но это, оказывается, просто! Вы понимаете? Бедняга Маркус спланировал свое собственное убийство!

- Ну-да, - задумчиво проговорил доктор Фелл.

- Джо Чесни мог знать о том, что будет с часами, и о тени от часовой стрелки. Вам не кажется? Он мог, например, прогуливаться после обеда по саду. Маркус и Вилбер Эммит провели в кабинете около трех часов. Двери в сад были открыты. А если даже и нет, то ведь они обсуждали свой спектакль целыми днями, и Джо мог быть в курсе задуманного задолго до вчерашней ночи. Он знал, что Маркус не начнет представления до тех пор, пока часовая стрелка не встанет вертикально на цифре двенадцать. Нам известно, что передвигать стрелки на этих часах не так-то просто. Маркус не мог их переставить. Джо удалось заполучить алиби в доме Эмсвортов, он вовремя вернулся в Белгард и, так как Маркус начал эксперимент после полуночи, то ему удалось выйти сухим из воды. Постойте! Мне только что пришло в голову, что он мог совершить и еще кое-что!

- Что именно? - спросил Эллиот.

- Ему еще нужно было убить Вилбера Эммита! - продолжал майор. - Эммит знал о трюке с часами. И потом, сколько, по-вашему, человек в этих местах умеют делать инъекции? - Он остановился, чтобы присутствующие успели переварить его новую догадку. - Джентльмены, нет ничего более ясного! У этого типа есть на плечах голова. Ну кто бы мог подумать, что это он?

- Вы, - просто сказал доктор Фелл.

- Что вы хотите сказать?

- Вы с самого начала подозревали его, - пояснил Фелл. - Мне кажется, что в вашей рассудительной голове, майор, уже давно нарастала неприязнь к образу жизни Джозефа Чесни.

- Я не имею ничего против этого человека! - возмущенно запротестовал комиссар. Снова повернувшись к Эллиоту, он продолжал холодно и официально. - Это ваше дело, инспектор. С этой минуты я больше в него не вмешиваюсь. Но убежден, что вы учтете некоторые факты. Всем известно, что Джо Чесни ненавидит работу, а Маркус каким-то образом заставлял его трудиться. А что касается причин для его ареста...

- Каких причин? - перебил доктор Фелл.

- Ну...

- Каких причин? - повторил доктор. - Выстроив перед нами замечательную схему преступления, вы, сдается, позабыли про одну маленькую, но важную деталь. Не Джозеф Чесни осуществил трюк с показаниями часов. Это сделал его брат Маркус. Вы перепутали факты. Вы, так сказать, пожищаете Питера, чтобы повесить Поля.

- Да, но...

- К тому же, - добавил Фелл высокомерно, - я не знаю, что вами движет, но вы убеждены, что нужно арестовать человека только на том основании, что его алиби поколебалось. Алиби, приготовленное для него другим. Ведь вы не утверждаете, что он сам создал себе алиби! Вы собираетесь его арестовать только за то, что у него теперь нет алиби! Не буду распространяться о других слабых подпорках вашей версии; ограничусь лишь небольшим объяснением, почему так поступать нельзя.

- Я не говорил, что собираюсь его арестовывать, - обиделся Крау. - Естественно, нам нужны улики! Но к чему вы клоните?

- А почему бы нам не продолжить просмотр фильма, сэр? - вмешался Боствик. - Попробуем хоть в чем-то разобраться!

- Что вы говорите?

- Ведь мы еще не видели главное действующее лицо: человека в цилиндре. Доктора Немо!

- ...именно это и требовалось с самого начала, - резко заметил Фелл, после того как порядок был восстановлен и занавески снова задвинуты. - Теперь пусть никто не встревает до конца просмотра. Согласны? Отлично! В таком случае, закройте рты и посмотрим, что произошло. Начинайте, Стивенсон.

И снова треск и гудение киноаппарата заполнили комнату. Пленка пошла. Все замолчали и лишь изредка тихо покашливали или бормотали. Теперь, внимательно глядя на экран, Эллиот спрашивал себя, как же можно было ошибиться в очевидном? Ну конечно, длинная минутная стрелка была всего лишь тенью. А настоящая стрелка была в руке у Маркуса Чесни, с бесстрастным лицом сидевшего за столом.

Маркус положил стрелку на промокательную бумагу. Теперь, казалось, он к чему-то прислушивается. Он повернул голову вправо. Его костлявое лицо было отчетливо видно.

И тогда на экране возник убийца.

Доктор Немо медленно передвигался по кабинету, глядя на зрителей. Все в нем было неряшливым и гротескным. Потертая кожа цилиндра, казалось, была изъедена молью. Землистый воротник плаща поднят до самых очков. А от горла и до самого носа было нечто вроде вздувшегося ворсистого волдыря, который при более внимательном рассмотрении оказался шарфом. Темные очки этого живого пугала зловеще глядели в камеру.

Изображение незнакомца сначала выглядело достаточно отчетливым. Вот он вошел в освещенное пространство и как бы приблизился к камере, так что нельзя было разглядеть его ботинки и брюки - они остались в тени. Руки его были в перчатках, гладких, без малейших складок, словно это были руки куклы. В правой он держал небольшой черный чемоданчик, на котором также без особого труда читалась надпись "Доктор Немо".

Немо на миг замер и вдруг стремительно повернулся к Маркусу Чесни. Ожидавший этого мига, Эллиот впился глазами в экран. Приблизившись к столу, Немо поставил на него чемодан, как раз за конфетной коробкой. Потом, словно передумав, он вновь поднял чемоданчик и на этот раз поставил его прямо на коробку. Видимо, первым движением он выгрузил из чемодана принесенную с собой коробку, а затем, поставив на старую коробку чемодан, с помощью пружины попробовал втянуть ее внутрь.

- Вот как он подменил коробки! - послышался из темноты голос майора.

- Да тихо! - рявкнул Фелл.

Но прежде чем они успели сообразить, что происходит, Немо неожиданно исчез. Огибая стол, он шагнул в неосвещенное пространство и превратился в расплывчатое темное пятно.

Возник он так же неожиданно, но уже с другой стороны стола. Теперь на экране совершалось убийство.

Маркус Чесни что-то сказал. При этом (они хорошо это видели) Немо держал одну руку в кармане. Он вынул ее из кармана (изображение немного расплывалось), держа в пальцах что-то вроде картонной коробочки.

Затем движения его стали какими-то неуверенными и робкими. Пальцы его левой руки медленно сжались на шее Маркуса Чесни. Голова Чесни откинулась назад. Очко убийцы сверкнули. Правая рука Немо скользнула ко рту жертвы и, положив в него капсулу, зажала рот ладонью, заставив ее проглотить.

- Эй! - воскликнул суперинтендант Боствик. - Вот когда мисс Уилз закричала: "Нет! Нет!"

И снова Немо исчез, превратившись в колеблющееся пятно. Появившись уже с другой стороны стола, он поднял черный чемодан. Но на этот раз, удаляясь, двинулся в глубину комнаты. Мутно, но ярко охватил свет всю его фигуру, брюки и лакированные туфли. Различимо было и пространство между краем плаща и полом. Теперь одним взглядом возможно

было определить его рост, почти с той же точностью, что и складным метром.

- Остановите пленку! - воскликнул майор. - Остановите же! Видно...

Но необходимости останавливать пленку не было. Она кончилась. Кинопроектор продолжал свирепо гудеть, а экран задрожал, потемнел, а затем стал пустым и белым.

- Конец, - глухо проговорил Стивенсон.

Несколько секунд зрители не шевелились. Аптекарь закрыл аппарат, вышел из-за стола и раздвинул занавески. Перед Эллиотом открылась живописная картина: удовлетворенно пыхтящий майор Крау, таинственно улыбающийся своей трубке суперинтендант Боствик, смущенный и обескураженный доктор Фелл. Взглянув на него, майор разразился хохотом.

- Кажется, кто-то получил сильный удар по самолюбию! - заметил он. - Итак, инспектор. Начнем с вас. Какой рост был у доктора Немо?

- Не менее метра восьмидесяти, по-моему, - ответил Эллиот. - У нас есть лупа, мы можем установить это точно. Человек стоял на том же уровне, что и камин, так что это будет несложно. Проведем сравнительные замеры... Да, кажется, метр восемьдесят.

- Ага! - кивнул Боствик. - Метр восемьдесят. А заметили, как этот тип передвигался по комнате?

- А что скажете вы, Фелл?

- Скажу, что это неверно, - пробормотал еле слышно Фелл.

- Вы что, не верите собственным глазам?

- Нет! - ответил доктор. - Разумеется, нет! Решительно - нет! Нас заставили влезть в эту петлю, а вы хотите верить собственным глазам. Но ведь мы в павильоне иллюзионов, в ящике с фокусами, в каком-то невероятном цирковом поезде. Когда я думаю, как нас надули с часами, меня охватывает страх. Часы не могли быть передвинуты, но были. Если Чесни был настолько изобретателен, он мог придумать и другие ловушки. Не хуже этой... а может, и получше. Я не верю ему. Проклятье, не верю!

- Но разве есть причины думать, что это тоже ловушка?

- Конечно, есть, - заявил Фелл. - Я называю ее "Задачей лишнего вопроса"! Но разрешение ее ставит нас перед еще более серьезными проблемами!

- Какими, например?

- Обратите внимание, насколько ошибся наш опытный свидетель, - сказал доктор, вынув красный платок и несколько раз встряхнув его. - Три свидетеля отвечали на вопрос о росте доктора Немо. Показания Мэрдкори Уиллз нельзя называть превосходными, Хардинг вообще слаб в качестве свидетеля. Напротив, профессор Ингрэм - лучший из наших свидетелей. Однако, когда их спросили о росте доктора Немо, оба слабых свидетеля отвечают верно, а профессор ошибается на сто процентов.

- В таком случае, почему вы настаиваете на том, что рост преступника был не метр восемьдесят?

- Я не настаиваю. Я только заявляю, что мне не нравится... С того самого проклятого, гнусного момента, как мне рассказали об этом преступлении, меня, словно дьявол, неотступно преследует одна и та же мысль: почему этот фильм не был уничтожен? Повторяю, - снова встряхнув платком, сказал доктор. - Почему убийца не уничтожил эту пленку? После гибели Чесни, когда понесли наверх Эммита, нижний этаж дома оказался совершенно пуст. Уничтожить пленку было проще простого. Ведь вы, приехав, сами обнаружили, что музыкальная зала пуста? Кинокамера лежала внутри фонографа. Убийце было достаточно открыть камеру и засветить пленку. Только не рассказывайте мне, что убийца томился от желания оставить свое преступление запечатленным, чтобы полиция могла разглядывать его под микроскопом. Нет, нет и нет!

- Но Джо Чесни... - начал было майор.

- Хорошо. Допустим, что убийца действительно Джо Чесни. Допустим, он убил Маркуса, воспользовавшись трюком с минутной стрелкой, который, как вы утверждаете, обеспечил ему алиби. Но ведь он не сумасшедший! Он не мог же не знать, что пока он играет роль доктора Немо, Хардинг аккуратно снимает его на кинопленку? Не мог же он не знать, что изучение пленки тут же обнаружит, что минутная стрелка была не на положенном месте, а в руках Маркуса, и что, таким образом, его алиби тут не превратится в пыль. Когда он позвонил вам в комиссариат?

- В двадцать минут первого.

- Так. А когда вы приехали в Белгард?

- Примерно через пять минут.

- Вот. Таким образом, разговаривая с вами по телефону, он находился в двух шагах от музыкальной залы, внизу. Все остальные в этот момент были наверху. Почему же он не

вшел в залу и не уничтожил пленку, которая может привести его на виселицу?

Майор Крау переменился в лице.

- Вы проиграли, сэр, - сухо заметил Боствик.

- Что вы хотите этим сказать? - грубо процедил майор. - Не знаю, почему он не уничтожил пленку. Значит, он не нашел кинокамеру.

- Ну, хорошо, хорошо, - сказал Фелл примирительно.

- ...А раз вы, суперинтендант, позволяете себе рассуждать с таким превосходством, - продолжал запальчиво майор, - то помогите нам найти выход. Вы-то можете объяснить, почему убийца не уничтожил пленку?

- Так точно, сэр. Мне кажется, могу. Дело было так: один из сообщников был не в состоянии уничтожить пленку, а другой не хотел этого делать.

- Что-о? Значит, убийц уже двое?

- Да, сэр. Мистер Эммит и мисс Уилз.

Боствик с нежностью продолжал разглядывать свою трубку. Выражение его лица при этом было каким-то унылым, тоскливым, и говорил он с трудом.

- Я до сих пор помалкивал по поводу этого дела, но глубоко размышлял над ним. Если вас интересует мое мнение, могу вам все без утайки разъяснить, и даже предъявить весомые доказательства. Так вот, этот тип на пленке, - Боствик указал на экран, - без сомнения является мистером Эммитом. Посмотрите на его рост, обратите внимание на его походку. Покажите любому из местных жителей эту пленку и спросите, кто это! Вам ответят: мистер Эммит! Я сразу не поверил, что кто-то мог ударить мистера Эммита и занять его место в спектакле. Не поверил и в результате не ошибся.

Мисс Уилз специально хотела, чтобы мы съели всю эту кашу, прежде чем докопаемся до истины. А то уж слишком это смахивает на сцену из кино. Кто, - Боствик резко выпрямился на стуле, - кто потратил столько труда на это преступление, если достаточно было лишь подбросить немного цианистого калия в чай старика? А если бы вдруг с него свалился цилиндр или очки? А если бы размотался шарф? Этого не произошло, но ведь могло произойти. А если бы старик ненароком схватил его за руку? Что тогда могло бы произойти? Нет, сэр. Я думаю, что доктор Фелл прав. Кто бы ни оказался убийцей старика, можно уверенно утверждать, что он вовсе не желал оставить нам пленку. В таком случае, почему же он не уничтожил ее? Я всю ночь не смыкал глаз и размышлял над этим обстоятельством. И вдруг сказал себе:

"Проклятье! - Боствик стукнул себя по колену. - Проклятье. А где же другая капсула?"

Эллиот удивленно уставился на него.

- Другая капсула? - переспросил он.

Боствик окатил его холодным взглядом.

- Да. Другая. Мы считаем (и эту мысль внущила нам мисс Уилз), что кто-то нанес удар мистеру Эммиту и сунул в рот Маркусу Чесни вместо безобидной капсулы отправленную. Ладно, допустим, так оно и было. Но где же тогда другая капсула? Безобидная. Мы искали ее по всему дому. Нашли мы ее? Нет. Ясно, что нет. Это означает, что на самом деле была лишь одна капсула, та, которую мистер Эммит сунул в рот старику Чесни.

Майор Крау присвистнул.

- Продолжайте, - сказал он.

- Но мы не нашли и картонную коробку, из которой он вынул капсулу, - продолжал Боствик, на этот раз обращаясь только к Эллиоту. - Может быть, она лежала в кармане плаща? Конечно, нет! Эге, - сказал я себе. - Так где ж она? Я предположил одно местечко, и поискал в нем сегодня утром. Коробка действительно лежала там.

- Где?

- В правом кармане куртки мистера Эммита. Эта куртка висит на стуле в его спальне.

- Это, - перебил майор, - кажется...

- Раз уж я начал рассказ, то будет лучше, если я его и закончу, сэр, - сурово и торопливо продолжал Боствик. - Этой ночью кто-то убил мистера Эммита. Этот "кто-то" находился с мистером Эммитом в сговоре для убийства старика Чесни. Все знают, что ради Мэрджори мистер Эммит был способен на все. Или, вполне возможно, она подсунула ему отправленную капсулу без его ведома, приказав дать ее старику. Но я не настаиваю на последнем предположении, так как, раз уж мистер Эммит сам нанес себе раны на голове, чтобы обеспечить алиби, то скорее всего они были в сговоре. Подумайте хорошенько, ну зачем бы ей было кричать "Нет! Нет!" во время убийства старика, а потом настойчиво отрицать это? Так кричать и некрасиво, и как-то неестественно, если она не знала, что на самом деле происходило в ту секунду. Но она это знала! И в последний момент мужество покинуло ее. Такое случалось уже не раз. Вы можете не поверить мне, Эллиот, но я многое почерпнул о подобных случаях в лондонских отчетах о преступлениях. И даже могу точно сказать вам, где произошло то же самое. Женщины не могут держать себя в

руках, даже в тех случаях, если они вдохновительницы преступления. "Нет! Нет!" - закричала некая Эдит Томпсон, когда ее приятель Байвотерс у выхода из кинотеатра пронзил кинжалом ее собственного мужа.

Боствик остановился, чтобы перевести дух. Майор Крау нервно заерзал.

- Доказательства против Вилбера Эммита, - начал было Эллиот. - Явля... Ладно! Если понятые признают Эммита на этой пленке, я закончу это дело. - Он чувствовал себя сейчас смятым, расстертанным, но старался смело смотреть в глаза обстоятельствам. - Но какие у вас есть улики против мисс Уилз? Мы не можем арестовать ее только на том основании, что она закричала "Нет! Нет!"

- У нас есть неоспоримые улики! - ответил Боствик, и лицо его снова стало багроветь. Он на миг замер, а затем крикнул через плечо. - Гобарт Стивенсон, если вы хоть слово разболтаете о том, что слышали в этой комнате, я собственоручно вышибу из вас дух! Знайте, что я непременно это сделаю!

- Я не произнесу ни слова, суперинтендант, - испуганно пролепетал Стивенсон. - Клянусь!

- Я об этом сразу же узнаю, - заверил Боствик, уничтожая его взглядом. Затем повернулся к остальным. - Думал рассказать вам, что знаю, пока смотрел пленку. Я еще не обмолвился об этом ни словом, так как хотел полностью убедиться. У нас есть улики! Вы только что говорили, сэр, - обратился он к Крау, - что за исключением врачей в нашей округе немного людей умеют делать инъекции. А она умеет. Мисс Уилз научилась этому лет шесть-семь назад во время эпидемии гриппа. Она помогала доктору Чесни ухаживать за больными. А вы еще, друг мой, считаете, - он повернулся к Эллиоту, - что мы не хотим задержать людей, бросающих в нее камни. Это неправда: мне тоже не нравится отсутствие порядка. Я выполнил свой долг; но будьте уверены, судьи не будут слишком строги по отношению к нарушителям. Ну вот, я же сказал вам, что у меня есть улики. Что вы скажете теперь?

Из внутреннего кармана куртки Боствик не спеша вынул конверт. Приоткрыв его, он повернулся к своим товарищам. В конверте лежал шприц. Поршень его был из блестящего никеля, в маленьком стеклянном корпусе виднелась бесцветная жидкость. По комнате распространялся запах горького миндаля.

- Да, - проговорил Эллиот, - да. - В горле его пересохло, глаза заблестели. - Где вы нашли это?

- Я всегда очень любопытен, - заметил Боствик. - Поэтому я и попросил майора, чтобы он под каким-нибудь предлогом удалил мисс Уилз из дома. Она поехала искать вас. А шприц я разыскал в тайничке шкатулки для драгоценностей. Она стоит на туалетном столике в ее спальне. - Он передал конверт Эллиоту и скрестил руки.

- Вот это, - откашлявшись, сказал майор, - убеждает больше всего. Что скажете, инспектор? Хотите, я выпишу ордер на ее арест?

- Нет. Пока нет. Сначала я должен поговорить с ней, - неожиданно мягко сказал Эллиот и глубоко вздохнул. - Но, говоря по-вашему, улика в самом деле очень убедительная. А каково ваше мнение, доктор?

Положив руки на свою густую, тронутую сединой шевелюру, доктор Фелл со стоном вздохнул. На его лице была написана крайняя растерянность.

- Если бы хоть в чем-нибудь был уверен! - жалобно проговорил он. - Если бы мог избежать крушения моего... космоса. Мне нечего сказать. Вы не поверите, но это дело разрушило все мои представления... Возможно, они правы... - закончил он, кивнув в сторону Боствика.

Этими словами были разрушены и все надежды Эллиота.

- Однако, - продолжал Фелл, - короткая беседа с девушкой необходима.

- Беседа с ней? - вскричал Боствик яростно. - Да мы только и занимаемся беседами! Девушка виновна как сам Дьявол, и мы все это знаем! Господь свидетель, мы предоставили ей все возможности, чтобы доказать свою непричастность! И чего мы достигли? Вам известно, чего мы достигли! Это же воплощенная Эдит Томпсон, но только в сотню раз хуже! Кстати, я слышал, - он покосился на Эллиота, - что Томпсон пыталась влюбить в себя сыщика, расследовавшего ее преступление. И могу заявить, что история повторяется!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОЧКИ СНЯТЫ

*"Вы не представляете, как это хитро,
как коварно!"*

"Тюремщик" Вильяма Палмера
Рагли, 1856

XVI

В половине пятого вечера доктор Фелл и инспектор Эллиот в сопровождении суперинтенданта Боствика вошли в спальню Мэрджори Уилз.

Перед этим первые двое в полном молчании прообедали в "Толбом Льве". В молчании, потому что с ними был еще майор Крау. Хотя майор все время уверял, что после окончания предварительной части следствия больше не собирается вмешиваться в ход расследования, Эллиот этому не верил. Он чувствовал себя подавленным, растерянным, а когда принесли мясо, стал испытывать тошноту. Он пытался убедить себя, что нужно смириться, вспоминал свой разговор с Мэрджори, ее молящий взгляд. Теперь все это казалось ему удивительно фальшивым, театральным, его тошнило, как от горького лекарства. Наверное, ее повесят. Дело будет закрыто. Но какого дьявола ей удается читать его мысли?

Дважды в жизни ему довелось присутствовать при казни, и он предпочитал никогда не вспоминать подробностей.

Прибыв в Белгард, он с радостью, от которой едва не захлебнулся, узнал, что в доме ее не было.

- Она уехала с Хардингом на машине, - сказала Памела, молодая красивая служанка.

- Уехала в Бат или Бристоль, - уточнила рыжеволосая служанка Лена.

Обе, впрочем, так же как и кухарка миссис Гринли, были на грани истерики. Им было не по себе от того, что они остались одни в доме. Некто Маккаркен (помощник Эммита) возился в теплицах, но время от времени забегал в дом, чтобы успокоить женщин и сообщить новости. Доктор Чесни (он провел ночь в Белгарде) уже ушел. Ни служанки, ни кухарка не могли добавить ничего нового к рассказам остальных свидетелей по поводу событий прошлой ночи.

Под лучами осеннего солнца Белгард выглядел опрятно и весело. Ну, какую тайну способны были скрывать эти желтые и голубые кирпичи, крутой скат крыши, голландские навесы?

Было очевидно, что Вилбер Эммит умер без мучений. Окна его спальни выходили на запад; бледное солнце, пробивающее сквозь легкие занавески, освещало кровать. Вытянувшись, он лежал на постели, одеяло покрывало его до груди и часть правой руки с подвернутым рукавом пижамы. Голова его была перевязана, лицо с едва заметными следами отравления цианидом было умиротворенным и почти лишенным уродливости, от которой он так страдал при жизни.

Доктор Уэст ждал, когда тело повезут для вскрытия. До этих пор можно было лишь предполагать, что смерть Эммита наступила от отравления цианистым калием в результате под кожного впрыскивания, то есть инъекции. Ничто, казалось, не могло внушать ужас в этой залитой солнцем комнате, с обоями, похожими на рисунки персиков. Но даже доктор Фелл, озираясь, почувствовал внезапный озноб.

- Нда-а, - протянул Боствик, взглянув на него. - А теперь прошу вас в другую комнату.

Спальня Мэрджори находилась в главной части дома, во фронтоне. Это помещение тоже выглядело светлым, веселым, просторным. Обои здесь были разрисованы кремовыми квадратами, мебель из светлого ореха, на окнах висели золотисто-коричневые занавески с кружевами наверху. Рядом с кроватью стояла этажерка с книгами, томов двадцать или больше. Эллиот посмотрел, что это были за книги: серия путеводителей по Франции, Италии, Греции и Египту, французский словарь, разговорник под названием "Итальянский для всех" и еще несколько томиков - "Море и сельва", "Где начинается голубое", "Антик Хей", "Портрет Дориана Грея", пьесы Дж.М.Бэрри, сказки Андерсена, "Похождения развратного влюбленного" и наконец... несколько книг по химии.

"Интересно, - подумал Эллиот, - заметил ли их Боствик?"

- Еще больше таких книг вы увидите вон там, на нижней полке шкафа, - вставил Боствик, наблюдая за Эллиотом.

- Хм, довольно беспорядочное собрание! - заметил доктор Фелл, заглядывая через плечо Эллиота. - Характер этой девушки интригует меня все больше и больше.

- А меня он уже достаточно заинтриговал, - резко вставил суперинтендант. - Взгляните сюда!

Туалетный столик с зеркалом между двух окон. В его центре стояла небольшая, около пяти квадратных дюймов, шкатулка с золотой каймой и закругленными углами, вероятно, итальянской работы. На это указывал рисунок на крышке: Мадонна с младенцем. Тайничок в виде второго dna примерно в четверть дюйма в высоту, был изобретательно скрыт. Открывался он с помощью пружинного механизма, который приводился в движение крошечной розеткой на крышке. Подняв шкатулку, Боствик продемонстрировал действие пружины.

- Вероятно, - задумчиво проговорил Эллиот, - она купила эту шкатулку во время путешествия в Италию.

- Конечно, - безразличным тоном согласился суперинтендант. - Важно то, что...

- А следовательно, не могут ли и другие обитатели этого дома знать о существовании тайника?

- Выходит, - проникновенным голосом произнес Фелл, повернувшись к Эллиоту, - вы намекаете на то, что шприц спрятал кто-нибудь другой?

- Не знаю, - откровенно признался Эллиот. - Это первое, что пришло мне в голову. Скажу честно, если шприц спрятал здесь кто-то другой, то непонятно, для чего это ему было нужно. Попробуем разобраться, - пробормотал он и принялся прохаживаться по комнате. - Будем опираться на факт, что убийца - член семьи Чесни или очень связан с ней. Мы не можем игнорировать это заключение. Иначе придется фантазировать и решить, что убийца - совершенно посторонний человек, скажем... например, аптекарь Стивенсон.

Глаза Боствика округлились.

- Ну и ну! Надеюсь, вы шутите и не собираетесь пускаться по этому следу?

- Конечно, нет. Это неубедительно и все это знают. Но кто же из членов этой семьи имеет мотив для...

Внезапно он остановился и одновременно с Боствиком повернулся к доктору Феллу. Фелл тихо вскрикнул. Не обращая никакого внимания на шкатулку, он, как бы случайно и рассеянно, слегка приоткрыл ящик с правой стороны туалетного столика. Вынув из него пустую картонную коробку из-под лампы "Фотофлуд", он прикинул на ладони ее вес и вздохнул. Затем поправил на носу очки, поднял коробку на свет и принялся разглядывать ее, будто она была бутылкой с вином.

- Послушайте, - пробормотал он тихо.

- Что такое?

- Ерунда, но какая важная! - продолжал Фелл. - Если никто не возражает, я хотел бы переговорить со служанкой, которая убирает в этой комнате.

Эллиот отправился вниз. Он уже по опыту знал, что доктор, на что-нибудь решившись, никогда не отступится, как человек, собравшийся взломать дверь. Ответственной за спальню оказалась рыжеволосая Лена, но красотка Памела во что бы то ни стало захотела ее сопровождать для оказания моральной поддержки.

Когда они обе предстали перед доктором Феллом, тот всем своим видом излучал торжество и значимость (Эллиот много позже обнаружил, что, напустив на себя такой вид, доктор Фелл пытался скрыть неуемное желание нервно захихикать).

- Привет, - любезно сказал доктор Фелл.

- Привет, - бойко, но неприветливо ответила рыжая. Памела, напротив, дружески улыбнулась.

- Посмотрим, посмотрим, - проговорил доктор. - Кто из вас по утрам прибирает в этой комнате?

Быстро оглянувшись, Лена вызывающе ответила, что она.

- Ты видела ее раньше? - спросил Фелл, показав ей коробку.

- Да, видела, - ответила Лена. - Еще вчера утром она держала ее здесь.

- Кто "она"?

- Мисс Уилз, - сказала Лена, одновременно получив сильный тычок локтем своей подруги. - Рано утром она поехала покупать ее в поселок, а когда вернулась, я прибирала в этой комнате. Вот так.

- Это улика, сэр? - невинно и с тревогой поинтересовалась Памела.

- Да. И что она потом сделала с лампой? Вы знаете?

Глаза Лены сверкнули.

- Она положила лампу вот сюда, в ящик, который вы открыли. Так что неплохо бы положить ее на место!

- А потом вы видели коробку?

- Нет! - отрезала Лена.

Памела была настроена иначе.

- Я ее видела позже, - заявила она.

- Да? Когда?

- Прошлой ночью. Без четверти двенадцать, - быстро выпалила Памела.

- Ага! - облегченно и бес tactно воскликнул Фелл. Памела вздрогнула, а Лена побледнела. - О, простите меня! - Фелл смущенно развел руками. Бостwick мрачно наблюдал за ним.

- Будь поосторожнее! - с жаром воскликнула Лена. - Они хотят подцепить тебя на крючок!

- Ничего они не хотят! - также горячо возразила Памела. - Правда?

- Конечно, нет, - успокаивающе заверил Фелл. - Вы можете рассказать, где видели лампу? Попытайтесь.

Памела сделала долгую паузу, но только для того, чтобы состроить своей подруге таинственную и вместе с тем торжествующую гримасу.

- Я ходила искать эту лампу по просьбе мистера Чесни, - объяснила она. - Прошлой ночью я допоздна слушала радио...

- Где находится радио?

- На кухне. Когда я как раз вышла из кухни и, стараясь не делать шума, стала подниматься по лестнице, из кабинета вышел мистер Чесни.

- И что?

- Он сказал: "Эй! Ты почему не в постели? В такое время ты должна спать". Я извинилась и объяснила, что слушала радио, а теперь иду спать. Мистер Чесни хотел сказать что-то еще, но в этот момент из библиотеки появился профессор Ингрэм. Тогда мистер Чесни сказал: "Ты видела лампу "Фотофлуд", которую сегодня купила мисс Мэрдфорд? Где она?" Я сказала, что в спальне, так как мне об этом рассказала Лена...

- Только не втягивай меня! - прорычала рыжеволосая.

- Да не будь ты такой идиоткой! - неожиданно рассердилась Памела. - Я ведь не сказала ничего плохого, правда? Ну, вот, мистер Чесни тогда сказал: "Хорошо. Принеси ее, пожалуйста, сюда". Я так и поступила. Принесла ему лампу, пока он говорил с профессором, а потом пошла спать.

Предложенная Феллом линия допроса была прервана Леной.

- А меня не интересует, - взорвась она, - есть в этом что-то плохое или нет! Мне надоело, что там и здесь болтают; а уж про нее вообще бы всем нужно помолчать!

- Лена, потише!

- Чтотише датише! - воскликнула Лена и воинственно скрестила руки. - Я ни капельки не верю тому, в чем ее обвиняют! Если бы так было, то мой отец не оставил бы меня ни на минуту, поэтому мне нечего бояться! А вас я боюсь в десять раз меньше, чем ее! Она не ведет себя как все остальные, поэтому все и сваливают на нее! Почему, например, ее жених - прекрасный парень, остался сидеть здесь, а она вчера на полдня одна уехала к профессору Ингрэму? А эти поездки в Лондон, когда все думали, будто она ездит в Ридинг к миссис Мориссон? Она ездила к мужчине. Вот так!

Казалось, в первый раз за последние минуты в глазах суперинтенданта промелькнуло любопытство.

- Она ездила в Лондон? О каких поездках в Лондон идет речь? - поинтересовался он.

- О! Я-то знаю! - туманно ответила Лена.

- Я вас об этом и спрашиваю. Когда это было?

- Неважно когда! - проговорила Лена, уже дрожа от возмущения. - Она ездила к мужчине! И хватит об этом!

- Послушайте, девочка, - Боствик тоже начал терять терпение. - Если вы знаете то, о чем пытаетесь намекнуть, то говорите яснее. Почему вы раньше ничего об этом не сказали?

- Потому что отец пригрозил, что изобьет меня, если я хоть кому-то об этом пикну. К тому же уже прошло почти полгода, так что это не имеет значения. Для вас здесь нет ничего интересного, мистер Боствик. Я хочу сказать лишь одно: если бы всем позволено было вести себя так, как она...

- А к какому мужчине она ездила?

- Пожалуйста, можно нам уйти? - вмешалась Памела, подтолкнув в бок свою подругу.

- Нет, нельзя! К кому она ездила в Лондон?

- Откуда я знаю? Я за ней не следила!

- К какому мужчине она ездила в Лондон?

- Ну, у вас и манеры! - фыркнула рыжая и округлила глаза. - Я не знаю. И не знала, хоть вы мне все золото Британского банка предложите! Мне известно только, что этот мужчина работал в какой-то лаборатории, или что-то в этом роде, и писал ей письма. Нет, нет! Не надо только ничего себе воображать! Это было напечатано на конверте. Поэтому я и узнала.

- Так, лаборатория, - мрачно и медленно повторил Боствик. И приказал: - А теперь идите и ждите, пока вас позовут.

Приказ этот выполнить оказалось просто, так как под конец Лена ударилась в плач. Запоздало сработали переживания предыдущей ночи. Сохранившая больше самообладания Памела поспешила утащить свою подругу из спальни. Боствик почесал лоб.

- Ага. Значит, лаборатория, - повторил он, задумавшись.

- Вам это кажется интересным? - спросил Эллиот.

- Разумеется! Кажется, нам начинает везти. Теперь можно будет объяснить, где она раздобыла яд, - объявил суперинтендант. Мой опыт подсказывает: и удача и неудача всегда вместе. Вот так! Лаборатория! Ни много ни мало! Я... А ведь у этой девушки просто страсть какая-то к химикам, а? Сначала один тип, потом мистер Хардинг...

И тут Эллиот решился.

- Хардинг и есть тот самый тип, - сказал он.

Пока он объяснял, и глаза Боствика все больше вылезали из орбит, и пока Фелл продолжал молча глядеть в окно, у Эллиота промелькнула мысль, что это известие не содержало ничего нового для доктора. Он снова вспомнил сегодняшнее утро, вспомнил, что доктор Фелл слишком близко прохаживался от комнаты, в которой он находился с Мэрджори, чтобы не услышать ее слова. Для Боствика это оказалось полной неожиданностью: он свистнул так звонко и переливчато, словно исполнял какой-то музыкальный мотив.

- Как же так?.. Когда вы узнали? - спросил он.

- Когда она пыталась, как вы говорите, влюбить в себя полицейского.

Доктор Фелл направил ему многозначительный взгляд.

- О!.. А!.. - пробормотал Боствик, наконец приходя в себя. - Так, значит, она не... черт возьми! - Суперинтендант сердито вздохнул. - Ладно! Главное, что мы разработали версию. Мы так же надежны, как и лондонцы. Теперь мы знаем, откуда она достала яд: у Джорджа Хардинга. Возможно, она была в его лаборатории; естественно, имела свободный доступ ко всем препаратам и могла незаметно похитить любой из них. А? А если нет... - Он замолчал, тень легла на его лицо.

- Кто знает, кто знает? Мистер Хардинг очень приятный и разговорчивый джентльмен, но все запутывается еще больше. А если мы с самого начала ошибались? А если все было спланировано ею и мистером Хардингом? Что вы на это скажете?

- Скажу, что вам надо выбрать одно из двух предположений.

- Каких это?

- Вы же сами заявили, что версия разработана. - Эллиот чувствовал, что едва сдерживается, чтобы не раскричаться. Да, версия должна существовать! Но какая? Сначала она совершила это преступление в одиночку. Затем совершила убийство в сговоре с Эммитом. А теперь уже убивает Эммита и совершает преступление в сговоре с Хардингом. Господи! Будем же благоразумны! Невозможно, чтобы она принималась устраивать пляску смерти с любым встречным!

Боствик не спеша засунул руки в карманы.

- Ха! И что вы хотите этим сказать, друг мой?

- Разве я непонятно выражаясь?

- Нет, дружище, боюсь, что нет. Кое-что ясно, а кое-что нет. Я так понимаю, что вы еще не считаете эту девушку виновной.

- Если сказать честно, - проговорил Эллиот, - то вы абсолютно правы. Я не верю в ее виновность.

Что-то тихо упало. Доктор Фелл, никогда не отличавшийся большой ловкостью, уронил на туалетном столике флакон духов. Виновато заморгав, он схватил его, убедившись, что тот не разбит, и поставил на место. Когда все снова оказалось в порядке, Фелл отскочил от столика и, словно пароход облегченно загудел.

Он процитировал:

- Только я могу рассказать историю - "Руанский мясник, бедный Беррольд - Страны управляются капризом короля..."

- Что это?

- А, пустяки! - сказал Фелл, постучав себя в грудь, как Тарзан. Затем, решив больше не хвастаться знанием поэзии трубадуров, он глубоко вздохнул и махнул рукой в сторону окна. - Было бы неплохо составить план действий, - продолжал он. - Решить, на кого, как и где мы поведем наступление. К дому подъезжают мисс Уилз, мистер Хардинг и доктор Чесни. Все равно разговор возникнет. Но прежде я сам хотел бы с ними поговорить. Эллиот, дружище, меня страшно развеселили ваши последние слова!

- Развеселили? Почему?

- Потому что вы абсолютно правы! - просто сказал доктор. - Эта девушка виновата во всех этих преступлениях не больше, чем я!

Воцарилась тишина. Чтобы хоть как-то рассеять туман в своей голове, Эллиот раздвинул занавеску и взглянул наружу. Внизу перед домом расстился ухоженный газон, в дальней части отгороженный от шоссе каменным парапетом. Газон до самого дома рассекала гравиевая дорожка, на которую через главные ворота въезжала сейчас машина с открытым верхом. За рулем сидел Хардинг, рядом с ним на переднем сиденье - Мэрджори, а на заднем удобно развалился доктор Чесни. И хотя расстояние от дома до машины было значительным, Эллиоту бросилась в глаза гротескная деталь: доктор Чесни был одет в траурный костюм, но в петлицу пиджака воткнул белый цветок.

Эллиот не спешил поворачиваться к своим приятелям: он представлял, какую гримасу скорчил Боствик в ответ на последнее заявление доктора Фелла.

- Значит так, - сказал Фелл. - Вы собираетесь напустить на себя грозный вид, испустить воинственный клич, наброситься на девушку и сунуть ей под нос шприц! И собираетесь долбить ее до тех пор, пока она не сознается! Вы рассчитываете пойти, так сказать, по самой короткой дороге и вынудить ее совершать ошибки. Я же советую вам самое простое: не делайте этого. Не говорите ей ни слова о находке. Я уж не говорю о том, что она совершенно не виновна.

Боствик уставился на доктора.

- И вы туда же, - наконец мрачно выдавил он.

- Да, - признал Фелл. - Конечно! Я защищаю слепых и беспомощных, иначе мое пребывание в этом мире не стоило бы и четырех пенсов. Так что будьте любезны, набейте моими словами трубку и хорошенько раскурите ее! Предупреждаю, если вы доведете дело до крайности, то на вашей совести окажется самоубийство! Будет беда. Повторяю, девушка невиновна, и я могу это доказать. Нас ввел в заблуждение один из самых тщеславных людей... ха!.. на свете! Хорошо, что хоть теперь станет известна правда. И забудьте вы про эти проклятые лаборатории! Мэрджори Уилз не имеет к ним никакого отношения. Она не крала, не одалживала и не изготавливала никакого яда в лаборатории Хардинга. Почти уверен, что этого не делал и Хардинг. Ясно?

Фелл взорваленно и гневно размахивал руками и все указывал в сторону окна, поэтому все присутствующие невольно наблюдали за тем, что происходит снаружи.

Автомобиль продолжал медленно катить по гравиевой дорожке и был уже метрах в шести от парадного крыльца. Хардинг и Мэрджори поглядывали друг на друга. Девушка, порозовевшая и растерянная, что-то говорила своему жениху. На заднем сиденье, сложив руки на коленях, улыбался доктор Джозеф Чесни. Сверху были хорошо видны и сырой от дождя газон, и каштаны с потемневшими листьями вдоль дороги, и эта странная рассеянная улыбка доктора; он явно выпил.

Взглянув в сторону дома, доктор Чесни неожиданно вынул из петлицы цветок и выбросил его на дорогу. Затем он заерзал на сиденье, сунул руку в карман своей сумки. На его веснушчатом лице продолжала сиять улыбка. То, что он вынул из сумки, вдруг оказалось револьвером 38-го калибра. Нагнувшись, Чесни оперся локтем о спинку переднего сиденья, приставил дуло револьвера к затылку Хардинга и нажал курок. Прогремел выстрел. Стая птиц из окрестных кустов и деревьев взмыла в небо. Автомобиль продолжал тарахтеть и покашливать.

XVII

Суперинтендант Боствик был старше Эллиота на добрых двадцать лет, но, бросившись вниз, отстал от него лишь на два шага. В первую секунду Эллиоту подумалось, что увиденное ими всего лишь мираж, иллюзия, еще один трюк, придуманный Маркусом Чесни. Но вид рухнувшего на руль Хардинга и истошный вопль быстро вернули Эллиота к реальности.

Автомобиль продолжал катиться и неминуемо врезался бы в ступеньки крыльца, если б очнувшаяся Мэрджори в последнюю минуту не потянула ручной тормоз. Эллиот выскочил наружу. Доктор Чесни стоял перед задним сиденьем; очевидно, с последним событием хмель немного выветрился из него. Но Хардинг, который должен был лежать на боку с пулей в затылке, вместо этого на четвереньках переполз через гравийную дорожку, добрался до газона и там рухнул. Голову он вжал так глубоко, что плечи почти касались ушей, струйка крови сбегала с затылка по шее. Дотронувшись до нее и почувствовав на руке кровь, Хардинг в ужасе содрогнулся.

- Меня убили, - еле слышно прошептал он. - Меня убили. Боже мой! Меня убили!!!

В любой другой ситуации его слова могли бы только рассмешить. Затем он дрыгнул ногами и снова повалился на газон. Эллиот понял, что Хардинг умирать не собирается.

- Успокойтесь! - крикнул он. - Успокойтесь!

В ответ Хардинг дико простонал.

Так же странно повел себя и доктор Чесни.

- Это случайно выстрелило, - пробормотал он, ошелотившись в руках револьвера. - Он сам выстрелил!

Казалось, ему хотелось не только себя, но и других убедить в том, что выстрел раздался сам собой.

- Мы уже догадались об этом, сэр, - сказал Эллиот и, повернувшись снова к Хардингу, добавил. - Да, в вас выстрелили. Но вы же не убиты! А ну-ка...

- Меня...

- Дай-те ка, я посмотрю! - приказал Эллиот, схватив его за плечи. Ничего не соображающий Хардинг повернулся к нему мутный взгляд. - Вы не ранены, слышите?! Вы вывихнули руку или... что-то в этом роде. Пуля скользнула и содрала на шее кожу. Ожог. Но это поверхностная ранка. Вы не ранены, понимаете?! - закричал он снова.

- Ну и что? - словно не слыша его, пробормотал Хардинг с отсутствующим видом. - Чего там жаловаться, посмотрим на вещи прямо... Хорошо, а? Ха-ха-ха!

Было ясно, что Хардинг, хоть и находился все еще в состоянии шока, уже сам поставил правильный диагноз; его острый ум сам определил, что все случившееся находится на грани смешного; Хардинг пришел в себя, теперь представилась великолепная возможность для розыгрыша.

Эллиот отпустил его.

- А вы не хотите посмотреть, что с ним? - бросил он доктору Чесни.

- Чемодан, - пролепетал доктор Джо, сглотнув слюну, и протянул руку в сторону двери дома. - Черный чемодан. Мой чемодан. В вестибюле под лестницей.

- Эй! Эй! - добродушно воскликнул Хардинг.

Эллиоту оставалось только восхититься его мужеством. Хардинг уже сидел на газоне и смеялся. А рана наверняка была очень болезненной, хотя это и был всего лишь пороховой ожог. Будь она всего на полдюйма глубже - он был бы мертв. Уже и сейчас он потерял много крови. Несмотря на это, бледный, он словно преобразился и забавлялся только что испытанным шоком.

- Вы отвратительный стрелок, доктор Джо, - заметил он. - Если вы не можете попасть даже в неподвижную цель, то вам лучше даже не учиться. А, Мэрджори?

Мэрджори выбралась наконец из машины и бросилась к жениху. Доктор Джо, рванувшийся было одновременно с ней, вдруг замер на подножке автомобиля. Взгляд его остекленел.

- Господи! Но вы ведь не считаете, что я сделал это намеренно, правда? - прошептал он.

- А почему бы и нет? - рассмеялся Хардинг сквозь зубы. - Осторожней Мэрджори, осторожней с винцом. - Он не моргал, глаза его еще оставались расширенными и странно свелись, но он почти пропел, коснувшись плеча девушки. - Не извиняйтесь. Ясно, что это получилось случайно. Но все же не очень-то приятно, когда тебе стреляют в затылок.

Это были последние слова, которые Эллиот услышал - он отправился в дом за докторским чемоданом. Вернувшись, обнаружил, что доктор Чесни с тем же вопросом приставал к Боствику.

- Но вы же не считаете, правда? - что я сделал это намеренно, суперинтендант?

Боствик уставил на него мрачный взгляд.

- Я не знаю о ваших намерениях, сэр, - резко отчеканил он. - Знаю только то, что видел. Я стоял у того окна, наверху, и видел, как вы, вытащив из кармана револьвер, совершенно умышленно приставили его к затылку мистера Хардинга...

- Но это же шутка! Револьвер не был заряжен!

- В самом деле, сэр?

Боствик отвернулся. По обе стороны парадной двери стояли маленькие декоративные темно-желтые колонны, поддерживающие изящный треугольный навес над дверью. Пуля вошла в левую колонну. По счастливой случайности, она не только пролетела между Хардингом и Мэрджори, но и не задела ветрового стекла автомобиля.

- Револьвер не был заряжен, - продолжал настаивать доктор. - Клянусь! Я знаю это точно! Я проверял курок несколько раз. А в патроннике тоже ничего не было. Когда мы были в... - он прикусил язык.

- Где вы были?

- Неважно. Старина, неужели вы и впрямь считаете, что я способен выстрелить в человека? Ведь я стал бы... - Он растерялся. - Убийцей!

Удивленная, испуганная, недоверчивая улыбка промелькнула на лице Чесни, лучше всего убеждая в искренности его слов.

В его манере говорить вообще было что-то детское. Этот добный человек был окружен обвинителями. Вся сцена выглядела так, будто он каждому из присутствующих предложил стаканчик вина, и все отказались от угощения. Даже рыжая бородка и усы доктора ощетинились от неожиданного унижения.

- Я до этого несколько раз нажимал курок, - все повторял и повторял он. - Он не был заряжен.

- Но если он выстрелил, - сказал Боствик, - значит, в барабане все-таки была пуля; вы лишь (случайно или нет) вставили ее в патронник. Но дело, сэр, не в этом. Для чего вам понадобился заряженный револьвер?

- Он не был заряжен!

- Хорошо, заряженный или незаряженный, но для чего он вам понадобился?

Доктор Чесни открыл было рот, но тут же захлопнул его.

- Это была шутка, - сказал он.

- Шутка?

- Ну да, такая шутка.

- А у вас есть разрешение на ношение оружия, сэр?

- Честно сказать, нет. Но я легко могу получить его, - резко и вызывающе ответил доктор Джо. Он выпятил бороду вперед. - Что означает вся эта бесмыслица? Если бы я собирался по-настоящему кого-то застрелить, неужели бы я стал дожидаться, пока мы подъедем к дому?! Глупость какая! И, кажется, вы хотите, чтобы раненый умер? Посмотрите, он истекает кровью, как на скотобойне. Оставьте меня в покое! Дайте мой чемодан! Джордж, друг мой, - он склонился к Хардингу, - поедемте домой. Вы всегда должны доверять мне!

- Он прав, - вставил Хардинг. - Я рисую истечь кровью.

И хотя Боствик был в ярости, он не решился им воспрепятствовать. Входя в дом, Хардинг и доктор Чесни столкнулись в дверях с выходящим на крыльцо доктором Феллом. Они окинули Фелла удивленным взглядом.

Боствик повернулся к Мэрджори.

- Итак, мисс.

- Что? - холодно отозвалась девушка.
- Вам известно, зачем вашему дяде понадобился револьвер?
- Он же сказал, что это была шутка. Вы же знаете дядю Джо.

Эллиот удивленно следил за девушкой, снова пытаясь разобраться в мотивах ее поведения. Опершись о бок автомобиля, она наклонилась и пыталась стяжнуть с подошвы туфель какие-то белые кружочки. Эллиота она при этом удостоила лишь мимолетным взглядом.

- Мисс Уилз, вы были с дядей весь вечер? - поспешил вмешаться Эллиот, видя, что Боствик распаляется все больше и больше.

- Да.
- Куда вы ездили?
- Так, просто покатались.
- Где?
- Нигде особенно... просто покатались.
- Вы где-нибудь останавливались?
- Да, зашли в один-два бара. И еще в дом профессора Ингрэма.

- И вы видели у вашего дяди револьвер до того, как он его вытащил и выстрелил?

- Спросите у него, - ответила Мэрджори все так же вызывающе. - Не уверена, что я могла бы что-нибудь добавить.

"Черт возьми! Будто ты не знаешь!" - было написано на лице Боствика, но он поспешил взять себя в руки.

- Уверены вы или не уверены, мисс, - повысил Боствик голос, - вам все же небезынтересно будет узнать, что у нас есть к вам пара вопросов и... на них вы можете ответить.

- Ах!

За спиной суперинтенданта доктор Фелл зверски надул щеки и уже приготовился было извергнуть целый водопад слов, но в его вмешательстве не было необходимости. Помощь пришла с другой стороны. Дверь дома приоткрылась, и наружу высунулась голова верной Памелы. Она многозначительно кивнула в сторону сыщиков, беззвучно пошевелила губами и скрылась. К счастью для Мэрджори, это заметил один Эллиот.

- Значит, вы обыскивали мою комнату? - проговорила Мэрджори.

- Ах, вот как вы это делаете! - почти в унисон воскликнул Эллиот.

Если бы он стал подыскивать слова, чтобы точнее передать свое потрясение, то вряд ли бы нашел что-нибудь более удачное. Девушка резко обернулась. Глаза ее горели.

- Что я делаю? - поспешил проговорила она.

- Читаете мысли. То есть, на самом деле вы читаете по движению губ.

Мэрджори растерялась.

- А! Вы хотите сказать, - добавила она с некоторым лукавством, - когда вы называете бедного Джоржа ловкой свиньей? Да, да. Я читаю по губам, у меня была большая практика. Как видите, это пригодилось. Меня научил один старик. Он работал здесь. Сейчас он живет в Бате; он ...

- Его зовут Толерэнс? - вставил доктор Фелл.

Как впоследствии вспоминал Боствик, в этот самый момент он решил, что Фелл сошел с ума. Казалось, что полчаса назад он был в полном порядке, к тому же Боствик всегда с уважением вспоминал его работу в расследовании дела о Восьми Шпагах и случая с Вотерфолл Мэннор. Но, к сожалению, пока они разговаривали в спальне Мэрджори Уилз, в мозгу бедного доктора Фелла, видимо, что-то повернулось. Ведь сейчас он вдруг с каким-то прямо-таки неприятным наслаждением принялся произносить имя этого... Толерэнса.

- Его зовут Генри С. Толерэнс? Он живет на улице Эвон? И работает официантом в отеле "Бо Нэш"?

- Да. Но...

- До чего же тесен мир! - процедил доктор Фелл. - Ничего нет более успокоительного, чем услышать название этого достойного и популярного местечка. Сегодня утром я как раз разговаривал со своим другом Эллиотом об этом чудесном официанте. Именно он первым сообщил мне об убийстве вашего дяди. Отблагодарите Толерэнса, мисс. Пошли ему пять шиллингов на Рождество. Он этого заслуживает.

- О чём, черт побери, вы толкуете?

- О том, что именно от него мы узнаем, кто убил вашего дядю! - заявил Фелл серьезно. - Или, по крайней мере, ему мы будем обязаны доказательством!

- Надеюсь, вы не считаете, что преступление совершила я?

- Я знаю, что вы невиновны.

- И вам известно, кто это сделал?

- Да, известно, - сказал Фелл, опустив голову.

Какое-то мгновение, показавшееся всем очень долгим, она глядела на Фелла взглядом, который часто бывает у кошки. Затем, неуверенным движением пошарив в бардачке автомобиля, вытащила свою сумочку. Казалось, она приготовилась бежать.

- И они тоже так считают? - спросила она поспешно, кивнув головой в сторону Боствика и Эллиота.

- Наше мнение, - заметил Боствик, - остается при нас. А что касается инспектора, - он кивнул в сторону Эллиота, - то он прибыл сюда исключительно с целью задавать вопросы вам.

- По поводу шприца?

Она задрожала всем телом. Опустив голову и уставившись на сумочку, принялась нервно шелкать замком. Поля ее фетровой шляпы касались лица.

- Я так и думала, что его найдут, - она кашлянула. - Я обнаружила его сегодня утром. В шкатулке для драгоценностей. Сначала хотела спрятать, но не могла придумать где и не решилась вынуть его из шкатулки. Ну, как можно избавиться от какой-нибудь вещи? Как можно ее оставить и при этом быть уверенной, что за тобой не следили и тебя не заметили? На шприце нет отпечатков моих пальцев - я стерла их. Но, понимаете, это не я положила его в шкатулку. Не я!

Эллиот вынул из кармана конверт и приоткрыл его так, чтобы она могла видеть его содержимое. Однако Мэрджори совершенно не смотрела на Эллиота. Будто между ними никогда не существовало никакой связи, словно нить была порвана, словно между ними вдруг выросла новая стена.

- Этот шприц, мисс Уилз?

- Да, этот. Кажется.

- Ваш?

- Нет. Этот шприц дяди Джо. По крайней мере, такого типа, которым он обычно пользуется. Марка "Коррайт и К°", фабричный номер и емкость.

- А можно, - заговорил устало Фелл, - забыть на минутку про этот шприц? Можно выкинуть его из головы? К черту шприц! Какая разница, чей он и как попал в шкатулку, если мы не знаем, кто его там спрятал? Никакой!!! Мисс Уилз, - он твердо посмотрел на нее. - Расскажите нам о револьвере.

- Револьвер?

- Вы могли бы нам рассказать, - пояснил доктор, - куда вы сегодня ездили с мистером Хардингом и доктором Чесни?

- А вы разве этого тоже не знаете?

- Проклятье, не знаю! - вскричал Фелл, сделав страшное лицо. - Поэтому и ошибаюсь. Все дело в окружающей вас атмосфере. У доктора Чесни - своя атмосфера, у Хардинга - другая, у вас - третья. Взгляните на себя и назовите меня, пожалуйста, ослом; однако кроме этой атмосферы есть и внешние признаки.

Он махнул своей тростью в сторону белой гвоздики, брошенной Чесни на дорогу, затем коснулся концом трости туфель Мэрджори. Девушка инстинктивно отпрянула и приподняла ногу, но один из крошечных кружочков с ее туфель пристал к трости.

- Кстати, в вас не кидали конфетти? - спросил он. - Помнится, мостовая у дверей конторы по записи гражданского состояния, что на Кэстл-Стрит, вся усыпана конфетти. Сегодня сырьо... Почему это я обязан за вас рассказывать?.. добавил он гневно.

Мэрджори согласно кивнула.

- Все верно, - проговорила она бесчувственно. - Джорж и я сегодня вечером поженились и оформили брак в Бристоле.

И так как никто не произнес ни слова, добавила:

- Это специальная лицензия. Мы получили ее позавчера. - Она повысила голос. - Мы думали... думали хранить тайну в течение года. - Она заговорила еще громче. - Но раз уж мы имеем дело с такими проницательными сыщиками, а мы, наоборот, такие неумелые преступники - то вот вам вся правда!

Суперинтендант ошеломленно уставился на девушку.

- Но, послушайте, - проговорил он недоверчиво. - Боже мой! Я не верю этому! Не могу поверить! Вы и раньше казались мне странной (сейчас не будем касаться этого), но я б никогда не поверил, что вы способны на такое! Неужели доктор Чесни позволил вам? Я не понимаю...

- Вы не сторонник брачных уз, мистер Боствик?

- Сторонник брачных уз? - тупо повторил Боствик. - Когда вы решили заключить этот брак?

- Сегодня. Но обсудили все раньше. Мы с самого начала собирались пожениться без огласки и именно в гражданском учреждении: Джорж ненавидит всякие церемонии и суматоху. Но дядя Маркус умер, и я почувствовала себя такой... такой... в общем, будь что будет, мы во что бы то ни стало решили пожениться сегодня. У меня были причины! Были причины, понимаете?! - она кричала.

- Черт возьми! - сказал Боствик. - Этого я и не понимаю. Я знаю ваше семейство лет шестнадцать. Говорю откровенно. Но чтобы доктор позволил вам это сделать, когда мистер Чесни еще даже не погребен!..

Мэрджори отступила.

- Ну вот, - на глаза ее навернулись слезы. - Значит, никто не собирается меня поздравить или пожелать мне хотя бы счастья?

- Я желаю вам счастья, - произнес Эллиот. - Вы это знаете.

- Миссис Хардинг, - с мрачным видом начал Фелл, и девушка вздрогнула, услышав свое новое имя. - Я прошу у вас извинений. Отсутствие у меня чувства такта настолько обычно, что я бы удивился, если бы не совершил какого-нибудь некорректного поступка. Примите мои поздравления! Я не только надеюсь, но и обещаю, что вы обязательно будете счастливы!

- Как вы сентиментальны! - с неожиданным сарказмом воскликнула девушка. - И как по-полицейски великодушны! - Она посмотрела на Боствика. - Заявить, что знают семью Чесни шестнадцать лет, и при этом желать затянуть на моей шее петлю! Я вышла замуж. Да, вышла замуж. У меня были причины. Вы этого не понимаете, но у меня были причины.

- Я только сказал... - начал Эллиот.

- Забудьте это, - ледяным тоном перебила девушка. - Все что-нибудь говорят, когда им нужно что-то сказать. Так что можете здесь прогуливаться, довольные и гордые, как совы. Как профессор Ингрэм. Посмотрели бы вы на его физиономию, когда мы попросили его стать нашим свидетелем. О, нет, нет!!! Он настолько перепугался, что даже не сумел этого скрыть. Ладно, забудем! Вас интересует только револьвер, не так ли? Мне нечего добавить, это действительно была щутка. Шутки дяди Джо, как всегда, не отличаются большим изяществом, но он хоть, в отличие от других, сохранил чувство юмора. Дяде показалось забавным разыграть, как он говорит, "женитьбу под пистолетом", и во время регистрации он вздумал держать пистолет таким образом, чтобы мы его видели, а начальник конторы нет. Он изображал, будто пришел туда для того, чтобы убедиться, что Джордж действительно сделает из меня формальную жену.

Боствик прищелкнул языком.

- О! Что же вы не сказали этого раньше! - пробормотал он, и лицо его засветилось облегчением. - Вы хотите сказать...

- Нет, я не хочу этого сказать, - смягчившись, прервала Мэрджори. - Ну до чего же вы несообразительны! Ведь я и в самом деле формальная жена, потому что я вышла замуж, чтобы меня не повесили за убийство. Как чудно! - В ее голосе послышалось ликование. - Нет, суперинтендант. Приписывая мне самые ужасные поступки, вы еще страшно при этом удивляетесь. Но, что бы вы ни сказали, моя непорочность остается невредимой. Что за мир! Во всяком случае, не волнуйтесь. Вы хотели узнать о револьвере, и я вам все рассказала. Я понятия не имею, как в нем оказалась пуля. Наверное, по дядиной небрежности. Это был просто несчастный случай, и никого убивать не собирались.

- Это ваше мнение? - любезно осведомился доктор Фелл.

Мэрджори, несмотря на свою сообразительность, не сразу поняла смысл его вопроса.

- Вы намекаете на то, что рана, полученная Джоржем, не случайна?.. - начала она и запнулась. - Вы полагаете, что убийца снова вышел на охоту?

Доктор Фелл опустил голову.

На Белгارد опускался вечер. На востоке посерели холмы, но на западе небо, казалось, все еще было в огне. На западную сторону выходили окна музыкального зала, кабинета и спальни Вилбера Эммита на втором этаже. В одном из этих окон, вспомнил Эллиот, он увидел прошлой ночью доктора Чесни.

- Так я вам еще нужна? - спросила Мэрджори тихо. - Если нет, позовите мне уйти.

- Пожалуйста, - сказал доктор Фелл. - Но сегодня вечером вы нам понадобитесь.

Девушка ударила. Трое мужчин остались стоять рядом с отверстием, проделанным пулей в желтой колонне.

Позже Эллиот, в ту минуту, кстати, едва заметивший уход Мэрджори, вспоминал, что картина освещенных лучами заката окон словно открыла внутри него самого еще одно окно. Словно что-то толкнуло его, разбудило. Трудно сказать, было ли это результатом его наблюдений за движениями, словами или мыслями девушки или было вызвано какими-то другими причинами, но ясность, понимание всего происходящего пришли к нему вдруг. А+В+С+Д - все быстро выстроилось в схему, которая четко отпечаталась в мозгу. До нынешнего момента он поступал не как сыщик, а как безмозглый дурак! Везде, где он мог ошибиться, - он ошибся. Всякий раз, как появлялась возможность неверно объяснить происходящее, он объяснял его неверно. Словом, он вел себя, как кретин и безумец. Но теперь...

Взгляд Эллиота встретился со взглядом доктора Фелла. Он почувствовал, как маленькие проницательные глазки доктора прямо-таки впились в него.

- Ага! - сказал вдруг доктор. - Уже догадались?

- Да, доктор. Кажется, догадался.

И он ударили со всего размаху по воздуху.

- Ну что ж, - продолжал Фелл мягко. - Тогда будет лучше, если мы вернемся в гостиницу и обсудим ситуацию. Согласны, суперинтендант?

Расставляя по порядку в уме улики, Эллиот снова принял проклинать себя. Он настолько погрузился в размышления, что почти сначала не слышал доктора, насвистывающего, пока они шли к автомобилю, какую-то мелодию. Она ловко попадала в такт их шагам. Потом он сообразил: это был свадебный марш Мендельсона. Но еще никогда он не звучал так злорадно и неотвратимо.

XVIII

В тот же вечер около восьми часов в комнате Эллиота в гостинице "Голубой Лев" сидели перед пылающим камином четверо мужчин. Трое слушали. Говорил доктор Фелл:

- Теперь мы знаем, кто убийца, как действовал и почему, - перечислял он, загиная пальцы. - Знаем, что все эти преступления были делом рук одного человека, не имевшего сообщников. Знаем всю весомость доказательств и улик против него. Его виновность, как мы убедились, подтвердится сама.

Суперинтендант что-то одобрительно проворчал. Майор Крау кивнул согласно и удовлетворенно.

- Охотно принимаю вашу версию, - заметил он. - Если она подтвердится, то от одной мысли, что среди нас живет такое чудовище, можно будет содрогнуться!

- Живет и отравляет воздух! - добавил Фелл. - Совершенно верно. Именно это все время сбивало с толку Боствика. Влияние такого человека заражает, и каким бы безобидным оно ни казалось, оно распространяется на все, к чему притрагивается. Оно заражает и искаивает смысл любого поступка; без него невозможно ни выпить чашку чая, ни прокатиться в автомобиле, ни купить плёнку для кинокамеры. И в результате самое тихое местечко на свете, вроде этого, превращается в ад. В самых мирных домах раздаются выстрелы, на тихих улицах в людей кидают камни, в голове комиссара и суперинтенданта возникают капризные мысли. И причина этого в тех заразных бактериях, которые такой человек решает вдруг пустить в дело.

Доктор Фелл вынул часы и положил их перед собой на стол. Он не спеша набил табаком трубку, раскурил ее, торжественно и с удовольствием причмокивая, затем продолжал:

- Итак, пока вы думаете о доказательствах, мне хотелось бы препо... хм, хм!.. порассуждать с вами об искусстве отравлений и сообщить некоторые факты. Некоторые преступления, в особенности те, которые подходят к нашему случаю, мы можем сгруппировать под одним общим названием. Как это ни странно, я никогда еще не встречал их объединенными вместе, хотя они бывают настолько схожи, что некоторые могли бы быть просто копиями других. Они существуют с древности и представляют собой вечную опасность для жен: я имею в виду отправителей-мужчин.

Женщины-отправительницы - это ведомо Господу! - очень опасны. Но мужчины-отправители представляют для общества большую угрозу, так как к обычному для отправителей коварству они добавляют еще и дьявольскую подготовленность, интересы наживы и желание добиться успеха с помощью мышьяка и стрихнина. Они представляют собой узкую, но печально знаменитую группу, а их лица очень похожи. Разумеется, есть и такие, которые не вписываются ни в одну категорию. Например, Седдон. Но, думаю, если мы возьмем дюжину примеров из реальной жизни, мы обнаружим у всех одинаковую маску на лицах и одинаково гнусные мысли в

-головах. К этой группе принадлежит и наш убийца из Содбери Кросс.

Во-первых, все эти мужчины обладают определенной фантазией, образованием и даже культурой. Очень характерны в этом смысле профессии, выбранные ими. Палмер, Причард, Лэмсон, Баченен и Крим были врачами; Ричесон священником; Уэйнрайт - артистом; Армстронг - адвокатом; Хоч - химиком; Уэйт - зубным врачом; Вокье - изобретателем; Карлайл Харрис - студентом медицины. И тут интерес к этим людям начинает просыпаться.

Нас не интересует безграмотный невежда, не сознающий своего поступка. Нас интересует преступник, обязанный знать, что этого делать нельзя. Разумеется, нет смысла отрицать, что большинство, если не все, из этих людей были жестоки. Но при этом манеры их привлекали, воображение толкало к активной деятельности, они обладали первоклассными актерскими способностями; а некоторые из них поражают своей изобретательностью в осуществлении убийств и в замечании следов.

Доктор Джордж Харви Лэмсон, Роберт Баченен и Артур Уоррен Уэйт совершили преступления ради обогащения соответственно в 1881, 1882 и 1915 годах. В то время литература, именуемая полицейским романом, находилась еще в младенчестве. Но посмотрите, как они действовали!

Доктор Лэмсон убил свою жертву, восемнадцатилетнего племянника-инвалида, используя отравленный волчьим корнем изюм, запеченный в пироге. Он дошел даже до того, что сам разрезал пирог в присутствии юноши и директора колледжа, в котором тот учился. Во время чая, все трое съели по куску пирога; поэтому Лэмсон мог заявлять о своей невиновности, так как никто, кроме юноши, не пострадал. Кажется, я читал о подобном трюке в каком-то романе.

Доктор Баченен отравил жену морфием. Он хорошо знал, что отравление морфием легко установить по глазам жертвы - у нее сильно сокращаются зрачки. Понимая это, доктор Баченен добавил в морфий немного белладонны и добился того, что зрачки не сокращались. Смерть жертвы казалась натуральной, и это позволило убийце оформить у врача свидетельство о смерти. Преступление просто блестящее и совершенно недоказуемое и раскрыто только потому, что Баченен случайно проболтался о нем одному из своих приятелей.

Артур Уоррен Уэйт был преступником ребячливым и счастливым. Он пытался заразить своих состоятельных родственников пневмонией, дифтерией или гриппом. Оказалось, что это слишком долго и сложно, поэтому в конце концов он прибегнул к обычным ядам. И все же не надо забывать,

что его первая попытка убрать тестя заключалась в следующем: он хотел привить ему туберкулез с помощью баллона с аэрозолью против простуды.

Доктор Фелл перевел дух. К этому времени он уже достаточно погрузился в глубину темы и всем своим видом выказывал сосредоточенную суровость. Обычно в такие минуты потерявший терпение суперинтендант Хедли кричал, чтобы Фелл "прекратил катить телегу и заканчивал конференцию". Но Эллиот, Крау и Боствик лишь согласно кивали головами. Все услышанные детали и факты они тут же старались сверить с убийством в Содбери Кросс.

- Так вот! - продолжал Фелл, - какова самая яркая черта отправителя? Среди своих приятелей и знакомых он имеет славу великого человека - вот она! Он весел и общителен, душа компании, услужливый и верный друг. Иногда он хвастается своими пуританскими качествами и даже может склоняться к некоторой религиозности или обладать хорошими манерами в обществе, но либеральные друзья легко прощают эти маленькие недостатки, так как в конце концов он - превосходный человек.

Томас Гриффитс Уэйнрайт, этот требовательный хранитель общественной морали, травил людей оптом, оставляя себе деньги по страховке, но был одним из самых гостеприимных хозяев за последние сто лет. Вильям Палмер из Рагли был трезвенником, но больше всего в жизни его радовала возможность угостить друзей стаканчиком вина. Почтенный Кларенс В.Т.Ричесон из Бостона находил восторженных почитателей в любом месте, которое ему случилось посетить. Доктор Эдвард Уильям Причард - тот, что с большой лысиной и широкой темно-каштановой бородой, - был идолом всех клубов в Глазго. Видите теперь, как все это подходит к человеку, которого мы хотим задержать?

Майор Крау кивнул.

- Видим, - подтвердил задумчиво и удовлетворенно Эллиот.

Благодаря рассказу Фелла, в комнате, освещенной огнем, словно возникла четкая картина.

- Однако в их характерах есть и обратная сторона медали, - снова продолжал доктор. - И существенная ее часть - это полное безразличие к чужому страданию, безжалостное стремление нести смерть в ее самых чудовищных формах. Наше обычное воображение даже не способно это понять. Но меня сейчас интересует не просто их безразличие к чужой смерти, а безразличие к предсмертным мучениям жертвы. Широко известен ответ Уэйнрайта: "Почему я отравил мисс Эберкромби? Клянусь, что не знаю. Может, потому, что у нее были слишком толстые лодыжки".

Конечно, это было просто бахвальство, но в то же время оно показывает, как отправитель оценивает человеческую жизнь. Уэйнрайт нуждался в деньгах. Поэтому, очевидно, кто-то должен был умереть. Вильям Палмер нуждался в деньгах, чтобы играть на бегах, значит, его жена, брат и друзья должны были принимать стрихтин. В этом есть что-то, выходящее за пределы обычной логики. Так всегда бывает с теми, кто, мягко или жестко, но "хочет чего-то добиться". Почтенный Кларенс Ричесон со слезами в своих прямо-таки магнетических глазах отрицал, что женился на мисс Эдмандс из-за ее денег и положения. Но при этом отравил свою бывшую любовницу, чтобы она ему не надоедала. Сентиментальный доктор Эдвард Причард добился немногого, убив свою жену маленьками дозами эметокатартика¹, которые он давал ей четыре месяца, а затем, убив еще и свою тещу, он получил всего несколько тысяч фунтов. Но он хотел быть свободным, "хотел добиться своей цели".

Это приводит нас к еще одной черте отправителя: его крайнему тщеславию.

Тщеславие есть у всех убийц. Но отправитель обладает им в чудовищной степени. Он горд своим умом, своей внешностью, манерами, способностью ловчить и обманывать. Он страдает актерским непостоянством, почти как экстремист. Отправитель, как правило, - великолепный актер. Причард открывает гроб, чтобы последний раз поцеловать губы отравленной им жены; Карлайл Харрис рассуждает о науке и теологии со священником, отправляясь на электрический стул; Палмер поразительно возмущен появлением следователей; перечислять такие сцены можно без конца. А их причина - в тщеславии.

Совсем не обязательно, чтобы тщеславие проявлялось на поверхности. Отправитель может быть добродушным человеком с голубыми глазами и профессорского вида, как Герберт Армстронг, адвокат из Хея, убивший жену, а затем попытавшийся устранить делового конкурента с помощью мышьяка, порошком которого было посыпано лепешка, когда они вместе пили чай. И нет ничего омерзительней, когда эта гордышня выходит наконец наружу во время допросов или на суде. Наконец, ничто так не выделяет тщеславие отправителя-мужчины, как его превосходство над женщиной.

Почти все из них имели или считали, что имеют, это превосходство. У Армстронга оно было в скрытом виде. Уэйнрайт, Палмер, Причард пользовались им для совершения преступлений. Харрис, Баченен и Ричесон столкнулись с не-

¹ Рвотно-слабительное лекарство (*прим. пер.*).

которыми трудностями. Но даже косоглазый Нейл Крим был уверен, что обладает этим качеством. Вот это чувство превосходства и привело к тому удивительному самомнению и тщеславию, которые находились в глубине всех поступков этих людей. Хоч, современный Синяя Борода, уничтожил дюжину женщин с помощью мышьяка, ловко спрятанного в авторучке. А до чего был смешон и жалок Жан Пьер Вокье, отравитель из Байфлита, с сальными бакенбардами, который во время суда манерно и притворно улыбался присяжным и публике. Вокье смешал стрихнин с бромидом и дал эту смесь хозяину постоянного двора. Веря в свои донжуанские способности, он хотел завоевать супругу своей жертвы и завладеть ее жилищем. Получив отказ на свою апелляцию, он был отправлен на казнь. При этом кричал: "Je demande justica"¹ и, возможно, в самом деле верил, что с ним обошлись несправедливо.

Итак, добравшись до глубины темы, мы видим, что все эти блестящие парни убивали исключительно ради денег и других материальных интересов.

Признаю, что лишь Крим был исключением, потому что был сумасшедшим, и его неистовая потребность кого-нибудь шантажировать не может быть принята всерьез. В основе же преступлений всех остальных были деньги, желание разыграть удачную карту. Если кто-то из них убивал свою жену или любовницу, то обязательно стремился при этом заполучить другую, более состоятельную. Прежняя жена становилась препятствием его таланту. Если бы не она, то он, конечно же, давно бы стал выдающимся человеком и наслаждался благополучием! Ведь он и так уже считал себя знаменитостью, мир и так уже был многим ему обязан. Кроме жены, любовницы препятствием может стать и тетка, и сосед, и Джон-дурачок. Так что мы должны учитывать именно искаженную логику его мозга, и вы согласитесь с тем, что именно это характеризует убийцу из Содбери Кросс.

Майор Крау, перед тем задумчиво следивший за полыхающим камином, резко повернулся.

- Это верно, - произнес он, обратившись к Эллиоту. - Вы это доказали.

- Да, сэр. Думаю, что так.

- Все, совершенное этим наглецом, достаточно для того, чтобы его повесить, - резко сказал Крау. - И даже причина, по которой он потерпел фиаско... если я хорошо понимаю. Весь этот спектакль провалился, потому что...

¹ Я требую справедливости! (фр.)

- Он провалился, - вставил доктор Фелл, - потому что преступник хотел изменить всю историю криминалистики. Это никогда не приводит к успеху, поверьте мне.

- Минутку! - воскликнул Боствик. - На этот раз я не понимаю вас.

- Если вы хоть раз попытаетесь совершить убийство с помощью яда, - с самым серьезным видом сказал Фелл, - то запомните следующее: из всех форм убийств отравление реже всего остается неразоблаченным и безнаказанным.

Майор Крау удивленно уставился на доктора.

- Но-но, - запротестовал он. - Вы хотите сказать, наоборот: чаще всего, не так ли? Я не из тех, кто приписывает себе большое воображение, вы это знаете. Но иногда и я себя спрашиваю... Вот, послушайте! Я признаюсь вам. Каждый день рядом с нами умирают люди. Их смерть считается естественной, все засвидетельствовано и т. д. Однако кто может знать, сколько из этих смертей вызваны убийством? Нам это неведомо.

- Эх! - воскликнул доктор Фелл и глубоко вздохнул.

- Что значит ваше восхищание?

- Это значит, что я уже и раньше сталкивался с подобными утверждениями. К тому же вы правы. Нам это неведомо. Но я хочу подчеркнуть: нам это неведомо! В остальном ваши аргументы заставляют меня растеряться. Скажем, в городке Виган в течение года умирают сотни людей. Вы смутно подозреваете, что некоторые из них могут быть отравлены. И именно из-за ваших подозрений вы мне заявляете, что отравить человека легко. Может быть, то, что вы говорите, верно. Спорить не буду. Кладбища забиты трупами, требующими возмездия, отсюда - аж до самой Огненной Земли. Но черт возьми! Попробуем провести опыт, прежде чем согласиться с вашим утверждением.

- Хорошо, в чем заключаются ваши возражения?

- Анализируя, - сладчайшим голосом сказал доктор Фелл, - анализируя случаи, которые мы можем взять как доказательство (то есть те случаи, когда в трупах были обнаружены следы яда), придем к выводу, что отравление - самое легкое по раскрываемости преступление, учитывая, что очень мало людей сумели скрыть следы своего преступления.

Я хочу сказать, что убийца, уже в силу своего характера, обречен с самого начала. Ему никогда не удается сохранить хладнокровие и остановиться. Если он успешно отравил в первый раз, то будет совершать свои преступления дальше до тех пор, пока его не схватят.

Взгляните на только что процитированный вам список. Он сам себя выдает. Вы или я - мы можем застрелить, заколоть, пробить голову дубиной или задушить. Но мы никогда не

влюбимся страстью в сверкающий револьвер, роскошный нож, кинжал, или палицу, или шелковый платок. Мы не будем без отдыха играть этими вещицами. Но именно так поступает отправитель.

Велики уже первые подстерегающие его опасности. Обычный убийца избегает одного риска, отправитель – тройного. В отличие от пули или кинжала, он не убежден, что до конца сделал свою работу. Он должен увериться, что жертва не выживет и не донесет на него: а риск громаден. Он должен всячески показывать, что не имел ни мотива, ни возможности дать жертве яд: а риск просто смертельный. И наконец, ему необходимо незаметно приобрести яд: риск самый огромный из всех.

Вновь и вновь повторяется одна и та же зловещая ситуация. При подозрительных обстоятельствах умер некто Х. Известно также, что у некоего У есть основательные причины для его устранения и доступ к его еде и питью. Экскумируют труп. Обнаруживают яд. Теперь достаточно лишь установить, где и когда У раздобыл его. После этого остается только задержать, судить и вынести приговор.

Так вот, наш друг из Содбери Кросс все это знал. Для этого ему не надо было глубоко изучать все преступления, достаточно читать периодику. Но зная это, он разработал такой план убийства, который обеспечил бы ему сразу тройное алиби. Этого не удавалось ни одному преступнику. Поэтому он потерпел крах, так как человеку умному, как вы, не слишком трудно проникнуть в каждую деталь этой тройной интриги. А теперь позвольте показать вам еще одну вещь.

Попарив во внутреннем кармане пальто, доктор Фелл вынул из него толстый бумажник, набитый газетными вырезками, которые он собирал и расшивал по карманам, забывая выбросить. Из этой груды он извлек письмо.

- Я уже говорил, - продолжал он, - что Маркус Чесни несколько дней назад написал мне письмо. Я специально не показывал его, чтобы никого не сбить с толку. В этом письме имеются слишком весомые доказательства. Они могли бы нам помешать выбрать верное направление поисков. Но если теперь, в свете известных нам фактов, мы попытаемся связать их вместе, это кое-что даст!

Он положил бумагу на стол рядом со своими часами и расправил ее. Начиналось письмо словами: "Белгард, 1-е октября" и затрагивало почти все те предположения, о которых они уже слышали. Палец доктора остановился на предпоследнем абзаце.

"Все свидетели, фигулярно выражаясь, носят черные очки. Они не способны видеть ясно и объяснить происходящее в нормальном цвете. Они не знают, что разыгрывается на

сцене, и тем более - что в это время делается в зрительном зале. Покажите им потом всю сцену, заснятую на черно-белой пленке, они ей поверят; но и тогда не будут в состоянии объяснить увиденное.

На днях я собираюсь устроить маленькое представление группе друзей. Если оно удастся, то не окажете ли вы любезность приехать сюда и тоже посмотреть его в следующий раз? Я знаю, что сейчас вы находитесь в Бате, и я могу послать за вами автомобиль, когда прикажете. Обещаю, что буду вас обманывать всеми возможными способами. Но учитывая, что вы не в курсе обстоятельств и знаете здесь лишь некоторых людей, я буду играть чисто и даю вам подсказку: рассматривайте представление применительно к моей племяннице Мэрджори".

Майор Крау присвистнул.

- Совершенно верно, - произнес Фелл, складывая письмо. - Объединяя это с тем, что мы собираемся сегодня вечером услышать и увидеть, мы должны закончить дело.

Раздался робкий стук в дверь. Доктор Фелл, глубоко вздохнув, взглянул на часы. Затем обвел взглядом своих слушателей, и каждый дал ему понять, что уже готов. В тот самый момент, когда доктор глядел на часы, дверь приоткрылась. Знакомая, хоть и облаченная вместо привычного белого халата в дорожный костюм фигура просунула голову в образовавшийся проем.

- Входите, Стивенсон, - проговорил доктор Фелл.

XIX

Эллиот остановил машину напротив дверей Белгарда. Машина была набита битком, хотя Боствик и майор Крау ехали сзади на другом автомобиле. Большую часть заднего сиденья занимал доктор Фелл, оставшееся рядом место было отдано большой коробке, которую, согласно полученным инструкциям, вез с собой Стивенсон. Сам же Стивенсон, явно зачарованный, но нервничающий, сидел впереди с Эллиотом.

Итак, в ближайшие минуты все должно было кончиться. Эллиот потянул ручной тормоз и взглянул на освещенный фасад дома. Прежде чем коснуться звонка входной двери, он подождал, пока подойдут остальные. Ночь была холодной и туманной.

Дверь открыла Мэрджори. Увидев их непроницаемые лица, она быстро оглянулась.

- Да, я получила ваше послание, - сказала она. - Сегодня вечером все собрались у нас. Впрочем, мы все равно не разошлись бы. Что случилось?

- Очень жаль, мисс, - заговорил Боствик, - но мы вынуждены беспокоить вас в брачную ночь... - Было очевидно, что суперинтенданту трудно изменить свою манеру говорить; мысль об этом неожиданном браке все еще преследовала его. - Мы не будем долго надоедать и оставим вас с...

Он резко замолчал и, видя направленный на себя холодный и гневный взгляд майора Крау, что-то смущенно забормотал себе под нос.

- Суперинтендант!

- Сэр?

- Личные дела этой девушки не нуждаются в обсуждении. Ясно? Благодарю вас! - И он дружелюбно, хотя и не очень уверенно, обратился к Мэрджори: - Кое в чем Боствик, однако, прав. Мы уйдем отсюда, как только это станет возможным. Ха-ха-ха! Да. Определенно. Что я сказал? Ах, да! Можете проводить нас к остальным?

Майор был никудышным актером. Мэрджори внимательно взгляделась в него, перевела взгляд на большую коробку, которую держал в руках Стивенсон, и не произнесла больше ни слова. На щеках ее был румянец - за ужином она, очевидно, пила коньяк.

Она провела их в библиотеку, находившуюся в глубине дома. Это была приятная, уютная, традиционно обставленная комната с книжными полками и большим камином из грубого камня. В камине весело полыхали поленья. Подле камина, на ковре, стоял небольшой игральный столик, за которым доктор Чесни и профессор Ингрэм сражались в нарды. Хардинг, развалившись в кресле, читал газету; из-за бинтов, которыми была обвязана его шея, ему приходилось неестественно вытягивать голову. Оба, и Хардинг, и доктор Чесни, были немного навеселе. Профессор Ингрэм, напротив, был трезв и держался холодно. Комнату освещали лишь подвесные лампы. Было жарко, пахло кофе, табаком и коньяком, разлитым в большие графины.

При появлении гостей Ингрэм продолжал машинально переставлять на доске шашки, но и он и Чесни по сути перестали делать вид, что играют.

Положив руки на стол, доктор Чесни повернулся к вонзеди и уставился на них веснушчатым и красным лицом.

Ну. - проворчал он. - Что случилось? Выкладывайте сразу.

Майор Крау подал знак Эллиоту.

— Доброго вечера, сэр, — начал Эллиот. — И вам, сэр. И вам. Кажется, вы уже знакомы с доктором Феллом. Ну и, конечно, же знакомы со Стивенсоном

- Да, мы знакомы, - проговорил Чесни, продолжая исподлобья глядеть на вошедших. - Что это вы принесли, Гобарт? - Чесни безуспешно старался овладеть охрипшим от конъяка голосом.

- Кинопроектор, - ответил за Стивенсона Эллиот и добавил, повернувшись к профессору Ингрэму. - Сэр, вы желали сегодня посмотреть снятую на представлении пленку. Надеюсь, вы не станете возражать, если вместе с вами ее посмотрят и все остальные. Стивенсон любезно согласился принести к вам кинопроектор и другие необходимые для просмотра инструменты. Вы не будете против, если мы установим всю аппаратуру здесь? - Эллиот старался говорить так, как в свое время учил его суперинтендант Хедли. - Я понимаю, что просмотр может быть не очень для вас приятен, и заранее прошу прощения. Но если вы согласны, то это окажется хорошей помощью и для вас и для нас.

Послышался глухой шорох переставляемых на доске шашек. Профессор Ингрэм оторвался от доски и поднял глаза на инспектора.

- Вот-вот, - прошептал он.

- Как вы говорите?

- Давайте, давайте, молодой человек, - проговорил Ингрэм. - Играем в открытую. Это будет, - он снова взялся за шашки, - будет нечто вроде тех следственных экспериментов, которые проделывает французская полиция, не так ли? При этом несчастный виновник должен будет закричать и признаться в содеянном преступлении? Не говорите глупостей, инспектор! Этот просмотр ничем нам не поможет, да и психологически он не верен, по крайней мере, в данном случае.

Ингрэм проговорил это довольно шутливым тоном, явно контрастирующим с серьезностью его слов. Поэтому Эллиот облегченно улыбнулся, когда на лице профессора тоже появилась улыбка.

- Нет, сэр, - поспешил он успокоить Ингрэма. - Честное слово, речь не об этом. Мы просто хотим, что вы все посмотрели эту пленку. Хотим, чтобы вы сами увидели и подтвердили...

- Что?

- ...подтвердили, кто в действительности был доктором Немо. Мы уже тщательно изучили материал и надеемся, что вы тоже подтвердите, кто убил мистера Чесни.

Профессор Ингрэм бросил игральные кости в стаканчик, потряс и бросил кубики на доску.

- Так значит пленка разоблачает его, а?

- Да. Так мы считаем. Поэтому надеемся на ваше согласие. Впрочем, мы убеждены, что так оно и будет. На экране все превосходно видно. При первом просмотре, еще не зная, что

же мы видим, мы сразу убедились в этом. Если вы тоже подтвердите нашу точку зрения, то все, естественно, будет очень просто. Мы имеем предписание арестовать преступника.

- О, небо! - воскликнул Джо Чесни. - Вы хотите сказать, что пришли арестовать преступника и повесить его?

Чесни проговорил это с таким искренним удивлением, словно услышал что-то из ряда вон выходящее. Лицо его зарделось еще больше.

- Это решит суд, доктор. Но у вас что - есть возражения? То есть вы возражаете против просмотра пленки?

- А? Нет-нет! Ни коим образом. Честно сказать, я очень хочу посмотреть ее.

- А у вас, мистер Хардинг, возражения имеются?

Хардинг нервно засунул пальцы под бинты на шее, словно пытаясь от них освободиться. Затем откашлялся, поднял полную рюмку коньяка со столика и опрокинул ее в рот.

- Нет, - заявил он. - Она... она хорошая?

- Хорошая пленка?

- В смысле, четкая?

- Да, довольно четкая. И вы, мисс Уилз, не возражаете?

- Нет. Разумеется, нет.

- А что, есть необходимость в том, чтобы и она смотрела эту пленку? - вмешался доктор Чесни.

- Мисс Уилз, - медленно проговорил Эллиот, - является именно тем человеком, которому необходимо просмотреть пленку. Даже если остальные ее не просмотрят.

Профессор Ингрэм снова бросил кости из стакана на стол и принялся внимательно подсчитывать, сколько очков на них выпало.

- Что касается меня, - сказал он, - то я просто вне себя от гнева. Я очень хотел, как вы говорите, посмотреть этот фильм. Но сегодня утром вы на мою просьбу ответили пре-небрежительным отказом. Поэтому я склонен, - пот блестел на его лысине, - послать вас сейчас к черту. Но не могу. Я всю ночь размышлял над двумя вещами: над этой проклятой стрелой от духового ружья и истинным ростом доктора Немо. Он ударил стаканом о стол. - Скажите, виден на пленке рост доктора Немо или нет? Мы можем его установить?

- Да, сэр. Рост его около метра восьмидесяти.

Профессор, отложив стакан в сторону, поднял глаза. С не меньшим любопытством следил за разговором и доктор Чесни.

- Это... это доказано? - задыхаясь, проговорил профессор.

- Вы сами это увидите. Можно считать, что это установлено, хотя мы бы хотели, чтоб вы сконцентрировали внимание на другом. Не возражаете, если мы будем смотреть фильм в музыкальной зале?

- Конечно, конечно! - громовым голосом воскликнул Чесни.

- Ставьте проектор там, где вам удобно! - Доктор заколыхался, как лекарство в пузырьке, и даже, как многие лекарства, запенился. Он вдруг изменился в лице, стал очень гостеприимен. - Проводить вас? Позвольте. Я принесу что-нибудь выпить. Мы посмотрим всю пленку от начала до конца, но обязательно нужно что-нибудь выпить.

- Спасибо, - вежливо возразил Эллиот, - дорогу я знаю. - Он снова с улыбкой повернулся к Ингрэму. - Прошу вас, сэр, не делайте такое лицо. Просмотр пленки вовсе не означает французского "допроса третьей степени". Я предложил музыкальную залу только потому, что там лучше будут восприниматься некоторые детали. Майор Крау приведет вас минут через пять.

Только выйдя из комнаты, Эллиот наконец почувствовал, что его лоб весь горит. В библиотеке он совершенно не думал об убийце. Он прекрасно знал, кто был убийцей, но убийца был сейчас беспомощен, как пойманная мышь. Другие мысли доставляли ему неудобство.

В вестибюле и в музыкальной зале было холодно. За французским комодом Эллиот нащупал выключатель. Затем раздвинул серые занавески; легкая дымка поднималась за окнами в саду. Он включил радиатор отопления.

- Можете повесить экран в проеме двойной двери, - сказал он Стивенсону. - Поставьте проектор как можно ближе: изображение должно быть очень крупным. Можно также убрать фонограф и использовать его столик как подставку для проектора.

Стивенсон кивнул, и оба молча принялись за дело. Они прикрепили скатерть к дверной раме, подключили проектор к розетке фонографа. Однако им показалось, что прошло очень много времени, прежде чем на экране появился наконец световой квадрат. Там, за экраном, находился кабинет Маркуса Чесни, слышалось шумное тиканье каминных часов. Кресла Эллиот расставил парами таким образом, что каждая пара оказалась по одной из сторон от экрана.

- Готово, - сказал он.

Но они все еще продолжали возиться с подготовкой, когда в комнату вошла любопытная процессия во главе с доктором Феллом. По одну сторону от экрана были усажены Мэриджори и Хардинг, по другую - профессор Ингрэм и доктор Чесни. Как и в прошлую ночь, майор Крау остался стоять, опершись о рояль, Боствик и Эллиот устроились по обеим сторонам двери. Доктор Фелл пристроился рядом с проектором, прямо за спиной Стивенсона.

- Сразу признаю, - тяжело дыша, начал Фелл, - что это не будет для вас приятным развлечением... особенно для мисс Уилз. Однако, мисс, я хотел бы попросить вас придвигнуть свое кресло поближе к экрану.

Мэрджори с удивлением посмотрела в его сторону, но молча подчинилась. Руки ее так дрожали, что Эллиот поспешил помочь ей передвинуть кресло. Теперь девушка оказалась с самого боку от экрана, сантиметрах в тридцати от него.

- Благодарю, - пробормотал доктор. Лицо его было более бледным, чем обычно. Он прохрипел: - Аминь! Пускайте!

Бостwick потушил свет. И снова Эллиот ощутил, какой густой было темнота, которая исчезла, лишь когда Стивенсон включил проектор. Слегка осветились лица сидевших в комнате. Проектор находился примерно в полутора метрах от экрана, поэтому изображение казалось огромным, хотя и не достигало натуральной величины.

Проектор ритмично загудел, экран внезапно ожила. Отчетливо слышалось дыхание присутствующих. В глубине комнаты Эллиот различал крупный, массивный силуэт доктора Фелла. Затем он все свое внимание обратил на экран. Картина, виденная им несколько часов назад, была еще настолько свежа в памяти, что возникла в его голове, едва он только начал о ней думать.

И снова сверху донизу экран разрезала щель дрожащего света. И снова раскрылись призрачные двери. Неское, смутное пятно постепенно превратилось в изображение комнаты, которая находилась сейчас за экраном, за дверью. При виде блестящей полки каминя, яркого света лампы на столе, часов с белым циферблатом у Эллиота возникло совершенно ясное ощущение, что перед ним настоящая комната, а не изображение. Словно бы он наблюдал кабинет Маркуса через прозрачную ткань, каким-то чудом превратившую все цвета лишь в черный и серый. Ощущение это стало совершенно явным из-за тиканья настоящих часов, которое совпадало с качанием маятника часов на экране. Перед зрителями словно возникла пустая комната, комната в зеркале, с настоящими живыми часами, показывавшими время прошлой ночи, и дверьми, открытыми для вчерашнего воздуха.

Из глубины кабинета на них смотрел Маркус Чесни. Никто не удивился, когда Мэрджори вскрикнула: фигура Маркуса была почти в натуральную величину. Бледный как мертвец, Маркус будто снова сидел рядом с ними.

В этой зеркальной комнате Чесни и приступил к своей пантомиме. Он уселся за стол, пододвинул в сторону конфетную коробку с серым рисунком, затем взялся за лежавшие перед ним предметы...

- Ах, слепой крот! - прошептал профессор Ингрэм и весь подался вперед так, что его лысина попала в луч проектора. - Теперь я вижу! Стрела от духового ружья, а?! Теперь-то понятно! Понятно...

- Это уже не имеет никакого значения! - воскликнул доктор Фелл. - Забудьте об этом. Лучше посмотрите на левую сторону экрана. Сейчас появится доктор Немо.

И тотчас, будто услышав, как его зовут, на экране возникла высокая и худая фигура в цилиндре. Едва появившись, она повернулась к зрителям; блеснули черные очки. Изображение было четким и крупным, можно было свободно разглядывать терпкую кожу старого цилиндра, шерстяной шарф, над которым торчал нос. Бросалась в глаза характерная походка, когда Немо, продвигаясь к письменному столу, повернулся к нем боком и быстро поставил свой чемоданчик на конфетную коробку...

- Кто это? - воскликнул доктор Фелл из темноты. - Посмотрите хорошенько. Кто это?

- Это Вилбер, - сказала Мэрджори. - Да, Вилбер, - повторила она, приподнявшись в кресле. - Разве вы не видите? Разве вы не узнаете его походку? Посмотрите! Это Вилбер!

- Вы правы, - сказал доктор Чесни громко и глухо. - Боже мой! Это так же верно, как мы сидим здесь! Но ведь это не может быть Вилбер - парень мертв!

- Кажется, это определенно Вилбер, - признал профессор Ингрэм. В полутьме его движения казались резкими. Он нервно пошевелился, весь подобрался - это чувствовали все присутствующие. - Подождите! Здесь что-то не так! Это ошибка! Я могу поклясться...

Гудение проектора стало сильнее.

- Сейчас мы подошли к самой важной части, - перебил профессора доктор Фелл. Доктор Немо в этот момент обходил стол. - Мисс Уилз! Через несколько секунд ваш дядя что-то проговорит. Он посмотрит на Немо и что-то ему скажет. Следите за его губами. Прочитайте, что он говорит, и скажите нам. Тихо!

Девушка наклонилась почти вплотную к экрану. Наступила тишина, тишина почти сверхъестественная, потому что они забыли теперь и о гудении проектора. И вот в зеркальной комнате губы Маркуса Чесни пошевелились. Мэрджори заговорила одновременно. Звук ее голоса - мягкий, прозрачный, тонкий - прозвучал так, словно мысли в этот момент покинули ее:

"Вы мне не нравитесь, доктор Фелл; не могу сказать почему, но..." - произнесла девушка.

В группе зрителей возникло волнение.

- Черт возьми, что все это значит? - воскликнул профессор Ингрэм. - Что вы такое говорите?!

- Я говорю то, что говорит он, - вскричала Мэрджори. "Вы мне не нравитесь, доктор Фелл".

- Но уверяю вас, здесь какая-то ошибка! - развелся профессор. - Я еще не выжил из ума, чтобы этому поверить. Я был здесь, я видел Маркуса, я слышал его слова - он не произносил ничего подобного!

- Естественно. Он не говорил ничего подобного, - заявил Фелл тихо, устало и с какой-то горечью. - А значит, сейчас вы видите не тот спектакль, который видели вчера ночью. Следовательно, нас ввели в заблуждение, подсунув нам фальшивую пленку. А значит, убийца - это тот, кто дал нам эту пленку, заявив, что она настоящая. Убийца - это...

Заканчивать фразу не было необходимости.

Увидев, как Джордж Хардинг вскочил с кресла, Эллиот одним прыжком пересек освещенное лучом проектора пространство и настиг его. Хардинг резко повернулся и встретил его неловким ударом в лицо.

Эллиот ждал этой ссоры. Он почти мечтал о ссоре и добился ее.

Его антипатия мгновенно превратилась в ненависть. Все, что он так долго должен был терпеть, сознание того, что совершил Джордж Хардинг и почему он это совершил, - все это прорвалось в нем словно внутренний крик, и он почти с наслаждением набросился на своего соперника.

Сопротивление было недолгим. Одновременно с первой попыткой встретить врага Хардинг потерял последнее достоинство. С растерянным взглядом и лицом, полным сострадания к самому себе, он бросился к Мэрджори, вцепился в ее юбку и рухнул без сознания. Прежде чем сообщить, что он арестован, его пришлось отпаивать коньяком.

XX

Через час доктор Фелл и все остальные сидели около камина в библиотеке. В компании недоставало только Мэрдгори и, по весьма понятной причине, Боствики и Хардинга. По мнению Эллиота, смертельно усталого, но способного по-прежнему воспринимать происходящее иронически, их группа у камина чем-то напоминала персонажей какой-нибудь голландской картины.

Первым заговорил доктор Чесни. Он сидел, поставив локти на игральный столик и подперев голову руками.

- Значит, все-таки это был человек со стороны?! - пробормотал он. - А! В глубине души я все время знал, что дело обстоит именно так.

- Ах, так! - с любезной улыбкой произнес профессор Ингрэм. - Но не вы ли без конца твердили, что Хардинг - превосходный молодой человек? Или взять хотя бы сегодняшний день, когда у вас вдруг возникла блестящая идея оказать содействие их милому и честному браку...

Лицо доктора вспыхнуло.

- Вы не понимаете, я чувствовал себя обязанным им помочь! Дьявол! Я был уверен, что это мой долг! Хардинг убедил меня. Сказал, что...

- Он сказал вам кучу чепухи, - довольно резко заметил майор Крау.

- ...и когда я теперь подумаю, какая ей предстоит ночь...

- Вы так думаете? - перебил его Ингрэм, снова собрав в стакан игральные кости. - Вы всегда были плохим психологом, друг мой. Вы считаете, что она его любит? Вы считаете, что она когда-то его любила? Отчего, по-вашему, я так энергично протестовал сегодня против этой отталкивающей свадьбы? - Он поднял стакан и потряс им, переведя взгляд от доктора Фелла на Эллиота, а от него на майора Крау. - Ну, джентльмены, по-моему, мы нуждаемся в некоторых объяснениях. Так обычно принято заканчивать истории. Мы хотим знать, как вы разоблачили Хардинга, как собираетесь доказать его виновность. Вам это ясно, а нам-то нет.

Эллиот посмотрел на доктора Фелла.

- Прошу вас, сэр, - проговорил он неохотно, а майор Крау согласно кивнул. - Моя голова на это неспособна.

Доктор Фелл с зажженной трубкой в руке задумчиво наблюдал за огнем в камине. Перед ним на столике стояла кружка с пивом.

- В связи с этим делом меня давно мучают угрызения совести, - начал он, стараясь говорить как можно мягче. - Вывод, который я сделал уже четыре месяца назад и посчитал бредовой, фантастической мыслью, в действительности оказался началом решения. Поэтому я расскажу вам все с самого начала - по порядку и в полной последовательности.

Итак, 17 июня в кондитерской лавке миссис Терри были отправлены конфетами дети. Сегодня я уже объяснял инспектору Эллиоту, почему я уже тогда предположил, что отправитель вряд ли использовал столь ненадежный способ отравления, как подбрасывание горсти отравленных конфет в открытую коробку на прилавке. Я подумал, что, вероятнее всего, он использовал нечто вроде чемодана с пружиной, это облегчило бы ему довольно сложную подмену открытых коробок. Таким образом, предпочтительнее было бы искать кого-то, кто (примерно, скажем, за неделю до происшествия) вошел в кондитерскую с чемоданом, сумкой или портфелем. Такое предположение прямо приводило нас к тем, видеть

кого с портфелем или чемоданом настолько привычно, что этому никто не удивляется: скажем, доктор Чесни или мистер Эммит.

- Однако, - продолжал доктор, размахивая в воздухе трубкой, - как я заметил инспектору, была еще и другая возможность. Доктор Чесни или мистер Эммит тоже могли привлечь внимание, если были с чемоданом или портфелем; даже самая обычная вещь тоже иногда вдруг привлекает внимание. Но есть и другой человек, кто мог войти в лавку с чемоданом, и после его ухода миссис Терри вообще бы о нем больше никогда не вспомнила.

- Другой человек? - удивился профессор Ингрэм.

- Приезжий турист, - сказал доктор Фелл. - Как вам известно, в течение почти всего года поток туристов мимо Содбери Кросс не спадает. X, Y или Z - не известный никому путешественник, проезжая здесь на автомобиле, мог войти с чемоданом или портфелем в лавку, попросить пачку сигарет и исчезнуть, так что хозяйка потом и не вспомнила бы ни о нем, ни о чемодане. Мистер Чесни или мистер Эммит, местные жители, остались бы в памяти хозяйки, а X, Y или Z выпали бы из ее головы, как только закрыли за собой дверь.

Такой вывод кажется абсолютно и безнадежно нелепым: зачем постороннему совершать подобное преступление? Конечно, неизвестный маньяк способен на это, но это абсурд, как я уже говорил майору Крау: "Поищите-ка по всей Англии человека, которого не знают в Содбери Кросс, о котором не могут дать никакой информации, который ездит в неведомом никому автомобиле и о котором нельзя сказать, как он выглядит".

В общем, я решил, что воображение завело меня слишком далеко, и оставил эту версию. Теперь именно она и бросается мне в глаза. Но что случилось сегодня утром?

Ко мне в гости приехал Эллиот и своим рассказом оживил все мои воспоминания. У меня уже было письмо от Маркуса Чесни; о событиях прошлой ночи я узнал от глухого официанта; то, что рассказал мне Эллиот, меня очень удивило. От него я узнал, что в Италии мисс Уилз обручилась с каким-то нежноглазым кавалером, Джоржем Хардингом. Конечно, не стоило подозревать Хардинга только оттого, что он человек со стороны. Были, однако, веские причины подозревать кого-то из довольно замкнутой группы, окружавшей Маркуса Чесни: кого-то, кто сумел осуществить убийство во время тщательно спланированного на основе трюков и ловушек представления. Таким образом, мы начинаем анализировать это представление.

Мы знали, что спектакль подготовлен довольно давно; знали, что в этом спектакле нельзя верить ни одной детали, ни одной сцене. Мы подозревали, что ловушки не ограничивались лишь происходящим на сцене, но также распространялись каким-то образом и на зрителей. Послушайте, что по этому поводу говорится в письме Чесни. Этот абзац касается свидетелей:

"...Они не знают, что разыгрывается на сцене, и тем более, что в это время делается в зрительном зале. Покажите им потом всю сцену, заснятую на черно-белой пленке, они ей поверят, но даже и тогда не будут в состоянии объяснить увиденное".

Итак, если мы возьмемся объяснять содержащиеся в спектакле загадки, мы обнаружим три противоречивых пункта. Вот они:

а) Зачем в список вопросов Чесни вставил один совершенно лишний вопрос? Для чего он ответил зрителям, что доктор Немо был Вилбером Эммитом, если сразу после этого собирался спрашивать их о росте доктора Немо?

б) Зачем он настаивал, чтобы в тот вечер все надели смокинги? Ведь вы никогда не надеваете к ужину вечерних костюмов, а в тот вечер он потребовал этого.

в) Зачем он включил в список десятый вопрос? Никто этому вопросу значения не придал, но меня он сразу встревожил. Помните? "Кто говорил или говорили? Что говорили?" И добавил в примечании, что требуются буквальные ответы на вопросы. В чем здесь заключается ловушка? Казалось бы, все свидетели согласны, что во время представления говорил только Чесни; однако правда и то, что зрители тоже шептались, и бормотали, и выкрикивали какие-то слова. Но в чем же здесь ловушка?

Джентльмены, ответы на пункты "а" и "б" кажутся мне совершенно ясными. Чесни заявил, что доктором Немо был Вилбер Эммит только потому, что на самом деле доктором Немо был не Эммит, а кто-то, одетый так же, как и он, - то есть в смокинг и лакированные туфли. Но этот человек не мог иметь тот же рост, что и Эммит. В противном случае ни к чему было задавать вопрос о росте человека в цилиндре, вошедшего в кабинет из сада. Если бы тот человек имел рост Эммита - метр восемьдесят - и если бы вы сказали: метр восемьдесят, то вы бы не ошиблись. Но ему нужно было обмануть вас, сбить с толку, спутать с человеком, рост которого на самом деле отличается от роста Вилбера Эммита. При этом тот человек тоже был одет в смокинг.

Хм! Так где найти этого человека? Разумеется, это мог быть человек со стороны. Какой-нибудь, например, приятель Маркуса из Содбери Кросс. Но тогда шутка выглядела бы

менее эффектно. Это превратило бы изобретательную ловушку в обычный обман; к тому же это не соответствует словам самого Маркуса: "Они не знают, что разыгрывается на сцене, и тем более, что в это время делается в зрительном зале".

Если Маркус в эти слова вкладывал какой-то смысл, то, следовательно, человеком в цилиндре был кто-то из зрителей!

И тогда немедленно становится очевидным механизм этой ловушки. Мы видим, что помимо Эммита Маркус Чесни имел еще одного помощника. Человека, который был явно далек от всего и который, как это часто случается в сеансах фокусов, находился среди публики. За те двадцать секунд полной темноты, как только был погашен свет, Эммит и его сообщник поменялись местами.

Сообщник из зрителей проскользнул через дверь в сад, а Эммит тайком пробрался на его место. Роль доктора Немо исполнял не Эммит, а именно второй помощник. А Эммит в течение всего представления находился среди зрителей. Вот так, джентльмены, Маркус Чесни спланировал свои ловушки.

Но кто же этот второй помощник? Кто заменил Эммита?

Здесь уже становится совсем просто. По вполне очевидным причинам, это не могла быть мисс Уилз. По трем причинам это не мог быть и профессор Ингрем. Во-первых, он сидел в самом удаленном от дверей в сад кресле, которое, между прочим, указал ему Чесни, а во-вторых, у него блестящая и заметная лысина, и, в-третьих, очень маловероятно, чтобы Чесни выбрал в свои помощники человека, с которым всегда спорил и которого как раз и мечтал разыграть.

Но Хардинг?!

Рост Хардинга - метр семьдесят. Как он, так и Эммит худы, имеют почти одинаковый вес: Хардинг весит семьдесят семь кило, Эммит - семьдесят восемь. У обоих зачесанные назад темные волосы. Хардинг сидел с левой стороны... Между прочим, для человека, собирающегося снимать фильм, худшей позиции не придумаешь. Наконец, он находится в двух шагах от дверей в сад - там его усадил Чесни. Снимая происходящее на пленку, Хардинг стоял, прижав камеру к щеке, и его рука весьма естественным образом закрывала правую сторону лица. Согласны?

- Согласны, - мрачно ответил профессор Ингрем.

- Так что, говоря психологически, совершив подмену было чрезвычайно просто. Разница в росте не замечалась; он стоял, а остальные зрители сидели. Кроме того, Хардинг утверждал, что ему пришлось "согнуться". Это значит, что на самом деле согнулся Эммит. Вы ошиблись потому, что различие между ними легко сгладилось в темноте. Хардинг -

смазливый, Эммит - откровенно уродлив, но эта деталь впоптымах вообще не могла быть заметной, к тому же Эммит прикрывал лицо рукой. Понятно, что у вас не было времени и возможности разглядывать в темноте его фигуру. В противном случае вы не могли бы следить за происходящим в кабинете Маркуса. Заявить, что вы видели Хардинга так же отчетливо, как и представление, - означало бы противоречить логике. Вы сами говорили, что видели Хардинга "краем глаза". Это верно. Вы видели лишь его силуэт. Вы увидели в нем Хардинга, так как были убеждены, что это - Хардинг.

Темнота скрыла и другую ловушку, в которую, как я понял, вы тоже попались. Вы заявили, что державшая камеру фигура громко говорила. Скромно позволю себе заметить, что ничего подобного не было. Психологический эффект темноты заключается в том, что люди автоматически начинают говорить тихо. Но этот шепот часто звучит как обычный голос; иногда даже кажется, что это крик. Вы убедитесь в этом, если пойдете в театр и во время спектакля вам будет казаться, что в соседнем ряду безостановочно разговаривает какой-то идиот. На самом же деле это шепот, но пока вы не сравните его с обычной речью, вы не поверите.

Поэтому, когда человек воскликнул: "Ой! Человек-невидимка!" - это был всего лишь шепот. Значит, вы ошиблись, решив, что это громкий голос. Вы решили, что это Хардинг, но шепот звучит всегда одинаково. Вам и не думалось, что это может быть голос другого человека.

Для роли помощника Хардинг - единственная разумная кандидатура. Маркус ни за что бы не выбрал вас, профессор, - он спорил с вами на эту тему; он не выбрал бы и вас, доктор Чесни, - он спорил с вами всю жизнь, и, хотя рост у вас совпадает с ростом Эммита, он сразу исключил вас. Он выбрал подхалима Джоржа Хардинга, который зависел от его слов, который подыгрывал его тщеславию, который поддерживал его теории и который прежде всего был владельцем кинокамеры, очень нужной для представления.

И теперь дорога снова ведет нас прямо к Джоржу Хардингу. Мы то и дело слышим, что Хардинг не уставал подчеркивать свое крайнее почтение к Маркусу Чесни. Он не колебался, не сомневался, не противоречил, наконец, никогда не пытался сбить со старика спесь. Готовящийся спектакль представлял собой главную гордость Маркуса. Он слишком серьезно воспринимал его и надеялся, что все остальные будут относиться к этому так же. Но тут, в самый кульмиционный момент, когда из сада появляется доктор Немо, этот самый "предполагаемый" Хардинг (хотя всем было приказано сохранять тишину) вдруг позволяет себе грациозно пошутить: "Ой! Человек-невидимка!" Не кажется ли вам это стран-

ным для такого обходительного, почтительного и дисциплинированного юноши? Ведь шутка могла вызвать смех и испортить представление. И все же Хардинг позволил себе ее произнести.

Скоро я объясню вам, почему одной этой фразы уже достаточно, чтобы доказать виновность Хардинга. Но сначала поделюсь моим первым выводом. Я подумал: "Тут что-то не так. Это мог быть только Вилбер Эммит, заменивший Хардинга среди зрителей. Но ведь известно, что Эммит выказывал Маркусу Чесни еще большее почтение и тем более не посмел бы... Боги Олимпа! Эта фраза тоже была придумана заранее!" Эти слова тоже составляли часть представления. А вот теперь вернитесь к вопросу "Кто говорил или говорили? Что говорили?" Разобрались?

Я не преувеличиваю, джентльмены. Рассказываю все так, как это развивалось. Я поделился с вами теми мыслями, которые посетили меня сегодня утром после рассказа инспектора Эллиота. Сначала я не очень надеялся, что виновным окажется Хардинг...

Доктор Чесни мрачно оглядел присутствующих.

- Надеялся? - подозрительно переспросил он и заморгал. - Надеялись? Почему это вы надеялись, что Хардинг окажется виновным?

Доктор Фелл закашлялся.

- Хм, хм! - проговорил он поспешно. - Простите, оговорился. Я продолжу?.. Так вот, не напрягая пока свой ум поисками мотива преступления и всякими другими размышлениями, которые не касаются собственно механики убийства, можно сказать точно: Хардинг мог исполнить роль доктора Немо.

Теперь сосредоточьтесь на времени. За двадцать секунд, которые были у него с момента, когда был погашен свет, и до момента, когда Маркус открыл дверь в кабинет, Эммит мог проскользнуть через сад в музыкальную залу. Он мог взять кинокамеру из рук Хардинга, а тот, в свою очередь, выскользнул из комнаты через ту же дверь и облачился в костюм Немо. Вся эта подмена могла занять две-три секунды. Прежде чем Немо вошел в кабинет, прошло еще сорок секунд - следовательно, у Хардинга для переодевания оказалась целая минута. Профессор Ингрэм уже перечислял вам, что можно сделать за одну минуту.

Пробыв тридцать секунд в кабинете, Немо вышел. Рассмотрим теперь, как Хардинг возвращается на свое место. Как это совпадает с составленным нами расписанием?

Заметим, что я к тому времени пока еще не видел снятого кинофильма. Эллиот повторил мне свидетельство самого Хардинга. Хардинг заявил: "После того как тот тип в цилин-

дре вышел из кабинета, я поднял от камеры глаза, отошел, выключил и закрыл камеру". (Как мы знаем, это было сделано Вилбером Эммитом.) Он перестал снимать в тот самый момент, когда Немо покинул кабинет. Но почему? Ведь представление еще не закончилось! Маркус Чесни еще должен был упасть ничком, изобразить свою смерть, а затем подняться и закрыть дверь. Этими действиями Чесни давал своим помощникам время, чтобы вернуться на свои места.

Кажется очевидным, что после ухода Немо Эммит "отступил" немедленно из точки обзора, где был виден остальным зрителям, и выскользнул из музыкальной залы, чтобы встретиться с Хардингом. Таков был план Маркуса Чесни. Но Хардинг, - если мое предположение верно, - задумал включить в этот план любопытную вариацию. Он дал Маркусу отравленную капсулу. (Естественно, всегда была только одна капсула. Спорить о второй капсule бессмысленно. Если было заранее решено, что Хардинг будет играть роль Немо, то вторая капсула просто не нужна. Единственную же капсулу Хардинг начинил синильной кислотой.) После чего Хардинг приготовился внести в план еще некоторые дополнения.

Когда Немо вышел из кабинета, Вилбер Эммит выключил камеру и выскользнул в сад. Хардинг, уже успевший переодеться, ждал его. В тени узкого газона, под деревом, он уже несколько часов назад подготовил железный брус. Бросив костюм Немо на пороге кабинета, Хардинг поджидал Эммита под этим деревом. Подал Эммиту знак подойти. Затем, предварительно обернув руку платком, нанес удар по голове этим самым бруском. А потом, прежде чем был снова включен свет, успел осторожно проскользнуть в музыкальную залу. За это время, как подсчитал профессор Ингрэм, прошло не менее пятидесяти секунд.

Профессор Ингрэм продолжал трясти в стакане игральные кости. Нахмурившись, он повернул голову.

- Все очень логично, признаю. Он имел достаточно времени. Но не подвергал ли себя этот человек глупейшему риску?

- Нет, - возразил Фелл. - Он ничем не рисковал.

- Ну, а если бы свет включили чуть раньше? Если бы его зажгли раньше возвращения Хардинга?

- Вы забываете о Маркусе Чесни, - грустно сказал доктор Фелл. - Вы забываете, что он практически подготовил свое собственное убийство. Он больше всех желал, чтобы Хардинг вернулся в музыкальную залу незамеченным. Иначе бы он испортил свой план, он превратился бы в посмешище. Он жаждал избежать этого. Вы ведь сами говорили, что Чесни и после ухода Немо продолжал спектакль. (Он сначала продолжал сидеть, а потом упал ничком: наверняка, это была

импровизация!) Он сделал это для того, чтобы дать время Хардингу. И наверняка Хардинг подал ему какой-нибудь условный сигнал, покашлял, например, когда вернулся на место. И только тогда Чесни закончил представление и закрыл двери. Хардинг имел достаточно времени, чтобы размозжить Эммиту голову. Ему могли понадобиться и две минуты, а Чесни все равно бы до его возвращения не закончил спектакль.

- Проклятье! - вдруг выругался доктор Чесни и с такой силой грохнул кулаком по игральному столику, что доска с шашками подскочила. - Значит, он все время играл, чтобы обеспечить Хардингу безопасность?

- Да.

- Продолжайте, - проговорил доктор, немного успокоившись.

Доктор Фелл вздохнул.

- Такова была ситуация сегодня утром. И, как вы понимаете, мне очень хотелось посмотреть пленку... Пленку, которую, как я думал, отснял Эммит. Хардинг уже стал казаться мне любопытной, загадочной и даже зловещей фигурой. Он был химиком, он в любое время мог изготовить синильную кислоту. Из всех, кто замешан в этом деле, он единственный умеет мгновенно надевать и снимать резиновые перчатки. Надеть эти перчатки очень просто - они изнутри посыпаны специальным порошком. Но снять их мгновенно, если не знаешь, как это делается, почти невозможно. Пальцы как в обычных перчатках не вытянуть, таким образом их можно лишь разорвать. Эти перчатки нужно скручивать, сворачивать от запястья к кисти - пока они полностью не свернутся. Вижу, мой интерес к перчаткам очень удивляет инспектора Эллиота.

Итак, Хардинг в роли убийцы стал вырисовываться в моей голове ясно и основательно еще до просмотра фильма. А окончательно моя уверенность окрепла во время беседы, которую Эллиот вел с мисс Уилз на втором этаже аптеки Стивенсона. Джентльмены, я подслушал их разговор. Подслушал без брезгливости и стыда. Дверной проем между спальней и комнатой был завешен скатертью, так что можете представить, как я устроился за этой скатертю и шпионил.

До этой минуты я практически ничего не знал о Хардинге, за исключением того немногоного, что рассказал мне Эллиот. Но теперь, - проклятье! - я кое-что узнал! Эллиот уверял меня перед тем, что Хардинг до своего знакомства с мисс Уилз во время средиземноморского круиза вообще ничего не слышал о Содбери Кросс. А тут я узнал, что он, напротив, уже довольно давно знаком с Мэрджори, что он встречался с ней еще до происшествия с отправленными в кондитерской конфетами и что она частенько ездила к нему на свидания в

Лондон. Джентльмены, прошу вас не удивляться! - Фели повышал голос. - Доктор Чесни, прошу вас держать себя руках и не швырять в меня каминными щипцами! Об этом знают даже служанки. Спросите у них.

Но самое интересное в том, что мне удалось разобраться в двух чертах характера мистера Хардинга. Его, конечно, нельзя винить за то, что он пошел столь извилистым путем скрыть от семьи свои отношения с Мэрджори. Но его можно винить в том, - а инспектор Эллиот просто убил бы его за это, - что он вкрадчиво и нежно внушил девушке, будто нуждается в отдыхе, что хорошо бы съездить за границу и чтобы она оплатила расходы на это путешествие, пока он будет знакомиться с ее семьей. Но это еще не все. Джентльмены, я стоял в спальне аптекаря и почувствовал, - можете мне поверить! - что мои волосы встают дыбом от страха. Вихрь призраков и видений окружил меня. Мне почудилось, будто чувствую запах надушенных локонов Уэйнрайта, будто где-то здесь рядом сидит на стуле призрак Уоррена Уэйта, будто в окне, подобно предвестникам смерти, блестят магнитические глаза Ричесона и торчит огромная лысая голова Причарда.

Но было и еще что-то. Без всякого сомнения Джорж Хардинг был великолепным актером. Я уже знал о той маленькой сцене в Помпеях. Минутку! Как я узнал об этом, неважно. Но если услышанное мной в аптеке было правдой, то подумайте, как теперь поворачивалась сцена в помпейском доме! Вспомните, как Хардинг стоял среди вас, такой невинный, преданный, героический, как он позволил вам рассказать себе о Содбери Кросс. Вспомните, как он ловко перевел разговор на тему об отправителях, сказав: "Наверное, в те времена было легко безнаказанно отравить большое количество людей". И вы ему тут же все выложили. Вспомните его демонстративное удивление, вспомните, как он стал смущенно листать путеводитель, просить извинений, когда "вдруг" сообразил, что затронул неприятную тему. Вспомните...

Ладно, не буду настаивать. Но пускай эта сцена останется у вас в головах как символ последующих событий. Она представляет собой маленькую схему мировоззрения Хардинга. Вот почему, зная о его расчетливом лицемерии, притворстве и хитрости, я увидел его среди группы призраков рядом с удачливым Вилли Палмером.

Постараюсь теперь поменьше философствовать. Потом мы смотрели фильм, и это завершило все предположения. Совершив тяжелейший промах, Хардинг себя приговорил.

Вы все видели пленку. Но все, еще в первый раз, как увидели ее, попытались выяснить одно обстоятельство. Если мы принимаем то, что нам рассказал Хардинг, то есть принимаем, что это именно он отнял фильм, если мы верим в его

алиби и не подозреваем подвоха, следовательно, этот фильм представляет собой точку зрения (угол обозрения) Хардинга во время спектакля.

- Вы следуете за моей мыслью? - спросил Фелл с чрезвычайной серьезностью. - Эта пленка содержала то, что видел он, и ничего больше. Это была его версия случившегося в кабинете Маркуса. Словно картина, зафиксированная в его голове.

Тогда, исходя из заявления других свидетелей и самого Хардинга, получается следующее. Вернемся к началу представления. Гротеская фигура в цилиндре выходит из сада в кабинет. Немо приближается, и Хардинг шепчет: "Ой! Человек-невидимка!" Фигура поворачивается и глядит на зрителей.

Но что мы видим на пленке? Мы видим, что фигура, едва появившись на экране, сразу поворачивается и смотрит на нас! Это и есть наше первое знакомство с доктором Немо. Это движение он проделывает, без сомнения, сразу после восклицания Хардинга, так как потом Немо больше ни разу не поворачивался и не глядел на зрителей. Но как же тогда Хардинг смог произнести эти слова? Ведь до этого момента мы не видим на экране Человека-невидимку. Значит, он не был в кадре и Хардинг тоже не видел его!

Ведь он не видел дверей в сад. Он стоял слишком влево. И мы не видим дверей по той же причине. Мы не могли видеть, как фигура вошла в кабинет, мы могли видеть ее только в ту секунду, когда она уже повернулась и глядела на нас. Но в таком случае откуда же Хардингу было знать, как она выглядит? Как он сумел придумать столь точное и блестящее определение этого доктора Немо еще до того, как тот оказался в поле его зрения?

Ответ несложен. Кто бы ни был человек, прикрывавшийся кинокамерой, он был участником спектакля и заранее знал, как выглядит доктор Немо. Он заранее знал слова, которые должен будет произнести и, заметив, что Чесни повернулся голову в сторону сада, решил, что момент наступил, и произнес их на несколько секунд раньше, чем сам увидел вошедшего доктора Немо. Учитывая, что Хардинг потом клялся, что именно он произнес эти слова, мы приходим к выводу, что он был сообщником в любом случае, независимо от того, он или Эммит держал в тот момент камеру. Это только подтвердило мою уверенность, что Эммит был с камерой, а Хардинг играл роль доктора Немо.

Когда мы смотрели сегодня фильм, я едва сдерживался, чтобы не закричать и не объявить вам о моем открытии. Поэтому все-таки не удержался от некоторых восклицаний, когда майор Крау наткнулся вдруг на правду, сказав, что Мар-

кус Чесни подготовил свое собственное убийство. Но именно в эту минуту вся конструкция моих выводов была полностью разрушена.

Мы смогли полностью изучить на пленке доктора Немо. Его рост - метр восемьдесят. И не только рост, но и походка совершенно выдавали в нем Вилбера Эммита. И я как бы получил сильнейший удар в солнечное сплетение, от которого потом пришлось приходить в себя несколько часов.

Я рекомендую вам в жизни смиренie. Это ободряющая сила. Я так крепко чувствовал свою правоту, что не просто строил башню, но закреплял кирпичи цементом. И только к вечеру, когда мы обнаружили картонную коробку из-под фотолампы в комнате мисс Уилз, я в сотый раз стал понимать, что мы снова обманулись в изобретательных ловушках мистера Чесни. Это была последняя ловушка, но благодаря ей план Хардинга получил тройную надежность.

Разумеется, и раньше некоторые обстоятельства постоянно держали нас на углях. Кто бы ни был убийца - почему он не уничтожил пленку? Он мог легко это сделать и остаться незамеченным. Пленка лежала в пустой комнате, с ней любой мог сделать все что угодно! Ее достаточно было просто засветить в течение нескольких секунд. Ни один убийца, даже маньяк, не захочет, чтобы полиция завладела такой уликой против него, как пленка с заснятым преступлением. Но никто даже не притронулся к фильму! Если бы мне с самого начала хватило сообразительности, то я бы догадался: нам специально подсунули под нос пленку, так как она не является пленкой реального убийства.

На самом деле это фильм, запечатлевший репетицию спектакля, которую Чесни, Эммит и Хардинг провели утром того же дня, и роль доктора Немо исполнял в ней Эммит.

Их выдала специальная фотолампа. Эта лампа сразу возбудила мое любопытство, но также все время держала в сомнениях. Больше всего меня поразило искреннее удивление мисс Уилз, когда ей сообщили, что лампа перегорела. Что ее так удивило? Вопрос этот вроде бы значения не имел, но оказался как бы отмычкой к заевшему замку расследования. Ведь она купила лампу утром. До ночи ее не использовали. Сколько времени она могла гореть?

Это несложно подсчитать. Спектакль Чесни начался, грубо говоря, около пяти минут первого. Лампа была включена. Она продолжала гореть до приезда полиции в двадцать пять минут первого. В это время ее погасили. Итак, для начала у нас есть двадцать минут. Затем, когда полиция проводила краткое обследование комнаты, лампу включили еще на некоторое время, примерно на пять минут. Наконец, последний раз ее включали, когда приезжали судебный врач и фотो-

граф. За это время Эллиот успел объяснить майору Крау действие чемодана с секретной пружиной и они вместе рассмотрели каминные часы. Все. Лампа вдруг перегорела. То есть еще через пять минут.

Время это приблизительное, но все равно бросается в глаза: лампа, новая мощная лампа перегорела через тридцать минут работы. Аптекарь Стивенсон клянется, что такие лампы могут без перерыва работать около часа.

Значит, эту лампу использовали раньше, в тот же день. Это я понял, когда увидел коробку из-под лампы. Мисс Уилз, купив утром лампу, держала ее в ящике туалетного столика в своей спальне. Она еще не использовала ее, так как от служанок нам известно, что в тот день утром мисс Уилз уехала к профессору Ингрэму и оставалась у него почти до самого вечера; кроме того, всем известно, что она никогда не интересовалась фотографией.

Таким образом, мы должны были предположить, что лампой никто не пользовался до позднего вечера, - только без четверти полночь Памела получила приказ от Чесни подняться и принести лампу. Но, как я только что сказал, так быть не могло. Между прочим, как вы помните, мы нашли картонную коробку. Если бы лампа была в запечатанной коробке, то Памела принесла бы всю коробку вместе с лампой. Но она принесла лишь лампу. Значит, коробка была уже распечатана, а следовательно, лампа либо просто лежала в ящике стола, либо в открытой коробке.

Итак, можно считать установленным, что Чесни, Эммит и Хардинг проделали перед представлением тщательнейшие репетиции. Все действие должно было разворачиваться без заминок. Но вот когда они сделали репетицию? Разумеется, в полдень. Утром ездили за лампой, затем мисс Уилз уехала, и вам, доктор, не было смысла здесь находиться - вы тут не живете. От служанки же известно, что Хардинг оставался в это время в доме.

Ну, теперь вы признаете существование еще одного трюка, последней шутки Чесни, западни, предназначенный для зрителей? Он собирался обмануть вас уже после окончания представления! Хардинг заранее заснял на пленку спектакль, который во многих деталях весьма разительно отличался от настоящего, и таким образом Чесни спрятал в рукаве еще одного козырного туз! Он сказал бы вам: "Итак, вы ответили на все мои вопросы, а теперь посмотрите, что произошло на самом деле. Кинокамера не может лгать". Но камера солгала бы, так как Эммит играл роль доктора Немо, а слова Чесни полностью отличаются от произнесенных им на самом деле. Я подозреваю, что обман этот он сделал как бы в мою честь. Вы знаете, что через несколько дней он собирался пригласить

меня на повторную демонстрацию спектакля и, видимо, тоже хотел сказать: "Посмотрите фильм, который мы сделали в прошлый раз". Вероятно, я бы тоже ошибся и не сумел бы разобрать его издевки: "Вы мне не нравитесь, доктор Фелл". Возможно, что именно это Маркус и имел в виду, когда написал, что зрители, просмотрев черно-белый фильм происшествия, все равно не смогут объяснить, что они видели на самом деле.

Подмена фильмов была единственной большой ошибкой Джоржа Хардинга. Естественно, у него не одна камера. Он позволил Эммиту отснять фильм первой камерой, а нам подсунул другую. Вероятно, вам будет приятно услышать, что Бостwick обнаружил камеру Эммита, в ней оказалась пленка с заснятым убийством. Хардинг сохранил ее, и это очередное проявление тщеславия приведет его к погребению!

Существование двух пленок дало нам окончательный ответ. Довольно долго меня интересовало еще одно обстоятельство. Зачем Хардингу было находиться так сильно слева при съемке фильма? Просто чтобы оказаться поближе к дверям в сад или по другой причине? На самом деле он не хотел, чтобы эти двери из сада в кабинет попали в кадр. Когда он делал утреннюю съемку, то через двери в кабинет Маркуса проникал дневной свет. Вчера был очень солнечный день. Эммит соответственно тоже должен был находиться сбоку и иметь тот же угол во время ночного представления. К этому выводу пришел и Эллиот в ту минуту, когда я расспрашивал о фотолампе.

Эллиот что-то проворчал. Фелл, отложив в сторону давно погасшую трубку, взял кружку с пивом и одним глотком осушил ее.

- Теперь давайте сделаем мучительное резюме из тягостного дела Джоржа Хардинга и Мэрджори Уилз.

Несколько месяцев назад Хардинг спланировал серию хладнокровных, изобретательных и варварских преступлений с единственной целью - добиться материального благополучия. Задача первого преступления для него заключалась в том, чтобы показать: кто бы ни оказался убийцей в Содбери Кросс, это был не он, Джордж Хардинг. Это не новость. Такой подход был заложен в преступную практику уже в прошлом. Вы то и дело вспоминали случай с Кристианой Эдмондс в 1871 году. Я уже говорил Эллиоту, что эта история несет в себе мораль. Некоторые из вас все время спорили, но никак не хотели увидеть в ней здравого зерна. Не подумайте только, что мораль, мол, такова: "Остерегайтесь женщины, которая преследует врача" Нет. Мораль в другом: "Остерегайтесь человека, который слепо убивает невинных, чтобы доказать, что отравитель не он". Именно так поступила Кристиана Эдмондс. Именно так поступил и Джордж Хардинг.

В своем потрясающем тщеславии, сравнимом, пожалуй лишь с тщеславием Пальмера и Причарда, он уверовал, что сможет вить веревки из Мэрджори Уилз. Признаю сразу, причины для этого имелись. Женщина, готовая оплатить расходы за долгие каникулы, может быть квалифицирована как снисходительная и слепо любящая, и если хоть что-то сможет служить ему утешением, когда плачет отправит его в мир иной, так это то, что он законный супруг бесхребетной женщины.

Маркус Чесни был очень богатым человеком. Мисс Уилз его наследница. Но пока Чесни жив (а он был очень энергичным и крепким человеком), Хардингу было трудно рассчитывать, что он получит из этих денег хоть один пенс. Он понимал это с самого начала, и, вероятно, Чесни не оставил ему никаких иллюзий на этот счет. Хардинг искренне желал запустить в широкое производство свое изобретение по электроплатинаду. Он считал себя великим человеком, который просто "обязан достичь этого", любой ценой. Поэтому Маркус должен был быть устранен.

Подозреваю, что, познакомившись с мисс Уилз, он рассуждал именно так. Следовательно, в Содбери Кросс "проник" отравитель. Одевшись понезаметнее, он нанес визит в лавку миссис Терри, изучил расположение прилавков и конфетных коробок. Во время другого визита через несколько дней ему удалось подменить коробки. Он специально использовал стриженин: это один из тех ядов, которые не используются в химических лабораториях. Неизвестно, где он купил его, но нет ничего странного, что полиция не пошла по этому следу, ведь она никогда не слышала о химике Джорже Хардинге.

- Благодарю вас, - вставил майор Крау.

- Мы не знаем, каков был его первоначальный план устранения Маркуса Чесни, - продолжал Фелл. - Но тут, словно подарок с неба, ему представилась возможность отравить его с его же помощью! К тому же, поскольку Чесни угадал способ отравления конфет в кондитерской лавке, Хардингу пришлось торопиться. По иронии судьбы Чесни ни секунды не подозревал Хардинга. А тот никак не мог допустить, чтобы Маркус в своих выводах пошел дальше, он стал бы опасен. Беспокоило Хардинга и еще одно обстоятельство. Чтобы довести задуманное дело до конца, он нуждался в яде, который действует мгновенно и парализует голосовые связки жертвы, чтобы та не могла говорить. Значит, он должен был использовать один из цианидов. Но подозрения в таком случае могли пасть и на него - ведь ему приходилось работать с цианистым калием.

Он вывернулся из этого затруднения с удивительной ловкостью. Сегодня я уже заметил вам, что Хардинг не брал яд из своей лаборатории. Это правда. Он изготовил яд здесь. Вы уже замечали, что во всем доме и в окрестностях витает аромат

горького миндаля. Ведь синильную кислоту очень трудно спрятать, ее запах очень силен. Но в Белгарде этот запах никогда не привлечет ничьего внимания. Изготовив синильную кислоту, он намеренно оставил часть ее в пузырьке в аптечке в ванной комнате. Этим намекал, что любой, мало-мальски знакомый с химией, может изготовить ее в домашних условиях и к тому же кто-то хочет направить все подозрения на него, химика Хардинга. Не сомневаюсь, что он подготовил очень убедительные объяснения для полиции.

- Это правда, - признал майор Крау.

- ... но я не думаю, что он сразу собирался направить все подозрения на Мэрджори. Это было глупо и опасно. Он хотел получить у девушки деньги, но не хотел, чтобы она угодила в тюрьму. Однако случайность привела к тому, что тучи стали собираться именно над Мэрджори. Хардинг обнаружил, что может использовать это к своей выгоде. У него появилась и причина: девушка явно начала охладевать к нему.

Было заметно, что первоначальный энтузиазм ее ослабел, она уже не смотрела на своего кавалера восхищенными глазами, к тому же она, возможно, уже начала смутно догадываться, что творится в душе ее жениха, разговаривала с ним резко и даже подумывала покончить с собой. Но, ослепленный тщеславием, Хардинг смутно понимал, что происходит. Он не хотел терять ее раньше времени, без толку рисковать. Женитьба была ему выгодней.

Он использовал испытанное средство - комбинацию нежности и страха. Вилбера Эммита он убил с помощью шприца, похищенного у вас, доктор Чесни. А на следующий день незаметно подкинул его в тайник шкатулки, принадлежащей Мэрджори. Девушка и без того была перепугана, а этим способом Хардинг вызвал в ней такой ужас, что она схватилась за свадьбу, как за соломинку, лишь бы еще кто-то взял на себя ее тревоги. Девушка сама сказала нам, что вышла замуж только потому, что хотела избежнуть ареста по обвинению в убийстве. Не сомневаюсь, что Хардинг живописно расписал, что ей грозит, и дал между прочим понять, что полиция расценит ее визиты в его лабораторию как попытку раздобыть яд. Но если ее арестуют, а она уже будет его женой, то он не обязан будет выступать против нее в качестве свидетеля. Джентльмены, когда начинаешь рассматривать ту легкую, спокойную, абсолютную и восхитительную наглость, с которой он обтягивал дело...

Виновато подпрыгнув, доктор Фелл неожиданно замолчал. Майор Крау издал предупредительный свист, и все присутствующие смущенно уставились на огонь в камине. В комнату входила Мэрджори.

Эллиот был поражен бледностью ее лица. Глаза ее блестели. Но она была спокойна, сдержанна, руки не дрожали.

- Не беспокойтесь, - проговорила она. - Продолжайте, пожалуйста. Я уже минут пять слушаю вас за дверью. Я хочу знать.

- Эх, - крякнул майор Крау и резко вскочил. - Вам не душно? Может, открыть окно? Или сигарету? Или рюмку коньяка?

- Возьмите подушку, - предложил доктор Чесни.

- Надеюсь, дорогая Мэрджори, - начал профессор Ингрэм, - если вы удобно устроитесь в кресле...

Девушка остановила его улыбкой.

- Со мной все в порядке, - сказала она. - Я не такая хрупкая, как вам кажется. И доктор Фелл прав. Джорж действительно все это сделал. А чтобы запугать меня, использовал даже книги по химии из моей комнаты. Я в свое время купила их, чтобы разобраться в его работе и ему помочь. А он спросил меня, что подумает полиция, когда обнаружит у меня эти книги. Хуже всего, что он знал... то же, что и инспектор Эллиот. Что я пытаюсь купить в Лондоне цианистый калий...

- Что-о? - вскрикнул майор Крау.

- А разве вы этого не знаете? - Мэрджори потрясенно уставилась на него. - Но... Но инспектор сказал... по крайней мере, дал понять...

Инспектор Эллиот так покраснел, что все все поняли.

- Ладно, ладно, - снисходительно заметил Крау. - Не будем об этом.

- И Джорж даже заявил, что меня будут подозревать в том, что это я убила дядю Маркуса во время представления. Он сказал, что ему известно, будто дядя Маркус написал доктору Феллу письмо, в котором просил, чтобы тот проследил за мной...

- Это верно, - сказал Фелл. - Он написал, что будет играть чисто и даст мне наводку: я должен взглянуть на все применительно к вам. Поэтому я так тщательно скрывал это письмо от впечатлительного суперинтенданта Боствика, пока не смог доказать, кто действительно виновен. Иначе бы мы пошли по неверному следу. Единственное, чего хотел ваш дядя, так это обмануть меня, впрочем, как и всех остальных, сделать вид, что доктором Немо был Вилбер Эммит. Но какое впечатление могло бы произвести это письмо на Боствика!..

- Пожалуйста, подождите, - торопливо проговорила девушка и скжала кулаки. - Не думайте, что я упаду в обморок, если услышу правду. Когда я увидела сегодня Джоржа, то есть когда он кричал, что его убили, я почувствовала к нему такое презрение, что мне стало плохо. И вот что я хочу знать: это был несчастный случай?

- А как же иначе?! - поперхнувшись, вскричал доктор Джо.

- А как же иначе?! Я бы с удовольствием застрелил этого негодяя! Но это действительно был несчастный случай. Клянусь, я не предполагал, что в револьвере пулья.

- Но доктор Фелл сказал...

- Извините меня, - смущенно перебил ее доктор Фелл. - Извините меня. Во время этого расследования я ни разу никого не обманывал ни словами, ни действиями, ни намеками; но в тот момент я был вынужден вас обмануть. Кругом были уши. И пронырливая Памела, и не менее пронырливая Лена подслушивала за дверью. Лена явно симпатизировала Хардингу и тут же побежала ему все рассказывать, а если бы тот узнал о моих сомнениях, он стал бы так осторожен, что никому и не приснится.

- Слава богу, - проговорила девушка. - Я боялась, что это ты.

- Я? - подпрыгнул доктор Чесни.

- Я боялась, что убийца - ты! Естественно, сначала я думала на профессора Ингрэма...

Ласковые глаза профессора округлились.

- Меня это очень удивляет, - заявил он. - Я, конечно, пользовался, но... но почему?

- О! Да из-за наших споров о совершенном с точки зрения психологии преступлении. Кроме того, когда я приехала к вам, осталась у вас на весь день и спросила, что вы думаете по поводу моей свадьбы с Джорджем, а вы устроили мне сеанс психоанализа и заявили, что я его не люблю, что он не мой тип... вот, я не знала, что и думать. Но вы были правы. Правы. Правы.

Доктор Фелл заморгал и повернулся к профессору.

- Вы устроили сеанс психоанализа? - спросил он. - И какой же тип мужчин ей подходит?

Мэриджори всхлинула.

- Никогда, - проговорила она сквозь зубы. - Больше никогда в жизни я не хочу видеть мужчин.

- За исключением присутствующих, надеюсь, - успокаивающе проговорил профессор Ингрэм. - Мы не можем позволить, чтобы у вас развился невроз. Я всегда считал, что невроз этого типа должен лечиться теми же методами, которые используют для упавших с неба, но не разбившихся летчиков. Чтобы они пришли в себя, их немедленно пересаживают в другой самолет и снова отправляют в небо. Ваш тип мужчины? Хм, хм. Поразмыслив, я сказал бы, что его качества соответствуют...

- Глупости! - отрезал майор Крау. - Ее тип мужчины - пол-ищейский. Вот, когда все это урегулируется, я обещаю вам, даю слово чести, что больше не буду вмешиваться в это дело. Это точно. Но я хочу сказать, что...

ОБ АВТОРАХ

Кристи Агата (1891-1976) - знаменитая английская писательница, классик детективного жанра. Ее первый роман "Таинственная история" был опубликован в 1920 году. За шесть десятилетий творчества создала 68 романов, более ста рассказов и 17 пьес. Произведения Агаты Кристи переведены на 103 языка и популярны во всех уголках земного шара.

"Хиккори-Диккори - смерть" - один из серии романов, посвященных бельгийскому сыщику-любителю Эркюлю Пуаро, почти столь же постоянному и любимому герою Агаты Кристи, как мисс Марпл.

Карр Джон Диксон (1906-1977) - один из классиков детектива, известный на Западе так же широко, как Агата Кристи, Честертон и Дж.Х.Чейз, и, к сожалению, почти не известный у нас. Родился в Пенсильвании в семье юриста, большую часть жизни провел в Англии, создал более пятидесяти романов, пьес, эссе, несколько десятков новелл, в которых мастерски сочетал логическую интригу и интеллектуальную силу, присущие английской школе жанра, с динамикой и напором североамериканской школы.

"Черные очки" (1939 г.) - один из его романов о докторе Дж.Фелле, блестящем сыщике-любителе, наделенном внешним видом и характером любимого карровского писателя Г. К. Честертона.

СОДЕРЖАНИЕ

Агата КРИСТИ. Хиккори-диккори-смерть!	
<i>Перевод с английского Дм. Зиловянского</i>	3
Джон Диксон КАРР. Темные очки.	
<i>Перевод с английского Глеба Надеждина</i>	167
Об авторах	351

Два романа об отправителях.

Подписано к печати 15.03.92. Формат 84×108/32.
Гарнитура тип Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 21,8. Тираж 100 000 экз.
Заказ 1747.

Издательство «Библиотека «Звезды»:
191028, г. Санкт-Петербург, Моховая, 20.

Оригинал-макет изготовлен АО «Механобр инжиниринг компьютерс». 199026, г. Санкт-Петербург, 21-я линия, 8а. Тел.: 217-55-53.

Отпечатано с оригинала-макета в объединении «Печатный Двор»: 197110, г. Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

